МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

INTER ПОЛИЦИЯ

"Последняя сволочь"
роман
Шарля Эксбрайя

ОПЕРАЦИЯ "ЗВЕРЬ" ЗАВЕРШЕНА

ОНА УБИВАЛА ТОЛЬКО МУЖЧИН

ГРУППЕНСЕКС СО ШПИОНОМ

ФИНАНСОВО ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ

"ЗАПАД-ВОСТОК"

совместно с входящими в нее специализированными оружейными предприятиями готова сотрудничать с заинтересованными фирмами в разработке, производстве и поставке оружия самообороны.

АДРЕС КОМПАНИИ

196135 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ УЛ.КУЗНЕЦОВСКАЯ,19 ТЕЛ/812/296 3294 /812/130 6335

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

МОСКВА – БЕРЛИН – ВАРШАВА –
ЛОНДОН – ПАРИЖ – РИМ – КАИР –
ИОГАННЕСБУРГ – СИДНЕЙ – ТОКИО –
БУЭНОС – АЙРОС – НЬЮ-ЙОРК

Главный редактор
Борис ГУРНОВ.

Главный художник
И. ЛЕОНОВ.
Технический редактор
Т. СКЛЯРЕВСКАЯ.

Издатель: редакция журнала «JnterПОЛИЦИЯ», АО «БЕАТА» и АО «ДЕАЛ»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. За достоверность фактов и их оценку ответственность несут авторы.

На первой странице обложки: захват банды рэкетиров милицией Киева. Фото из журнала «Ньюс Уик» (США).

В НОМЕРЕ:

Лоллий ЗАМОЙСКИЙ

ОПЕРАЦИЯ „ЗВЕРЬ" ЗАВЕРШЕНА

КАК ПОЙМАЛИ МАФИОЗО № 1

Арестован Сальваторе Риина по кличке Тото, «Капо ди тутти капи», главарь главарей «Коза ностры» — сицилийской, а значит, и мировой мафии. На совести этого «мафиозо № 1» убийства почти ста пятидесяти человек.

Италия ждала этого 23 года. С того времени, как заочно приговоренный к пожизненному заключению Риина скрылся и из подполья руководил все эти годы целой империей преступности. И ждала этого не только Италия. Во многих странах, и прежде всего в США, куда главным образом перекинулись метастазы «Коза ностры», раковой опухоли сицилийской ма-

фии, тысячи людей вздохнули с облегчением. Вздохнули с надеждой на то, что этот арест, может быть, станет долгожданным переломом в борьбе за освобождение мира честных людей от кровавой хватки преступного мира.

Столица Сицилии — Палермо. Утро. На улице, которая тянется вдоль кварталов Сан-Лоренце, Ноче, Удиторе на восток и переходит в дорогу, ведущую в Мессину, обычная утренняя суета. В магазинчиках готовят пакеты с продуктами для постоянных клиентов. Рассыльные, которые вскоре понесут их по адресам, пока еще покуривают на углу, греясь на солнце. Студенты в джинсах и кроссовках, присев у стены, листают конспекты. Рядом парочка хиппи — волосатые и нечесаные, они, передавая друг другу, сосут одну сигарету, наверное, с «травкой». Тут же почти наголо обритый субъект. Парикмахер оставил ему на черепе лишь небольшой хохолок — как у индейца, собирающегося на тропу войны. Но у этого вид самый миролюбивый. Он задумчиво перебирает свою видавшую виды походную сумку, раскладывая для продажи нехитрый товар: цепочки, серьги, брошки из гнутой проволоки и прочие самодельные «ценности». Покупателей пока нет. Утренние прохожие спешат на работу или в бар, пропустить чашечку крепчайшего кофе, который готовить на «континенте», как на Сицилии, конечно же, не умеют.

А машин на улице уже много. Вот уже в третий раз медленно проезжает «ситроен». Марка — «дзета-икс». За рулем — молодой шофер, внимательно озирающийся по сторонам. Теперь он, видимо, ищет стоянку. Так и есть, вклинивает машину невдалеке от молочного фургона. Шофер вылезает, разминает ноги и по-прежнему внимательно осматривается. Особенно внимательно смотрит на фургон. Тот стоит здесь уже не первый день. Видимо, неисправен и ждет ремонта. Шофер внимательно ощупывает глазами всех, явно «проверяется», нет ли «хвоста». Видимо, успокоился — нет. Он снова садится в машину, теперь уже сосредоточенно глядя в зеркальце заднего обзора.

А вот и «сам». Шофер заметно напрягается, когда замечает, что из переулка появляется кряжистая, нескладная фигура пожилого человека маленького роста. Брюки мятые, пиджак мешком, шарф намотан вокруг толстой шеи. Типичный «виддани» — деревенщина. Только кнута не хватает в руках. Но когда неказистый с виду мужичок, припадая на одну ногу, приближается к «ситроену», шофер быстро выходит, услужливо распахивает дверцу. В машину протискивается квадратная, как у бычка, голова с короткой стрижкой волос, уже крепко тронутых сединой. Мужчина молча устраивается на заднем сиденье, кладет на колени сильные, загорелые руки и вздыхает. Его тяжелый взгляд устремлен вперед, на дорогу. «Ситроен» трогается с места.

Хиппи провожают его, казалось бы, безразличными взглядами. «Пожалуй, он»,— говорит один из них. Другой резко отбрасывает сигарету, встает и направляется к безжизненному фургону — молоковозу, который, хотя этого никто не знает, все эти три дня обитаем. В нем работают двое. Один по телеустановке наблюдает за отъезжающим «ситроеном». Другой тихо говорит в микрофон портативной рации: «По всем признакам, это тот самый. И прихрамывает. Да, уходит». Небольшая пауза,

после которой через шумы эфира из Рима поступает приказ: «Действуйте!»

С двух соседних автостоянок вслед за «ситроеном» рванулись две невзрачные, но весьма резвые машины. За ними подкатила третья. «Хиппи», «студенты», «индеец» прыгнули в нее на ходу. Набирая скорость, все три машины спешат не отстать от маячащего впереди «ситроена». Когда они нагоняют его у следующего перекрестка, одна из машин проскакивает вперед и заставляет «ситроен» остановиться. Две других блокируют его по бокам. Дальнейшее происходит «как в кино», но только по-настоящему. «Крестьянин» почти одновременно услышал щелчок распахнутой дверцы и ощутил на щеке холод дула приставленного пистолета. В грудь молодому шоферу уперлись два автомата в руках недавних хиппи. Щелкнули наручники. На голову «крестьянина» набросили мешок, из-под которого послышалось довольно спокойное: «Браво, полиция! Чисто сработано».

Не столько внешность этого человека — у властей была лишь его фотография двадцатилетней давности,— сколько его голос подтвердил полицейским, что они арестовали именно Риину. В последнее время они не раз слышали его, когда перехватывали телефонные разговоры боссов мафии. Более двадцати трех лет безуспешных поисков, облав, выслеживания, бессонных ночей, постоянных разочарований, а затем напряженного ожидания развязки. Даже тогда, когда флажки полицейской охоты сузились вокруг хищника до размеров одного городского квартала, у полиции не было уверенности в том, что он не уйдет подземными ходами, которыми не раз уходил в прошлом.

И вот он, этот миг! Поймали! Удача неслыханная! Преследователи победили, они ликуют и в то же время несколько даже разочарованы: все случилось так просто, без перестрелки, погони и сопротивления.

Впрочем, это хорошо, что без перестрелки. Слишком много людей, принимавших участие в борьбе против мафии, заплатили за это своей жизнью, и сколько еще трупов мог оставить на своем пути этот человек, если бы его не схватили.

Одним из первых допрашивал Риину заместитель командующего отрядом специального назначения (РОС) корпуса карабинеров полковник Марио Мори.

— Ну и каковы ваши впечатления? — спросили его журналисты.

— Глядя на Риину, нельзя не поражаться,— сказал полковник.— На вид это тихий, благоразумный человек, которому не чужды ни нормы человеческой морали, ни сантименты. Когда я вошел в комнату, он почтительно встал. И не садился до тех пор, пока я его об этом не попросил, прежде чем приступить к допросу. И он поблагодарил меня за это.

Если бы я не знал, кто передо мной, то вполне мог бы принять его за очень неплохого человека.

Вот ведь как порой может быть обманчива человеческая внешность.

— А может быть, он и в самом деле не такой уж и дьявол? — спросил кто-то из журналистов.

— На это скажу лишь одно,— ответил Мори, — никто и никогда не сможет подсчитать, сколько людей убил он сам и скольких приказал отправить на тот свет с помощью служивших ему убийц.

Первый допрос Риины проводили в полицейском управлении столицы Сицилии. Там его прежде всего впервые за двадцать с лишним лет сфотографировали в профиль и анфас. Внешне он был очень спокоен, но когда вдруг увидел на стене портрет, растерялся и опустил глаза. Это был портрет генерала карабинеров Далла Кьеза. Мужественное и доброе лицо, знакомое и ему, и всей Италии. Это он, Карло Альберто Далла Кьеза, сумел покончить с терроризировавшими всю страну бандитами из «красных бригад». Он же помог упрятать за решетку убийц бывшего премьер-министра Альдо Моро, популярного в народе лидера христианских демократов.

Подлинный рыцарь без страха и упрека, любимец всей Италии, абсолютный, стопроцентный профессионал, верховный комиссар «Антимафии», он вместе с молодой беременной женой был буквально изрешечен пулями, как только приехал к месту своего нового назначения префектом Палермо.

Приказ о расстреле отдал Сальваторе Риина, ставший к тому времени главою «Купола» — верховного совета «Коза ностры», состоящего из наиболее влиятельных боссов силицийской мафии.

Тон в том совете и в итальянской мафии вообще традиционно задавали корлеонцы, выходцы из небольшого сицилийского городка Корлеоне. Так что в смысле происхождения, образования и предшествующей трудовой деятельности «анкетные данные» Тото были по критериям «уважаемого общества», так сами себя называют мафиози, безукоризненными. Родился и рос в многодетной семье бедного корлеонского крестьянина. И был бандитом с тех пор, как себя помнит. До десяти лет он еще как-то учился в школе, помогал отцу по хозяйству и бандитизму в шайках себе подобных отдавал лишь свободное время. После десяти, бросив школу, сделал это дело своим основным занятием, своей профессией, в которой степень профессионального риска намного выше, чем у каскадеров, космонавтов и летчиков-испытателей вместе взятых. Ведь помимо обычных опасностей, которым подвергаются грабящие окружающих честных людей бандиты всех стран, итальянские мафиози вообще, а сицилийские в особенности, во сто раз более рискуют быть покалеченными и убитыми в междоусобной борьбе соперничающих кланов и банд.

Выживают, а тем более побеждают в этой борьбе не столько самые сильные, сколько самые хитрые, изворотливые, цинично-жестокие и абсолютно беспощадные. Те, кто тверже других помнит и чаще применяет «золотое правило»: «Прав тот, кто стреляет первым».

Сальваторе Риина, прозванный «Тото» — «коротышкой», несмотря на малый рост, всего 157 сантиметров, усвоил эту науку блестяще. Ему еще и повезло в том, что с детства судьба забросила его именно в банду Лючано Лиджио, которому со временем было суждено стать главою «Купола», «боссом боссов» сицилийской мафии — «Коза ностры».

Впрочем, в этом роль судьбы была далеко не определяющей. Главное, что обеспечило Лиджио путь на вершину «Купола», была расчетливая, безжалостная жестокость, с которой он уничтожал всех конкурентов. И рядом с ним всегда был Тото Риина.

Но были и другие. В Корлеоне, где живут 15 тысяч человек и функционируют более ста церквей и, пожалуй, столько же постоянно соперничающих семей мафии, судьба не дарила Лиджио и его сообщникам

ничего. Каждую ступеньку пути наверх они должны были брать с боем. Начиная с родного Корлеоне, где для того, чтобы стать первыми, им нужно было убрать «стариков» и множество других не менее амбициозных конкурентов из числа своих сверстников. Первым они убили Микеле Наварра, врача, который был корлеонским «капо мафиа». За ним в мир иной отправились многие другие, которых убивали с такой жестокостью, что даже в далеко не сентиментальной среде мафиози Лиджио, а впо следствии и Риину называли «зверьми».

Став первой в Корлеоне, банда Лиджио начала столь же кровавую войну за завоевание власти над преступным миром Палермо и всей Сицилии. Война эта была не за власть ради самой власти, а за те гигантские прибыли, которые приносили организованной преступности рэкет, проституция, азартные игры и такие самые доходные ныне промыслы, как торговля наркотиками и оружием. Это была война и за влияние на все более высокие сферы государственной власти, вплоть до самого Рима.

О том, сколь много преуспела в этом банда Лиджио, свидетельствует то, что ее главарь был в числе заговорщиков — политиков и высокопоставленных военных, которые в 1973 году готовили в Италии государственный переворот.

Путч не состоялся. Высокопоставленные коллеги Лиджио по заговору были разогнаны, некоторые попали под суд. И через некоторое время уже за собственные мафиозные дела сел в тюрьму и он сам. Лиджио обвинили в убийстве и осудили на пожизненное тюремное заключение. Люди, знающие Италию, расценили это как лишнее свидетельство того, что главари мафии властям известны и остаются на свободе до той поры, пока находятся в силе их высокопоставленные покрыватели.

Итак, «король» «Коза ностры» пусть и не умер, но оставил свой трон, судя по всему, навсегда. Но кричать «ура!» новому «королю» коллеги по «Куполу» не спешили. Бесспорного престолонаследника не было. Как в старину московские бояре, начали мериться меж собой преступной знатностью такие известные династии корлеонских бандитов, как семьи Бадаламенти, Провенциано, Индзерилло, Риккобоно, Бонтате, Ди Маджио.

Лючано Лиджио, продолжавший и из тюрьмы оказывать на дела «Коза ностры» немалое влияние, предпочитал видеть своим преемником человека из клана Провенциано. «Коротышке» — Тото Риине, не имевшему в ту пору ни столь громкого имени, ни силовой поддержки мощного семейного клана, стать «боссом боссов», казалось, тогда совсем «не светило».

«Родовитые» соперники в своей междуусобной борьбе поначалу не принимали его всерьез. И, как оказалось, совершенно напрасно...

«Коротышка» оказался редким стратегом. Забыв на время о правиле «стрелять первым», он начал играть на противоречиях и соперничестве воевавших друг с другом кандидатов в престолонаследники. Умело интриговал и, стравливая их, заставлял взаимоуничтожать друг друга до той поры, пока не стал с ними вровень. И вот тогда он начал стрелять, показав, что в соревновании на быстроту реакции у него соперников нет. Первым неизбежно стрелял он и его люди.

Один за другим представители самых «уважаемых» семей «уважае-

мого общества», становились жертвами «неизвестных убийц».

После того как был убит один из главарей клана Индзерилло, братья убитого потребовали созыва «комиссии» (и так тоже называется «Купол» — верховный совет боссов «Коза ностры»), чтобы разобраться в том, что происходит.

Собрались в Фаварелле — имении братьев Греко, неподалеку от Палермо. Сантино Индзерилло, поддержанный Колоджеро Ди Маджио, потребовал от «комиссии» объяснений, кто и за что убил его брата. Он был очень взволнован и в гневе бил кулаками по столу. Собравшиеся боссы успокаивали его, советовали оставить и забыть это дело. Сантино не унимался и требовал докопаться до правды. Это нарушение спокойствия собравшихся уже раздражало, и они начали многозначительно переглядываться. Многие знали, что перед начал заседания Риина намекнул своему водителю и «киллеру» Гаспаре Мутоло, что обстоятельства могут осложниться, так что Индзерилло и Ди Маджио «возможно, придется убрать».— «Ждите сигнала».

«Когда он такой сигнал подал,— рассказывал позже Мутоло, я и трое других наших ребят накинули на шею Ди Маджио веревку, а Антонио Мадони со своими парнями точно так же задушил Индзерилло».

«Убитых мы тут же раздели, сунули в мешки из-под мусора и отнесли в багажники машин. Потом мы отвезли их в сарай, где у нас была печка, в которой мы сжигали трупы. Этим там занимался Риккобоно, который научил это делать и меня. В то время мы еще не умели, как теперь, растворять трупы убитых в кислоте. Мы их жгли, иногда остатки отдавали свиньям. Это у нас называлось «мясокомбинатом».

После того как Риина «убрал» Индзерилло и Ди Маджио, пришел черед Бадаламенти и Бонтате. С ними расправился молодой Джузеппе Греко по прозвищу «Ботинок». «Ботинок» обожал это дело. Он убивал артистически, вкладывая в убийство намного больше эмоций и страсти, чем требовал здравый смысл. Замыслив, например, убить людей в машине, он не подходил, как другие, к ней сбоку, а обязательно на глазах у всей улицы вскакивал на верх автомашины намеченной жертвы и убивал, стреляя себе под ноги сквозь крышу. Он был любимым «киллером» Риины. Но едва «Ботинок» начал чуть заноситься, «Коротышка» без колебаний мгновенно лично наказал его, убив выстрелом в затылок.

Следующим из представителей «уважаемых» кланов «уважаемого общества», который позволил себе «высунуться» и мгновенно поплатился за это, стал Стефано Бонтате. Взбешенный постоянными провокациями клана Риины, он имел неосторожность на очередном заседании «комиссии» в Фаварелле воскликнуть: «В следующий раз я застрелю его прямо здесь, перед лицом «комиссии».

Не застрелил. Риина выстрелил первым. Не сам, конечно, а через убийцу, которого, естественно, не нашли.

Гаэтано Бадаламенти не стал ждать, когда придет его черед погибнуть «при невыясненных обстоятельствах», и бежал с Сицилии к своим родственникам в США. Но вскоре убийцы из «Коза ностры» достали его и там.

Жизнь мафиози — постоянная война. Гарантий выжить — никаких. Но зато пышные похороны каждому из них обеспечены.

Операций по захвату Риины организовывали многократно. И каждый раз он уходил. Взяли его тихо и незаметно на оживленной улице. В полиции «Коротышке» очень не хотелось фотографироваться у портрета убитого им генерала.

У мафии существовала давняя традиция — по большим религиозным праздникам, во избежание необратимого раскола организации, объявлять амнистию согрешившим членам «уважаемого общества». Риина всегда старательно подчеркивал свою религиозность и верность традициям. И вот как однажды он доказал это на деле. Заранее объявил, что решил пригласить представителей всех кланов вместе встретить Рождество. Отпечатал и разослал роскошные пригласительные билеты.

«Дружеская компания собралась, как всегда, в имении Фаварелла,— рассказывал личный шофер Риины, Мутоло.— Стол был богатым, выпивка — обильной. Расслабленные вином и праздничной обстановкой, гости настроились на крайне благодушный лад. Пели, болтали, гуляли по лугам имения. А Розарио Риккобоно (тот самый, что был главным специалистом на «мясокомбинате» и обучал Мутоло тонкостям сожжения трупов), по своему обыкновению, прикорнул в кресле. И вот по сигналу Риины его разбудили, и, когда он открыл глаза, ему накинули на горло веревку. Это сделали Джузеппе Гамбино, Антонио Мадони и неизменный «Ботинок» (тогда он еще был жив). Гамбино, наклонившись к уху Риккобоно, произнес традиционную фразу: «Саруццу, на этом твоя песенка спета». И его задушили.

Одновременно началась расправа с его сторонниками. Некоторые пытались бежать. Бойня продолжалась на лугу и в садах имения Греко. Все люди Риккобоно, откликнувшиеся на приглашение Риины, были в тот день выловлены и убиты. После этого их трупы бросили в бочки с кислотой и растворили».

«Уважаемое общество» содрогнулось, еще не зная о том, что бойня только началась. Вот что рассказывал тот же Гаспаре Мутоло:

«После расправы в Фаварелла группы людей на автомашинах начали охоту на других членов клана Риккобоно и близких к ним семей. В баре «Сингапур-2» были убиты Филиано и Канелла. Расстреляны Нери и Нессери. В тот же вечер сын Джузеппе Лауричеллы, видя, что мать обеспокоена долгим отсутствием отца (он тоже был уничтожен), вышел на его поиски и не вернулся».

В ту «ночь длинных ножей» Риина был зорок и беспощаден. Отныне главные его конкуренты были либо уничтожены, либо рассеяны. Он и потом истреблял оставшихся одного за другим, объясняя это, как и все диктаторы, тем, что они готовили против него заговор. После этого внутри «Коза ностры» уже не осталось никого, кто мог бы противостоять «Коротышке», оказавшемуся самым хитрым, самым жестоким и кровожадным из корлеонцев.

Покончив с оппозицией внутри «Коза ностры» и став безраздельным лидером «Купола», Риина с той же решительностью и жестокостью обратился к борьбе против всех тех, кто пытался противостоять мафии на всех уровнях политической, экономической и общественной жизни не только Сицилии, но и всей Италии.

«Мы всем им обломаем рога!» — заявил он. И это были не пустые слова.

Все предшествующие годы мафия, делая свои деньги и ведя внутренние войны, стремилась не задевать должностных лиц, полицию и уж тем более не трогала политиков высокого ранга. Теперь же все стало иначе.

Кто-то хочет помешать «уважаемому обществу» зарабатывать на подрядах на строительстве дорог и домов? Хочет органичить рэкет? Пытается не допустить отмывания «грязных денег» и внедрения мафии в «чистый» бизнес? «Коза ностра» не допустит этого!

И вот по приговору «Купола» одного за другим убивают секретаря организации партии христианских демократов Палермо Микеле Реину, президента Сицилийской области Пьерсанти Маттареллу, судью Чезаре Терранова. Вскоре под пулями мафии пал депутат — коммунист Пио Ла Торре, предложивший принять закон о судебной ответственности только за одну принадлежность к мафии. Был убит и шофер депутата.

Ла Торре был очень популярен в народе — человек с ослепительной улыбкой, глубоким умом и огромным обаянием. Потребовалась его жизнь, чтобы итальянский парламент решил наконец принять это закон. Он носит имя Ла Торре, и позволяет властям Италии арестовывать членов «Коза ностры» без необходимости собирать дополнительные улики.

Тогда же в Сицилию был направлен Далла Кьеза. Его назначили верховным комиссаром «Антимафии», комиссии по борьбе с «Коза ностро́й». Генерал круто взялся за дело. Поднял для проверки счета мафиози. Достал из архива компрометирующие мафию документы, упрятанные туда продажными чиновниками, которые спелись с преступниками и помогали им убегать от облав. Генерал вселил уверенность в отважные сердца тех, кто был готов бороться с этой вековой язвой Сицилии, порабощенной мафией, и не верил в непобедимость преступного мира.

Вот тогда-то «Коротышка» с помощью продажных чиновников и начал охоту за отважным генералом. 3 сентября 1982 года люди Риины подстерегли его и расстреляли вместе с молодой очаровательной женой — Эммануэлой Сетти Карраре.

Риина торжествовал. Уверовав в свою неуязвимость, он словно с цепи сорвался. Вслед за Далла Кьезой им были уничтожены прокурор Гаэтано Коста, магистрат Чаччо Монтальто, главный прокурор Палермо Рокко Кинничи, следователь Джованни Монтанато, руководитель подвижной полиции сицилийской столицы Нинни Кассара и двое самых популярных в Италии судей — Джованни Фальконе и Паоло Борселино, собравших 22 тома документов, изобличающих преступления мафии.

Усилиями главным образом судьи Фальконе в декабре 1987 года состоялся беспрецедентный макси-процесс против мафии в Палермской тюрьме «Уччардоне». Вокруг скамьи подсудимых на 400 человек там была сооружена невиданных размеров стальная клетка. А для содержания арестованных мафиози был выстроен специальный бетонный бункер, охранявшийся армейскими подразделениями с бронетехникой. Подсудимые на том суде получили в общей сложности 2665 лет тюремного заключения, 19 боссов мафии были отправлены в тюрьму пожизненно.

После процесса судья Фальконе усиленно «копал» дальше и, склонив к сотрудничеству некоторых бывших мафиози, все ближе и ближе подбирался к главному «крестному отцу». И тогда Риина отдал приказ о его уничтожении. 15 мая прошлого года мощный взрыв разорвал судью, его жену и телохранителей, когда они ехали в машинах из аэропорта Роза в Палермо.

Участь Фальконе разделил и судья Барселино: его тоже разорвало взрывом начиненной взрывчаткой машины у подъезда его дома.

Одной из последних жертв Риины стал убитый им незадолго до ареста Сальваторе Лима — депутат Европейского парламента, бывший

заместитель министра финансов Италии, близкий соратник экс-премьер-министра Андреотти, представлявший на Сицилии верховную власть страны.

Эксперты считают, что в общей сложности на совести Риины около 150 трупов. Вот почему английский еженедельник «Обсервер» назвал его одним из самых страшных преступников современности.

Но неужели же вся полиция, жандармерия, армия, наконец, всего государства так беспомощны, что в течение двадцати двух лет не могли поймать и обезвредить уголовника, ставшего уже государственным преступником? Ведь он распоясался настолько, что после макси-процесса в Палермо объявил открытую войну государству. И почему так робко и нерешительно действуют власти, позволяя Риине руководить целой империей преступности? Почему, формально находясь в бегах, он жил чуть ли не открыто? Женился, собрав на свадьбу кучу гостей. Жил с не скрывавшейся от закона женой и нарожал с ней кучу детей?

На эти вполне естественные и постоянно задаваемые вопросы знающие Италию люди дают определенный ответ: его поддерживали свои люди в «коридорах власти». Прежде всего на Сицилии. Не случайно ведь оттуда раздаются хорошо соркестрованные стенания об «ущемлении» прав Сицилии со стороны официального Рима. И о том, что постоянные полицейские и парламентские расследования мешают экономическому росту острова, успехам которого будто бы завидует север Италии. Часто слышатся стенания о том, что громкие показательные процессы над мафией роняют престиж Сицилии, унижают достоинство ее жителей, чернят обвинениями в сотрудничестве с преступниками ни в чем не повинных сицилийских предпринимателей и банкиров.

Именно вследствии такой обработки общественного мнения закончились практически ничем макси-процесс 1968 года над главарями мафии в Катандзаро и суд в 1969 году в Бари, перед которым, кстати, предстал и Риина, оправданный тогда из-за «отсутствия улик».

Общеизвестно, что на содержании мафии был сам мэр Палермо Чанчимино, равно как и значительная часть верхушки правящей партии христианских демократов Сицилии. Они явно попустительствовали мафии, которая со своей стороны обеспечивала им во время выборов более пятидесяти тысяч голосов избирателей в контролируемых ею районах.

Еще страшнее для общества были также не являющиеся тайной связи с мафией части аппарата полиции. Именно поэтому главари мафии, в том числе и те ее руководители, которые были объявлены в розыск, могли беспрепятственно разгуливать по улицам, собираться на праздники в ресторанах, отмечать свадьбы. После того как Риина якобы тайно сочетался браком с Нинеттой Багарелла, его жене с постепенно появлявшимися детишками разрешили жить в том самом доме, где они поселились после свадьбы. И откуда все они, явно предупрежденные, бесследно исчезли, когда туда нагрянули с облавой. Когда жена и дети появились вновь, полиция дала им разрешение заселить покинутый дом, объяснив это тем, что рано или поздно там появится Тото и его схватят. Шли годы. Появлялись новые дети, а их папа якобы в том доме так и не появлялся.

Известно, что почти все дома беглых мафиози имеют подземные

ходы. Риине, например, достаточно было приподнять одну доску пола в душевой — и жена могла спокойно открывать дверь для любой полицейской проверки. Но главное — это то, что на мафию в полиции безотказно работала система оповещения. Доказано, что на службе «Коза ностры» в Палермо находились два высших полицейских чина: квесторы Контрада и Д'Антони. Их удалось выявить совсем недавно, благодаря показаниям «расколовшихся» мафиози.

Полагают, что именно эти люди помогли Риине расправиться с отважным генералом Далла Кьеза. То же, вероятно, было и при убийстве судьи Фальконе. Кто, кроме служащих полиции, мог сообщить Риине не только державшуюся в строжайшем секрете дату и время прибытия Фальконе в Палермо, но и точный маршрут его поездки с аэродрома в город. Ведь именно это позволило преступникам заложить тонну взрывчатки в нужном месте дороги и взорвать ее точно в то время, когда с ней поравнялись автомобили судьи и его телохранителей.

У Риины все было «схвачено». Но почему же тогда столь безотказно действовавшая 22 года система его прикрытия и оповещения не сработала на двадцать третьем?

Этому есть два объяснения — внутреннее и внешнее.

Первое в том, что Риина явно перебрал в зверской жестокости по отношению к своим, посредством которой он поднялся на вершину «Купола» и поддерживал свою верховную власть в «Коза ностре».

Это пробило брешь в главной, никогда не пробивавшейся ранее линии круговой обороны «уважаемого общества», которой была «омерта» — закон молчания. «Певчая птичка долго не живет» — эту заповедь мафии буквально с рождения знает каждый сицилиец. Потому-то почти никогда ни у одного преступления, совершенного там даже открыто на многолюдной улице, не бывает свидетелей. Люди боятся, ибо знают: откроешь рот, «запоешь» — убьют. Если не тебя, то твоих родных. И особенно твердо помнят это все члены «уважаемого общества». Потому-то даже на смертном одре ни один мафиози раньше не «пел», не называл полиции имя своего убийцы. Молчал, даже зная, что умрет, ибо боялся за своих родных и близких.

Но Риина перебрал с жестокостью в своей среде. И угроза умереть за «песню» стала для некоторых мафиози злом меньшим, чем страх погибнуть во внутренних межклановых войнах абсолютно ни за что.

И появилось в вековой истории сицилийской мафии совершенно новое, абсолютно немыслимое ранее и крайне опасное для «Коза ностры» явление — «певчие птички» из своих. Иногда даже очень крупные мафиози, почувствовавшие со стороны своих угрозу расправы, начали приходить в полицию с повинной и с просьбой защитить от вчерашних коллег по «уважаемому обществу».

Когда-то одними из главных соперников банды Риины в борьбе за господство в Палермо были люди семьи Бушетта. Их Риина истребил почти всех. Остался Томазо, который, спасая свою жизнь, бежал в Латинскую Америку, но вскоре понял, что длинные руки «Коротышки» неизбежно достанут его и там. И тогда он решил, что единственное средство остаться в живых — это сдаться итальянской полиции, сотрудничать с ней и за это получить не только отпущение всех прежних

мафиозных грехов, но и новую внешность, новое имя и прочие гарантии сохранения жизни.

«Песни» Бушетты привели на скамью подсудимых сразу 366 крупных мафиози.

Информация, полученная полицией от бывшего мафиози Леонардо Мессина, дала возможность арестовать более двухсот бандитов.

Летом прошлого года в «песне» одного из бывших мафиози полиция получила информацию и о Риине. Розарио Спатола сообщил, что разыскиваемый полицией Тото находится в Палермо. «Внешне он выглядит мирным пенсионером,— сказал Спатола,— но именно он командует всей организацией «Коза ностра».

Чуть позже ряд важных деталей сообщил полиции корлеонец Джузеппе Макези. И, наконец, последние недостающие для полноты картины детали мозаики следствие получило от Бальдассаре Ди Маджио, который был арестован на севере Италии. Опасаясь мести Риины, тот даже ночью спал в бронежилете. Когда его арестовали, он даже обрадовался, поняв, что в дом ворвались настоящие полицейские, а не одетые в полицейскую форму «киллеры» его бывшего босса, у которого он в свое время служил шофером. Спатолу на военном «фальконе» доставили в Палермо, и там он указал места возможного нахождения Риины. Среди них был и тот квартал Ноче, где Риину выследили и взяли. Дали показания против Риины все три его бывших шофера.

Это все к первому объяснению причины ареста Риины. А второе — почему его не предупредили, как делали это раньше, и не прикрыли сверху — заключается в том, что в высших эшелонах власти в Риме произошли наконец какие-то благоприятные для страны и опасные для мафии перемены. Пало правительство, возглавлявшееся Андреотти, которого неоднократно обвиняли в связях с мафией. Пришел к власти новый президент страны — Луиджи Скальфаро, который не только провозгласил политику «чистых рук», но и отправил в отставку трех нечистоплотных министров. А «Куполе» новая власть ответила на убийство Фальконе тем, что тысяча триста бывших под судом мафиози, отпущенных ранее по разным причинам домой, были снова упрятаны в тюрьму.

Неужели лед, долгие годы сковывавший деятельность комиссии «Антимафия», тронулся? Дай-то бог! Но пока до настоящего, очистительного ледохода в этом деле Италии, и особенно Сицилии, еще очень и очень далеко.

Связи мафии по-прежнему пронизывают государственный аппарат страны, свидетельство этому — суперстрожайшая секретность орперации по захвату Риины, проводившейся абсолютно автономным спецподразделением, о деятельности которого даже в самых высших эшелонах власти практически не знал никто. Эта группа пользовалась не только специальным самолетом, но и специальным аэродромом и специальной линией связи.

Даже будучи за решеткой Риина, не говоря уже о возглавляемой им организации, по-прежнему чрезвычайно опасен. Даже арестованный, Тото, играя под благодушного старичка, очень старался разговорить схвативших его людей, настойчиво выспрашивал, кто они, откуда и как их зовут. Чтобы крепко запомнить их имена. А им от этих его вопросов

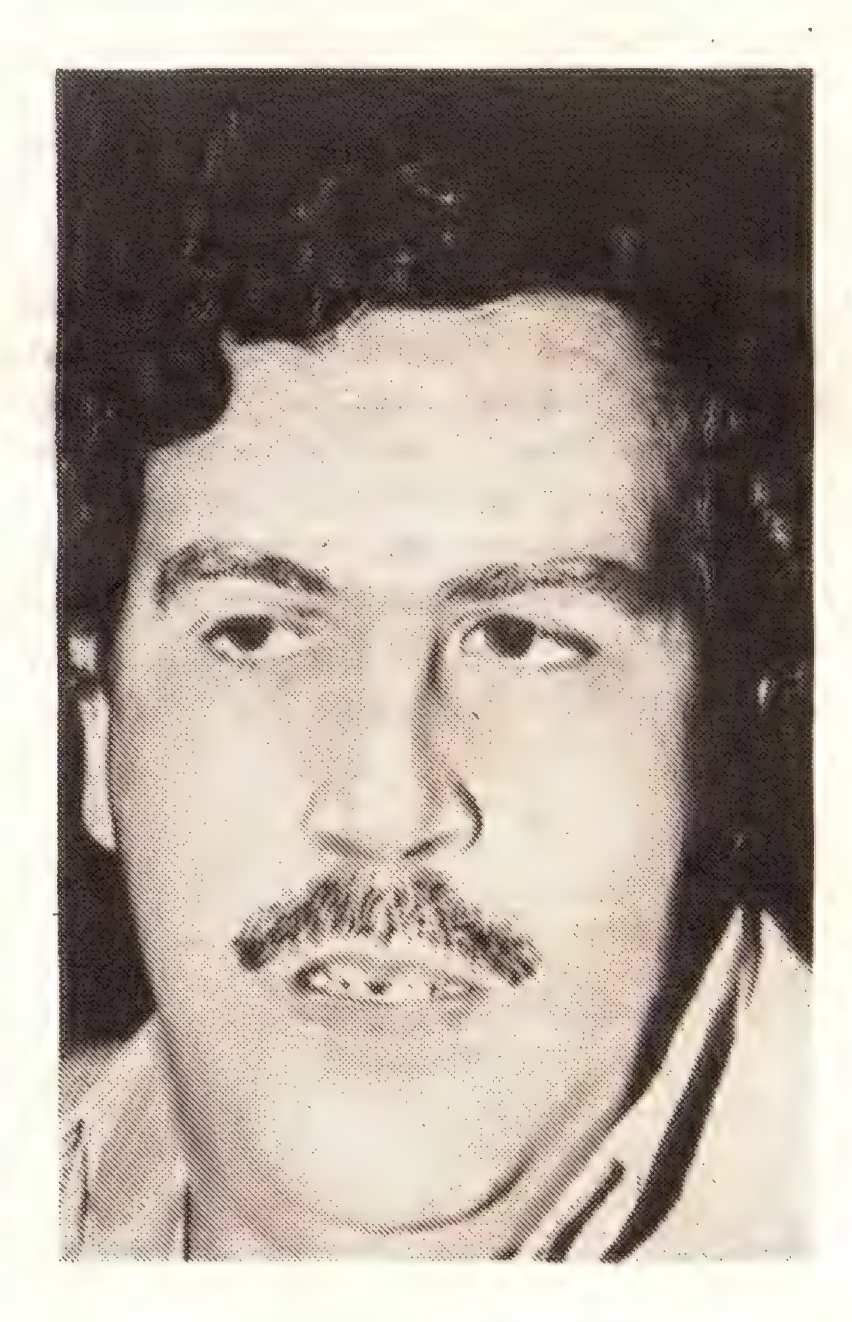
становилось жутко, ибо большинство из них видели, что делает мафия с теми, кто становится у нее на пути.

Потому-то, как ни старались газетчики и телевизионщики узнать имена героев «операции «Зверь», они их не узнают никогда. У мафии слишком длинные руки и долгая память. Поэтому все те отважные ребята еще долгие годы, а может быть, и никогда не стяжают лавров своей победы. Даже в официальных документах они останутся под псевдонимами: «Сокол», «Дракон», «Медведь», «Тень». А руководителя группы (в ее составе 15 человек) мы будем знать как «Ультимо» — «Последний».

Внешне играя под старого добряка, Риина на первых допросах держался крепко. Отрицал абсолютно все, не признавал, что имел какие бы то ни было отношения с Сальваторе Лимой, заявлял, что никогда не знал Бернардо Провенциано, вместе с которым вырос в Корлеоне, а потом некоторое время делил власть в «Куполе». Он отрицал, что знает своего шофера Джузеппе Маркезе и даже собственного шурина Багареллу.

Странно он как-то себя повел. Необъяснимо. Может быть, просто тянул время в надежде, что оставшиеся на свободе верные ему люди освободят своего «капо». Именно как приказ им об этом и угрозу расправы в случае неисполнения расценили все те, кто видел «Коротышку» в телеинтервью, его слова, явно обращенные к сообщникам по «Коза ностра»: «Пути Господни неисповедимы»...

WANTED



ПАБЛО ЭСКОБАР — «САМАЯ ДОРОГАЯ ГОЛОВА ПЛАНЕТЫ»

Из тюрьмы «Ла Катедрал» в колумбийском городке Энвигадо бежал «враг общества № 1» король кокаиновой наркомафии Пабло Эскобар, известный под прозвищами «Падрино» («Крестный отец») и «Доктор».

О том, какой была та тюрьма внутри и как в ней жилось уникальному заключенному, для которого, собственно, она и была построена, мы еще расскажем. Но внешне «Ла Катедрал» выглядел настоящей военной крепостью, пробиться через многослойные охранные зоны которой было практически невозможно ни извне, ни изнутри.

Построенная на вершине холма, опоясанного рядами колючей проволоки под током высокого напряжения, освещаемая мощнейшими прожекторами по ночам, она была окружена цепью фортификационных сооружений колумбийской армии с бронетехникой и зенитной артиллерией. Не говоря уже о том, что рядом размещается крупная военная база, контролирующая всю провинцию Антьокия, административным центром которой является Медельин.

И все-таки Эскобар бежал. Вернее, даже не бежал, а, как с горечью признал генеральный судебный инспектор Колумбии Густаво де Грейфф, «он вышел из нее, как тореро — пор ля пуэрта гранде» («через главные ворота»). И было это так.

В течение всего прошлого года Эскобар спокойно сидел в своей тюрьме — слово «своей» мы подчеркиваем не случайно. Но вот в парламенте Колумбии начали всерьез обсуждать вопрос о новом уголовном законе. В нем предписывалось освобождать из-под стражи всех заключенных и обвиняемых, которым в течение 180 дней не был вынесен судебный приговор. Правительство Колумбии чрезвычайно встревожилось. Ведь в этом случае возникала угроза выхода на свободу более восьмисот заключенных, подозреваемых в совершении особо опасных преступлений: убийств, террористических актов, контрабанде наркотиков. Под действие этой статьи подпадали и главарь «Медельинского картеля» Пабло Эскобар, и его главные подручные — братья Очоа. Их адвокаты сразу же обратились в прокуратуру с требованиями освободить своих подопечных.

Президент республики Сесар Гавириа собрал экстренное заседание правительственного кабинета, после чего ввел в стране чрезвычайное положение и заявил, что, пока он у власти, «ни один из опасных преступников не будет освобожден». Он направил на рассмотрение Национального конгресса проект закона, вносящего поправки и уточнения в спорные статьи нового уголовного кодекса.

Обстановка в стране обострялась, и власти сочли за благо позаботиться о более надежном содержании под стражей Пабло Эскобара и его приближенных. Тем более, что порядки, царившие в Энвигадо, давали все основания для беспокойства. Для секретного разговора с главарем «Медельинского картеля» о предстоящем ему в ближайшее время переезде в другую тюрьму в «Ла Катедрал» направились заместитель министра юстиции Эдуардо Мендоса де ла Торре и директор национального управления тюрем полковник Эрнандо Навас Рубио.

Первыми, кто заметил, что вокруг уже ставшей знаменитой тюрьмы творится что-то неладное, были местные журналисты. Ночью все подъезды к «Ла Катедрал» вдруг оказались перекрыты солдатами. По всей округе шли передвижения воинских подразделений. Ревя моторами, на холм к тюрьме вскарабкались армейские бронемашины. Затем появились грузовики с солдатами батальона, расквартированного в Медельине. За

ними последовали военные подкрепления из более отдаленных гарнизонов. И, наконец, уже к рассвету появился отряд спецназа. А утром началась такая пальба, будто в Энвигадо начинается третья мировая война.

А внутри тюрьмы «Ла Катедрал» тем временем события развивались так. «Мы с начальником тюрем,— рассказывал впоследствии Э. Мендоса журналистам,— поговорили с заключенными, объяснили им, какие в ближайшее время меры будут приняты по их переезду. Попрощались с ними и уже было направились к выходу, как вдруг Эскобар и все четырнадцать его сподвижников остановили нас, окружили и заявили, что нас вынесут отсюда только мертвыми. Один из людей Эскобара выхватил автомат «узи» и приставил его ствол к моей голове. Откуда-то вытащили припрятанный радиопередатчик, и в соседний Медельин доверенным людям Эскобара был передан приказ заложить в различных местах города бомбы.

Потом, когда волнение несколько улеглось, Эскобар сказал, что он не позволит, чтобы его переводили из этой тюрьмы и что теперь мы его заложники. Все это происходило в час или два ночи».

Около половины седьмого утра вспыхнула перестрелка, грохнуло несколько взрывов, замелькали одетые в хаки силуэты атакующих солдат. Это спецназ получил приказ освободить заложников. Гангстеры из-за тюремных стен ответили встречным огнем. Охрана тюрьмы в это время частью бездействовала, частью помогала заключенным отражать штурм защитников правопорядка. Кругом свистели пули. Заложники, уложенные на землю лицом вниз, смогли заметить, что Эскобар лихорадочно надевает противогаз. Затем такие же маски стали натягивать на головы и другие гангстеры. Когда дождь свинца несколько стих и высокопоставленные заложники решились поднять головы, то увидели вокруг только солдат спецназа. Бандитов и след простыл. В перестрелке погибли шесть охранников. Мендоса решил, что Падрино с сообщниками бежал из «Ла Катедрал» по тайному подземному ходу.

Впоследствии «стальные ястребы», как называют бойцов местного спецназа, прочесали каждую пядь земли вокруг Энвигадо и в окрестных горах. Но никаких следов «секретного туннеля» не обнаружили. Теперь полагают, что, когда спецназ пошел на штурм тюрьмы, Эскобар и его люди, быстро переодевшись в мундиры охранников, смешались с общей массой солдат, захватили армейский грузовик и, воспользовавшись неразберихой, благополучно улизнули.

За беглецами началась беспрецедентная по масштабам охота. Подняли на ноги тысячи солдат и полицейских. В Медельин и провинцию Антьокия спешно перебрасывали все новые и новые вооруженные формирования. Привлекли даже часть столичного гарнизона и морскую пехоту. Срочно прибыли в Колумбию и тоже участвовали в поисках самолеты и вертолеты ВВС США с военных баз в зоне Панамского канала. Они использовали для этого бортовые радиолокационные станции и приборы ночного видения. Но все усилия оказались тщетными. Эскобар словно в воду канул.

За его голову власти назначили награду в миллион долларов. Затем ее повысили до четырех миллионов. Потом до семи. И, наконец, сумма назначенной награды достигла десяти миллионов долларов!

Редакторы «Книги рекордов Гиннеса» тут же внесли имя колумбийского мафиози в очередное издание своего ежегодника: в истории мировой криминалистики это самое высокое вознаграждение, установленное когда-либо за поимку опасного преступника.

Десять миллионов долларов! Эта сумма эквивалентна зарплате президента Колумбии за... двести лет. И тем не менее Эйтан Корен, известный израильский эксперт по вопросам безопасности и бывший военный советник при колумбийском правительстве, считает, что и этих денег недостаточно. «Для того, чтобы найти и схватить Пабло Эскобара,— сказал он,— нужно как минимум 20 миллионов долларов и три года охоты на него. Эскобар — это самая дорогая голова планеты».

Но даже на такие фантастически бешеные деньги пока никто не польстился и вряд ли польстится. Ведь заработав миллионы, их надо еще успеть обратить в радости жизни, которые они сулят. У того же, кто рискнет попытаться получить эту награду, никакой надежды на это нет. Человек, выдавший Эскобара, не проживет и трех дней. Ибо у «Падрино» не только самая дорогая голова на нашей планете, но и самая длинная и тяжелая рука. Если за мафиозо №1, «крестным отцом» сицилийской мафии Сальваторе Рииной, числится около 140 убийств, то за Эскобаром почти вдвое больше — 240.

А начинал он свой преступный путь в захолустном городке Энвигадо, точь-в-точь как и Риина в Сицилии, с полуголодного нищего детства в многодетной крестьянской семье. Бандитом он был всегда, с той поры как себя помнит. Сначала в детских бандах промышлял мелким воровством. Подростком угонял автомашины. Потом воровал для перепродажи дорогие мраморные надгробья с могил городского кладбища. И уж потом занялся по-настоящему серьезным делом — контрабандой и сбытом наркотиков. Тогда же и начал убивать. Сначала он делал это сам, потом уже только выносил приговор, указывал цель, отдавал своим подручным приказ и платил за его исполнение.

Причина стремительного взлета «Доктора» в короли преступного мира, помимо его феноменальной жестокости, в том, что он едва ли не первым понял необходимость нового стратегического поворота в деятельности наркомафии. Его люди, оставив прежнюю торговлю сырьем и производство героина, перешли к массовому изготовлению куда более прибыльного кокаина и переброске его в США и Западную Европу. И еще залог успеха был в том, что Эскобар наладил свой бизнес с невиданным дотоле размахом и степенью вовлеченности в это дело подкупленных им политиков, государственных чиновников, высших полицейских начальников и прочих представителей власти.

Секретный альянс с властями требовал качественно нового этапа организации преступного мира. Эпоха разношерстных, разрозненных банд, часто грызущихся между собой, уходила в прошлое. И в самом начале восьмидесятых годов из них сформировались мощные «картели» — Медельина и Кали.

Время рождения «Медельинского картеля» известно точно — 1981 год. Агенты Федерального бюро США по борьбе с наркотиками (будем впредь называть его по английской аббревиатуре — ДЕА) заподозрили неладное в одной экспортно-импортной фирме в Майами. На ее складах скопилось слишком уж большое количество эфира, который наряду

с ацетоном является главным элементом для химической переработки кокаиновой пасты. Они скрытно поставили внутри двух бочек с эфиром миниатюрные радиопередатчики. Сигналы их принимали с орбиты разведывательные спутники. Бочки пересекли море, выгрузились в Колумбии и вскоре оказались в районе Льянос, в самом центре колумбийской Амазонки.

По наводке ДЕА туда нагрянули колумбийские «коммандос» и захватили врасплох гигантскую базу наркомафии — крупнейший промышленный комплекс всех времен и народов по производству кокаина, десятки зданий, в которых работали сотни химиков и рабочих, отряды вооруженных охранников, шесть аэропортов в окрестностях. На складах 14 тонн чистейшего порошка кокаина, уже расфасованного и приготовленного к отправке.

В руки правоохранительных органов попала также обширная документация «Медельинского картеля». Стало ясно, что руководит им Пабло Эскобар в союзе с главарями родственных, но довольно автономных престижных кланов: Родригесом Гачей, тремя братьями Очоа и Карлосом Ледером.

Несколько лет преступный синдикат преуспевал фантастически. Осложнения с властями возникали редко. Подписанный в 1979 году президентом Альфонсо Лопесом Микельсеном договор с Вашингтоном о выдаче США арестованных заправил наркомафии оставался мертвой буквой на дорогой бумаге. Дошло до того, что даже в колумбийской печати начали поговаривать о том, что стремительно растущее личное состояние президента республики Турбай Айяла «дурно пахнет» деньгами наркомафии.

Фантастические прибыли кокаиновой мафии вполне достаточны для того, чтобы покупать даже президентов. Личное состояние самого Эскобара одни сведущие люди оценивают в три миллиарда долларов, другие — в шесть, а некоторые считают, что он «стоит» аж двенадцать миллиардов долларов.

Перед жителями своего родного городка Энвигадо, да и расположенного в двадцати километрах Медельина, «Падрино» разыгрывает из себя эдакого современного колумбийского Робин Гуда, бескорыстного друга и благодетеля всех бедных, униженных и оскорбленных.

На грязные деньги Эскобара Энвигадо стал единственным городом Колумбии, где выплачивают крупные пособия по безработице, дают кредиты мелким торговцам и предпринимателям, обеспечивают бесплатными завтраками школьников (за их обучение родители там тоже не платят), выделяют много университетских стипендий. Для городской мэрии Энвигадо, не испытывающей никакого недостатка в средствах, отгрохали новое здание с дымчатыми стеклами, мозаичными панно по стенам и такими кабинетами, что не снились и столичным министрам.

Закрывая глаза на преступное происхождение денег своего благодетеля, местные власти безмерно рады тому, что «кокаиновый барон» снимает с их плеч часть тяжелейшего груза социальных проблем. В Медельине и Энвигадо практически все спортивные сооружения для молодежи из малообеспеченных семей и масса детских площадок построены на средства «картеля». Один из окраинных кварталов Медельина даже носит имя Эскобара: он выстроил здесь 600 благоустроенных домов

и переселил в них 1200 семей, каждой из которых досталось по три комнаты. Излишне говорить, что облагодетельствованные бедняки боготворят своего благодетеля. Люди «Падрино» часто приходят в тугуриос — городские трущобы — и раздают деньги всем, кто становится к ним в очередь. На деньги наркомафии в тугуриос проводят линии электропередач, водопровода, канализации. Кладут асфальт. Даже строят церкви.

«Дон Пабло щедр, как Христос»,— говорят бедняки, сыновья которых, соблазненные легкими деньгами, идут в наемники к хозяевам «картелей». Из них там в специальных школах готовят убийц. Группами по 50 — 80 человек их набирают в «академии», расположенные в отдаленных сельских местностях на землях, принадлежащих «баронам» поместий. Там опытные инструкторы в течение трех-четырех месяцев учат юношей не только технике физических расправ, но и обрабатывают их психологически в духе слепого, неукоснительного исполнения смертных приговоров, выносимых главарями «картеля». В качестве выпускного экзамена сикариос (так в Колумбии называют платных убийц) выезжают парами на «мокрое дело» и «гасят» конкретное лицо, на которое им указали инструкторы. Иногда случается, что убивают и подвернувшегося под руку прохожего или водителя автомобиля. «Высший балл на экзамене получает тот, кто сумеет точно прошить объект автоматной очередью крест-накрест»,— рассказал арестованный 16-летний Альваро Варгас, ученик одного из таких центров.

Выпускников преступной академии «Лос Гуантес Бланкос» («Белые перчатки») используют как бойцов частных армий «кокаиновых баронов», охраняющих плантации коки и тайные лаборатории по переработке кокаиновой пасты. Школа «Лос Магнификос» («Великолепные») поставляет специалистов для «городской войны», «Галаксиас» («Галактики») и «081» готовят персонал для «зеленой войны» — разбойничьих акций в «изумрудном треугольнике».

В конце семидесятых годов «Медельинский картель» Эскобара довольно мирно сотрудничал в преступном бизнесе с «Картелем Кали», названном по имени третьего по величине города Колумбии. В нем заправляют братья Родригес Орехуэла.

Сферы влияния «картели» поделили полюбовно: на рынок США 80 процентов кокаина поступало из запасов Медельина, на рынок европейских стран те же 80 процентов — из Кали. В США исключительной зоной братьев Родригес Орехуэла стал Нью-Йорк.

Но в 1984 году зарвавшийся Эскобар нарушил одно из главных правил преступной игры: ладить с властями. Началось с того, что Лара Бонилья, министр юстиции в правительстве Бетанкура, начал демонстрировать излишнее рвение в борьбе с преступностью, и «Медельинский картель» понес ряд чувствительных потерь. Отнестись бы к ним «Доктору» философски, и кто знает, не заседал ли бы он сейчас в Национальном конгрессе, запасным депутатом которого он уже стал. Ан нет, поддался вспышке раздражения и велел «погасить» министра. В того всадили 24 автоматные пули. Скандал на весь мир. И рвется хитро сплетенная паутина политических контактов на высшем уровне, обеспечивавших Эскобару гарантии личной неприкосновенности.

Правительству Колумбии просто не оставалось ничего иного, как

поднять брошенную ему в лицо свинцовую перчатку. Началась война: кровавая, жестокая, разорительная.

В этой войне на стороне наркомафии стажались лишь бандиты Эскобара. Люди «Картеля Кали» не только не поддерживали «Доктора», но и начали оказывать определенные услуги официальным властям. Именно с той поры колумбийское правосудие словно забыло о «Картеле Кали», говоря лишь о «злодеях из Медельина».

Имеются веские основания подозревать, что между «интеллигентами» — так называют «кокаиновых» баронов» Кали в отличие от «вахлаков» Медельина — и колумбийским правительством существуют не просто тайные контакты, но и сверхсекретное соглашение, направленное против клана Эскобара.

Война с властями, развязанная «Медельинским картелем», принесла большие убытки и братьям Родригес Орехуэла. Когда-то тесный гангстерский альянс распался и стремительно перешел во вражду.

Враждуя, порой даже воюя с «Медельинским картелем» во внутримафиозных войнах, «бароны» Кали и во внешних своих отношениях с непреступным миром занимали принципиально иные позиции, чем сторонники Эскобара. Они предпочитали держаться в тени, тщательно скрывая истинные масштабы своих баснословных прибылей. Умело «отмывали» «грязные деньги», легализовывали их, пуская в законный промышленный и финансовый оборот. Это был более тонкий, современный и в конечном счете более эффективный стиль преступной деятельности. Эскобар же, по-прежнему действуя нагло, грубой силой, стремился внедрить нравы и методы мафии в политическую жизнь страны.

Чем ближе подходила дата выборов нового президента страны, тем чаще раздавались бандитские выстрелы и взрывы бомб. Газеты мрачно шутили: на президентских выборах 1990 года голосовали не столько бюллетенями, сколько автоматными очередями. Были убиты четыре кандидата на высший государственный пост! Такого не было нигде и никогда. Мафия не щадила никого, чтобы ни в коем случае не допустить в президентский дворец человека, способного повести против нее действительно бескомпромиссную борьбу. При этом она тесно сотрудничала с реакционной военщиной, которая, опасаясь роста влияния левых сил, стремилась запугать их террором, загнать в подполье.

Убив одного из неугодных им кандидатов в президенты страны — Эдуарда Дуран Дусана,— мафиози стали искать подходы к другому — Луису Карлосу Галану, за которого согласно опросам общественного мнения собирались голосовать более половины избирателей. Но он не только не шел на сотрудничество с преступниками, но и постоянно в своих выступлениях повторял, что «ключом к победе над мафией является высылка пойманных преступников в США, где их ждет максимально строгое наказание». В этом «бароны» от наркомафии видели для себя угрозу № 1. И тогда Эскобар вынес Галану свой приговор.

Вечером 18 августа в местечке Соача, в 25 километрах к югу от Боготы, сторонники Галана проводили многолюдный политический митинг. Охрана глаз не спускала с Галана, окружала его плотным живым кольцом. Ведь утром этого дня дерзко убили начальника полиции Медельина полковника Вальдемара Франклина Кинтеро, всадив в него более ста пуль. А накануне, 16 августа, с мотоцикла расстреляли автомобиль

судьи Карлоса Валенсии, которому поручили вести дело Пабло Эскобара. Судья погиб. Поэтому на митинге можно было ждать любых неожиданностей.

Едва Галан и сопровождающие его люди стали подниматься на платформу, служившую трибуной митинга, сразу с нескольких сторон из густой толпы ударили автоматные очереди. Паника, давка, крики, а свинцовые очереди, словно гвозди, приколачивали падающих людей к доскам платформы.

После убийства Галана поднялась чудовищная волна преступного террора. Не проходило дня без перестрелок, взрывов бомб, дерзких покушений. Правительство пошло на чрезвычайные меры. В стране ввели осадное положение. В Медельине — комендантский час, улицы патрулировали 4 тысячи солдат. Президентским декретом было отменено решение верховного суда о приостановке выдачи колумбийских мафиози Соединенным Штатам. За информацию о местонахождении Эскобара власти объявили премию в 250 тысяч долларов, позднее эта сумма увеличилась до миллиона. Армия получила приказ открыть против мафии прямые боевые действия.

Регулярным войскам сопротивляться трудно, и главари «картеля» попрятались в своих сверхсекретных убежищах. За две недели, с 18 по 31 августа, армия заняла более 550 поместий, домов, городских квартир, гостиниц, дискотек, принадлежащих наркомафии, 42 асьенды — настоящие полуфеодальные вотчины — в Магдалена-Медио. Захватила крупные арсеналы оружия, 1356 автомобилей, 142 мотоцикла, 349 самолетов, 18 вертолетов, 33 яхты, сложные системы радиосвязи, телекоммуникаций, радары, 138 переносных радиостанций. Почти 5 тонн чистого кокаина.

В руки правоохранительных органов угодило и несколько «крупных рыб», в том числе Эдуардо Мартинес Ромеро — казначей «Медельинского картеля». Его немедленно отправили в США, судили в Атланте и приговорили к пожизненному заключению.

За потерю своих замков, поместий, асьенд и прочего имущества мафия мстила жестоко. Эскобар и его подручные обнародовали заявление: «Мы объявляем тотальную войну до победного конца правительству, промышленной и политической олигархии, журналистам, которые нападали на нас и оскорбляли нас... и всем прочим, кто нас преследовал. Мы не пощадим семьи тех, кто не щадил наших семей, мы будем жечь и разрушать промышленные предприятия, дома и другую собственость, принадлежащую олигархии».

В тот же день взорвались бомбы в штаб-квартирах либеральной и консервативной партий в Медельине, а на его окраинах запылали загородные дома нескольких видных влиятельных деятелей. Снова загремели выстрелы и полилась кровь. Только за первые дни «черного сентября» из пяти тысяч лиц, занятых на ключевых юридических должностях, угрозы физической расправы получили 1600.

Прозвучала и публичная угроза: за каждого своего человека, выданного властям США, мафиози будут убивать по десятку судей.

Позвонили в министерство юстиции и порекомендовали его работникам приготовить гроб для Моники де Грейф, занимавшей «самый горячий министерский пост». За три года в кресле министра юстиции сменилось

Не дай бог оказаться на пути Эскобара!

Для поисков беглеца мобилизовали не только полицию, но и армию.

восемь человек. Причем один из них — Хайме Берналь Куэльяр — вполне может претендовать на место в «Книге рекордов Гиннеса»: он пробыл министром лишь 24 часа и подал в отставку тут же, как только узнал, что декрет о выдаче колумбийских мафиози в Соединенные Штаты не будет отменен.

Моника де Грейф, молодая женщина, мать трехлетнего ребенка, продержалась в министерском кресле 66 дней и тоже ушла в отставку. Замену ей подыскали с большим трудом.

В департаменте Кундинамарка, включающем столицу страны Боготу, из 54 судей верховного трибунала 48 подали прошения об отставке. Прокурор Марта Гонсалес, выписав ордера на арест Пабло Эскобара и Гонсало Родригеса Гачи, немедленно бежала из страны, и правильно, вероятно, сделала: ведь все ее предшественники, подписавшие такие документы, неизменно уничтожались.

Тюрьму себе Эскобар построил сам. Со вкусом и с размахом.

«Добро пожаловать!» Въезд в личную тюрьму-резиденцию главаря наркомафии.

Родригес Гача — «Мексиканец»

Уехала в эти дни в Европу, не оставив даже родственникам адреса, по которому ей можно слать письма, судья Нубия Серрано. «Прежде чем убить, мафия нас предупреждает,— рассказывала она.— Сначала присылают тебе на дом гроб с цветочным венком. Потом стреляют по окнам. Не понял «послания» — пеняй на себя. И никакие телохранители не спасут».

Эскобар обожает рекламу. Снимок для «Пари Марч»

В результате запуганные, а значительной частью и подкупленные судьи из 12 тысяч подозреваемых, задержанных в первые три дня после убийства Галана, отпустили почти всех «за недостаточностью улик». В том числе самых отъявленных головорезов, близких к верхушке «Медельинского картеля»,— Бернардо Лондоньо Кинтана и Альберто Орландеса Гамбоа.

В конце 1987 года полиции удалось задержать человека № 2 «Медельинского картеля» — Хорхе Луиса Очоа по кличке «Толстяк». Его немедленно доставили в столичную тюрьму «Ла Пикота», откуда труднее всего совершить побег. Но гангстер и не думал пускаться в такие рискованные предприятия. Через 25 дней он покидал тюрьму в сопровождении своего адвоката через главные ворота, перешучиваясь с охранниками. «Мне обошлось это в миллион долларов»,— хвастался потом «Толстяк».

Если юстиция пробуксовывала, то военно-полицейские акции оказались в борьбе с мафией достаточно эффективны. Пожалуй, впервые правительство Колумбии проявило твердость и бескомпромиссность — президент Верхилио Барко объявил мафии «войну до победного». После неудавшегося покушения на его дочь и двух внучек (к школе, где учились девочки, подогнали грузовики с динамитом, но бдительный телохранитель вовремя заметил это) мать президента перевезли из города Перейра в столицу. Всю семью, близких и дальних родственников взяли под усиленную охрану. Когда уличили в «отмывании» наркодолларов компанию «Аэро Кондор» — а во главе ее стоял родной брат президента,— Верхилио порвал с ним все родственные связи.

Новый глава государства, сменивший убитого Галана, лидер либералов Сесар Гавириа Трухильо, победивший на президентских выборах 1990 года, тоже поначалу продолжил жесткую линию.

Очень долго никак не удавалось картелю устранить самого опасного своего противника — шефа ДАС генерала Мигеля Месу. 30 мая 1989 года его спас от смерти бронированный автомобиль, выдержавший мощный взрыв «ливанского торта». Так террористы называют автомобиль, начиненный взрывчаткой. В тот день погибло семь человек, но генерал отделался легкими ранениями. В декабре того же года начиненный полутонной динамита грузовик рванул прямо у здания ДАС, разрушив и повредив еще 46 домов. Под обломками погибли 64 человека, 1100 получили ранения. Но генерал опять уцелел: сидел в момент взрыва в кабинете с бронированными стенами. В мае следующего года котировки наград за головы бандита и генерала уравнялись. С той только разницей, что за Эскобара миллион долларов платило правительство, а за Месу — мафия, о чем сообщали тысячи разбросанных по Боготе листовок с портретом генерала в траурной рамке.

Мстительность «Падрино» вошла у колумбийцев в поговорку. Горе тому, на кого он затаил обиду. Полицейский, который произвел первый арест юного Эскобара за кражу автомобиля, пять лет скрывался от расправы. Но все равно был найден и убит. Экс-министра юстиции Энрике Парехо Гонсалеса, который тоже изрядно насолил «Доктору», отправили потом от греха подальше за «железный занавес», послом в Венгрию. Но и туда добралась длинная рука Эскобара.

В конце 1984 года отряды генерала Месы трижды обкладывали

Эскобара и его подручных, как волчью стаю, беспрецедентными по масштабам облавами, в которых каждый раз участвовали до ста тысяч человек, то есть более половины всего личного состава национальной полиции Колумбии и ее вооруженных сил. И все три раза Эскобар, хотя и не без потерь, сумел избежать ловушек, уходил сквозь плотные ряды «охотников». Но жар смертоносной погони он ощутил сполна. Понимал, что если его настигнут, то в плен брать не будут, а изрешетят пулями так же, как одного из его ближайших помощников по кличке «Мексиканец».

И коммерческие дела Эскобара, несмотря на то что он осуществил глубокую реорганизацию своего «картеля» и перевел многие свои операции на территории других стран, шли все хуже.

Почувствовав, что «Падрино» слабеет, конкуренты из Кали стали не только настойчивее вытеснять его с рынка, но и все более ясно давали понять, что их цель — сколь можно скорее «погасить», физически уничтожить и самого Эскобара.

Потому-то в августе 1990 года «Медельинский картель» публично объявил властям о прекращении огня. В знак доброй воли пошел на неслыханный шаг: выдал несколько своих химических лабораторий по производству кокаина.

Все три брата Очоа поспешили воспользоваться ситуацией и один за другим явились с повинной. Эскобар тянул, пытался как-то приспособиться, наладить управление «бизнесом» с территорий других стран. Одно время он руководил своей империей из столицы бразильского штата Санта-Катарина. Но из такого далека управлять оказалось трудно, а в Колумбии — слишком опасно.

Вот потому-то в июне 1991 года он принял так поразившее всех решение добровольно сдаться властям. Не все и не сразу разобрались тогда в том, что это было не столько победой властей, сколько хитроумным маневром Эскобара. Во-первых, как главное условие сдачи Эскобар потребовал принятия закона о невыдаче арестованных мафиози для судебного преследования в США. И власти гарантировали ему это. Во-вторых, статус арестованного представлял Эскобару надежную охрану всех вооруженных сил страны от расправы со стороны его врагов из Кали. И в-третьих, ни рода занятий, ни образа жизни «Доктора» добровольное заточение совершенно не меняло. Он мог спокойно продолжать все свои преступные операции и руководство делами «Медельинского картеля» и из своей тюрьмы, которая в действительности была для него лишь новым роскошным и надежно защищенным убежищем.

Называемый тюрьмой комплекс зданий «Ла Катедрал» даже внешне ничем не напоминает суровый каземат, а выглядит как утопающее в зелени богатое поместье. Он по существу и являлся таковым, ибо построен на земле, принадлежащей Эскобару в его родном городе, по его чертежам и в значительной степени на его деньги.

И охрана там подбиралась только из людей, прошедших отбор самим Эскобаром и заслуживающих его полного доверия. Их прекрасно вооружили, выдали самые современные технические средства обнаружения противника и защиты от него. Эскобар и на это не пожалел несколько миллионов долларов. Ибо изначально главное назначение той крепости — не столько сторожить его, чтобы не убежал, сколько защитить от

возможных нападений и расправы со стороны заправил «Картеля Кали».

В новом логове Эскобара отрыли даже специальный бункер на тот случай, если враг вдруг все-таки ворвется в «Ла Катедрал». Там Эскобар и его «гвардия» могли бы продержаться очень долго. И уж на крайний случай полной и окончательной победы нападавших они имели бы возможность по крайней мере спасти себя от пыток и надругательств врагов, похоронив себя там мощным взрывом.

Что касается самой «тюремной камеры» Эскобара, то она состояла из двух светлых комнат общей площадью в 35 квадратных метров, с роскошными занавесками и шторами на окнах. С коврами, телевизорами и холодильниками, и всеми современными средствами связи, с художественными полотнами на стенах. Была там, естественно, ванная комната и отдельный санузел. Плюс просторная кухня, оснащенная тостерами, кофеварками, миксерами и прочей техникой. Отдельно библиотека и бар.

Для того чтобы Эскобар мог поддерживать свою спортивную форму, у него был гимнастический зал и бильярдная, а на открытом воздухе футбольное поле и теннисный корт. При желании Эскобар мог заниматься садоводством и огородничеством. В распоряжении его личного повара были любые продукты питания. Свежие фрукты, любые лакомства и тонкие вина мгновенно доставлялись в это уникальное по удобствам «исправительное заведение», стоило только «Доктору» того пожелать. Хоть парадный обед на сотню персон из самого дорогого ресторана.

Для сопровождающих Эскобара в заключении сотоварищей были предусмотрены более скромные по размерам, но тоже вполне комфортабельные комнаты под стать номерам хорошего отеля.

Состоявшееся после исчезновения Эскобара разбирательство специальной сенатской комиссией обстоятельств побега «самых опасных в Южной Америке» (если не во всем мире) уголовных преступников вскрыло факты чудовищной коррупции. Она процветала в так называемой тюрьме «Ла Катедрал» и вокруг нее, где не только потакали любым прихотям Эскобара, но и прямо соучаствовали в его преступлениях. Имея неограниченную телефонную связь с внешним миром, «Падрино» продолжал эффективно руководить своей наркоимперией.

«Ла Катедрал» беспрепятственно посещали его родственники, друзья, «коллеги» и подручные. В том числе даже те, кто подозревался в совершении тяжких преступлений и находился в усиленном розыске.

Согласно одному из полицейских докладов только за первые три месяца прошлого года в тюрьму нанесли визиты «без предварительного запроса властей» свыше трехсот человек. Среди них фамилии десятков известных гангстеров. Таких, как, например, Дандени Мутильденос, которого позднее арестовали в США за попытку убить по заданию Эскобара одного из ключевых свидетелей на процессе экс-президента Панамы генерала Норьеги.

Доходило до того, что некоторых людей привозили в «Ла Катедрал» к Эскобару на суд и расправу. Некоторых при этом гангстеры там убивали, и охрана отлично знала это, но на все закрывала глаза.

«Двух крупных торговцев наркотиками — Фернандо Галеано и Херардо Монкаду — приволокли в «Ла Катедрал» на беседу с Эскобаром,—

пересказывала со слов анонимного информатора столичная газета «Эспектадор».— Он им заявил: «Вы находитесь на свободе и зарабатываете большие деньги только потому, что я боролся против выдачи таких, как мы, в Соединенные Штаты. Я даже в тюрьму сел ради нашего общего дела. Поэтому вы обязаны быть ко мне лояльны и высказать свое уважение увеличением «налога» в мою пользу с вашего наркобизнеса».

«Падрино» потребовал с торговцев 200 тысяч долларов. Они отказались. Тогда их по распоряжению Эскобара убили вместе с братьями, телохранителями, шоферами и лидерами еще двух «кокаиновых семейств». Затем вызвали из Энвигадо бухгалтеров и казначеев этих групп. «Ваших хозяева мертвы,— сказал им «Падрино».— Гоните деньги. И если хоть что-то утаите, умрете мучительной смертью». Таким образом, шеф «Медельинского картеля» получил более полумиллиона долларов».

Большую часть из 399 ночей, которые, согласно официальной документации, главный узник «Ла Катедрал» был за решеткой, он на самом деле проводил за ее стенами то в одном, то в другом из двадцати домов, принадлежащих ему в том районе.

Когда один из высших офицеров охраны, полковник Аугусто Баалон, возмутился этим, его тут же уволили. На прилавках книжных магазинов Колумбии только что появилась выпущенная им книга «Моя война в Медельине», в которой полковник подробно описывает возмутительные нравы, царившие в «Ла Катедрал». Сам автор предусмотрительно укрылся от гнева «Падрино», уехав в Соединенные Штаты.

Командующий сухопутными силами страны генерал Мануэль Морильо признал, что в распоряжении Эскобара и его людей в «Ла Катедрал» находился богатейший арсенал смертоноснейшего оружия, с помощью которого они могли держать «круговую оборону против целого батальона».

Слухи о том, что Эскобар в Энвигадо «купается в роскоши, как индийский махараджа», конечно же, доходили и до столичных коридоров власти. По словам министра внутренних дел Умберто де ла Калье, правительство еще в январе прошлого года приказало немедленно убрать из тюрьмы «все предметы комфорта». Однако продажный персонал так называемого «исправительного учреждения» за солидное вознаграждение от Эскобара вновь позволил ему окружить себя привычными удобствами.

Итак, в своей так называемой тюрьме с условиями «пятизвездного отеля» Эскобар явно не страдал. Так зачем же ему потребовалось бежать из этой «золотой клетки», обеспечивавшей ему полную безопасность? Да именно потому, что его собирались перевести из нее в другую тюрьму, более похожую на настоящую, где условия содержания были бы куда хуже, а опасности стать жертвой расправы со стороны врагов из Кали намного больше. Он счел, что этим власти хотят нарушить условия, на которых он согласился на добровольное заточение в «Ла Катедрал», и возмутился. Как возмутился он после побега и тем размахом, который приняла организованная правительственными войсками вооруженная охота на него и его людей.

На жестокие репрессивные меры военных против гангстеров из «Медельинского картеля» он ответил новым «объявлением войны» колум-

бийским властям. Для начала Эскобар пообещал «за унижение, перенесенное мной в последние годы», убить 150 полицейских. И он не только выполнил, а даже перевыполнил это свое «обязательство».

«Кровавой субботой» стало 30 января нынешнего года, когда в самом центре Боготы наемники «Медельинского картеля» рванули начиненную динамитом автомашину. При этом погибли двадцать человек и около семидесяти получили ранения. Две другие «бомбы на колесах» гангстеры взорвали неподалеку от президентского дворца и здания Национального конгресса.

После этого на воздух стали взлетать бензозаправочные станции и магазины, кафе и редакции газет.

Запущенный на полный ход механизм правительственных репрессий тоже сумел нанести «Медельинскому картелю» ряд чувствительных ударов.

Впрочем, гораздо опаснее для Эскобара и его подручных оказалась та охота, что развернули на них конкуренты из «Картеля Кали» и других преступных групп. Так, например, немногие уцелевшие члены гангстерской семьи Галеано, почти полностью уничтоженной по приказу Эскобара, обещали доплатить тому, кто убьет ненавистного «Доктора», еще полтора миллиона долларов уже из своего кармана.

Враги беглого мафиози сформировали нечто вроде специальной бригады «командос», которую окрестили «Пепе» (игра слов: это уменьшительное от имени Хосе и в то же время аббревиатура от «Персигидос пор Пабло Эскобар» — «Преследуемых Пабло Эскобаром»). Боевики из «Пепе», по даннным полиции, уже выследили и убили свыше 80 человек, так или иначе связанных с «Падрино». Едва не убили его жену и мать, донью Эрминду,— взорвали вокруг их домов несколько автомобилей со взрывчаткой. Сожгли в окрестностях Медельина загородное поместье «Ла Мануэла», которое Эскобар подарил своей дочери.

Для такой жестокой войны требуются крепкие нервы. И не все это выдерживают. В октябре прошлого года добровольно сдались властям пятеро беглецов из Энвигадо, в том числе родной брат Эскобара — Роберто. Сложили оружие прозванный «истребителем полицейских» Луис Агилар по кличке «Грязный», а также Попейе и другой отъявленный головорез по кличке «Отто». Их немедленно поместили в тюрьму «максимальной безопасности» в Итаги — пригороде Медельина, где с начала 1991 года содержатся также самые близкие из бывших сподвижников «Падрино» — знаменитые братья Очоа.

В феврале нынешнего года, после того как в схватке с выследившими его полицейскими погиб двоюродный брат и «начальник штаба» Эскобара — Густаво Гавириа, отдал себя в руки полиции и Карлос Альсате Уркехо по кличке «Серьга» — шеф диверсионного аппарата «Медельинского картеля». Именно этому тридцатидвухлетнему человеку с тусклыми, безжизненными глазами молва приписывает организацию большинства террористических актов, осуществляемых от имени медельинской кокаиновой мафии.

Казалось, что и сам Эскобар уже загнан в угол и вот-вот капитулирует. О том, что то должно произойти со дня на день, в правительственных кругах как о деле уже решенном говорили снова и снова. Но каждый раз тех, кто жаждал видеть «преступника номер один» за тюремной решет-

кой, ожидало разочарование. Прошел почти год после побега из Энвигадо, а «кокаиновый барон» продолжает свою персональную войну против колумбийского государства.

Теперь свою возможную новую сдачу властям Эскобар намерен обусловить целым рядом таких дополнительных условий и требований, которые ставят правительство Колумбии и лично президента Сесара Гавириа в унизительное положение. Во-первых, адвокаты, действующие по поручению главаря «Медельинского картеля», требуют от властей гарантировать его заключение в том же самом уютном «тюремном гнездышке» в Энвигадо, где ему так спокойно, вольготно и сытно жилось до побега. Во-вторых, он хочет, чтобы признали его политическим заключенным. Расчет на то, что в этом случае по местным законам Эскобар сможет рассчитывать на гораздо более короткий срок отсидки, а то и вообще попасть под амнистию как политический борец, добровольно сложивший оружие. В-третьих, он потребовал гарантии того, что его ни в коем случае не выдадут на суд в Соединенные Штаты.

Дошло до того, что Эскобар выразил пожелание, чтобы его в его собственной тюрьме охраняли бы «голубые каски» ООН.

Колумбийские власти с возмущением отвергают этот наглый «ультиматум». Однако чем дольше идет «кокаиновая война», тем слабее становится их решимость. Так что компромисс уже витает в воздухе.

А пока кровавый «барон» благополучно отсиживается где-то на северо-востоке колумбийских Анд. Скорее всего — в одном из живописных уголков обширной долины Абуррá. Его денно и нощно охраняют две сотни сикариос — скорых на нож и пулю боевиков.

Откуда взялась эта цифра? Одна колумбийская журналистка написала в своей статье, что «за Эскобаром повсюду следуют 40 хорошо вооруженных охранников». На следующий же день ей позвонили и лаконично проинформировали: «Шеф приказал передать, что непосредственно при нем не сорок, а двести стволов».

Сергей СВИСТУНОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Журнал — не газета. Он печатается долго. И поэтому может случиться, что к тому времени, когда это выпуск «InterПОЛИЦИИ» попадет к читателям, Пабло Эскобар сдастся властям или будет пойман, а, быть может, и убит, как многие его соратники и родственники.

В этом случае просим считать этот материал публикующимся под рубрикой: «Сенсация».

Борис ГУРНОВ

Жуткое дело

Летом прошлого года в Москве в только что полученной, еще не обжитой квартире были убиты жена и двое детей второго секретаря одного из российских посольств за рубежом.

Впервые об этом деле буквально вскользь упомянул начальник МУРа Ю. Г. Федосеев, беседа с которым была опубликована в первом номере журнала «Jnterполиция». Никаких подробностей он тогда нам не сообщил — тайна следствия,— лишь тяжело вздохнул: «Жуткие иногда бывают дела...»

Прошло время, и вот мы смогли встретиться со следователем по особо важным делам прокуратуры Москвы В. Ю. Романовым, который вел и раскрыл это дело. И теперь мы можем рассказать о нем подробно. Но далеко не все. Дело еще не рассматривалось в суде. И поэтому подлинные имена людей, названия некоторых городов, а также ряд важных деталей мы пока раскрыть не можем. Но и без них дело это воистину жуткое.

А начиналось все с радостного известия. Российскому дипломату в одной, прямо скажем, не очень дружественной нам восточной стране сообщили, что на родине ему наконец-то выделили долгожданную квартиру. Его жена, назовем ее Татьяна Михайловна, подхватив двух детей, срочно вылетела в Москву. Громоздкие и тяжелые вещи перед отлетом запаковали в контейнер и отправили пароходом.

В Москве Татьяна Михайловна сразу же затеяла в новой квартире ремонт, обставляла ее и обустраивала. В общем, занималась тем же, что и все наши новоселы. С той, естественно, разницей, что кое-что для обустройства она привезла с собой, кое-что должно было прибыть в контейнере. А все прочее, недостающее для полного уюта, она без проблем могла купить и в Москве, где есть все — были бы деньги. А деньги у Татьяны Михайловны, конечно, были, в том числе и доллары.

В общем, ремонт в ее новой квартире пошел полным ходом. Сын пошел в школу. А вокруг самой хозяйки, как это всегда бывает после

долгой жизни за границей, закрутился хоровод самых разных людей. Начиная с семьи знакомого по прежней загранкомандировке врача, который даже временно поселился в ее новой квартире, и кончая родственниками тех нынешних сослуживцев ее мужа, которые, воспользовавшись случаем, сунули свои посылки в отправленный ею морем контейнер. Эти родственники постоянно звонили по телефону и справлялись, когда же приходить за вещами. Татьяна Михайловна терпеливо всем им объясняла, что с контейнером случилась какая-то накладка, судя по всему, его по ошибке сгрузили в каком-то промежуточном порту. Но в общем-то, все выясняется, контейнер вроде бы найден и с одним из ближайших рейсов будет доставлен в Одессу.

Телефон в новой квартире не умолкал. Помимо того, что Татьяне Михайловне положено быть светской дамой по роду работы мужа, она и сама по себе от природы была женщиной очень общительной. И вдруг телефон замолчал. И сама Татьяна Михайловна неожиданно перестала всем звонить. И никто из посторонних к ней дозвониться не мог — телефон не отвечал. Встревоженные друзья поехали к ней и уже с порога сразу же поняли, что произошла трагедия. Дверь квартиры была незапертой, а лишь прикрытой. А за ней — гробовая тишина, удушающий запах разлагающегося тела и три трупа.

Татьяна Михайловна была застрелена на кухне в то время, когда она сидела за столом и пила кофе. Семилетнюю дочь убили в кровати. Шестнадцатилетний сын в луже запекшейся крови лежал в коридоре. Рядом — сумка с учебниками и связка ключей от квартиры. Смерть, видимо, настигла его, когда он, вернувшись из школы, только-только вошел в квартиру. Убийца, вероятно, специально дожидался прихода юноши, затаившись в прихожей и выстрелил из своего укрытия ему в затылок. Позже это подтвердила судебно-медицинская экспертиза, установившая, что между смертью матери с сестрой и его убийством прошло шесть часов. Это значит, что юноша был нужен или опасен убийце и тот все это время специально ждал его в квартире, чтобы убить.

Никаких внешних следов грабежа в квартире не было. Срочно вызванный муж убитой не мог с уверенностью сказать, украдено ли что-то из имевшихся у его жены вещей. Быть может, она, живя в Москве, продала их или подарила. Внешне же казалось, что все вещи, в том числе и весьма ценные, и даже деньги лежали на своих местах. Это и то, что убийца явно не простак, следователь Романов профессиональным взглядом отметил сразу. И тут же подумал, что дело будет очень трудным.

В этой первой своей оценке он лишь утвердился после тщательного обследования места преступления. Выяснилось, что преступник не оставил ни малейшего следа, кроме того, который сам умышленно захотел оставить. В разных местах на стенах комнат были начертаны какие-то надписи восточной вязью. А рядом с ними — знаки ислама — полумесяц с восьмиконечной звездой. И еще был написан номер московского телефона. Так явно заявляют о себе только убийцы государственных и общественных деятелей, заинтересованные в немедленном громком политическом эффекте своего преступления. Здесь же, еще не расшифровав надписи и не узнав, кому принадлежал номер того телефона, Романов сразу понял, что это умышленный ложный след. Надо искать

другие. Но и по этому, явно ложному, необходимо для верности пройти до конца.

Надписи на стенах оказались на азербайджанском языке и в переводе значили: «Если я тебе нужен, звони по этому телефону». Туда тут же позвонили и попали в редакцию «Комсомольской правды», где, естественно, ни Татьяны Михайловны, ни людей из круга ее знакомых не знал никто. След был ложным. Но в то время, когда не было ничего другого, это все же был след. И он сыграет свою роль, но потом. Много позже. А пока у следствия не было ничего. Ни свидетелей, ни следов, ни отстрелянных гильз. А главное — не было никакой даже самой тонкой ниточки, за которую можно было бы ухватиться, чтобы понять, в какую из сторон идти искать.

Прежде чем искать того, кто убил, нужно было понять: за что или почему? Исключалось лишь сексуальное насилие и, судя по всему, ограбление. Значит, нужно было отрабатывать все остальные версии. А их великое множество. От тех, что связаны с работой мужа, и до того, что это убийство могло быть совершено и по ошибке. Кто-то мог «заказать» убийство семьи врача, временно жившей в квартире Татьяны Михайловны (в той тоже были мальчик и девочка), а убийца, перепутав, расстрелял хозяев.

Причиной могли быть и ревность, и зависть, и месть любому из членов семьи, исключая, естественно, семилетнюю девочку. У каждого из них множество знакомых. И всех их до тех пор, пока из десятков возможных версий не проявится одна надежная, Виктору Романову предстояло перебирать по одному, обращая прежде всего внимание на азербайджанцев и всех прочих, кому не чужд изображенный на стене знак ислама. А пока у молодого московского «важняка» (так на профессиональном жаргоне называют следователей по особо важным делам) кроме одной пули, извлеченной из головы Татьяны Михайловны, были лишь явно дезориентирующие надписи на стенах и выгоревший кружок на новеньком линолеуме на кухне. Похоже, убийца (или убийцы) разводили там маленький костер. И это все. Была еще убежденность в том, что убийца был хозяйке знаком. Чужому человеку она бы дверь не открыла и спокойно бы кофе на кухне при нем не пила.

Поиск начали с самого верха — с отработки политической версии, связанной с зарубежной работой мужа Татьяны Михайловны. Этим, по просьбе Романова, естественно, занялись «компетентные органы», которые тут же выяснили, что чуть раньше трагедии в Москве очень похожее убийство произошло в одной из столиц Ближнего Востока. Так же, как и в Москве, там была застрелена жена российского дипломата, и тоже второго секретаря посольства. Правда, там вместе с ней была убита подруга, а не дети. Но «почерк» убийц был тот же — выстрел в голову из мелкокалиберного оружия. А им чаще всего пользуются профессиональные преступники, совершающие убийства по заказу. Выстрел из него тихий, как щелчок. И пуля, пробив голову жертвы, не улетает далеко. Ее, как и гильзу, преступник может легко найти и унести с собой.

Именно так было в Москве. Убийца не оставил ничего, кроме той пули, которая засела в голове убитой женщины. Головы детей были прострелены навылет. Романову очень хотелось сравнить извлеченную медиками пулю с теми, которые, быть может, были найдены на месте

преступления за границей. И он тут же послал туда срочный запрос. Сам же со своими помощниками начал просеивать все контакты убитых, начиная с деревенских подруг Татьяны Михайловны и одноклассников ее сына.

Мальчик раньше учился в другой школе, а перед смертью занимался в секции каратэ, и люди Романова долго работали и там и там. Готовясь к поступлению в институт, сын Татьяны Михайловны занимался у четырех репетиторов — следователи «отработали» всех и там начиная с преподавателей и кончая всеми посещавшими их на дому учениками.

Повсюду старались выяснить, не было ли у юноши с кем-то каких-то ссор, не грозил ли ему кто-то. Не вступал ли он сам с кем-то в довольно распространенные в аналогичных ситуациях сделки по обмену зарубежными вещами, кассетами, журналами, не продавал ли валюту. И на все вопросы повсюду сплошное «нет». Нигде, ни в чем, никогда ни малейшей тени. Идеальный мальчик.

Приблизительно тот же результат дала работа «компетентных органов», собиравших сведения об отце. Ни с какими азербайджанцами судьба его, как выяснилось, не сводила. Ни в чем, нигде и никогда он не был замешан, не «прокололся», не оступился. Ни на политической, ни на бытовой почве врагов у него не было, угроз с чьей бы то ни было стороны он не получал.

А вот с Татьяной Михайловной столь стерильно чистой «объективки» не получалось. Она была москвичкой в первом поколении. Родилась, как и ее муж, в деревне, в одной из заволжских автономных республик. С детства очень активная, упорная, целеустремленная и честолюбивая, она, как говорится, «сама себя сделала» — сама пробилась в Москву, закончила университет, удачно вышла замуж. Между первой и второй долгими поездками с мужем за границу вела себя в Москве едва ли не как полномочная представительница своей республики. Любила подчеркнуть свою близость к ее элите. Некоторые припомнили даже ее разговоры о том, что сын ее усилиями будет воспитан и образован так, что сможет со временем стать президентом на родине предков.

Все это подсказывало следователям, что с этой стороны по отношению к ней могли быть и зависть, и ревность, и прямая враждебность. Это в разговорах с ее земляками в Москве следователи почувствовали сразу и решили поехать расспросить о ней и на месте.

Там выяснили, что во время поездки, которую незадолго до своей гибели Татьяна Михайловна совершила на родину, она побывала повсюду. Начиная с родной деревни и до столицы республики. По одной из версий, проверку которой начали еще в Москве, предполагалось, что убийство могло быть совершено из зависти или мести человеком, знавшим погибшую в ранней молодости. На этом, кстати, настаивал и один из пытавшейся помочь следствию группы экстрасенсов. Он утверждал, что убийство было «заказным» и его заказчик познакомился с убитой пятнадцать — двадцать лет назад.

У других членов той группы, долго ходивших по квартире со своими проволочными рамочками или «снимавших биополя» погибших с их фотографий, были и иные мнения. Один, прикрыв глаза, говорил, что ясно видит фантом убийцы, и якобы точно показывал место, откуда тот стрелял. Другой утверждал, что убийц было трое и что никто никаких

вещей убитой из квартиры не выносил. Один говорил, что убийство совершено из мести. Другой утверждал, что убийство Татьяны Михайловны «заказал» человек, которому она угрожала разоблачением известных лишь ей его преступлений, что находится он сейчас где-то между Волгой и Уралом, но постоянно живет в Москве, женат, имеет высшее образование, 45—50 лет от роду и рост 175 сантиметров. Еще один был уверен, что поездка Татьяны Михайловны на родину имеет к ее убийству самое прямое отношение.

Все это, естественно, тоже прибавило следствию оснований отправиться на восток. Там, на родине погибшей, одного за другим перебирали всех ее родных, друзей и просто знакомых. Находились такие, что, казалось, вот-вот потянется верная ниточка той версии, которая может стать главной. Но нет. Все рушилось опять.

Но вот в одном из коридоров лабиринта безрезультатных поисков вдруг стало вроде бы «теплеть». Выяснилось, что один из родственников Татьяны Михайловны работает на заводе, где производят мелкокалиберное оружие. И не просто работает на заводе, а организовал там то ли кооператив, то ли малое предприятие, которое собирается наладить продажу части производимого оружия за рубеж.

Некоторые опрошенные вспомнили, что у Татьяны Михайловны были с тем родственником какие-то свои дела. А главное — выяснилось, что между ними вспыхнул и какой-то конфликт.

Вот это уже было кое-что. Следователи почувствовали, что вот-вот придет время, чтобы, как говорили в былые годы, «сделать стойку» перед решающим прыжком. Но пока они осторожно, но очень тщательно проверяли того родственника и его кооперативно-оружейные дела.

Никакого ответа на запрос о пулях и прочих деталях с места убийства жены второго секретаря посольства на Ближнем Востоке все еще не поступало. Весьма серьезной с самого начала представлялась следствию и международная версия преступления, связанная с чрезмерно затянувшимся морским путешествием багажа Татьяны Михайловны, упакованного в заблудившийся контейнер.

Вариантов этой версии было несколько. Первая: кто-то из тех сослуживцев мужа, которые отправили в ее дипломатически неприкосновенном контейнере свои вещи, упрятал там какую-то контрабанду, может быть даже наркотики.

Вторая версия: наши люди тут ни при чем, а вот какая-то из международных преступных организаций под видом транспортной ошибки перехватила тот контейнер, загрузила в него крупную партию наркотиков, сообщив об этом своему человеку в Москве. Тот явился к Татьяне Михайловне, убил ее вместе с детьми, чтобы не оставлять свидетелей, и завладел хранившимися у нее документами на получение контейнера. После этого поехал в Одессу или в какой-то другой портовый город, куда пришел пароход, получил контейнер и был таков.

Эту версию очень мощно поддерживало то, что никаких документов на контейнер при первом обыске в квартире Татьяны Михайловны не нашли. И копии их у ее мужа не осталось. А без них искать этот контейнер, который, быть может, уже давно прибыл и преступниками получен, как иголку в стоге сена...

А в Москве тем временем постоянно «трясли» несчастного доктора,

который, как мы уже говорили, временно жил со своей семьей в квартире Татьяны Михайловны. Он тоже из иногородних, тоже приехал в Москву вселяться в новую, только что выделенную ему квартиру. Но с ней случилась какая-то заминка, и вот — не ехать же с семьей обратно — он на короткое время нашел приют в новой квартире своих знакомых, с которыми ранее работал за границей.

Следствие очень долго и внимательно просеивало все связи и знакомства доктора и по прежнему месту жительства, и на работе, и в его зарубежной деятельности. Так же тщательно, как Татьяну Михайловну, проверяли жену доктора. Только после всех этих проверок отпала версия о том, что пули, поразившие Татьяну Михайловну и ее детей, могли предназначаться семье доктора.

К моменту трагедии врач с женой и детьми уже переехал на свою новую квартиру. Но до этого, долго живя у Татьяны Михайловны, он был в курсе едва ли не всех ее дел.

Перебрав в своих беседах со следователем всех рабочих, принимавших участие в долгом квартирном ремонте, он упомянул и об одном молодом человеке из военных, которые охраняли только что выстроенный дом до тех пор, пока не были заселены все его квартиры.

Отработка версии «Охрана» заняла у следователей группы Романова несколько дней. Выяснилось, что, так же как и ряд других так называемых номенклатурных новостроек, этот дом подвергся самозахвату бесквартирными очередниками района, имеющими право на первоочередное получение жилья. Самозахватчиков с огромным трудом выселили, и, чтобы такое не повторилось, ведомство, построившее дом, наняло военизированную охрану.

Все это следователи спокойно выслушали и, как у них положено, потом еще и перепроверили и вдруг обнаружили, что среди самозахватчиков были два азербайджанца, «носители» того самого языка, на котором были сделаны надписи на стенах роковой квартиры.

Сначала тайно, а потом и в открытую тех азербайджанцев тщательно проверили. И результат все тот же. К убийству они причастны быть не могли.

А вот командир тех военных охранников, как вспомнил врач, зачем-то несколько раз приходил к Татьяне Михайловне и вел с ней какие-то разговоры.

Мгновенно допросили того офицера. И он не только подтвердил все сказанное доктором, но и с готовностью рассказал, что с Татьяной Михайловной у него были некоторые денежные отношения.

Дело в том, что помимо воинской службы тот офицер вместе со своим родственником, назовем его Постниковым, проживающим в приволжском городе Камышин, занимался торговым бизнесом. Для убыстрения очередной сделки Постникову срочно потребовалось сто долларов, и он поручил офицеру попросить их взаймы под большие проценты у кого-то из «упакованных» новоселов элитного дома.

Этим заимодавцем согласилась стать Татьяна Михайловна. Постников срочно примчался в Москву, познакомился с ней, взял под расписку деньги, обещал быстро вернуть втрое больше и уехал.

Искренность офицера, который без какого бы то ни было нажима выложил следователям кучу очень полезной информации, подкупала.

Имей все это хоть малейшее отношение к убийству, он наверняка не стал бы сам сообщать все эти подробности. И подозреваемыми ни офицер, ни Постников не стали. С какой стати? Ну, одолжили начинающие бизнесмены деньги — бывает. Обернулись бы и отдали. И уж невесть какая большая сумма. Не убивать же трех человек из-за ста долларов!

И эта версия уже была близка к тому, чтобы считаться отработанной полностью, как и сулившая поначалу скорый прорыв версия с контейнером. Там, кстати, все решилось совсем просто. При новом тщательнейшем обыске квартиры убитых следователи нашли наконец среди вещей Татьяны Михайловны спрятанные ею документы на подозрительно заблудившийся контейнер. Выяснили, что он наконец-то прибыл в Одессу. Помчались туда, нашли, вскрыли и... как пишут в официальных таможенных документах: «Никаких недозволенных посторонних вложений не обнаружено». Закрыта версия «Контейнер».

А вот по стодолларовому займу что-то все-таки мешало Романову сделать это. Что-то подсказывало: надо послать людей в Камышин, чтобы посмотреть там на предприимчивого родственника офицера и осторожно расспросить о взаимоотношениях с Татьяной Михайловной. Тем более врач на очередной беседе вспомнил, что с отдачей того долга зрела какая-то конфликтная ситуация.

Сам офицер о конфликте не упоминал. Но как только его об этом спросили, тут же с прежней готовностью выдал новую порцию очень важной информации.

— Да,— сказал он,— Постников действительно отдавать свой долг не торопился. С быстрым оборотом денег и хорошей прибылью у него не получилось, и Татьяна Михайловна стала нервничать. Боялась, что не только трехсот, но и ста своих долларов обратно не получит. Она, как ныне говорят, стала «доставать» офицера. Не только приходила к нему в общежитие и устраивала сцены жене, но даже жаловалась его служебному начальству.

Перепуганный офицер сумел в конце концов убедить ее в том, что он в этом деле лишь передаточное звено, и «замкнул» ее целиком на Постникова. Он взял деньги — пускай сам и расхлебывает. Татьяна Михайловна взяла номер его телефона в Камышине, и они неоднократно перезванивались. Потом Постников специально для встречи с Татьяной Михайловной приезжал в Москву. Уезжая, сказал офицеру, что конфликт улажен, офицер может спать спокойно, ибо она больше его «доставать» не будет, никогда.

На междугородной телефонной станции следователи перерыли кипы квитанций и нашли-таки наконец копии счетов, из которых следовало, что Татьяна Михайловна трижды заказывала номер Постникова в Камышине, и разговоры у них были продолжительными. Было ли это свидетельством конфликта? Может быть. Отношения должника и кредитора никогда не способствовали укреплению дружбы.

Кстати, вместе с документами на пропавший контейнер в вещах Татьяны Михайловны нашли и расписку Постникова на сто долларов. Но все это опять же не криминал, а скорее свидетельство порядка в денежных отношениях.

В искренности показаний офицера и его непричастности не только

к убийству, но и к конфликту из-за ста долларов сомнений у следователей практически не оставалось и еще по одной причине. С их пусть и не легкой руки он теперь стал в русском сыске личностью исторической — этот человек первым в нашей стране с собственного согласия, с получением всех необходимых официальных разрешений подвергся испытанию на искренность показаний с помощью прибора, известного нам ранее по зарубежной практике под названием «детектор лжи».

Его показания на степень вероятности лжи были полностью отрицательными. Отвечая на все вопросы легко и свободно, офицер замялся лишь раз. Это случилось, когда его очень мягко, как бы между прочим, не прямо подвели к вопросу — мог бы Постников при надобности убить человека. Мгновенно оправившись от смущения, офицер ответил, что исключить это нельзя.

Доказательного значения результаты этого исследования не имеют и в протоколы не заносятся. Но для общей ориентировки следствия все же кое-что дают. Уже одно то, как человек дает свое согласие на испытание этим прибором и как ведет себя при этом чрезвычайно показательно и важно. Хотя, повторяем, официально добытые при этом сведения в протокол не заносятся и доказательствами в суде быть не могут.

Людей, ехавших в Камышин «посмотреть» на Постникова, Романов просил провести его допрос очень мягко. Просил в форме беседы подвести его к тому, чтобы так же, как и офицер в Москве, он сам бы рассказал о долге, и о конфликте с телефонными переговорами, и о встрече с Татьяной Михайловной в Москве. Расскажет сам все это — значит, и он чист.

И он рассказал. Все без утайки.

Сам он оказался внешне симпатичным и обаятельным человеком. И характеристики, собранные на него следователями как в учреждениях, где работал Постников, так и по месту его жительства, были лучше некуда. Он был отличным сыном и примерным семьянином. Никогда ни с каким оружием, как говорили, дела не имел. И алиби на время совершения преступления в Москве у Постникова было вроде бы стопроцентное.

Казалось бы, все. Рука сама тянулась поставить крест и на этой версии. Но на стол Романова вдруг легла сущая безделица, привезенная следователями из Камышина просто так, на всякий случай,— пробка, вернее металлическая головка от бутылки спиртного, которое заполонило весь тот город на Волге. А на пробке — тот самый мусульманский знак с полумесяцем и восьмиконечной звездой, который был нарисован убийцей на стенах московской квартиры.

Ни тогда, ни позже Романов не мог и не может объяснить, почему именно после того, как повертел в руках эту пробку, он сказал решительно: «И все же нужно привезти этого Постникова в Москву, чтобы нам и здесь на него посмотреть». С этим и с еще неясной, но все же забрезжившей надеждой на успех пришел Романов к заместителю начальника следственного отдела Московской городской прокуратуры Г. И. Шинакову и попросил разрешения вызвать Постникова для допроса в Москву.

И вот его привезли. Внешне первое впечатление то же — симпатич-

ный молодой человек. Держится уверенно, легко и просто. В разговоре чувствуется ум, находчивость и мягкий юмор.

К тому, первому, разговору с Постниковым Романов готовился так, как готовится режиссер к генеральной репетиции своей важнейшей в жизни премьеры. Это был не допрос, а как бы непринужденный разговор, в котором Романову и его коллегам предстояло разыграть перед Постниковым спектакль о том, как расследуя убийство женщины и двух ее детей, они собирали следы, улики и свидетельские показания, которых теперь накопилось столько, что следствие может уже безошибочно назвать имя убийцы. Но пока не делает этого. И только для того, чтобы осознавший свою полную обреченность преступник сделал это сам, смягчив своим добровольным признанием тяжесть неминуемого наказания.

В этом «спектакле» все было тщательно продумано и расписано по ролям и деталям. И то, как будет разговаривать с Постниковым сам Романов; и как и с чем, прерывая беседут, буду обращаться к нему будто бы внезапно входящие в кабинет сотрудники; и о чем они как бы случайно слишком громко будут говорить между собой; и якобы неожиданные телефонные звонки Романову с его прозрачно-понятными Постникову ответами.

Искусство следователей — «актеров» того «спектакля» — было в том, чтобы в умелой дозировке, с неопровержимо установленными фактами Постникову показались уже доказанными и предположения выстроенной следствием версии преступления. Назвать этот разговор можно было бы, пожалуй, так: «Создание у собеседника преувеличенного представления об осведомленности следствия».

Началом задуманной Романовым финальной «сцены» должно было быть сообщение Постникову признания офицером того, что в случае надобности его родственник может, пожалуй, убить. А также и пересказанная им следствию успокоительная фраза Постникова о том, что «больше Татьяна Михайловна не будет тебя «доставать» **никогда».**

После этого, как подсказывал Романову его опыт и психологический расчет, Постников в той или иной форме, конечно же, возразит, станет оправдываться. И тогда «важняк» тихо и очень многозначительно скажет ему: «У нас, к сожалению, на этот счет другие сведения. Но об этом мы поговорим с вами завтра...»

Заключительная часть финальной «сцены» тщательно подготовленного разговора оставалась открытой. Самая последняя фраза должна была быть произнесена Романовым в зависимости от поведения Постникова на всем протяжении разговора, окончание которого он собирался отложить на завтра.

И вот его начали. И хотя говорили о разном, в действительности разговор шел о том, как некто, не желая отдать денежный долг, решил погасить его пулей, чему у следователя есть неопровержимые доказательства, включая и саму пулю. Особенно впечатляющим и были упоминавшиеся Романовым подробности того, как, приехав для разговора с женщиной, преступник застрелил ее в висок за кухонным столом, когда она пила кофе. И о том, как, уничтожая свидетелей, он убил в постели спящую семилетнюю девочку, и как потом шесть часов ждал возвращения из школы ее брата. Как выстрелил ему в затылок, а потом для

верности, как учат профессиональных убийц, в то же место выстрелил еще раз. Рассказывал следователь и о том, как старательно собирал преступник отстрелянные гильзы и пули, унеся с собой все, кроме одной, которая осталась в голове убитой женщины.

Рассказывая все это, Романов пристально наблюдал за реакцией Постникова. Отмечал, что тот держится очень спокойно, подчеркнуто слишком спокойно для невиновного человека, которому недвусмысленно дают понять, что страшные улики сходятся на нем и прокуратура подозревает его в убийстве трех человек. И вот неожиданно для самого себя Романов вдруг принял иное, чем планировал раньше, решение. Вместо слов «поговорим завтра» в заранее подготовленной финальной фразе он сказал: «И поэтому я вынужден вас задержать».

Реакция Постникова была неожиданной. Он спокойно сказал:

— Пожалуйста. Я готов.— И покорно протянул руки, когда увидел рядом человека с наручниками. И тут же добавил: — Если у вас так положено. Но уверяю, вы скоро убедитесь в том, что я невиновен.

— Уведите,— не ответив на это, коротко приказал Романов и только тут заметил в глазах Постникова растерянность и страх.

Арестованного повезли в изолятор временного содержания на Петровку, 38. А Романов долго еще сидел молча, думая о том, чем кончится для него этот ход ва-банк. Ведь никаких убедительных доказательств вины задержанного у него не было. Только толчок внутренней интуиции, порожденный, смешно сказать, пробкой от винной бутылки.

С тяжелым сердцем поехал он в тот вечер домой. И едва вошел в квартиру — телефонный звонок: «Срочно на Петровку! Машину за вами выслали. Арестованный начал давать показания».

Лицом к лицу с Постниковым Романов просидел всю ночь. Тот признался во всем. Рассказывал долго и подробно.

В принципе рассказ арестованного совпадал с тем, что за все это время вычислило следствие и оформило в главную рабочую версию: умышленное убийство женщины с целью избавиться от уплаты долга и уничтожение ее детей как опасных свидетелей. Новыми были лишь детали того, как Постников собирался в Москву, как ждал во дворе у дома Татьяну Михайловну, выходившую в магазин, как пытался уговорить ее подождать возвращения долга и хотел смягчить ее гнев привезенными подарками — сушеной рыбой и банкой икры, и как вышедшая из себя женщина, швырнув эту банку обратно, чуть не попала ей ему в лицо.

Рассказал Постников и о том, как долго ждал возвращения из школы сына Татьяны Михайловны и, сидя в коридоре на не установленной еще новой ванне, смотрел телевизор. Объяснил и происхождение столь озадачившего следователей круга выгоревшего линолеума на кухне.

Дело в том, что вместе с самодельным мелкокалиберным стреляющим устройством Постников привез и перчатки, благодаря которым за семь часов пребывания в квартире Татьяны Михайловны он не оставил там ни одного отпечатка своих пальцев. За все это время он снял их только один раз. Это произошло после того, как, разыскивая среди вещей убитой свою расписку на сто долларов, он обнаружил целлофановый пакет с похожей бумагой. Запустив в него пальцы, он извлек бумагу, развернул, а она оказалась не той. Он снова надел перчатки и, испугав-

шись, что на целлофановом пакете и на бумаге могли остаться отпечатки его пальцев, сжег их на полу в кухне.

Терпеливо и внимательно слушая все это, Романов с хладнокровием и опытом профессионала видел, что признавался Постников лишь в том, что не имело материальных подтверждений и в любой момент могло быть им же и опровергнуто. Такое бывало многократно. Чтобы выиграть время и дать сообщникам возможность уничтожить улики или даже свидетелей, преступник «раскалывается», а потом на суде отказывается от всех своих показаний. Или, более того, говорит, что их из него следователи выбили силой. Невиновен, мол, я. И все! Докажите! Вот и распалось дело. Такое случалось не раз.

Вот если выдаст орудие убийства или украденные вещи — это уже действительно признание. Его обратно не возьмешь.

Постников же, признав и убийство, и то, что взял в квартире все, что смог унести, на вопрос, где оружие и вещи, заявил, что возвращаясь домой, вдруг испугался и выбросил все с парохода в Волгу.

Ищи их там! Нереально. Никаких других доказательств нет. Их снова надо искать. Слава богу, теперь уже было известно где.

О том, что, совершив все три убийства, он, уходя, забрал вещи, Постников рассказал лишь после того, как его об этом спросили. О надписях на стенах не сказал ничего. Романов прямо о них и не спрашивал, а лишь осторожно подводил к этому в разговоре. Так, чтобы Постников сказал о них сам. А он — нет, молчит. Хотя, казалось бы, что скрывать эту поистине детскую шалость в сравнении с тремя убийствами, которые он признал полностью? Странно.

И тогда у Романова возникла мысль о том, что, быть может, убийца был не один и что на стенах писал кто-то второй или даже третий сообщник, азербайджанец, которого — или которых — Постников не хочет выдавать? А может быть, он или они писали на стенах, когда Постников ушел и этого не видел? Может быть, он убил лишь мать и дочь, а сына остались ждать другие? Или вообще никого Постников не убивал, а был лишь «заказчиком» убийства и теперь, после провала, в страхе перед расправой боится выдать настоящих убийц и все берет на себя? Такое тоже возможно.

О том, что простого, пусть даже полного признания Постникова совершенно недостаточно, стало ясно буквально на следующий же день. Успокоившись, он стал уже говорить, что, приехав к Татьяне Михайловне поговорить, убил ее не преднамеренно, а лишь случайно после того, как она бросила ему в лицо привезенную ей в подарок банку икры. Следователи, естественно, тут же задали ему вопрос: зачем, отправляясь в Москву для делового разговора с женщиной, он делал это в абсолютной тайне и взял с собой тонкие перчатки и мелкокалиберный обрез с патронами? На это Постников ответить не смог. И тут же выдал новую версию о том, что он лишь присутствовал в квартире, а убивал-де какой-то другой человек, о котором он якобы ничего не знает, потому как встретился с ним случайно.

В общем, почти парадокс: дело раскрыто, но упорный поиск следов, улик и свидетелей продолжается. Следствию нужно было хотя бы одно вещественное доказательство.

— Ну хорошо,— при очередном допросе спрашивал Постникова Романов,— допустим, оружие и вещи вы якобы выбросили в Волгу. Ну а пули и гильзы? Вы ведь явно унесли их с места преступления. Где они?

— Тоже выбросил.

— Где?

— У Павелецкого вокзала.

— Где точно?

— Уже и не помню.

— Поехали туда, на месте должны вспомнить.

На привокзальной площади Постников показал следователям на захламленный, загаженный угол: «Где-то здесь. Ищите».

Указанное им место огородили, и после этого три дня весь отдел уголовного розыска Гагаринского УВД в полном составе выходил туда, как в свое время на коммунистические субботники. С той только разницей, что работали здесь у вокзала все упорно и тщательно с утра и до вечера. Собирали в мешки годами скопившееся там — в основном от бомжей — непотребство, выносили на сухой асфальт, высыпали из мешков и руками перебирали всю эту мерзость. Разминали пальцами даже маленькие комки грязи. Мелкокалиберная гильза ведь малюсенькая. А пуля еще меньше.

Потом признавались, что работали не веря в успех. И Постников не верил, потому и правильно указал место.

Но гильзы все-таки нашли! И это был первый настоящий большой успех.

Потом снова поехали в Камышин в надежде найти хоть что-нибудь из вещей, похищенных убийцей в квартире Татьяны Михайловны. Шинаков предложил, чтобы во главе группы поехал туда и Романов. В Камышине следователи перерыли в доме Постникова и вокруг него все. И все напрасно. Снова и снова опрашивали десятки и сотни людей. Работали до упада. Питаться в Камышине негде. И если б не жена заместителя начальника камышинской милиции, которая носила им на работу то борщ в кастрюльках, то оладьи, погибли бы московские следователи от голода.

Огромную помощь оказал и сам зам. начальника горотдела Борис Иванович Паренченков. Никто из московских следователей не мог припомнить, чтобы где-нибудь когда-нибудь на местах им так самоотверженно помогали в работе местные милицейские органы.

Но стоящего результата в той работе долго не было. Нашли, правда, у матери Постникова дорогую французскую косметику. Откуда? Сын, говорит, привез в подарок из Краснодара. Его спросили — утверждает то же самое про Краснодар. Может, сговорились. А может быть, это и правда. Короче, косметика — не доказательство. Нужно было что-то более доказательное.

И это «что-то» стало наконец появляться. Один из опрошенных людей вспомнил, что видел Постникова у московского поезда на вокзале в то время, на которое у него было «железное» алиби. Другой рассказал, что Постников в те же дни сам говорил ему, что побывал в Москве и, более того, предлагал недорого продать привезенный оттуда видеомагнитофон.

Это уж, как говорится, «теплее». А один из знакомых вспомнил, что

видел у Постникова мелкокалиберный обрез и знает, что он покупал к нему патроны.

Это уж совсем «тепло». Доложили в Москву, и, посоветовавшись с руководством прокуратуры, Шинаков решает, что снова нужно «посмотреть» Постникова в соответствующем интерьере, и приказывает привезти его для допроса и очных ставок в Камышин. Там на основании всего того, что «накопали» следователи, у Романова был с ним новый долгий разговор, в результате которого Постников признался: «Все, что вы ищете, я спрятал в тайниках в стене и в подвале на даче».

Признался он в этом уже вечером. И как ни устали следователи за день бешеной работы, решили: пока он признается, нужно срочно ехать на место.

Но вечер же! И это Камышин! Ни машины нет, ни видеокамеры, которая в случае обнаружения вещественных доказательств должна все это зафиксировать на пленке. Выручил снова Борис Иванович Паренченков. И машину достал, и камеру. Снимать, сказал, будет сам.

К загородному дому Постникова подъехали уже в темноте. Отрывали доски и разбирали кладку мощного кирпичного цоколя дома, потом копали землю в подвале уже ночью при свете автомобильных фар и переносных ламп.

В двух тайниках, которые не обнаруживал даже воинский миноискатель, нашли семь сумок с украденными вещами и самодельное стреляющее устройство, изготовлением которых, как выяснилось, давно промышляют умельцы местного механического завода. И запас патронов следователи нашли там же.

Вот это уже доказательства! Пуля из головы убитой женщины, отстрелянные гильзы, само орудие убийства и оставшиеся патроны — все, что нужно для экспертизы.

Вот и все наконец. Остальное — дело техники: доследование и оформление дела для передачи в суд.

И последние, уже уточняющие, вопросы к Постникову:

Зачем он целых шесть часов ждал и убил сына Татьяны Михайловны? Ведь тот его в Москве не видел? Оказалось, что слышал. Именно юноша первым подошел к телефону, когда Постников звонил Татьяне Михайловне, предупреждая о своем последнем приезде. Сын мог вспомнить об этом в разговоре со следователями, если бы остался в живых, и Постников ждал его прихода из школы.

Ну и, наконец, о загадочных письменах и знаке ислама на стенах. Что это?

Последнее, уже самое полное, признание Постникова — и еще одно свидетельство профессионализма сыщиков, расценивших их как умышленно подброшенный ложный след.

Арестованный признался, что, задумав убийство, учитывая и настроения в нашей стране, и работу мужа Татьяны Михайловны, заранее продумал маневр, рассчитанный на то, чтобы направить следствие по мусульманскому следу. Для этого сочинил текст, пошел на местный рынок и, сказав, что это нужно для местного горсовета, попросил первого попавшегося торговца фруктами из Азербайджана написать это на его родном языке. А телефон «Комсомолки» написал на стенах

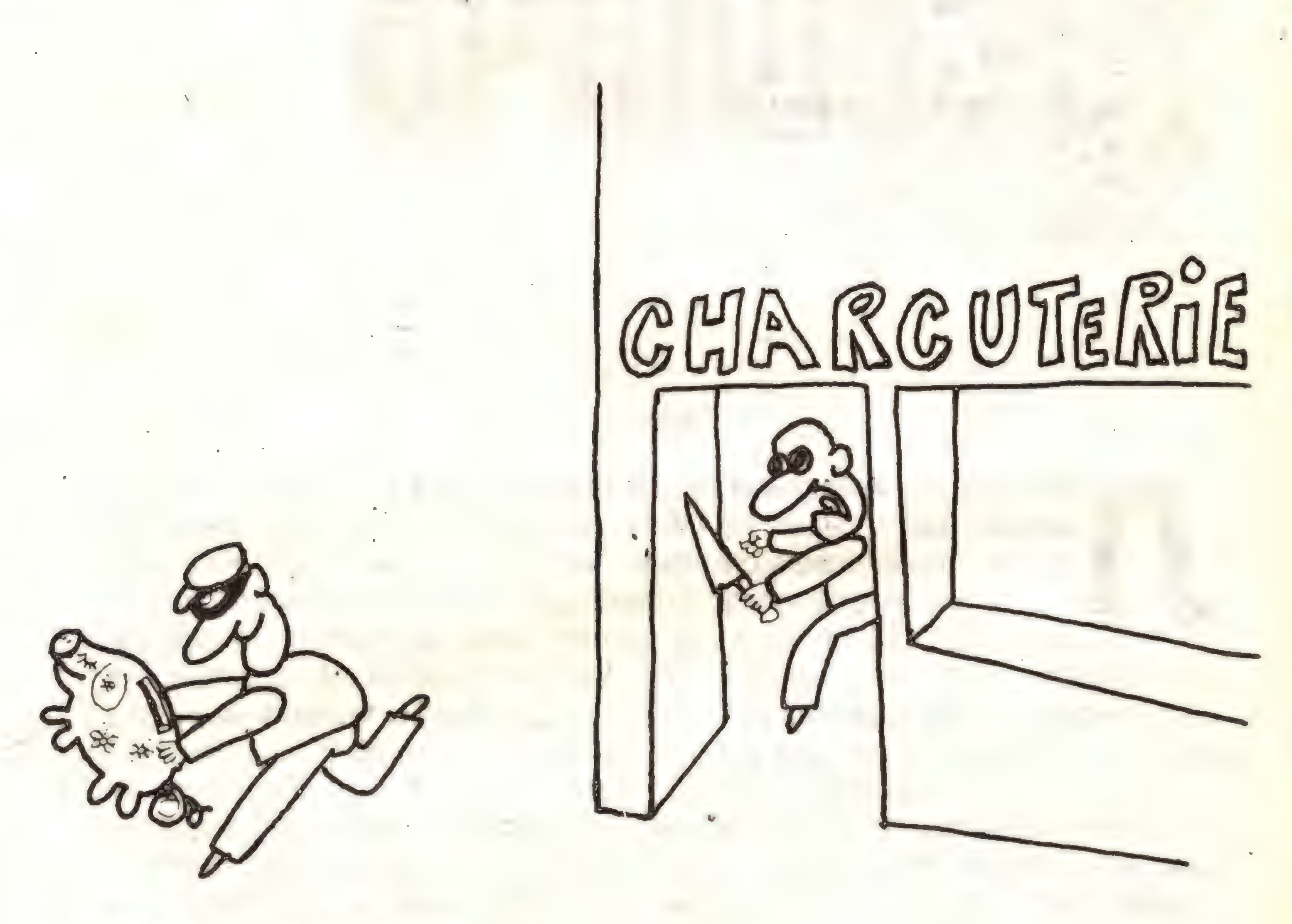
потому, что она единственная московская газета, которая была у Постникова в доме.

Для убедительности маневра и придания ему международной направленности он пририсовал на стенах хорошо известный ему по винным пробкам исламский знак. И прямо скажем, кое-что преступник этим добился. При крайней добросовестности бригады Романова, несмотря на то что этот след с самого начала казался ей явно ложным, тщательная отработка и его отняла у следователей очень много времени и сил.

* * *

И в заключение о том; что кто-то, быть может, не согласится с заголовком нашего репортажа. Возможно, скажет, что у нас случаются преступления и куда более кровавые и более жестокие, чем это. И он будет прав. Случаются. Но чтобы молодой, психически здоровый человек, с преотличнейшими характеристиками, полный сил, при ничем не ограниченных ныне возможностях работать и зарабатывать мог умышленно и хладнокровно истребить целую семью, чтобы не отдавать свой долг в 100 долларов!

Разве это не жуть?!



Из серии «Грабители».
На вывеске магазина надпись: «Мясо».
Рисунок из французского журнала «Полис насиональ».

Шарль ЭКСБРАЙЯ

РОМАН

Глава I

Лью Мартин, известный среди малышей Стоктон-Сити как «дядюшка Лью», сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и мечтал о том благословенном часе, когда он сможет наконец уйти в отставку и отдохнуть. Всякий раз, как Лью пытался подсчитать, сколько бесконечно долгих часов он провел на дежурстве, бродя по улицам города, или торчал столбом на перекрестке Белвер-стрит и Кеннеди-авеню, регулируя движение, у бедняги начинала кружиться голова, и только крепкое словечко помогало не рехнуться окончательно. Лью Мартин звезд с неба не хватал, но был честным служакой и уже почти тридцать лет добросовестно выполнял порученную ему работу. Но сейчас, когда делать было решительно нечего, полицейский позволил себе погрузиться в мечтания и, вероятно, уже в тысячный раз подумать над важной проблемой — стоит ли, получив отставку, обосноваться на родине жены, в Кентукки, неподалеку от Мэдисона, или же уехать на оставленную ему родителями ферму в окре-

стностях Роллы, в самом сердце Миссури. Впрочем, и сейчас Лью так и не смог прийти к окончательному решению, тем более что в управление с перекошенным лицом влетел Джордж Росли, владелец знаменитого в городе ресторана «Маисовый початок». Мартин очень любил старика Джорджа и знал его всю жизнь. Росли уже стукнуло семьдесят два года, однако он сохранил юношескую живость и стройность, а заодно и удивительно мощную глотку. Полицейский дружески приветствовал старого знакомца:

— Салют, Джордж! У тебя все в порядке?

— А какой порядок может быть в Стоктон-Сити, если полицейские дрыхнут даже в управлении?

Лью, конечно, очень хорошо относился к Джорджу, но все-таки есть вещи, о которых не следует говорить. А потому, скинув ноги со стула и вытянувшись во весь свой немалый рост, он сухо заметил:

— Во-первых, я не «дрых», а отдыхал, а во-вторых, я не позволю, чтобы ты разговаривал со мной в таком тоне!

— Не будем попусту терять время, Лью. Пойди скажи лейтенанту, что я хочу с ним потолковать.

— Лейтенанта сейчас нет на месте.

— Ладно. Тогда я зайду в другой раз.

— Но капитан у себя...

— Ты что, чокнулся? — оборвал его старик.— Как же, стану я рассказывать о своих неприятностях этому подонку!

— Ты не имеешь права, Джордж Росли, говорить такие вещи о шефе полиции, тем более — в моем присутствии!..

— Плевать мне на твое присутствие, Лью, потому как тебе не хуже моего известно, что Тед Мелфорд — законченный негодяй, последняя сволочь, продажная шкура и черт знает что еще!

— Если ты собираешься продолжать в том же духе, Джордж Росли, я отправлю тебя малость охладиться в камеру!

— В таком случае, мой бедный Лью, тебе придется отправить туда все население Стоктон-Сити, поскольку в городе нет ни единого человека, кто бы не знал, что Тед Мелфорд — подонок и, вместо того чтобы внушать почтение к закону, продался Мэлу Войддингу, который вместе со своими проклятыми гангстерами держит в страхе весь город!

Ответ на эту гневную тираду послышался из-за спины Джорджа, и произнесший его голос не предвещал ровно ничего хорошего:

— Будь вы помоложе, Росли, я бы отвел вас в сторонку, поучил вежливости и растолковал, как нужно говорить о начальнике полиции Стоктон-Сити.

Росли обернулся. В дверях стоял колосс, облаченный в форму лейтенанта полиции. Лью Мартин покрылся холодным потом — его всегда пугали гневные вспышки О'Мэхори, типичного ирландца, известного тем, что он мало чего боится на этой земле. Зато на старого Джорджа появление лейтенанта произвело совсем другое впечатление. Старик расплылся в счастливой улыбке:

— Лейтенант О'Мэхори! Вас-то я и пришел повидать!

— А в чем дело?

— Понимаете... мне бы не хотелось, чтобы кто-то другой услышал то, что я собираюсь вам рассказать... И особенно капитан.

— Опять вы за свое, Росли?

— Да нет же, черт возьми! Просто мне слишком дорога моя шкура!

О'Мэхори немного поколебался, но, сообразив, что старик и в самом деле здорово напуган, кивнул:

— Согласен... Моя машина стоит на улице.

* * *

Чуть позже, после того как оба покинули участок, в приемную вышел Тед Мелфорд. Лью сразу догадался, что капитан уже успел выпить, и, вспомнив, каким человеком был Тед до постигшего его несчастья, не смог сдержать тяжелого вздоха. В прежние времена для всех жителей Стоктон-Сити Мелфорд олицетворял само правосудие — суровое, но справедливое. И все знали, как он любит свою жену Мэри и двух дочерей. Лилиан погибла, не дожив и до двадцати лет, а прелестной девчушке Джойс едва исполнилось пятнадцать. Мелфорда всегда ставили в пример, и Лига поддержки американской семьи избрала его почетным президентом. Но все это — в прошлом. Теперь уже никто не испытывал к капитану ни малейшего уважения, и, за исключением мэра Теренса Кэмдена и Флойда Шерпо, хозяина бара «Среди добрых друзей», во всем городе не нашлось бы ни единого человека, который бы пожелал публично появиться в обществе капитана полиции, после того как он начал пьянствовать и запятнал свою честь. Даже самые уравновешенные граждане никак не могли взять в толк, почему мэр не отправит его в отставку и чего он ждет. Причин избавиться от Мелфорда хватало с лихвой.

— Привет, Лью...

— Добрый день, шеф.

Мелфорд, не добавив ни слова, вернулся в кабинет.

С фотографии, стоявшей на столе Теда, улыбалась очаровательная молодая девушка, Лилиан. И каждый раз, садясь в кресло, капитан испытывал такую же острую боль, как в тот день (а с тех пор прошел почти год), когда Пат О'Мэхори сообщил ему, что Лилиан попала под машину и ее увезли в больницу. Как ни спешил Тед, он не успел застать дочь в живых. С тех пор, несмотря на любовь близких и сочувствие всего города, он превратился в жалкое ничтожество. Из славы и гордости Стоктон-Сити Мелфорд стал его позором. Но в первую очередь капитану не могли простить то, что он стал попустительствовать гангстеру Мэлу Войддингу, один из наемных убийц которого, возможно, сидел за рулем машины, сбившей Лилиан. Впрочем, машина была зарегистрирована в штате Огайо и немедленно скрылась с места преступления.

Тед Мелфорд не мог думать ни о чем, кроме гибели своей дочери. Часами он сидел у себя в кабинете, снова и снова переживая постигшее его горе. Оттуда капитан выходил лишь в бар Флойда Шерпо и под презрительными взглядами клиентов пил, тщетно пытаясь забыть о несчастной девочке. Когда Тед приближался к стойке, некоторые демонстративно отодвигались.

— Мою бутылку, Флойд,— только и говорил он.

— Ты ее допил вчера вечером, Тэд,— нередко приходилось отвечать Шерпо.

— Что ж, тогда открой другую!

Бармен выполнял приказ, и капитан беседовал с бутылкой, пока наконец не вставал и, одернув мундир, деревянным шагом не направлялся к двери, провожаемый сочувственным взглядом Флойда.

— Я не потерплю никаких грубых замечаний о моем друге Теде Мелфорде,— с самым свирепым видом предупреждал Шерпо, как только за капитаном закрывалась дверь.

Шерпо, бывший игрок в регби, многим внушал почтение, и немалая часть его клиентов втайне восхищалась преданностью бармена опустившемуся другу.

* * *

Лейтенант без стука вошел в кабинет шефа.

— Здравствуйте, капитан.

— Добрый день, Пат. Что-нибудь новенькое?

— Готовится прескверная история.

— Вот как?

— Ко мне приходил Джордж Росли. У него побывал Джимми Тонала.

— Ну и что?

— Тонала заявил старику, что, если тот не согласится сдавать белье в «Юкатан», прачечную Макса Моски, его ресторан перевернут вверх дном. Разумеется, Макс действует с полного согласия Войддинга.

— А дальше-то что?

— А то, шеф, что мне очень хотелось бы знать, станем ли мы и впредь терпеть такой наглый рэкет!

— Слишком сильно сказано, Пат.

Лейтенант ошарашенно воззрился на капитана:

— Вы и в самом деле думаете то, что сейчас сказали?

— Пока у нас нет никаких доказательств, что Тонала всерьез угрожал Росли.

— Вы больше верите бандиту вроде Тоналы, чем Джорджу?

— Не в том дело... Но, боюсь, как бы воображение старого Росли...

— Джордж не маразматик и вовсе не выжил из ума,— резко оборвал капитана О'Мэхори.— Если вы это пытались мне внушить! Вся беда в том, что вы, как всегда, пресмыкаетесь перед Войддингом и его бандой!

— Я не позволю вам...

Лейтенант презрительно рассмеялся.

— Вы больше не можете ни разрешать, ни запрещать мне что бы то ни было, шеф. Вы совсем утратили мужество и честь. Знаете, какого мнения о вас в Стоктоне? Когда кто-то делает пакость, о нем говорят: «Мерзок почти так же, как Тед Мелфорд»!

Капитан усилием воли заставил себя сдержаться.

— Выбирайте слова, лейтенант! — буркнул он.

— Я всего лишь передаю вам то, о чем твердит весь Стоктон, капитан. Кстати, это входит в мои обязанности.

— Мне не нравится ваше рвение, лейтенант!

— А мне — ваше отношение к гангстерам, капитан!

— Замолчите! Приказываю вам замолчать!

О'Мэхори вытянулся по стойке «смирно». Капитан явно смутился.

— Мне очень печально, лейтенант, что вы принуждаете меня разговаривать с вами в таком тоне... Помнится, когда-то мы были друзьями?

— Ошибаетесь, капитан... У меня был друг, которого звали так же, как и вас, но он умер. Дружба невозможна без уважения, а мне трудно уважать человека, способного так себя вести. Став полицейским, я поклялся чтить закон и намерен сохранить верность клятве. Что до Росли, то это крепкий старикан. Он полон решимости не сдаваться, намерен собрать всех владельцев ресторанов и уговорить их сопротивляться требованиям молодчиков Войддинга. И я встану рядом с ним!

— Я вам запрещаю!

— Плевать мне на ваши запреты, Тед Мелфорд, я сегодня же подам в отставку.

— Вас назначил мэр, и прошение вы должны подать ему.

— В таком случае немедленно иду в мэрию. Прощайте!

На пороге огромный ирландец обернулся и пристально посмотрел на капитана.

— И запомните: если с Джорджем Росли что-нибудь случится, никто не помешает мне расправиться с этими подонками! Даже если потом меня усадят на электрический стул!

Подождав, пока эхо шагов О'Мэхори затихнет вдали, капитан вышел из управления и сел в машину. Через несколько минут он остановился у отеля «Эксцельсиор», где жил Мэл Войддинг, занимая там целый этаж. Джимми Тонала, пристроившись на стуле у лифта, изучал спортивный журнал. При виде капитана бандит приложил палец к шляпе:

— Наше вам...

Не обращая на него внимания, Мелфорд свернул в коридор. Ноги утопали в толстом ковре. Не успел он постучать, как дверь открылась. Перед капитаном стоял телохранитель Войддинга Брайан Уингфилд. Тед, видимо, отвлек его от партии в покер с другим убийцей — Элом Сирвелом.

В соседней комнате второй помощник Войддинга, Макс Моска, раскладывал пасьянс, а его подружка, блондинка по имени Пипер Плок, которую все называли просто ПэПэ, старательно наводила марафет. В настоящее время, несмотря на полное отсутствие таланта, она считалась «звездой» кабаре Войддинга.

Мелфорд посмотрел на Макса: невысокий рост, черные курчавые волосы и некоторая склонность к полноте выдавали его итальянское происхождение. Для Теда не было секретом, что Моска спит и видит, как бы занять место своего приятеля Чака Аллакдэйла, правой руки Войддинга. Опасный тип этот Макс и к тому же всегда ухитряется не запачкаться. Если он и убивает, то лишь под покровом темноты, так, чтобы все было шито-крыто. Чак, наоборот, являл собой тип идеального американца — высокий блондин с великолепной фигурой и по-детски простодушной улыбкой, сразу же вызывавшей симпатию. Однако доверять располагающей внешности Аллакдэйла не стоило — стрелял он быстро и точно, не переставая, впрочем, все так же мило улыбаться. Внешняя мягкость скрывала жестокий, холодный ум. Чак любил убивать.

Макс Моска надел пиджак.

— Пойдемте, Мелфорд.

Друг за другом они миновали еще две комнаты. Моска тихонько постучал в дверь и, получив разрешение войти, скользнул в комнату, но почти тотчас же вышел обратно.

— Босс ждет. Заходите. Счастливо.

* * *

В жизни Мэла была только одна страсть: бабочки. За долгие годы он собрал великолепную коллекцию и тратил фантастические суммы на какой-нибудь редкий экземпляр. Каждый день Войддинг проводил по нескольку часов, склонившись над застекленными ящиками и созерцая любезных его сердцу чешуекрылых. Когда Мелфорд вошел в комнату, гангстер разглядывал в лупу один из образчиков своей коллекции, с осторожностью ювелира перебирая короткими толстыми пальцами.

— Чего вы хотите, Мелфорд? — спросил он, не поднимая головы и не предлагая гостю сесть.

— Мне надо поговорить с вами о Джордже Росли.

— Это еще кто такой?

— Насколько мне известно, Тонала приходил к Джорджу требовать, чтобы тот сдавал белье в прачечную «Юкатан», угрожая в противном случае крупными неприятностями. Если вы не отстанете от Джорджа, мне придется принять кое-какие меры.

— В самом деле?

Войддинг медленно распрямил короткий жирный торс.

— У вас есть еще одна дочь, а, Мелфорд?

— Да, Джойс.

— И жена, которой, насколько я понимаю, вы дорожите?

— Разумеется.

— Было бы весьма прискорбно, если бы их постигла судьба вашей дочери Лилиан...

— Капитан закрыл глаза и до боли стиснул зубы.

— Вы сами решили присоединиться к нам, Мелфорд. И теперь от меня вам нельзя уйти просто так. Так что нравится вам или нет, а вы останетесь у меня в подчинении.

— Мэр отправит меня в отставку.

— Тогда я сам подыщу вам работу.— Войддинг издал что-то вроде смешка.— Я никогда не бросаю своих людей.

— А как насчет Росли?

— Вы мне уже порядком осточертели с этим старым дурнем, Мелфорд. И не заставляйте меня повторять вам довольно неприятные истины. Или Росли подчинится, или мы поступим с ним по нашим законам, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Терпеть не могу упрямцев! Так что вы проездили впустую... Но я не хочу, чтобы вы уезжали, совсем ничего не добившись, а потому доверю вам новость, которая пока известна мне одному: мой младший братишка Берт переселяется в Стоктон-Сити и намерен прихватить с собой парочку приятелей — Сэма Мервейна и Тони Альтамиро. Последний — мексиканец, но, говорят, этот малыш опаснее гремучей змеи. Вся милая компания попол-

нит наши ряды, но для этого необходимы и новые расходы. Не так ли? А потому всяким там Росли не время строить из себя героев... Берт — очень изобретательный малый, и на него вполне можно положиться. Я просто счастлив, что он решил присоединиться ко мне. Не то чтоб меня особо обуревали родственные чувства, но мне уже случалось использовать таланты младшего братишки, и не без выгоды... Он приезжает из Дайтона.

— В Огайо?

— Вот-вот... Я рассчитываю, что вы будете особенно любезны и с моим младшим братом, Мелфорд.

* * *

Когда дежурный доложил, что лейтенант О'Мэхори хочет поговорить с ним по важному делу, мэр Теренс Кэмден тяжело вздохнул. Он догадывался, зачем пожаловал Пат. Мэр испытывал искреннюю симпатию к простодушному верзиле ирландцу, но иногда тот здорово действовал ему на нервы.

— Какой добрый ветер вас принес, лейтенант?

— Я написал вам прошение об отставке.

— Вы шутите?

— Вам отлично известно, что я никогда не шучу.

Кэмден и в самом деле об этом знал.

— Но в конце-то концов почему?

— Потому что я не могу больше работать с Тедом Мелфордом. Кому-то из нас надо уйти.

— Послушайте, Пат...

— И не пытайтесь меня уговорить! Я вовсе не хочу, чтобы и меня тоже весь город считал продажным полицейским!

И тут лейтенант рассказал мэру о Джордже Росли и о нежелании капитана принимать меры. Теренс покачал головой.

— Может, вы и правы насчет Теда, лейтенант, но все равно сейчас не время бросать работу.

— Тогда увольте Мелфорда, который бесчестит всю полицию.

— Не слишком ли суров приговор?

— Но, черт возьми, он же получает деньги от Мэла Войддинга! Капитан полиции на службе у главаря банды! И вы считаете это нормальным?

— Пока еще никто не смог принести мне доказательства его падения.

— С тех пор как погибла Лилиан, Мелфорд все время выгораживает Войддинга и его убийц! И это при том, что он сам подозревает, будто несчастный случай подстроили эти подонки!

— Докажите это. Я знаю Теда, О'Мэхори, еще с тех пор, когда он учился в начальной школе... Тед всегда был образцовым полицейским... И едва не покончил с Войддингом и его бандой, а потом вдруг произошла эта трагедия с его дочерью... После смерти Лилиан Тед уже далеко не прежний, говорят, даже начал пить... Я уже хотел отправить его в отставку, но подумал о Мэри. Что станет с ней и с их второй девочкой?

— Но интересы города...

— ...важнее, чем судьба Мэри и Джойс Мелфорд, согласен... И все же дайте мне время забыть, каким удивительным человеком был Тед... Вот почему я чисто по-человечески прошу вас, Пат,— потерпите малость... Я знаю, для упрямого ирландца это чертовски много, но... ради меня, а, Пат?

О'Мэхори колебался.

— Я уже предупредил, что понес вам прошение об отставке... Что ж он обо мне подумает, увидев, что я опять притащился в управление?

— Тед только страшно обрадуется, Пат... Уж в этом могу дать вам слово... Ведь Мелфорд вас очень любит и ценит. Да и вы сами, старина, когда-то относились к нему по-дружески, правда?

— Не веди он себя так, как теперь, мы бы и сегодня оставались друзьями...

Мэр встал и, обойдя стол, положил руки на плечи полицейского. Но чтобы поглядеть в глаза ирландцу, ему пришлось задрать голову.

— Позвольте старику напомнить вам, Пат, что дружба познается только в беде. Мы нужны Теду и не можем бросить его в такой трудный момент...

* * *

В тот вечер, когда муж вернулся домой, Мэри Мелфорд сразу почувствовала, что дела идут хуже, чем обычно. Она помогла Теду раздеться, молча проводила в гостиную и усадила в кресло.

— Джойс,— крикнула она возившейся в кухне дочери,— принеси отцу тапочки. Ты хочешь мартини, Тед?

Пока мать готовила коктейль, в комнату вошла Джойс, чудесная крошка, уже не совсем подросток, но еще не взрослая девушка. Тед обхватил ее тонкую талию, прижал к себе и поцеловал.

— В школе все в порядке?

Джойс сразу нахмурилась.

— Не совсем...— честно призналась она.

— Вот как? И с чем у тебя нелады? С математикой? Историей? Географией?

— Ох, дело совсем не в этом...

Увидев, что мать возвращается с бокалом, Джойс упорхнула на кухню допекать пирог.

Пока муж мелкими глотками прихлебывал мартини, Мэри внимательно изучала его лицо.

— Неприятности на работе?

— Пат хочет уйти в отставку.

— Пат? Но почему?

Мелфорд пожал плечами.

— Все та же история... Пата возмущает, что я могу поддерживать отношения с Мэлом Войддингом, хотя один из его подручных, быть может, убил нашу дочь... Пат считает меня подонком и откровенно об этом сказал.

— Пат О'Мэхори — хороший парень,— медленно и задумчиво проговорила Мэри.

— Ты считаешь, что он прав, Мэри?

— Я запрещаю себе судить тебя. Ты мой муж, и я останусь рядом с тобой, что бы ты ни сделал, что бы ни случилось... но...

— Но?..

— ...это очень тяжко, Тед. Сегодня меня оскорбили на рынке. Какая-то незнакомая женщина бросила мне в лицо: «Не очень-то задавайтесь, миссис Мелфорд, не велика честь быть женой последнего мерзавца в Стоктон-Сити!»

Мелфорд поставил бокал на столик, и жена взяла его за руки.

— Что с тобой, Тед? Ты, когда-то такой безжалостный к гангстерам... как ты мог договориться с ними? Стать их другом?..

— Эта компания нам не по зубам... Я пытаюсь лишь помешать им творить слишком вопиющие преступления...

— Ценой своей репутации? Чести?

— Я не хочу, чтобы других детей постигла судьба Лилиан, если их родители упрутся.

— А тебе ни разу не приходило в голову, что кто-то из тех, кому ты не стыдишься подавать руку, возможно, убил нашу девочку?

— Да.

— И тебе это безразлично?

— Нет, конечно... Но я думаю в первую очередь о других. Я обязан их защищать.

— Став сообщником людей попирающих закон?

Мэри повернулась, чтобы уйти, но муж поймал ее за руку.

— Прости меня, Мэри... Может быть, когда-нибудь ты поймешь, почему я веду себя именно так.

— Сомневаюсь, Тед.

— А Джойс? Что у нее не ладится в школе?

— Мне бы не хотелось об этом говорить.

— Ах вот оно что? То же, что сегодня произошло с тобой?

— Да. Джойс больше никуда не приглашают, и никто не решается ухаживать за ней.

— Девочка сердится на меня?

— Она не сказала об этом ни слова, а сама я не лезла ей в душу. Но можешь быть спокоен: что бы ни думала Джойс, она тоже, как и я, никогда не отречется от тебя.

* * *

Возвращение Пата О'Мэхори домой получилось не намного веселее. И однако Морин, рыжеволосая и зеленоглазая жена лейтенанта, мгновенно заметила по лицу мужа, что у него неприятности.

— Ну что, опять сцепился с капитаном, Пат?

— Да. И даже швырнул ему в физиономию прошение об отставке.

— Совсем рехнулся? А на что мы будем жить? Людям небогатым не следует иметь слишком чувствительное самолюбие,— сухо заметила миссис О'Мэхори.

— И это говоришь ты, Морин?

— Нет, не я, а мясник, бакалейщик и молочник... Легко тебе взрываться и впадать в праведный гнев! Гораздо труднее утихомиривать лавочников, которые все время требуют денег... Уж им-то плевать на твои высокие чувства!

У Пата было множество достоинств, но терпение никак не входило в их число.

— Так ты поддерживаешь этого мерзавца Мелфорда? По-твоему, он правильно делает, заигрывая с бандитами? — прорычал он.

— Я никого не поддерживаю и вообще знать не знаю обо всех этих историях. Но когда ты ругаешь своего шефа, я думаю о его жене — уж Мэри-то ни в чем не повинна, а меж тем я осталась ее единственным другом!

— Но, позволяя Теду творить беззаконие, я невольно становлюсь его сообщником!

Не зная, что возразить, Морин обняла и поцеловала мужа.

За ужином Пат рассказал жене о Джордже Росли, сказав:

— Хороши же мы будем, если с Росли что-нибудь стрясется!

— А с чего ты взял, будто с ним обязательно должно что-то произойти? Бандиты знают, что старик виделся с тобой и все тебе рассказал... Можешь не сомневаться, они и с места не сдвинутся. Не такие дураки...

— Будем надеяться, что ты права!..

* * *

Телефонный звонок разбудил Морин — Пата всегда было гораздо труднее вытащить из-под одеяла. Молодая женщина в полусне протянула руку и сняла трубку.

— Да?.. Вы отдаете себе отчет, что уже... ладно... ладно... сейчас...

Морин встряхнула мужа.

— Ну? Что стряслось?.. И который час?

— Половина второго, и на том конце провода тебя ждет Лью Мартин.

Морин снова скользнула под одеяло и, закрыв глаза, собиралась продолжить прерванный сон, но, почувствовав, что муж встает, приподнялась:

— Что ты делаешь, Пат?

— Я еду к Лью.

— Зачем?

— Они убили Джорджа Росли.

Глава II

Несмотря на поздний час, у закрытых ставень «Маисового початка» толпились люди. Из-под запертой двери, которую охранял Лью Мартин, виднелась узкая полоска света. Едва Пат выскочил из машины, его схватила за руку какая-то женщина.

— Скажите, лейтенант, когда же вы наконец разгоните всю эту сволочь или посадите на электрический стул? Вы обязаны нас защищать! Почему же вы этого не делаете?

О'Мэхори мягко отстранил незнакомку.

— Возвращайтесь-ка лучше домой... В такое позднее время вам бы следовало спать... А остальное предоставьте нам.

Пат вошел в ресторан и направился к внутренней лестнице, у которой дежурил другой полицейский — Бад Зигбург.

— Кто там наверху, Бад?

— Джо Илкли вместе с доктором.

В спальне на кровати лежало безжизненное тело Джорджа. Джо Илкли, еще совсем молодой полицейский, поддерживал Кейт Росли. Эта седовласая усталая женщина, казалось, еще не до конца поняла, что верный спутник всей жизни покинул ее навсегда. Врач Эл Шерри закрывал чемоданчик. Пат подошел к нему.

— Ну что, док?

— Множественные повреждения черепа в результате одного или нескольких сильных ударов, вероятно, кулаком. Смерть наступила почти мгновенно.

— А время?

— Тут вряд ли потребуется вскрытие — есть свидетель.

И врач незаметно кивнул в сторону вдовы.

О'Мэхори подошел к Кейт и взял ее за руку.

— Миссис Росли... Все мы любили вашего мужа... и разделяем ваше горе... Но теперь надо отомстить за его гибель. Вы хотите нам помочь?

— Я знаю, вы славный малый, Пат О'Мэхори,— сквозь слезы проговорила вдова.— Но сейчас даже вы уже ничего не можете сделать для Джорджа...

— Я могу арестовать убийцу!

— Вы пытаетесь меня утешить, но сами отлично знаете, что шеф полиции вечно покрывает наемников Мэла Войддинга. У вас ничего не выйдет, лейтенант...

Пат бережно усадил вдову.

— А теперь... расскажите мне...

— Мы уже закрывали... Все клиенты разошлись. Прислуга, закончив вечернюю уборку, тоже отправилась по домам. Джордж запер ставни, уже хотел задвинуть дверной засов, как вдруг вошел Джимми Тонала.

— Вы совершенно уверены, что это был именно Джимми Тонала?

— Он уже заходил к нам около полудня и разговаривал с Джорджем насчет прачечной.

— Это мне известно. А во сколько Тонала явился второй раз?

— В четверть первого. Джимми Тонала сказал Джорджу, что хочет с ним поговорить — будто бы появилась возможность все уладить. Муж колебался... Но в конце концов он согласился выйти ненадолго с Тоналой. Ну а я поднялась наверх, в спальню. Не следовало, конечно... Но я так устала... Кроме того, Джордж не особо любил, когда я вмешивалась в его дела, поэтому я и решила перетерпеть... И все-таки около часу подумала, что это уж слишком... Тогда я встала, накинула халат и спустилась вниз. Тут-то в дверь и постучали... И мне принесли моего бедного Джорджа. Соседи, наши друзья Колсоны, возвращаясь с вечеринки, нашли его у двери другого дома. Гарри Колсон даже чуть не упал, споткнувшись о ноги Джорджа... Сначала он попробовал встряхнуть

моего мужа — думал, старик хватил лишку, но быстро понял, что бедняга мертв. Они стояли всего в сотне метров от дома, вот и принесли его сюда. А Гарри тут же позвонил в полицию...

Приехал капитан, и, когда он направился к вдове, та угрожающе выпрямилась:

— Пришли полюбоваться на работенку своих дружков, да?

— Выбирайте выражения, миссис Росли!

— А я говорю, вы трус, Тед Мелфорд, трус и предатель! Слышите?

И разъяренная женщина плюнула капитану в лицо. Наступила тревожная, гнетущая тишина. Шеф полиции медленно вытер плевок носовым платком. Теперь уже О'Мэхори испытывал смущение и не без некоторого замешательства ожидал реакции Теда. По счастью, вовремя вбежавший Бад Зигбург разрядил обстановку.

— Только что звонил какой-то тип. Он уверяет, что Тонала пьет шампанское в «Копакабана»,— сообщил он.

Лейтенант вне себя от ненависти и гнева сжал кулаки.

— Джо, Бад, поехали!

Капитан попробовал вмешаться.

— Куда вы собрались, лейтенант?

— В «Копакабана».

— Я вам запрещаю, лейтенант!

— А идите вы... капитан!

Джо и Бад последовали за Патом — оба они считали его своим истинным шефом, а кроме того, страстно хотели встретиться с Джимми Тоналой.

* * *

Посетители «Копакабана» не знали об убийстве Джорджа Росли. Впрочем, для большинства этих любимцев жизни таковой вообще никогда не существовал. За одним из столиков Чак Алландэйл, Пирл Грефтон, Макс Моска и Джимми Тонала пили шампанское, бешено аплодируя ПэПэ — Пипер Плок, только что закончившей номер. Гангстеры потому так восторженно приветствовали певицу, что зал отнесся к ней более чем прохладно.

Оркестр снова заиграл, и Аллaндэйл пригласил ПэПэ потанцевать. Неожиданно музыка смолкла. Танцоры с изумлением воззрились на появившихся в дверном проеме О'Мэхори и двух полисменов. Тонала сразу стал испуганно озираться, словно ища укрытие.

Пат медленно подошел к столику гангстеров и, ухватив Тоналу за крахмальную манишку, рывков поднял на ноги.

— За что ты убил Джорджа Росли?

— Разве Джордж Росли умер?

Свободной рукой О'Мэхори влепил ему крепкую пощечину.

— Сейчас я вам все объясню, лейтенант,— вмешался Моска.

— Я тебя ни о чем не спрашивал, Макс. А потому закрой пасть, ясно? Что до тебя, Тонала, то, пожалуй, у меня в кабинете ты станешь разговорчивее. Упакуй-ка его, Джо!

Илкли с видимым наслаждением защелкнул на запястьях бандита наручники.

Развернувшись, Пат вдруг заметил Аллaндэйла под руку с ПэПэ.

— По-моему, вы малость зарываетесь, лейтенант.

— Не паршивому уголовнику, как ты, судить о моих поступках!

Кровь медленно отхлынула от лица Чака. Утратив напускное благодушие, он вдруг предстал в своем истинном облике — профессионального убийцы.

— Если хочешь дожить до старости, чертов ирландский осел,— процедил он сквозь зубы,— то поостерегся бы...

Но договорить Чаку не удалось — правый кулак Пата с размаху врезался ему в переносицу. Аллaндэйл, шатаясь, отступил, а лейтенант снова изо всех сил стукнул его, на сей раз — в челюсть. Чак рухнул. Женщины завизжали, и кавалеры потащили их к выходу. При виде распростертого на полу без сознания Аллaндэйла ПэПэ набросилась на полицейского:

— Вы убили его, чертова ирландская дубина! Грязный легавый!

О'Мэхори в пылу отвесил пару оплеух и ей, а потом пихнул ее к Зигбургу.

— Прихвати и эту шлюху в участок, Бад.

Полицейский защелкнул стальные браслеты на тонких запястьях ПэПэ. В это время кто-то испуганно вскрикнул:

— Осторожно!

Джо Илкли носком ботинка стукнул Аллaндэйла в подбородок. Как раз вовремя — бандит вытащил револьвер, собираясь стрелять в лейтенанта. Ирландец ухватил графин и выплеснул всю воду в разбитую физиономию Чака, потом не без удовольствия сам надел ему наручники и довольно бесцеремонно поднял его на ноги.

* * *

Аллaндэйл, Тонала и ПэПэ провели остаток ночи в камерах полицейского управления. Блюстители порядка вовсе не торопились лечить раны Чака, заставив его стонать от боли (лейтенант сломал-таки ему нос), и только утром послали за врачом.

А Джимми Тоналу привели к лейтенанту на первый допрос.

Бессонная ночь, страх и нечистая совесть привели убийцу в плачевное состояние. Он хотел было плюхнуться в кресло, но О'Мэхори рявкнул:

— Стоять!.. Почему ты убил Джорджа Росли?

— Да не убивал я Росли! Я хотел объяснить, что в его же собственных интересах отдавать белье в «Юкатан».

— И тебе удалось убедить старого Джорджа?

— Почти. Он обещал дать окончательный ответ сегодня утром.

— Врешь! Потому что старый Джордж приходил ко мне вчера утром и рассказывал, как ты явился с угрозами!

— Ну и что? Я в курсе, что он приходил. Потому и хотел объяснить, что нечего так пугаться, мы намерены вести с ним дела по-честному...

— Ах вот как? Ты, значит, был в курсе?

Тонала цинично усмехнулся.

— Конечно. Ведь ваш шеф предупредил нашего.

О'Мэхори вскочил с кресла и вцепился бандиту в горло. В ту же минуту у него за спиной раздался насмешливый голос:

— Я вижу, вы уже приступили к допросу третьей степени, лейтенант?

Пат с трудом сдержал ругательство. В дверном проеме, помахивая бумагами, стоял адвокат Войддинга — Ред Волк.

— Опять вы? — буркнул ирландец.

— Да. И с разрешением отпустить задержанных под залог, назначенный судьей Хэппингтоном, и с распиской, удостоверяющей, что я уже взял на себя труд выплатить этот залог.

— Судья Хэппингтон...— Лейтенант поморщился, не в силах скрыть отвращение.

— Уж не сомневаетесь ли вы в неподкупности судьи, лейтенант? — откровенно забавляясь, осведомился адвокат.

— Будь мы здесь одни, мэтр, я бы сказал вам все, что думаю о судье Хэппингтоне!

— Стало быть, для вас же лучше, что разговор идет при свидетеле. Должен заметить, что вы без намека на доказательства обвинили в убийстве Джимми Тоналу и оскорбили действием Чака Аллапдэйла. Я только что его видел и собираюсь везти в клинику лечить сломанный нос.

Увидев, что Аллапдэйл удаляется вместе с полицейским ПэПэ горестно завопила:

— А как же я?

— Ред Волк не сказал о вас ни слова, красотка,— ответил Лью.— Так что вы остаетесь здесь и получите за всех сразу.

Не слушая Мартина, ПэПэ кричала вслед Алландэйлу:

— Чак! Не бросай меня тут! Скажи им... Макс за мной приедет, ведь правда?

Но Чак ушел, даже не удостоив ее ответом.

Во дворе стояла машина с Элом Сирвелом, первым телохранителем Войддинга, за рулем. Адвокат, Тонала и Алландэйл устроились на сиденьях. Едва они тронулись в путь, Ред Волк почел за благо предупредить своих клиентов:

— Вас ждет тяжелое объяснение, ребята... Так что придумайте что-нибудь поубедительнее, а то босс прямо-таки рвет и мечет. Вы, мол, сделали из него посмешище, позволив какому-то легавому устроить вам порку, да еще публично!

— Может, он предпочел бы, чтоб мы отправили фараона на тот свет на глазах у полусотни свидетелей? — огрызнулся Чак.

* * *

Как только Тед Мелфорд приехал в управление, Пат О'Мэхори явился к нему с кратким докладом. Капитан молча выслушал рассказ о сражении в «Копакабана» и о том, как пленников благодаря судье Хэппингтону вызволил из рук полиции Ред Волк. Дослушав до конца, Тед тяжело вздохнул.

— Вы полагаете, что поступили очень умно, лейтенант?

— Если выполнять свой долг — разумно, то да, капитан.

— А теперь подведем итоги: вы публично обвинили человека в убийстве, без всякого повода с его стороны тяжело избили другого и всю ночь продержали в камере людей, которым не могли предъявить никаких законных обвинений. Неужели же вы и вправду думаете, будто все это не повлечет за собой никаких последствий?

— Не вмешайся судья Хэппингтон, я бы заставил Тоналу сознаться в убийстве!

— Но судья Хэппингтон существует, и вы об этом знали, лейтенант... Против вас возбудят уголовное дело, и вы всерьез рискуете потерять место.

— А меня и не прельщает работа в подобных условиях!

— Вот не знал, что вы так богаты!

— Вам отлично известно, что у меня нет ни гроша, но, даже будь я последним нищим, ни за что не стану подбирать вываляннный в грязи хлеб... Пусть им довольствуются те, кому такое угощение по нутру!

Тед пропустил намек мимо ушей.

— Однако гораздо больше, чем судебных преследований, я опасаюсь, что вами займутся подручные Войддинга. Аллfavorites — опасный тип... и даже очень...

— Ну, если он захочет подраться, я — не против!

Капитан пожал плечами.

— Как будто вы не знаете их методов... Помните, что случилось с моей дочерью?

— Пусть только попробуют тронуть Морин — всех перебью!

— При том условии, что успеете...— Мелфорд вздохнул.— Жаль, что мозгов у вас не так много, как мускулов, Пат. Ну да ладно, пойду проведаю Мэла Войддинга и попробую уладить дело. Мне было бы чертовски неприятно тащить Морин в морг для опознания вашего трупа.

— Унижайтесь, коль вам это по вкусу, капитан, а я не намерен просить этих людей ни о чем!

— Стало быть, придется сделать это за вас. Нужно же, чтоб продажный полицейский приносил хоть какую-то пользу, не так ли?

Лейтенант молча смотрел Теду вслед. Он окончательно перестал его понимать. Чего ради капитан так унижается? Почему не берет быка за рога? Останься он тем человеком, каким был до своего несчастья, вдвоем им, быть может, удалось бы очистить город, невзирая на все усилия судьи Хэппингтона... В конце концов вряд ли Мелфорд любит близких меньше, чем он, Пат, свою Морин. Тогда в чем же дело? Полицейский не имеет права действовать в зависимости от личных чувств, иначе он вообще ничего не добьется... Гнусно, конечно, когда бандиты убивают вашу дочь... От одной мысли, что те могут приняться за Морин, по спине лейтенанта побежал холодный пот. Может, все-таки лучше отправить ее в безопасное место на всякий случай? Потому что ведь он, лейтенант О'Мэхори, ни за что не склонится перед Мэлом Войддингом — слава Богу, он не из породы всяких тедов мелфордов!

Меж тем в стане Войддинга царила изрядная суматоха, и нельзя сказать, чтобы Мелфорда приняли с распростертыми объятиями.

На сей раз Мэл не был занят изучением своих драгоценных коллекций. Как только Моска ввел в комнату полицейского, главарь банды заорал:

— Это еще что такое? Рехнулись вы там все, что ли, в своей проклятой полиции? Избивают моих людей!

— Ребята завелись из-за смерти Джорджа Росли.

— Отстаньте от меня с этим старым дураком!

— А вы не находите, что старика проучили слишком жестоко?

— Возможно. Но это несчастный случай. Вам отлично известно, Мелфорд, что я всегда по возможности избегаю крайних мер... Но в конце-то концов, если тебе семьдесят два года, какого черта петушиться и лезть в драку? И в любом случае ваш ирландец не имел права так себя вести.

— Я ему уже сделал замечание.

— Слушайте, а вы часом не издеваетесь надо мной? «Я ему уже сделал замечание»! И вы воображаете, будто этого достаточно? Я не хочу, чтобы жителям Стоктона взбрело в голову, будто меня можно задевать безнаказанно. Погодите малость — и вы увидите, как запляшет весь этот сброд! Пусть только приедет мой братец с приятелями... Что до ирландца, то его придется убрать. Что вы на это скажете?

— Меня бы это очень огорчило.

— Послушайте, вам пора раз и навсегда решить, с кем вы.

— С тем, кто мне платит.

— А это я.

— Да, вы.

— Конечно, когда найдут труп ирландца, люди малость покричат, но потом угомонятся и забудут.

— Боюсь, что вы тешите себя иллюзиями.

— Тем хуже, я готов пойти на риск. Похоже, ваш лейтенант поклялся отравить мне существование. Так что другого выхода все равно нет. Сегодня ночью Джимми Тонала его прикончит.

— А зачем вы сообщаете мне имя будущего убийцы, Мэл?

Бандит злобно оскалился:

— Потому, что если его арестуют, я буду точно знать, кто его заложил, дружок, и вы заплатите, причем очень дорого...

Капитан привстал, но Войддинг повелительным жестом заставил его снова опуститься на стул.

— Из этой комнаты никто не выходит без моего разрешения, мистер Мелфорд. В ваших же интересах помнить об этом. Впрочем, мы еще не договорили... Я хочу попросить вас об одной услуге...

— Я слушаю.

— Вы прикажете Пату О'Мэхори в половине первого ночи приехать на перекресток Франклин-стрит и Элбермерл-стрит. А уж предлог ищите сами.

— И там Пата будет поджидать Тонала?

— Совершенно верно.

— Короче говоря, вы хотите, чтобы я участвовал в убийстве Пата?

— Вот именно. И если все пройдет так, как я надеюсь, завтра утром вы получите очень симпатичный конвертик.

— Сколько?

— А вы своего не упустите, как я погляжу! По-моему, пятьсот долларов вполне достаточно.

— Со времен Иуды цены здорово подскочили.

Мэл Войддинг не сразу понял, что имеет в виду полицейский, но когда смысл замечания до него дошел, он затрясся в припадке неудержимого хохота. Наконец он встал и — редкая честь — лично проводил капитана в комнату, где ожидал дальнейших распоряжений Моска.

— Знаешь, Макс,— доверительно проговорил Войддинг, когда шеф полиции исчез из виду,— уж каких я только проходимцев не встречал за свою долгую жизнь. Бывали и вроде нас с тобой, но, если хочешь знать мое мнение, тот, кто только что вышел отсюда, способен дать фору нам обоим!

Моска изобразил удивление.

— Не может быть!

— Да, законченный негодяй. И это он отправит О'Мэхори туда, где его будет поджидать с револьвером твой Джимми. Ну разве не прелесть, а?

* * *

Как бы то ни было, а все же Пат О'Мэхори ожидал возвращения капитана с некоторым беспокойством. Тед поспешил успокоить его:

— Думаю, все обойдется. Я доказал Мэлу, что для него затевать судебный процесс против вас небезопасно. По-видимому, он принял в расчет мои аргументы, но все-таки будьте поосторожнее — я вовсе не уверен, что Войддинг держит своих подручных в такой твердой узде, как он сам воображает. И мне известно, что Тонала поклялся отправить вас на тот свет.

— О, Тонала!.. Пусть только попробует задеть меня — увидит, что я как-никак покрепче старого Джорджа!

— Эти типы никогда не вступают в открытый бой, Пат. Не забывайте об этом ни на минуту. А теперь можете идти домой отдыхать — у вас была достаточно напряженная ночь. Я напишу заключение о смерти Джорджа, хотя и не тешу себя напрасными надеждами. Суд признает это убийством или несчастным случаем, но Хэппингтон быстро закроет дело. Да, кстати, вы наверняка еще понадобитесь мне сегодня ночью.

— Ночью?

— Да, звонил один тип... насчет смерти Джорджа. Похоже, он что-то знает, но ужасно напуган. А кроме того, не желает говорить ни с кем, кроме вас. Встреча должна состояться в половине первого на перекрестке Франклин-стрит и Элбермерл-стрит. Но мы еще обговорим это ближе к вечеру. Подождем повторного звонка. А там уж вместе решим, как поступить.

Пат О'Мэхори ушел, оставив капитану муторную заботу писать рапорт, который заведомо ни к чему не приведет, но едва Тед погрузился в бумаги, как его оторвал от дела Лью Мартин:

— Извините, капитан... Но как быть с девицей?

— С какой девицей?

— Пипер Плок.

— А в чем вы ее обвиняете?

— Я? Ни в чем. Это она с самого утра ругается на чем свет стоит. Видно, никак не может переварить, что дружки ее бросили.

— Бросили? Где?

— В предварилке, капитан. Ее загребли вместе со всей компанией сегодня ночью.

— Приведите ко мне мисс Плок, Лью.

Когда Мартин впихнул ПэПэ в кабинет Мелфорда, несчастная певичка выглядела далеко не лучшим образом.

— Оставьте нас, Лью... Прошу садиться, мисс. А почему Ред Волк не забрал вас вместе с остальными?

ПэПэ пожала плечами:

— Знаете, на меня вообще не очень-то обращают внимание...

— Догадываюсь, деточка.

Не понимая, почему вдруг с ней обращаются так ласково, ПэПэ удивленно воззрилась на капитана.

— Сколько вам лет, мисс Плок?

— Двадцать четыре года.

— Мне бы очень хотелось вам помочь.

— Помочь мне?.. Мне? Но... почему?

— Потому что моей дочери Лилиан было почти столько же лет и вы даже немножко похожи на нее.

— Это та, которая...

— Да.

Капитан взял со стола фотографию и показал ПэПэ.

— Красивая была у вас дочь.

— Да, и она вовсе не заслуживала смерти, тем более такой ужасной...

— Я очень сочувствую вам, капитан.

— Спасибо, деточка. Я уверен, что, будь вы знакомы с Лилиан, вы бы помешали ее убить. Вы ведь не злая?

— О, конечно, нет! Вот только, понимаете, там, у них, мое слово ровно ничего не значит... Все они считают меня полной идиоткой и не стесняются говорить об этом вслух... Согласна, я и в самом деле не семи пядей во лбу, но ведь это же не повод обращаться со мной хуже, чем с собакой, правда?

— Разумеется.

— И тем не менее, знали б вы только, что мне приходится переносить!

— А почему бы вам не оставить эту компанию?

— Это невозможно!

— Почему же?

— Я люблю Макса.

— Не вы ли только что жаловались на дурное обращение?

— Сердцу не прикажешь.

— Ну, раз вам так дорог Моска, я не стану помогать вам, мисс.

— Почему?

— В какой-то мере это значило бы сделать добро Максу, а я и пальцем не пошевелю ради человека, который убил мою дочь.

— Но это не он!

— Так я вам и поверил!

— Клянусь вам! Мэл вызвал из Огайо своего брата Берта с двумя приятелями. Макс тут совершенно ни при чем. Он даже был против! Так что, сами видите...

Наивность ПэПэ просто умиляла, и Тед без всякой злобы подумал, что бедняжке и в самом деле крупно не повезло с мозгами.

— Я очень рад, что это не Моска,— сказал он, успокаивая девушку.

Джо Илкли, сменивший на дежурстве Лью, сообщил, что капитана хочет видеть Макс Моска. Мелфорд приказал впустить его. При виде сидящей в кабинете ПэПэ подручный Войддинга не смог скрыть удивления:

— Надеюсь, я не помешал по крайней мере?

И все трое весело посмеялись над шуткой.

— Если вы не против, Тед, я приехал за девушкой.

— А почему не забрали ее раньше?

— Так, небольшой урок. Надо ж научить ее не совать нос в чужие дела! Какого черта полезла вчера в свару лейтенанта с Чаком?

— Так вы отпускаете ее, капитан?

— Я даже не знал, что она тут... К счастью, Лью сказал мне об этом. Забирайте девушку, Макс, и будьте с ней подобрее.

Моска повернулся к ПэПэ:

— Право слово, можно подумать, ты охмурила капитана!

Просияв от счастья, мисс Плок воскликнула:

— Он думал, это ты убил его дочь, Макс! Хорошо, мы об этом заговорили, а то капитан мог бы еще долго на тебя сердиться, и совершенно напрасно!

Физиономия Моски окаменела.

— Чего ты тут понаболтала, идиотка?!

— Но... но я только объяснила, что ты ни при чем... что это Берт с дружками...

Гангстер грубо схватил ее за руку.

— Ну, пошли, дома объяснимся!

— Но, Макс...

— Заткнись! А на вашем месте, капитан, я не проявлял бы столько любопытства, ничто так не вредит здоровью...

Оставшись в одиночестве, Тед долго смотрел на фотографию дочери, потом взглянул на часы. Самое время ехать домой обедать — Мэри всегда ужасно волнуется, если он опаздывает.

* * *

После обеда Тед довольно долго составлял донесение, наконец вызвал Лью и велел отнести готовый рапорт судье Хэппингтону. А потом и сам поехал к нему. Лейтенант О'Мэхори был уже там. Как и предполагалось, судья счел, что смерть наступила в результате несчастного случая и необходимо дополнительное расследование, каковое, под громкий ропот собравшихся, поручил капитану Мелфорду.

Лейтенант О'Мэхори вернулся домой отдыхать, поняв, что, если

информатор Теда снова позвонит и подтвердит согласие встретиться, ночь может выдаться напряженной. А Мелфорд по дороге в управление думал, как же легко провести беднягу Пата.

Работать больше не хотелось, и капитан предупредил Лью, что отправляется к Флойду Шерпо и не хочет, чтобы его беспокоили. Мартин грустно покачал головой.

У Флойда в это время почти не было клиентов. Он оставил тряпку, которой целый день до ослепительного блеска полировал медную стойку, и повел Теда в соседнюю комнатку. Вернувшись, шепнул остальным:

— У него еще хватает самолюбия не напиваться публично.

Кто-то из клиентов заметил, как все-таки противно видеть, что стоктонской полицией заправляет пьянчуга.

— Помолчите, Джек,— буркнул Шерпо.— Тед пережил такое несчастье, что не мог не сломаться... Так что постарайтесь его не судить, особенно при мне.

До самого вечера в баре «В кругу друзей» не случилось ничего примечательного. Флойд полировал стойку, болтал с клиентами то о скачках, то о боксе, и все шло своим чередом. День как день. В половине седьмого дверь распахнулась, и на пороге выросли Моска, Сирвел и Унигфилд. Физиономии всех троих не предвещали ничего хорошего. При виде убийц Войддинга Шерпо схватил бейсбольную биту.

— Оставь биту в покое,— крикнул Макс.— Мы не по твою душу, Флойд. Ты знаешь, где Мелфорд?

— Капитан уже часа два угощается...— вполголоса проговорил он.— Вторую бутылку заканчивает и, надо думать, хорош... Так что если у вас к нему что-то важное...

— Не дергайся, а тащи-ка лучше его сюда!

Шерпо исчез и почти тут же вернулся в сопровождении капитана. Воротник у Мелфорда был расстегнут. Он обвел бар туманным взглядом, явно не соображая, где находится.

— Ну можно ли доходить до такого состояния?! — воскликнул Моска.

— Я... я не понимаю... чего вы...

— Чертов пьяница! Вам хоть известно, что творится, пока вы тут лакаете?

— А разве что-нибудь случилось?

— Еще бы нет! Только что убили Джимми Тоналу!

Новость, видимо, протрезвила капитана. Он выпрямился и застегнул воротник.

— Вы... вы уверены, что он... мертв?

Макс возмущенно фыркнул.

— А вы когда-нибудь видели типа, способного переварить шесть пуль, угодивших прямо в брюхо? Советую вам не мешкая отправить виновного за решетку.

— А вы уже знаете, чья это работа?

— Я думаю, мы оба догадываемся, капитан...

Мелфорд покачал головой.

— Вы ошибаетесь, Моска. О'Мэхори весь день безвылазно просидел дома.

— Откуда вы знаете?

Вместо ответа Тед пошел к телефону. Макс двинулся следом, и полицейский, набрав домашний номер лейтенанта, предложил ему слушать вместе. К телефону подошла жена О'Мэхори.

— Алло, Морин? Говорит Тед Мелфорд... Пат дома?

— Спит. Разбудить его?

— Пока не надо. А давно он в постели?

— Да как вернулся из суда... почитай, часа четыре...

— И никуда не выходил?

— Да нет, тут же забрался под одеяло, сказав, что должен передохнуть, потому как ночью вроде бы придется работать.

— Скажите Пату, когда он проснется, что ночная встреча отменяется. И пусть едет в управление. До свидания, Морин.

— Всего доброго, капитан.

Мелфорд повесил трубку и посмотрел Максу в глаза.

— Ну, убедились? — спросил он.

— Ладно, согласен, это не он. Но кто, в таком случае?

— Попробуем выяснить.

Глава III

В квартире Джимми Тоналы капитан с трудом пробрался сквозь толпу полицейских, фотографов, экспертов, снимавших отпечатки пальцев, и подошел к телу убитого. Моска по-прежнему шел по пятам. Джимми лежал на спине. Рубашка на груди потемнела от крови. Доктор Эл Шерри уже закончил осмотр тела.

— Можете отправить труп в холодильник, капитан. Завтра я сделаю вскрытие, и к полудню вы узнаете, из какого оружия застрелили Джимми Тоналу. Вот и все, что я могу для вас сделать. Спокойной ночи, джентльмены, желаю вам от души повеселиться!

И, сделав изящный пируэт, врач исчез. Обитатели Стоктона порой делали вид, будто шокированы его цинизмом, однако меньше всего на свете хотели бы, чтобы он изменился. Все знали, как мужествен и отзывчив Эл Шерри. Он был из тех, кто презирал Теда Мелфорда и ничуть не боялся Мэла Войддинга.

Фотограф и эксперт удалились вслед за доктором, и в квартире Тоналы остались лишь Тед, Моска да Лью Мартин с Бадом Зигбургом. Для начала они опросили соседей, но никто ничего не видел и не слышал. Полицейским не удалось бы выяснить ровным счетом ничего, если бы перед самым их уходом из кино не вернулась некая вдова, соседка Тоналы.

— Если... если бы я только знала! — пробормотала она.

— О чем?

— Что это убийца!

— Вы видели гостя Тоналы?

— Да... но не в лицо.

— Расскажите же, что именно вы видели.

— Так вот... в дверь долго звонили. Я слышала, как мистер Тонала возвращался домой, поэтому очень удивилась и приоткрыла дверь. А тут мистер Тонала как раз отпер свою и впустил высокого мужчину, кажет-

ся, в плаще и серой шляпе... Я слышала, как мистер Тонала сказал: «А, это вы? Что, какие-нибудь изменения в программе?» И дверь за ними сразу закрылась.

— Вы точно помните, что Тонала говорил об «изменениях в программе»?

— Да, совершенно точно.

Когда вышли на улицу, Тед повернулся к Моске:

— Завтра я зайду к Мэлу, как только получу результаты вскрытия. Мне не меньше вашего нужно знать, кто убил Джимми Тоналу.

— Почему?

— Да потому, что, если кому-то взбрело в голову почистить город, я в такой же опасности, как и любой из вас.

* * *

Заключение судебного следователя гласило: убийство, совершенное одним или несколькими неизвестными лицами.

В управлении Тед сразу наткнулся на О'Мэхори. Лейтенант упрекнул шефа, что тот не позвал его.

— Я не счел нужным беспокоить вас, лейтенант, тем более что там торчали ребята Войддинга, а они точат на вас зубы.

— Так, значит, теперь вы ведете расследование вместе с бандитами?

— Я просто хотел доказать Моске, что вы никак не замешаны в убийстве Тоналы.

— Но, черт побери, мне тысячу раз плевать на мнение этих мерзавцев!

— Я думал о Морин.

— Не вмешивайтесь в мою личную жизнь, шеф. Я уже достаточно взрослый, чтобы справляться со своими делами самостоятельно.

— Я учту ваши пожелания, лейтенант, и постараюсь сообразовываться с ними там, где это не во вред службе.

— И я буду вам премного обязан, шеф, если вы никогда больше не переступите моего порога. Вы перестали быть человеком, чьей дружбой порядочный человек может гордиться.

Мелфорд поднял на ирландца безжизненные глаза.

— Вы что же, ненавидите меня?

— Лучше б вам не допытываться, шеф, какие чувства вы мне внушаете. Прошу прощения...

И, резко развернувшись, ирландец вышел из кабинета. А Тед вернулся к Шерпо в надежде хоть немного унять боль. Ему бы очень хотелось оставаться другом Пата О'Мэхори. Но Мелфорд прекрасно понимал, что мало кто сейчас заинтересован в дружбе с ним. О'Мэхори так же тяжело переживал утрату старого друга. Домой он пришел в отвратительном настроении, но от улыбки Морин на душе сразу потеплело. Молодая женщина разоделась так, будто собиралась в гости или в театр.

— Ты уходишь? — удивленно спросил О'Мэхори, поцеловав жену.

— Нет, дорогой, мы идем к Мелфордам.

— Что?

— Мэри позвонила и пригласила нас на ужин.

— И ты согласилась?

— А почему бы нет?

— Я не желаю, чтобы меня видели у Мелфордов! Иначе могут подумать, будто и я трачу денежки Мэла Войддинга.

Морин заколебалась, на глазах у нее выступили слезы.

— Мы не можем так обидеть Мэри... Сам подумай! Я отказываюсь звонить Мэри. Такие дела делай сам!

И с этими словами Морин заперлась в своей комнате. Раздосадованный лейтенант схватился было за телефон, но вдруг представил лицо Мэри, ее грустную решимость и кроткие глаза, вспомнил Джойс, отвыкшую смеяться с тех пор как погибла ее сестра... И тихонько опустил трубку на рычаг. Нет, он не имеет права предупреждать Мэри таким образом. Нужно пойти и все объяснить. Мэри поймет. Пат не сомневался, что она поймет.

* * *

Джойс заканчивала накрывать на стол. Возле каждой из пяти тарелок она положила цветок. Девушка очень рассчитывала, что гостям понравится крем-безе, который ее научили готовить в школе. Она отлично знала, что лейтенант — большой гурман. Джойс мечтала, что когда-нибудь, став взрослой, она выйдет замуж за такого же красивого, сильного и доброго парня, как Пат О'Мэхори.

Когда в дверь позвонили, стоявшая в холле Мэри Мелфорд крикнула дочери:

— Не беспокойся, Джойс, я открою!

Не увидев рядом с лейтенантом его жены, она страшно удивилась:

— Вы один? Надеюсь по крайней мере Морин не заболела?

— Нет-нет... Мне нужно вам кое-что сказать, Мэри, но это ужасно трудно...

— Вы не поужинаете с нами?

— Нет.

У ирландца пересохло во рту от волнения и жалости.

— Морин тут ни при чем, это я... Я не хочу, не могу приходить сюда, Мэри...

Миссис Мелфорд закрыла глаза, будто ее ударили. Лицо ее как-то сразу осунулось.

— Простите меня, Мэри,— пробормотал расстроенный ирландец.

— Нет... Я сама виновата... Надо же было сделать такую глупость! Следовало подумать, что теперь ничто не может остаться прежним. Но я в первый раз решила пригласить гостей, в первый раз после смерти Лилиан... И, конечно, сразу вспомнила о вас. Мне очень грустно, Пат, особенно из-за Джойс...

О'Мэхори взял Мэри за руки.

— Мэри... Между вами и нами все, как было... И вы, и Джойс можете приходить к нам, когда захотите. Мы всегда встретим вас с огромной радостью, как самых дорогих друзей.

Она тихонько высвободилась.

— Нет, Пат... Я не одобряю поведения Теда, но я его жена, а Джойс — его дочь. Мы останемся вместе, пока нам всем троим не придется уехать. Прощайте, Пат, и поцелуйте от меня в последний раз Морин.

Мэри проводила лейтенанта на лестницу и медленно закрыла за ним дверь. Некоторое время она постояла, прислонившись к стене, и, лишь почувствовав, что снова может держать себя в руках, пошла в комнату, где девочка заканчивала приготовления.

— Убери два прибора, Джойс... О'Мэхори не придут.

Джойс лишь взглянула на лицо матери и все поняла.

— Из-за папы?

Мэри молча кивнула. И, догадавшись, что сейчас скажет девочка, поспешила опередить ее:

— Молчи, дорогая! Никто не имеет права судить своего отца. Просто нам с тобой придется крепче взяться за руки.

Когда Тед Мелфорд вернулся с работы, Мэри постаралась встретить его как ни в чем не бывало. Войдя в столовую, Тед потянул носом — из кухни струились очень аппетитные запахи.

— Сдается мне, вы приготовили настоящее пиршество! — с наигранной веселостью воскликнул Тед.— Разве мы ждем гостей?

— Мы ждали Пата и Морин,— отозвалась Джойс прежде, чем ее мать успела вмешаться.— Хотели сделать тебе сюрприз...

— Да? И что же, они не придут, Мэри?

— Нет, Пат извинился...

— А-а-а... Ну что ж, пригласишь их в другой раз.

— Другого раза не будет, Тед.

— А-а-а...

Капитан уткнулся носом в тарелку, и вечер прошел так же тоскливо, как обычно.

В доме О'Мэхори было не веселее. Морин надулась и решительно не хотела готовить ужин под тем предлогом, что настроилась идти в гости и теперь до завтрашнего утра просто психологически не может подойти к плите. Пат предложил сходить в ресторан, но и этот план Морин отклонила, сказав, что не в состоянии развлекаться, зная, как несчастны по ее милости Мэри и Джойс.

Она заперлась у себя в комнате с твердым намерением не видеть мужа до завтра и вдали от нескромных взглядов всласть поплакать над испорченным вечером, над глупым упрямством Пата и горем своих друзей. Что до Пата, то, тщетно поискав в холодильнике какую-нибудь еду, он тоже удалился в свою комнату, но в отличие от жены прихватил с собой бутылку виски — как всякий ирландец, он не знал лучшего утешения.

В «Эксцельсиоре», где собрал свой генеральный штаб Мэл Войддинг, тоже царила довольно мрачная атмосфера. Чак Аллandэйл, хоть и с повязкой на носу, все же занял обычное место. Не хватало только Эла Сирвела и Брайана Уингфилда, охраняющих подступы к комнате, где проходило совещание.

Говорил Войддинг:

— Вот что, дети мои, мне не нравится, какой оборот принимает дело.

Сначала этот кретин Тонала убивает Джорджа Росли, любимца всего Стоктона. Потом Чак позволяет лейтенанту избить его при всем честном народе. Наконец, кто-то отправляет на тот свет Тоналу... Самое время моему младшему братцу приехать сюда вместе с Сэмом и Тони, это должно малость оживить нашу компанию.

— Пата О'Мэхори можно убрать и без них,— заявил Аллиндэйл.— Я беру это на себя.

— Ты так торопишься посидеть в кресле с подогревом? Я запрещаю тебе предпринимать что бы то ни было против ирландца без моего особого разрешения.

— Так кто тогда убил Тоналу?

— Вот это нам нужно выяснить непременно, так что постарайтесь любым путем докопаться до истины. Коли это и в самом деле дружки Росли, уж мы им устроим веселую жизнь, как только сюда приедут ребята из Огайо. И готов спорить на что угодно — у этих трехгрошовых мстителей разом пропадет желание разыгрывать героев!

— А что Мелфорд?

— Завтра должен явиться к вам с докладом, как только получит результаты вскрытия.

* * *

Ночь окутала покоем Стоктон-Сити, и, в то время как большинство жителей городка, занимающего столь незначительное место на карте Соединенных Штатов, спали, несколько человек никак не могли сомкнуть глаза и все по одной и той же причине — от страха.

Кейт Росли раздумывала, что с нею станет. О том, чтобы управляться с рестораном в одиночку, не могло быть и речи. Ресторан придется продать, а заплатят за него, конечно, по самой пустяковой цене. Хватит ли этих денег, чтобы хоть кое-как дотянуть до конца? Но почему убили ее Джорджа? В голове не укладывалось, что из-за какой-то истории с грязным бельем Кейт вдруг осталась одна на свете...

Мэр Теренс Кэмден, не в силах уснуть, нервно ворочался с боку на бок. Убийство Росли... Убийство Тоналы... Как отнесутся избиратели к таким ужасным беспорядкам? Он, разумеется, дал слово не звать на помощь Вашингтон, но если так будет продолжаться, сумеет ли он сдержать обещание? Люди ни за что не позволят оставить гибель Росли неотомщенной, и тут убийство Тоналы может помочь успокоить страсти.

Судья Хэппингтон чувствовал себя ничуть не спокойнее своего извечного врага Теренса Кэмдена. Много лет он кое-как прозябал в магистратуре такого жалкого городишки, как Стоктон, пока однажды туда не явился Мэл Войддинг. После долгой беседы с глазу на глаз между бандитом и судьей бюджет Хэппингтонов уже не страдал отсутствием наличности. Элизабет стала носить такие же роскошные платья, как и самые богатые дамы города, а двое детей судьи брали частные уроки, занимались верховой ездой и устраивали вечеринки. Однако же судье Хэппингтону порой случалось испытывать муки совести, и порой он с тревогой раздумывал о будущем — особенно по ночам. Судья прекрасно знал, как презирают его все порядочные люди Стоктона, и не мог не

понимать, что все его благополучие зиждется исключительно на том, сколько протянет Мэл Войддинг. Но разумно ли делать ставку на долголетие бандита? Смерть Тоналы давала очень грустный ответ на этот вопрос. А если отправится на тот свет и Войддинг? Если исчезнут все его дружки? Что станется тогда с Хэппингтоном? Ему не ускользнуть от других судей. Кончится это тюрьмой и потерей всего. А Элизабет и дети? Подобные мысли никак не давали уснуть..

Обычно, когда на него нападала бессонница, Мэл Войддинг вставал, накидывал халат и искал утешения у своих любимых бабочек. Но этой ночью привычное лекарство не действовало. Настоящего страха Мэл пока не испытывал, но из-за того, что он ровным счетом ничего не понимал в происходящем, тревога нарастала. Войддинг привык драться в открытую, отлично зная всех своих противников, и вот впервые в жизни ему пришлось столкнуться с каким-то безликим, неизвестным врагом, впервые в жизни — не чувствовать полной уверенности в своем окружении. Мэл подумал о Берте и о его скором приезде в Стоктон, но сейчас, когда рядом не было никого, бандит смотрел в будущее без оптимизма. Он слишком хорошо знал своего братца и его волчий аппетит. А кроме того, подручные Берта, Сэм Мервейн и Тони Альтамиро, гораздо умнее и свирепее его собственных убийц — Эла Сирвела и Брайана Уингфилда. Братцу-то, пожалуй, лучше не доверять...

Чак Алландэйл никогда не задавал себе вопросов и обычно засыпал сразу, без забот и хлопот, но с тех пор, как О'Мэхори устроил ему трепку, в голову Чака закрались некоторые сомнения в собственной непобедимости. А когда парень вроде Алландэйла начинает сомневаться в себе, считай, ему конец. В соседней постели его подружка Пирл Грефтон размышляла, как бы ей исхитриться удрать от Алландэйла и этой банды гангстеров и уехать в Сент-Луис — уж родная-то сестра поможет спрятаться, пока о Пирл не подзабудут.

Зато означенная Пипер Плок спала сном младенца, потому что ничуть не догадывалась, что день ото дня все больше раздражала своего нынешнего повелителя и господина Макса Моску. Той ночью он никак не мог уснуть и с досадой слушал мирное посапывание подруги. Макс ломал голову над убийством Тоналы. В их кругах все отлично знали, что Джимми (разумеется, с позволения Мэла) работал на Моску. Так, может, прикончив Тоналу, кто-то хотел предупредить его, Макса?

Зато ничто не тревожило сон двух громил — Эла Сирвела и Брайана Уингфилда: для них гибель товарища была всего-навсего несчастным случаем на работе, причем вполне предвиденным. В конце концов, именно за такого рода риск им и платят. Оба наемника воспринимали происшедшее лишь как еще одно напоминание, что им следует еще меньше доверять всему и вся.

В доме Мелфордов тоже не было покоя. Джойс долго не засыпала. Ей никак не удавалось забыть о разочаровании от несостоявшегося ужина с О'Мэхори. Девочка не понимала толком, что происходит между ее отцом и Патом, но поведение одноклассников невольно наводило на мысль, что папа делает что-то не то. И Джойс не могла разобраться, что к чему. Мэри уже давно спала очень плохо. Слишком много мыслей теснилось в голове, не давая покоя. Как и Тед, Мэри тяжело переживала смерть Лилиан, но ради Джойс не позволяла себе впасть в отчаяние.

Думала она и о муже. По каким причинам полицейский, славившийся когда-то порядочностью на весь город, вдруг превратился в столь отвратительное создание — продажную шкуру? Он как будто нарочно скатывается все ниже и ниже... Но для чего? По каким причинам? Зачем ему так позорить всю семью? Мэри знала, что Тед тоже не спит, но даже не повернулась к нему. Да они и вообще почти не разговаривали, если рядом не было Джойс. А Тед, глядя в темноту, думал об убийстве Тоналы. Как это воспримут в городе? Выдержит ли мэр? А если сломается? Момент самый неподходящий, и последствия могут быть очень тяжелыми. Тед вздохнул. Он уже выбрал свой путь. Отступать поздно. И теперь придется идти до конца.

Морин, с ее верным сердцем, считала, что дружба превыше всего. Лежа одна в своей комнате, она сердилась на Пата за то, что он принес Мэри и Джойс в жертву какому-то маловразумительному кодексу чести. Морин простодушно верила, что никакие поступки Мелфорда не могут отражаться ни на его жене, ни на дочери. Во всяком случае, они не должны страдать еще и от ближайших друзей. Как ни парадоксально, молодая женщина винила в предательстве не Мелфорда, а своего мужа и решила, что, нравится это Пату или нет, она обязательно пригласит в гости Джойс и ее мать, а то и сама пойдет к ним. Еще никому не удавалось навязать ирландке свою волю или заставить отказаться от задуманного, и уж она позаботится напомнить об этом супругу.

Против обыкновения, несмотря на выпитое виски, Пат О'Мэхори и не думал спать. Упрямое нежелание Морин что-либо понимать ужасно раздражало его, тем более что, невзирая на все доводы, которые лейтенант перебирал в уме, он не очень-то гордился своим поведением у Мелфордов. Хотя вообще-то для Пата ситуация была совершенно ясна. Теду понадобилсь деньги. Может, завел любовницу? Или стал играть? Как бы то ни было, он нашел самый простой способ раздобыть наличность — продался Мэлу Войддингу. Просто Тед Мелфорд оказался последней сволочью, вот и все. Но Пат ни за что не допустит, чтобы, помимо всего прочего, подлость капитана нарушала мир в его собственной семье. И О'Мэхори твердо решил всерьез объясниться с Морин. В конце концов ее несправедливость к нему, Пату, просто возмутительна!

Так прошла эта первая ночь после убийства Джорджа Росли. Все участники драмы, начавшейся со смерти семидесятидвухлетнего старика, не могли уснуть, словно предчувствуя свою собственную дальнейшую судьбу.

* * *

Как он и обещал, едва получив заключение Эла Шерри и заскочив в мэрию поговорить с Кэмденом, Тед Мелфорд отправился к Мэлу Войддингу.

На сей раз у двери лифта дежурил Эл Сирвел. Его, по-видимому, вовсе не волновало, что он занял место Джимми Тоналы. Не любитель разговоров, Сирвел кивнул полицейскому и знаком указал в сторону апартаментов Мэла — путь свободен.

Все утро Мэл проявлял удивительную любезность ко всем своим подручным, а ближе к полудню уселся с ними и их подругами пить шампанское. Теда Мелфорда он тоже принял весьма благосклонно:

— Идите сюда, капитан, я угощаю!

Тед сел рядом с Пирл Грефтон, и Моска тут же наполнил его бокал.

— Ну, Мелфорд, какие новости вы нам принесли?

— Я виделся с судьей Хэппингтоном, и мы пришли в обоюдному заключению, что Джорджа Росли мог убить только Джимми Тонала...

— Ну конечно! — возмутился Аллацдэйл.— Чем разобраться, давайте валить все на покойников. Благо парень уже не может защищаться.

Мелфорд вздохнул.

— Главная беда с вашими громилами, Войддинг,— то, что они очень медленно соображают.

Аллацдэйл угрожающе приподнялся.

С лица Мэла мигом исчезло все добродушие, которым он с самого утра радовал свиту.

— Заткнись, Чак! — Для вящей убедительности гангстер шарахнул кулаком по столу.— Все знают, какой ты дурень! И нечего обижаться, если тебе об этом напоминают! Ну, Тед, продолжайте, мы вас слушаем...

— Убийство Росли было ошибкой — уж слишком оно взбудоражило город. И вы не можете не понимать, Мэл, что, несмотря на все усилия судьи, в убийстве Джорджа Росли обвинили бы вас, а Джимми Тонала оказался бы лишь посредником, исполнителем. К счастью, перед смертью Тоналу осенила счастливая мысль написать записку, в которой он объясняет, что убил Росли нечаянно, и выражает по этому поводу сожаления. Не сообразив, что имеет дело с семидесятидвухлетним стариком, он стукнул слишком сильно, а бедняга так неудачно упал, что разбил себе голову.

— Вот уж никогда бы не подумал, что у Джимми могут быть угрызения совести,— ошарашенно пробормотал Аллацдэйл.

Мелфорд пожал плечами и выразительно посмотрел на Войддинга.

— Черт возьми! — рявкнул тот.— Сколько раз надо повторять, чтобы ты помолчал, Чак? Честное слово, можно подумать, ты так же глуп, как ПэПэ! Неужели ты не понял, что эту исповедь написал за Джимми сам Тед и, таким образом, раз Тонала мертв, никто уже не станет болтать лишнее об убийстве Росли? Мелфорд, вы отлично поработали... Задержитесь потом, и я отблагодарю вас особо. Кстати, можете передать судье Хэппингтону, что его я тоже не забуду.

— Может, я и впрямь последний идиот, босс,— сердито буркнул Аллацдэйл,— но сдается мне, все эти фокусы Мелфорда и судьи не объясняют нам, кто прикончил Джимми...

— А об этом мое второе сообщение, уже не такое приятное,— вкрадчиво проговорил капитан.— Я получил от Эла Шерри результаты вскрытия... Тонала получил в живот шесть пуль...

— Кто-то явно хотел действовать наверняка,— заметил Чак.

— Стреляли скорее всего с глушителем,— продолжал Тед,— и самое странное, что воспользовались девятизарядным пистолетом системы Токарева калибра семь, шестьдесят два. А такие пистолеты на улице не валяются. В Стоктоне два оружейных магазина, но никто из владельцев ни разу не видел игрушки этой системы.

ПэПэ вдруг засмеялась, и все удивленно уставились на нее.

— Я смеюсь, потому что пистолет Токарева встречается вовсе не так уж редко, как говорит капитан! — торжествующе выпалила молодая женщина.

— А ты-то откуда знаешь, идиотка? — раздраженно прорычал Мэл.

— Такой пистолет есть у Макса, и он даже очень о нем заботится. Правда, дорогой?

Вместо ответа «дорогой» с размаху ударил ПэПэ по губам. Девушка взвыла от боли.

— Да заткнешься ли ты когда-нибудь или нет? — орал Моска.— Вечно тебе надо выступить! Кому какое дело, есть у меня пистолет Токарева или нет?

— Если ты так уверен, что нам это безразлично, то за что же ты ее лупишь, Макс? — ласково осведомился Войддинг, и от его тона у всех по спине побежали мурашки.

— Чтобы научилась держать язык за зубами!

Наступила тишина. Чак и капитан не отводя глаз смотрели на Моску, а Пирл утешала ПэПэ, вытирая кровь с ее разбитых губ.

— И давно у тебя эта игрушка, Макс? — наконец спросил Мэл.

— Сто лет... Я купил его как-то в Нью-Йорке, уже сам не помню когда...

— Согласись, это ужасно неприятно...

— Что именно?

— А то, что Тоналу угробили из пистолета, какого в Стоктоне видом не видывали, а у тебя по какой-то несчастной случайности он как раз есть...

Смертельно побледнев, Моска встал.

— Босс, вы же не думаете, будто я...

— Что я думаю, касается только меня, Макс... Сядь на место.

Моска покорно опустился на стул.

— Ну, довольна? — злобно бросил он ПэПэ и, словно призывая в свидетели всех присутствующих, горько добавил: — Нет, это безнадежно! Чертова дурища не может не совать нос повсюду! Представляете, не позже как вчера, когда я поехал за ней в полицию, наша умница выкладывала свою биографию Мелфорду!

Чак хихикнул.

— Воображаю, сколько там было всяких пикантных подробностей!

Такая несправедливость показалась ПэПэ возмутительной, и она негодующе воскликнула:

— Нет, это уж слишком! Капитан обошелся со мной по-доброму, поэтому, когда он сказал, что никогда не сможет с тобой дружить, Макс, поскольку думает, что это ты задавил его дочь...

Тед почувствовал, что все, сидевшие за столом, напряженно застыли. Глаза Войддинга вдруг словно остекленели. А несчастная дурочка ПэПэ, ничего не замечая, с полным сознанием собственной правоты продолжала:

— Вот тогда-то я и объяснила, что капитан ошибается и что на тебя ему не за что сердиться, потому как несчастный случай подстроил не ты, а Берт, младший брат нашего босса...

Наступила такая гнетущая тишина, что в конце концов даже ПэПэ почувствовала неладное.

— Да что на вас на всех нашло? Я опять ляпнула что-нибудь не то?

— А ты был прав, Макс...— заметил Войддинг тем серым, бесцветным голосом, каким он говорил лишь в минуты, когда его бешенство достигало крайнего предела.— ПэПэ и вправду много говорит... И если хочешь знать мое мнение, даже слишком много...

Моска вдруг испугался. При всей ее непроходимой глупости, он по-своему любил Пипер.

— Вы же знаете, босс, она это не со зла...

— Какая разница, если последствия точно таковы, как если бы она нарочно старалась нам напакостить? Уведите ее, Пирл, с меня довольно!

Как только обе женщины вышли, Войддинг, от прекрасного настроения которого уже не осталось и следа, предупредил Моску:

— Впредь нам надо позаботиться, чтобы твоя подружка не болтала.

— Я поговорю с ней как следует.

— Боюсь, этого мало, Макс.

— Вот как? Вы хотите, чтобы она уехала из Стоктона?

— По-поему, это было бы предпочтительнее... А теперь — к делу. То, что Росли и Тонала покинули этот мир, не повод отказываться от контроля над прачечными. Надеюсь, судьба Росли заставит призадуматься других владельцев ресторанов. Брайан Уингфилд с ними поговорит. Но только действовать надо без грубости, ясно? Никаких прямых угроз, никакого битья. Надо убеждать, в то же время осторожно намекая, что, коли наши будущие клиенты не проявят должного понимания, за последствия им придется пенять лишь на собственное упрямство. И главное, Брайан не должен брать с собой никакого оружия, иначе, если кто-то, паче чаяния, вздумает шуметь, могут возникнуть осложнения. А предлагать услуги закон не возбраняет... Надеюсь, ты сумеешь все это втолковать Брайану, Макс.

— Положитесь на меня, шеф.

— А теперь, пока не приехали Берт и его ребята, я хочу поделиться с вами своими планами... Вы можете остаться, капитан, вы здесь не лишний, а кроме того, я хочу еще поговорить с вами, как только покончу с этими двумя. Итак, слушайте внимательно, Чак и Макс. Берт и его мальчики нужны нам, чтобы окончательно взять город в узду, но имейте в виду: ни Берт, ни его люди ничего не делают даром. Это вполне разумно, но их аппетиты не внушают мне доверия... Улавливаете? Стало быть, нечего и думать о том, чтобы дать им волю. Надо следить за каждым их шагом на случай, если Берту вздумается вести двойную игру. А потому, Чак, слушай, чем ты должен заняться...

* * *

Чак с Максом ушли, и капитан остался наедине с Войддингом. некоторое время оба молчали.

— Еще немного шампанского? — предложил наконец хозяин дома.

— Нет, спасибо.

— Как угодно, приятель. А вы очень ловко сговорились с судьей все

свалить на старину Джимми! Видите ли, Тед, все мое несчастье в том, что нет толковых помощников... Ах, Тед, когда вы наконец решитесь оставить эту паршивую работу или когда мэра все-таки вынудят вас уволить, не забывайте, что у меня всегда найдется местечко. Ладно?

— Я подумаю об этом, Мэл.

— А пока возьмите-ка эти пятьсот долларов.

Полицейский сунул деньги в карман и улыбнулся.

— Работать на вас — истинное наслаждение, Мэл.

— Можете не сомневаться, Тед, при желании вы заколачивали бы такую кучу денег, что просто не знали бы, куда их девать. Кстати, надеюсь, вы не поверили болтовне дурищи ПэПэ?

— Насчет чего?

— О несчастном случае с вашей дочерью Лилиан.

— Разумеется, нет. Зачем вашему брату убивать девушку, о существовании которой он даже не подозревал?

— Вот именно... Правда, в те времена вы здорово отравляли мне жизнь. Помните? Облавы в барах, закрытие моих игорных домов. Сегодня я могу вам честно признаться: по вашей милости я тогда чуть не поседел... И даже думал, что в конечном счете вы меня заставите-таки уехать из Стоктона. Представляете?

— Нам с вами следовало поговорить по душам раньше.

Мэл прикинул, что, если когда-нибудь Берт станет слишком обременительным, можно будет рассказать капитану, что это он сбил Лилиан.

— Вы мне все больше и больше нравитесь, Тед. Думаю, вдвоем мы сумеем забрать в руки весь город.

Капитан встал.

— А теперь мне пора.

— Погодите еще минутку, Тед... Я хотел бы знать ваше мнение об убийстве Тоналы. Вы и в самом деле думаете, что кто-то из друзей Росли мог свести с ним счеты?

— По правде говоря, Мэл, мне это кажется совершенно невероятным. Я ведь хорошо знаю чуть ли не всех друзей Джорджа и Кейт Росли... Ни у кого из них не хватит пороху напасть на такого типа, как Тонала, да еще в открытую и белым днем. Однако, вероятно, я ошибаюсь, поскольку Джимми все-таки убит...

— Возможно, Тоналу застрелил кто-то другой...

— Даже представить себе не могу, кто еще ненавидел парня настолько, чтобы выпустить в живот чуть ли не весь магазин.

— А вот у меня наклевывается одна мыслишка...

— Ну да?

— Разве вам не кажется странным, что в теле Тоналы нашли пули от пистолета Токарева, а у Моски как раз есть такой пистолет?

— Да, конечно... Но только из одного этого делать вывод, что Макс... Нет, для этого надо иметь слишком развитое воображение.

— Я никогда ничего не воображаю, Тед. У меня вообще нет воображения. Я просто-напросто рассуждаю: весь город настроен против Тоналы, так настроен, что скорее всего оттянуть его арест вряд ли удалось бы... И где гарантия, что Тонала выдержал бы допрос вашего верзилы О'Мэхори и не признался бы во всем? Поверьте мне, Тед, после дурацкого убийства Росли Джимми превратился для Макса в постоянную угрозу.

Не забывайте, официальный владелец прачечной «Юкатан» именно он... Я только без лишнего шума одолжил ему денег.

Капитан казался растерянным.

— Слушайте, Мэл, то, на что вы намекаете, очень серьезно...

— Да, действительно... Честно говоря, если бы не эти советские пули, ничего подобного мне бы и в голову не пришло...

— И вы намерены что-то предпринять?

— Пока не знаю... Макс мне нужен, но я ужасно не люблю, когда моих людей убивают без спроса. Поэтому если я получу бесспорное доказательство, Моска рано или поздно заплатит за все, но время я выберу сам... А пока забудем обо всем этом, Тед, и держите ухо востро. Ну а уж мы до приезда Берта посидим тихо.

* * *

Ближе к вечеру, когда Мелфорд уже собирался идти к Флойду Шерпо уничтожать виски и собственную печень, его остановил лейтенант О'Мэхори:

— Капитан!

— В чем дело, лейтенант?

— Это правда, что расследование убийства Джорджа Росли уже закончено?

— Совершеннейшая.

— Но ведь...

— А зачем продолжать следствие, если имя убийцы известно и он уже заплатил по счету?

— И вы станете меня уверять, будто всерьез воспринимаете эту липовую записку Тоналы?

— А какая разница, если мы с вами оба знаем, что Джорджа Росли убил действительно он?

— Согласен, но...

— Всему свое время. Однако официально расследование убийства Тоналы продолжается.

— Вас не удивляет, что этого типа застрелили из пистолета Токарева?

— Да... И не только меня, а еще и Мэла Войддинга, потому что, представьте себе, лейтенант, как ни странно, точно такой пистолет есть у Макса Моски. Об этом нам неожиданно сообщила мисс Пипер Плок.

— Ну и ну! Послушай, мне стоит навестить ПэПэ...

— Нет, лейтенант... Несчастная девушка и так под большим подозрением у своих приятелей. А если вы к ней пойдете, угроза станет смертельной.

— Ну и что? Все они одного поля ягоды, так или не так?

Капитан Мелфорд молча вышел.

— Печальная картина, лейтенант,— не удержался Лью Мартин.— Если бы мне кто раньше сказал, что Тед Мелфорд станет так себя вести, я бы ни за что не поверил. Что бы так пить, надо совсем рехнуться... В конце концов он себя просто убьет...

— По-моему, Лью, вполне может быть, что именно этого он и добивается.

— Почему?

— Потому что иногда он должен быть отвратителен даже себе самому.

Глава IV

К вечеру Аллантдэйл заметил, что бесследно исчезла его подружка Пирл, забрав все свои вещи. Он бросился к Войддингу и обо всем рассказал. Бандит пришел в дикую ярость:

— Как же вы мне осточертели со своими бабами! И куда девалась эта шлюха?

Чак судорожно сжал здоровенные кулачищи.

— Черт возьми! Ну, если я эту дрянь поймаю...

— Надо поймать... уж слишком она много знает о наших делах. А загонишь в угол — не вздумай миндальничать. Понял?

— Будьте уверены, шеф.

Узнав о побеге Пирл, Моска не упустил случая посмеяться над Аллантдэйлом, и Войддинг опять дошел до белого каления, успокаивая готовых сцепиться подручных.

— Заглохни, Макс! Уж кому-кому, а не тебе хорохориться, после того как ПэПэ сыграла с тобой такую скверную шутку!

— Какую шутку?

— По-моему, она нам, по сути дела, намекнула, что это ты застрелил Джимми. Разве не так?

— Я? Но... но зачем?

— С исчезновением Тоналы стало практически невозможно доказать, что в убийстве Росли виноват ты... И не забывай, что Джимми пристрелили из пушки, которая, насколько нам известно, есть только у тебя...

Вне себя от злости, Моска накинулся на Чака:

— Твоя работа, а? Это ты настроил босса против меня? Я тебе мешаю, стою поперек дороги?

— Ты — мне? Да ты что, смеешься? Кто на тебя вообще обращает внимание, грязный макаронник?

И снова пришлось вмешиваться Войддингу:

— Да успокоитесь вы оба наконец? Уйди, Макс... И не возвращайся, пока не научишься держать себя в руках. Имей в виду: пока ты остаешься под подозрением... А если я получу доказательство, что это и в самом деле ты шлепнул Джимми,— заплатишь.

Моска вышел, сквозь зубы бормоча ругательства.

— Повторяю тебе, Чак,— немного подождав, заметил Войддинг,— эти девки по-настоящему опасны, и ПэПэ, возможно, еще больше, чем Пирл. Все-таки она ужасная дура и болтает как сорока.

Он немного помолчал.

— Кажется, нам придется избавиться от мисс Плок.

Аллантдэйл пристально посмотрел на главаря.

— Положитесь на меня, босс,— проворчал он.

— Ты окажешь большую услугу нам всем, Чак, услугу, о которой никто, кроме меня, не узнает, а уж я сумею тебя вознаградить... Но только лучше одним ударом сразу двух зайцев...

— Не понимаю, босс.

— Закрой дверь и сядь. Сейчас я тебе все объясню.

* * *

Телефонный звонок нарушил семейный ужин Пата. Морин побежала в коридор и почти тут же вернулась:

— С тобой хочет поговорить Мелфорд... Но у него здорово заплетается язык. Видно, опять хватил лишку...

Пат, недовольно ворча, пошел к телефону.

— О'Мэхори слушает.

— Вот что, лейтенант... Мне звонила ПэПэ... Хочет сообщить что-то важное и просила зайти к ней часов в девять... Значит, через час... Сходите туда вы, я... слишком устал...

— Но, черт возьми, почему вы не позволили мне поговорить с девушкой, когда я предлагал?

— Не знаю.

— Вы пьяны!

— Лейтенант... я... не позволю вам...

Пат сердито бросил трубку и вернулся к жене.

— Похоже, девчонка Моски струсила и готова всех заложить, но идти в управление не решается... Придется уж мне самому ее повидать.

— А почему этим не может заняться капитан?

— Да потому, что он набрался как свинья!

Ужин закончился в гробовом молчании. Упоминание о Теде Мелфорде оживляло взаимные обиды. Пата, искренне уверенного, что он действует во имя высшей справедливости, выводило из себя упорство, с которым Морин из любви к Джойс и Мэри защищала человека, не достойного ни малейшей симпатии.

Без четверти девять О'Мэхори сухо попрощался с женой. Морин ответила в том же духе. Лейтенант сел в машину и поехал на Линкольн-стрит, в Луксор Корт Апартментс, на четырнадцатом этаже которого Макс Моска и ПэПэ снимали квартиру.

Увидев, что дверь не заперта, а лишь притворена, Пат заколебался, но, немного подумав, решил, что мисс Плок нарочно оставила щелку, боясь, как бы звонок в дверь не привлек внимание соседей.

— Вы дома, мисс Плок? — окликнул он девушку, входя в коридор.

Распахнутая дверь гостиной, казалось, приглашала войти, но на пороге О'Мэхори замер — ПэПэ лежала на полу, а вокруг ее разбитой головы растекалась лужа крови. Удивление настолько парализовало Пата, что он даже не подумал о возможной опасности. Почувствовав все же постороннее присутствие и услышав легкий шорох, лейтенант хотел обернуться, но опоздал. Что-то тяжелое ударило его по голове, и, теряя сознание, Пат вдруг вспомнил, что Тед Мелфорд всегда говорил: «У О'Мэхори больше мускулов, чем мозгов». Капитан оказался совершенно прав.

В половине одиннадцатого, беспокоясь, что мужа до сих пор нет,

Морин решилась позвонить Мелфордам. Узнав об этом, Пат наверняка еще больше рассердится, но молодая женщина плевать хотела на его гневные вспышки — лишь бы ее успокоили.

Трубку сняла Джойс, и по ее голосу Морин почувствовала, как девочка рада звонку. Очевидно, она по-прежнему считала миссис О'Мэхори другом.

— Твой отец дома, Джойс?

— Да, читает газету...

— Можешь попросить его подойти?

— Конечно.

Тед не заставил себя ждать.

— Алло, Морин?

— Тед, я очень волнуюсь...

— Почему?

— Из-за Пата...

— А где он?

— Как это где? Разумеется, там, куда вы его послали! — И еще не договорив, ирландка почувствовала, как горло перехватило от страха. Она не могла не заметить, что Тед говорит совсем не тем голосом, который она слышала совсем недавно. А капитан лишь подтвердил самые худшие опасения:

— Я никуда не посылал его, Морин.

— Значит... это не вы звонили в девятом часу и просили его сходить к мисс Плок, которая якобы собиралась сообщить что-то важное?

— Безусловно, нет.

— И что это значит, Тед?

— Пока не знаю, но выясню. Не сходите с ума, Морин, я сейчас же мчусь туда. Пат вам сразу перезвонит, я ему скажу.

Повесив трубку, Мелфорд попросил соединить его с «Эксцельсиором». Добудиться Мэла оказалось далеко не просто.

— Говорит Мелфорд.

— Ну и что? Какого черта вы меня разбудили?

— Кто звонил лейтенанту О'Мэхори?

— Почем я знаю?

— Кто у вас сейчас дежурит?

— Макс. А что такое?

— Вы можете мне его позвать, Мэл?

— За кого вы меня принимаете? Я вам не слуга, капитан!

— Слушайте, Войддинг, я всерьез опасаюсь, что кто-то из ваших умников сотворил непоправимую глупость.

— Кроме шуток?

— Ну, не говорите потом, что я вас не предупреждал.

— Можете засунуть свои предупреждения сами знаете куда! Ладно, приятель, Макса я вам, так и быть, позову, но оставьте меня в покое. Ясно?

К телефону подошел удивленный Моска.

— Вы спятили, Тед? — спросил он.— Будить босса, когда он с таким трудом засыпает!

— Некогда объяснять, Макс. Спускайтесь вниз, через пять минут я вас захвачу у выхода из «Эксцельсиора».

— В честь чего это? Затеяли увеселительную прогулку?

— Перестаньте шутить, Макс.

Как он и обещал, Мелфорд заехал за Моской, а уж потом на полной скорости рванул в Луксор Корт Апартментс.

— Куда это мы?

— К вам.

— Ко мне?

— Боюсь, как бы с ПэПэ не стряслась беда.

— Вы это серьезно?

— Вполне...

И больше до самого дома они не проронили ни слова. Бросив машину, оба помчались к лифту. Увидев открытую дверь квартиры, капитан понял, что хорошего ждать нечего. Поэтому представшее их глазам зрелище его не особенно удивило. ПэПэ с окровавленной головой лежала ничком, а в нескольких шагах от нее на ковре скорчился лейтенант О'Мэхори. В руке он крепко сжимал мраморную подставку для книг, которой, очевидно, и была убита мисс Плок.

— ПэПэ! — сдавленным голосом вскрикнул Моска.

Он бросился на колени рядом с телом молодой женщины, осторожно приподнял ее голову и, обратив к Мелфорду искаженное страданием лицо, просто проговорил:

— Она умерла...

И вдруг, словно что-то сообразив, Моска вскочил и выхватил револьвер.

— Это он убил ее, проклятый мерзавец! — заорал Макс.

Но Мелфорд не дал ему выстрелить в Пата. Бросившись между гангстером и лейтенантом, он с лету ударил Моску в челюсть, и тот, не успев спустить курок, потерял сознание. В первую очередь Тед сунул в карман револьвер Макса, потом осмотрел лейтенанта и с несказанным облегчением убедился, что тот дышит. Капитан осторожно ощупал череп Пата — вроде бы цел. Значит, не придется сообщать Морин страшную весть, как он было подумал в первую минуту. Тед направился к телефону и вызвал ребят из управления и Эла Шерри.

Не прошло и часу, как О'Мэхори отправили в больницу, полицейские покончили со всеми формальностями, а врач поехал домой высыпаться перед очередным вскрытием. Похоже, его твердо решили не оставлять без работы... Когда уносили тело ПэПэ, Моска опять начал буйствовать, и капитану снова чуть не пришлось его успокаивать. А теперь они остались вдвоем.

— Я знаю, капитан... она была невообразимо глупа. И не умела держать язык за зубами... А в результате я только и делал, что огребал неприятности. Тем не менее я любил ее... Можете вы это понять?

— Думаю, да.

— Я так надеялся, что в один прекрасный день мы уедем в Италию... А теперь... Почему О'Мэхори ее убил?

— Он никого не убивал, Макс, но и вас и меня хотели убедить в обратном.

— Зачем?

— Чтобы избавиться от Пата.

— И ради этого пожертвовали ПэПэ?

— Похоже на то.

— Но кто мог осмелиться?..

— Вы это знаете не хуже меня, Макс.

Моска на мгновение задумался.

— Если я найду того, кто убил ПэПэ,— тихо проговорил он,— мокрого места не оставлю.

— Если только он не расправится с вами первым. Надо думать, этот тип здорово вас не любит, раз не пощадил это несчастное дитя!

Моска с трудом подавил глухие рыдания.

— Дай Бог, чтоб я с ним встретился лицом к лицу! Но не пытаетесь ли вы заморочить мне голову, Тед, выгораживая своего лейтенанта?

Мелфорд рассказал ему, как кто-то позвонил Пату от его имени и о тревожном звонке Морин.

— А теперь, Макс, поезжайте-ка спать в какую-нибудь гостиницу... Здесь вам оставаться нельзя...

* * *

Мелфорд дежурил в больнице вместе с Морин, пока врачи не убедили его, что лейтенант отделался сотрясением мозга, правда, достаточно тяжелым, чтобы проваляться в постели некоторое время. Однако на случай осложнений (которых, впрочем, пока ничто не предвещало) Пату лучше оставаться под наблюдением. Успокоенный Тед вернулся домой. Мэри ждала его возвращения. Узнав, что жизни О'Мэхори ничто не угрожает, она облегченно вздохнула, но по дороге в спальню все же не удержалась от горького замечания:

— Надо полагать, это дело рук твоих новых друзей?

* * *

Известие об убийстве ПэПэ сильно взбудоражило Стоктон. Снова зазвучали самые нелестные замечания в адрес полиции. Страсти немного сдерживало только ранение лейтенанта О'Мэхори. Однако общественное мнение все же склонялось к тому, что мэр должен как можно скорее избавиться от Теда Мелфорда, который ни на что больше не годится и покрывает тех, кого обязан преследовать по закону. Люди, вполне естественно, хотели жить спокойно, и то, что их город вдруг превратился в поле битвы, никому не нравилось.

Рано утром мэр позвонил в дверь Мелфордов. Джойс собиралась в школу, но это не помешало ей расцеловать Теренса Кэмдена — он приходился ей крестным.

Девочка побежала за отцом, и тот не замедлил явиться, запахивая халат.

— Ты, вероятно, догадываешься, почему я пришел?

— Разумеется.

— Так больше продолжаться не может. Я прикрывал тебя, сколько мог, но теперь просто вынужден уступить всеобщим требованиям. Люди считают, что ты обязан уйти в отставку или посадить за решетку Войддинга и его присных. А этого, насколько мне известно, ты не хочешь?

— Да, не хочу.
— В таком случае...
— Ладно. Когда вам принести прошение об отставке?
— Скажем... завтра.
— Договорились.
— Но у тебя останется еще неделя... А потом, я думаю, капитаном станет О'Мэхори.
— Вы не могли сделать лучшего выбора.
— Так передай, что, случись с Патом какая-нибудь неприятность, я пойду прямо к нему, Войддингу, арестую, а потом выдам толпе. И никто мне не помешает. А что такое суд Линча — он знает, я полагаю, лучше меня.

* * *

Мэл сидел за письменным столом, раскуривая сигару. Алландэйл полировал ногти, а Моска, поникнув в кресле в противоположном конце комнаты, казалось, ни на кого и ни на что не обращал внимания. Однако Мелфорд сразу почувствовал, что атмосфера наэлектризована до предела.
— Привет, Мэл.
— Привет...
— Салют, ребята!
Отозвался лишь Чак:
— Салют!
— Не блестяще вы нынче выглядите. Что-нибудь стряслось?
Войддинг свирепо ткнул пальцем в сторону Моски.
— Стряслось то, что этот господин разыгрывает из себя безутешного Ромео,— рявкнул он.— Кто-то, видите ли, прикончил его подружку!
— Честно говоря, это и в самом деле подлость.
— Согласен! Мы все так считаем, но это еще не повод...
— Вы сказали все, босс? — перебил его Моска.
— Ну да, так я и сказал, и что дальше?
— А то, что вы врете, босс!
Войддинг побледнел и конвульсивно сжал жирные кулаки.
— И ты... ты смеешь...
— Вам отлично известно, босс, что ПэПэ убил кто-то из своих.
Заинтересовавшись разговором, Чак перестал полировать ногти, и Тед заметил, как его рука медленно поползла к кобуре.
— Ты что, свихнулся? — не очень уверенно возразил Войддинг.— Ведь не хуже нашего знаешь, что это легавый!
Макс указал на капитана:
— Спросите, что об этом думает он!
Войддинг с ненавистью посмотрел на Мелфорда.
— Так вы еще позволяете себе думать?
— Да, думаю, что с вашей стороны было верхом глупости пытаться убрать с дороги Пата О'Мэхори таким способом.
Мэл встал и, отшвырнув кресло, бросился к капитану.
— Ах ты, продажная тварь! — заорал он, хватая Теда за грудки,—

и у тебя хватает наглости обсуждать мои поступки?

— Когда вы делаете ошибки — да!

Войддинг наотмашь ударил Мелфорда по лицу. Тот не шелохнулся, лишь пристально посмотрел гангстеру в глаза и каким-то деревянным голосом тихо заметил:

— Никогда не пытайтесь проделать это еще раз, Мэл... Никогда. Иначе я не посмотрю на ваших убийц и в два счета отправлю вас к праотцам.

Почувствовав, что капитан отнюдь не шутит, Войддинг отступил и, пытаясь «спасти лицо», стал разыгрывать приступ неукротимого бешенства:

— Хороши помощнички! Что за люди!.. Сначала Макс позволяет себе кричать, что я вру, а потом Тед заявляет, будто я веду себя как последний дурак! Я вовсе не приказывал убить ПэПэ, Моска! И это не я решил таким способом разделаться с О'Мэхори, Мелфорд! Разве я виноват, что меня окружают одни идиоты, неспособные правильно понять приказ!

Войддинг, очевидно, решил все свалить на Алландэйла. И Макс уже не сводил с Чака горящих ненавистью глаз.

— Так это ты убил ПэПэ, а? — наконец процедил он сквозь зубы.

— Я? Да ты, часом, не сбрендил?

— Тогда кто?

— Мне-то откуда знать?

Мэл шарахнул кулаком по столу.

— Да заткнетесь вы оба? Вы со своими чертовыми девками уже влезли мне в печенки! Что там не сработало, Тед?

Капитан выразительно пожал плечами.

— Даже ребенок справился бы лучше... Очевидно, кто-то хотел представить дело так, будто Пат убил ПэПэ. При этом ваш горе-режиссер надеялся, что полиция поверит, будто во время допроса ПэПэ ударила лейтенанта сзади, а тот, обернувшись, в свою очередь стукнул ее подставкой для книг. Прелюбопытная картинка... И это не считая того, что, получив по голове, Пат уже явно не мог шевельнуться... Кто-то перестарался, Мэл. И еще: ну чем ПэПэ могла ударить лейтенанта, если ни в руке, ни вообще поблизости от тела мы не нашли ни одного хоть мало-мальски подходящего предмета? Только новичок мог сделать такую ошибку...

— Кретин! — бросил Войддинг Чаку.

— Даже начинающий полицейский сразу сообразил бы, что ПэПэ умерла до того, как Пат вошел в квартиру,— продолжал Мелфорд.— А телефонный звонок Пату от моего имени с просьбой сходить к ПэПэ вообще ребячество. Доктор Шерри, Макс, утверждает, что вашу подругу убили до семи часов вечера.

— Ладно, черт возьми, вы правы! — не сдержался Мэл.— Ну, наворотили малость! Впредь постараемся больше не валять дурака.

— Вряд ли вам подвернется другой случай, Войддинг.

Что-то в тоне полицейского сразу обеспокоило бандита.

— А почему это вы так разговариваете со мной, Тед?

— Потому что сегодня утром ко мне явился мэр и потребовал написать прошение об отставке.

— Что?
— И через неделю мое место займет лейтенант О'Мэхори.
— Господи Боже!
— При вашем ремесле, Мэл, любая ошибка непоправима.
— Но не могу же я, черт возьми, все делать сам!
— Разумеется... Но помощников могли бы выбирать себе поприличнее... Боюсь, О'Мэхори покажет вам небо в алмазах.
— О'Мэхори? Мы им займемся. И обещаю вам, он не успеет отпраздновать назначение!
— Нет.
— Что — нет?
— Мэр просил меня передать вам, что, случись какая неприятность с Патом или его женой, он не станет спрашивать согласия у судьи и арестует вас лично... А потом выдаст толпе... И уж если выкладывать все до конца, Мэл... Теренс Кэмдел спит и видит, чтоб вас линчевали.
Войддинг вдруг почувствовал, что задыхается, и ослабил воротник.
— Мало ли что можно наболтать в минуту раздражения,— без особой уверенности пробормотал он.
— Ошибаетесь. Я сто лет знаю Теренса Кэмдена. Он крепкий парень и к тому же из тех, кто тоскует по старым временам, когда правосудие вершилось быстрее и проще. Поверьте мне, Мэл, Кэмден слов на ветер не бросает, и отнеситесь к его предупреждению серьезно.
Войддинг снова уселся за стол.
— Ладно, мы и в самом деле допустили промашку, и надо попытаться ее исправить... Макс, я больше не желаю слышать твоих стонов о ПэПэ. Кто ее убил и почему — не имеет значения... И придется с этим примириться. Скоро ты найдешь себе другую милашку, но советую выбрать поумнее и не такую болтливую. А тебе, Чак, надо искупить вину...
— Э, босс... Вы так говорите, что Макс может подумать, будто это я ухлопал его пассию...— возмутился Аллáндэйл.— А я ведь занимался только фараоном...
— Ладно... И прекратите изводить меня своей дурацкой враждой. Ясно одно: мы не позволим какому-то там Кэмдену указывать, как нам себя вести, будь он тридцать три раза мэр! В любом случае этот парень недолго просидит на таком посту... Как только приедет Берт со своими ребятами, мы так встряхнем Стоктон, что все сразу разберутся, кто мэр, а кто — не очень!
— Да, но когда это еще будет! — вздохнул Чак.
— Сегодня вечером.
Послышались удивленные восклицания, и Мэл, довольный произведенным эффектом, вновь обрел прекрасное настроение.
— Я хочу, чтобы между вами не было никаких недоразумений,— продолжал Войддинг.— Поначалу Берт и его парни, возможно, станут поглядывать на вас немного свысока. Не обращайте внимания. Просто покажите им, что тоже не лыком шиты. А потом все пойдет как по маслу. И зарубите себе на носу, что хозяин тут я и что я не допущу, чтобы кто-то обсуждал мои приказы, будь то даже мой родной братец.
Все горячо поддержали готовность своего босса управлять пополнившейся бандой.
— Утром я разговаривал с Бертом по телефону. Он согласен, что

лучше всего приехать в Стоктон незаметно. Поэтому все трое остановятся на границе нашего штата, а там вы их встретите, Тед. И разве кому-нибудь взбредет в голову, что трое таких опасных гостей въезжают в город на полицейской машине?

Моска, Чак и капитан рассмеялись. Ну кто, кроме их босса, может выдумать такую забавную шутку?

— Вы отвезете Берта и остальных в «Монтану», Мелфорд. А вечером мы все вместе выпьем тут шампанского, и вы познакомитесь. Вы же, Тед, наведайтесь, пожалуй, к судье Хэппингтону и расскажите ему обо всем.

* * *

Тед позвонил домой и предупредил, что не приедет обедать, поскольку ему предстоит долгая и довольно-таки дальняя поездка.

Поручив Баду Зигбургу дежурить в управлении, капитан залил полный бак бензина и тронулся в путь. Сначала он заехал в больницу.

Пат О'Мэхори чувствовал себя гораздо лучше.

— Морин рассказала мне насчет того звонка,— сразу начал лейтенант, увидев Мелфорда.— И как я не сообразил, что звонили не вы? Вы еще не выяснили, чья это работа?

Пат указал на бинты, обматывавшие его голову.

— Нет, пока не удалось.

— Оберегаете своих дружков?

— Нет, вас.

— Не нервничай, Пат,— вмешалась Морин.

— Я не нервничаю, но только из-за того, что капитан пришел узнать о моем самочувствии, не могу изменить мнение о нем!

— Замолчи!

Мелфорд улыбнулся Морин:

— Благодарю вас, миссис О'Мэхори.

И, оставив лейтенанта препираться с женой, Тед тихонько закрыл за собой дверь.

Выезжая на внешний бульвар, он вдруг вспомнил, что должен повидать судью Хэппингтона.

Тот занимал прекрасный особняк в колониальном стиле. Дверь открыл чинный негр в красном жилете. Судья Хэппингтон заканчивает обедать, сообщил он капитану.

Слуга проводил полицейского в небольшую восьмиугольную комнату, выходившую в сад.

— Может быть, господин капитан согласится чего-нибудь выпить?

— Да... Немного виски.

— Сию минуту, господин капитан.

Не успел Мелфорд допить виски, как в библиотеку с недовольным видом вошел судья. Хэппингтон был высоким, крепким, рыжеволосым мужчиной и на первый взгляд производил впечатление человека очень сильного. Однако, приглядевшись внимательнее и заметив бегающий взгляд, тот, кто имел с ним дело, быстро понимал, что перед ним жалкое, слабовольное ничтожество...

— Не понимаю, зачем вам понадобилось беспокоить меня в такое время. Я сижу за столом, в семейном кругу...

— Слушайте, Хэппингтон, вы — отъявленный мерзавец, и мне это известно лучше, чем кому-либо другому, поскольку я сам пользуюсь той же кормушкой. Поэтому, прошу вас, поубавьте гонору. Какой смысл одному подонку ломать комедию перед другим?

— Говорите же потише, ради Бога! Чего вы хотите?

— Мэл просил сообщить вам, что я еду за его братом Бертом и еще двумя убийцами.

— Многообещающая новость...— простонал судья.— Ах, Мелфорд, если бы я только знал, куда это все меня заведет...

— Слишком поздно, судья.

— Еще бы! И что с нами теперь будет, и с вами, и со мной?

— Что будет с вами — не знаю. А мне Кэмден велел подать в отставку. Но могу вам сразу сказать, что, если Войддинг и его брат не заберут в руки город, вам придется подыскивать другую работенку — через неделю меня заменит Пат О'Мэхори.

Хэппингтон тяжело плюхнулся в кресло.

— Все кончено...

— Ну, может, еще не совсем...

Судья с живостью вскинул голову.

— Послушайте, но ведь коли Берт — такой лихой малый, он ведь запросто может скинуть старшенького?

— Кто знает...

— Но тогда не разумнее ли сразу же установить с ним отношения покороче?

* * *

Весь кабинет Войддинга был уставлен цветами. Бутылки шампанского охлаждались в ведерках со льдом. От пестрых этикеток виски, джина и бурбона рябило в глазах. Мэлу хотелось устроить брату такой прием, чтобы у него сразу потеплело на сердце. С тех пор как он решил пригласить Берта в Стоктон, в глубине души Войддинга денно и нощно грызло сомнение. Он вовсе не испытывал никакой уверенности, что Берт уразумеет, насколько ему выгодно подчиняться старшему брату. А заставить такого парня передумать — задачка не из легких, особенно учитывая, что он притащит с собой двух матерых убийц. И Мэл решил сразу же расставить все точки над i.

В кабинете тихонько играл магнитофон. Аллэндэйл выглядел еще красивее, чем обычно, но все-таки продолжал полировать ногти — у него это превратилось в своего рода нервный тик. Макс курил сигару, раздумывая, на кого лучше поставить: на босса или на его брата. А всегда невозмутимые Эл Сирвел и Брайан Уингфилд дулись в кости.

Время шло, а путешественники все не появлялись. Мэл уже дважды звонил в управление и спрашивал, где капитан, и оба раза ему отвечали, что Мелфорд куда-то уехал.

Наконец он не выдержал:

— Хотел бы я знать, что они там затеяли!

— Путь неблизкий,— спокойно заметил Чак, продолжая делать маникюр,— а может, в машине какие неполадки...

— Да, ты прав. Но тогда Берт приедет злой, как черт, и наша вечеринка принесет мало радости.

— Он что, очень нервный?

— Пожалуй, да... Сирвел, вернись-ка ты на обычное место у лифта.

Тот встал, сунул кости в карман и, не говоря ни слова, вышел.

Прошло еще около часа. Атмосфера все накалялась. Неожиданно послышались быстрые шаги, и на пороге появился Сирвел:

— Капитан приехал, босс.

— Капитан? Я полагаю, не один, чертов ты дурень?

— То-то и оно, что один, босс.

И прежде чем Войддинг успел задать новый вопрос, в кабинет вошел Мелфорд. Выглядел он ужасно усталым.

— Ну, Тед?

— Ну, Мэл, все получилось вовсе не так, как вы мне говорили.

Глава V

Все уставились на Теда Мелфорда. Даже Эл Сирвел и Брайан Уингфилд вышли из привычного оцепенения жвачных животных и жадно ловили каждое слово капитана. Аллaндэйл убрал щипчики и пилку. Моска на мгновение перестал думать о ПэПэ и о несбыточности их путешествия в Италию. А Мэл чувствовал, как железная клешня сжала ему внутренности. Он-то сразу понял, что дело принимает скверный оборот.

— В чем дело, Тед? Вы не встретили Берта и его друзей?

— Встретил.

— И вы привезли их с Стоктон?

— Да.

— Где же они?

— Понятия не имею.

— По-вашему, сейчас самое время для дурацких шуток?

— Может, вы дадите мне все рассказать с самого начала?

— Ладно, мы слушаем.

— Но сперва я бы с удовольствием промочил горло — сейчас мне это чертовски нужно.

Моска щедрой рукой налил в бокал виски, и капитан проглотил его залпом.

— Как мы и договаривались, я подобрал вашего брата, мексиканца и Сэма Мервейна на автобусной остановке в Мелвин Рок. Все они были очень любезны и горячо пожимали мне руку. Берт сказал: «Вот здорово, что мой брат придумал доставить нас в город на полицейской машине!»

Мэл приосанился.

— Примерно десять миль мы ехали в полном молчании. По правде говоря, меня такая неразговорчивость несколько удивила. В конце концов я сказал вашему брату, сидевшему рядом: «Не очень-то вы болтливы, как я погляжу». Он ответил, что привык открывать рот, только когда ему есть что сказать или задать вопрос. А потом добавил, что, коли мне невтерпеж, они могут приступить к делу не откладывая в долгий ящик. Берт велел мне затормозить на опушке небольшого леса возле Лэкмора и оставить машину под деревьями, так, чтобы ее не было видно с дороги, и мы все вышли. Честно говоря, я нисколько не сомневался, что там и останусь, тем более что мексиканец тут же вытащил внушительный тесак. К тому же я никак не мог понять, что на них нашло. Берт спросил:

— Ты тот легавый, который работает с моим братцем?

— Да.

— Что Мэл вам приказал с нами делать?

— Отвезти в скромную и тихую гостиницу «Монтана», чтобы на ваше появление в городе никто не обратил внимания. А потом он хотел, чтобы вы на такси приехали к нам в отель «Эксцельсиор». Там вам подготовлен радушный прием.

— Заботливый братец, а? Вот только он малость промахнулся, мой драгоценный Мэл. Я приехал с Стоктон не шестерить, а занять его место. Так что придется малость поправить программу. Вы поедете к Мэлу и скажете, что я даю ему два дня. Пусть собирает манатки и отваливает вместе со своими дешевыми мордошлепами... Да чтоб не задерживался, а то мы живо поставим всю компанию на место. Мы шутить не любим... Мэл всегда был ничтожеством, годным разве что собирать бабочек. Единственный стоящий тип из его дружков уже связался со мной и в случае чего подсобит. Кроме того, можете передать моему милому братцу, что судья Хэппингтон уже звонил мне и предлагал услуги. Я их принял. Надеюсь, Мэл сообразит, что ему больше нечего делать в Стоктоне — тут ничего не светит, кроме места на кладбище. А вам, Мелфорд, коли не сумеете правильно выбрать хозяина, не придется долго раздумывать, каким способом уйти в отставку.

На сем мы снова вернулись в машину. Мервейн ткнул меня в спину револьвером и предупредил, что, если меня вдруг осенит замечательная мысль по въезде в Стоктон предупредить полицию, я стану первой жертвой в том побоище, которое они намерены учинить. И до самого города никто больше не проронил ни слова. На внешнем бульваре мне приказали остановиться у дома судьи Хэппингтона, а потом ехать к вам с поручением, Мэл. Вот и все, а теперь я бы охотно глотнул еще немного виски — такую прогулку забудешь не скоро...

Рассказ капитана выслушали в полном молчании, никто не издал ни звука. Застывший в кресле Мэл Войддинг казался ледяным изваянием. Только конвульсивно сжатые челюсти выдавали клокотавшее внутри бешенство. Чак, побледнев чуть больше обычного, наблюдал за реакцией главаря. Моска, видно, с большим трудом сдерживал распиравший его поток слов. А двое убийц инстинктивно вытащили револьверы и стали вертеть их в руках.

— Берт всегда был тщеславным болваном,— прошипел наконец Войддинг.— Самое время дать ему такой урок, чтоб навсегда запомнил... Этот кретин хочет войны? Он ее получит! Вы, конечно, не знаете, где они решили засесть, уехав от судьи?

— Нет.

— Но у вас в подчинении есть ищейки, которые, наверное, без труда засекут их нору?

— Несомненно.

— Отлично. Немедленно принимайтесь за дело, и, как только мы узнаем, где сидят эти стервятники, мы устроим им другой прием, раз уж они пренебрегли нашим гостеприимством... Но на сей раз прихватим с собой не виски и не шампанское!

Аллакдэйл захохотал. Мысль о предстоящей драке всегда приводила его в восторг. Зато Моску такая перспектива радовала гораздо меньше.

— Что до судьи Хэппингтона,— продолжал Войддинг,— он тоже заслуживает урока... И окончательного расчета. Пускай Берт и его убийцы полюбуются, как мы поступаем с предателями... Кстати, о предательстве, Тед... Вы, кажется, упомянули, будто Берт связался с кем-то из наших?

— Да.

— Жаль, что он не назвал вам имя...

Войддинг обвел ледяным взглядом всех, сидевших в комнате.

— Значит, и у нас завелась паршивая овца... Так пусть этот сукин сын поостережется — узнаю, кто он, легкой смерти пусть не ждет... А лучше всего — сразу признаться и попросить прощения. Нас не так уж много, чтобы позволить себе роскошь пускать кого-то в расход без крайней нужды... Так что я готов дать ему возможность искупить вину. А теперь возвращайтесь по домам и держитесь начеку. С этой минуты мы все в смертельной опасности. Помните, что вопрос стоит так: либо ты убьешь, либо — тебя. Стало быть, пока мы не решим свои собственные дела, обывателей Стоктона придется оставить в покое... Ясно? Спокойной ночи. А вы, Тед, задержитесь, пожалуйста, еще на минутку.

Оставшись наедине с капитаном, Мэл откупорил бутылку шампанского.

— Вы умнее, чем все мои дуболомы, Мелфорд... Поэтому я хочу знать ваше мнение о Берте и остальных.

— Придется действовать очень быстро.

— Я тоже так думаю. Вы останетесь с нами, Тед?

— А разве у меня есть другой выход?

— Вот это мудрое решение... Расскажите мне о Берте и его ребятах.

— Если хотите знать мое мнение, это крайне опасное сборище.

— Как только вы разыщете гнездовье наших птичек, мы живенько его очистим. А пока скажите, кто, по-вашему, нас предает?

— Трудно сказать... Вы знаете свою команду лучше, чем я, Мэл.

— И это говорите вы? Да разве таких ребят можно толком узнать? Впрочем, не думаю, чтобы это мог быть Сирвел или Уингфилд. Во-первых, они ничего толком не знали о Берте, а во-вторых, это обычные наемники, неспособные размышлять и заглядывать в будущее.

— В таком случае, остаются только Чак и Макс?

— Да, Чак и Макс. И не стану от вас скрывать, Тед, что наиболее подозрительным мне кажется Моска. Он никак не может простить, что мы убрали его болтунью, и я нисколько не удивлюсь, если Моска попытается нам напакостить... Придется не спускать с него глаз и при первом же подозрительном шаге отправить следом за его разлюбезной ПэПэ.

— Ну, очень-то торопиться тоже не стоит.

— Я никогда не делаю поспешных шагов.

Мелфорд и Войддинг допили шампанское за победу над Бертом и его присными и за поимку изменника, готового нанести удар в спину.

* * *

Если Чак Аллandэйл быстро утешился и забыл о Пирл Грефтон, тем более что череда более важных событий не позволила ему ни выслежи-

вать беглянку, ни даже предупредить своих нью-йоркских приятелей, то Максу Моске никак не удавалось выбросить из головы убийство ПэПэ. Если бы только он мог точно узнать правду! Пусть это будет его последним хорошим поступком в жизни, но уж он постарается прикончить убийцу ПэПэ! Ему хотелось напиться и обо всем забыть, но сейчас расслабляться явно не следовало. Нет, лучше подождать и хорошенько выпить потом, когда пока не известный ему враг последует за ПэПэ... Перед сном Моска тщательно почистил и смазал пистолет.

Чак, считавший себя непобедимым, отправился в «Копакабану». Весь вечер он пьянствовал и танцевал, но все же почти не отводил глаз от двери, в любую минуту готовясь увидеть Берта и его убийц. Время от времени Чак машинально проверял, легко ли револьвер ходит в кобуре. Алландэйл презирал весь мир. Бросить Войддинга ради его брата ему не приходило в голову, но Чак был бы не прочь, прикончив Мэла, занять место Берта.

Эл Сирвел и Брайан Уингфилд в точности выполнили совет главаря. Оба жили в «Эксцельсиоре», в комнате, ведущей в апартаменты Войддинга. Они приказали поднять ужин наверх и заперлись у себя, потом сыграли партию в крэпс и улеглись спать, не забыв сунуть под подушку револьвер. Для них все было просто и ясно: или они прикончат Берта и его ребят, или те прикончат их. Сирвел и Уингфилд не испытывали ни страха, ни нетерпения. За долгие годы положение «либо-либо» стало настолько привычным, что уже почти не волновало их.

Мэл попытался отвлечься, разглядывая любимых бабочек, но вопреки ожиданиям не получил ни малейшего удовольствия и раздраженно убрал ящики обратно в шкаф. От реальности никуда не уйдешь: подлый братец покушается на его жизнь. Счастье еще, что у Мэла есть Тед Мелфорд.

По дороге домой Тед заехал в больницу. Морин добилась разрешения дежурить у мужа круглые сутки.

— Как вы себя чувствуете, Пат?

— Через пару дней вернусь домой. Моя ирландская башка оказалась на диво крепкой.

— Пат, у меня для вас очень хорошая новость... Вас назначают капитаном.

— Капитаном? А как же вы?

— Я подаю мэру прошение об отставке.

Ирландец не мог найти слов. К Мелфорду подошла Морин:

— И что же с вами со всеми станет?

— Понятия не имею, но тем и должно было кончиться, не правда ли? Из вас получится хороший капитан полиции, Пат.

Когда шаги Мелфорда затихли в глубине коридора, Морин не без ехидства спросила:

— Ну что, доволен?

— Ты как будто сердишься на меня за это повышение, о котором я и не думал просить!

— Я сержусь за то, что поешь в один голос со всеми... Послушать вас, так во всем Стоктоне не найдется большего негодяя, чем Тед Мелфорд!

— Я по-прежнему в этом уверен.
— А я — нет!

* * *

Тед думал, что домашние уже спят, и, увидев в окнах свет, немало удивился. Войдя в столовую, он увидел, что Мэри несет из кухни чашку чаю. Ни слова не говоря, она прошла мимо мужа и исчезла в комнате Джойс.

— Что случилось, Мэри? — спросил Тед, когда она вернулась.

— Джойс...

— Она заболела?

— Нет, очень утомлена...

Мелфорд хотел было пойти к дочери, но жена преградила дорогу:

— Нет, тебе лучше туда не ходить...

— Почему?

Мэри ответила не сразу, но потом вдруг решилась:

— Боюсь, сейчас твое появление не пойдет ей на пользу, скорее наоборот.

— Мое появление? Но разве я не отец Джойс?

— Вот именно... Лучше девочке об этом забыть хотя бы до завтрашнего утра... Ей надо поспать... Не волнуйся, опасности никакой: просто разошлись нервы.

— Это из-за меня?

Мэри опустила голову.

— Да, из-за тебя.

Она ушла на кухню, а Тед устало опустился в кресло. Ему было тяжко, невыносимо тяжко... Родная дочь... Жена... А всего несколько минут назад — Пат... Вот только одна Морин... Странные вещи бывают на свете... Вернувшись в столовую, Мэри вдруг заметила, как резко постарел ее муж. И неожиданно ей стало жаль Теда. Мэри подошла и положила руку ему на плечо. Капитан поднял измученные глаза.

— Наступает расплата, Тед,— печально сказала жена.— Если бы речь шла только обо мне, это не имело бы особого значения. Но у нас есть дочь... Джойс еще не набралась ни сил, ни жизненного опыта. Да и причин держаться насмерть, как у меня, нет.

— Что с ней произошло?

— Поссорилась с одноклассницей, и та при всех крикнула, что дочери продажного полицейского следовало бы помолчать. Никто не стал защищать Джойс. В школу она больше не вернется...

— Бедная девочка...

— Тебе бы следовало подумать о ней раньше, Тед. Я клялась себе никогда не говорить на эту тему, но не желаю, чтобы за твою вину расплачивалась Джойс. После смерти Лилиан ты совсем переменился.

— Я не хотел, чтобы и Джойс тоже убили.

— Так ты уверен, что это не было несчастным случаем?

— Да.

— Почему же ты не сказал об этом мне?

— Зачем?

— Хотя бы для того, чтобы я не разлюбила тебя. Значит, если бы ты не подчинился, они убили бы Джойс?

— Сначала ее, потом тебя.

Наступило долгое молчание.

— Тед Мелфорд, за которого я выходила замуж, стал бы сражаться, а не уступил бы гнусному шантажу,— наконец тихо проговорила Мэри.

— Должно быть, я уже не тот. Я слишком боялся потерять вас обеих.

— И согласился потерять честь?

— Это всего лишь слово.

— Да, слово, но меня учили его уважать с детства, да и ты сам когда-то учил. И на том же уважении я растила наших дочерей.

— Ты меня больше не любишь, Мэри?

— Я перестала восхищаться тобой, Тед. По-моему, это куда серьезнее.

— Не уезжайте.

— Я не вижу другого выхода. Нам с Джойс придется поехать к моим родителям в Колорадо.

— Не надо, я подал в отставку.

— Ты подал в...

— Не позже, чем через неделю, я уйду из полиции, и, если ты согласна, мы вместе уедем отсюда.

— Ты говоришь правду?

— А зачем мне тебя обманывать?

— Не знаю... С тех пор, как погибла Лилиан, я ничего не понимаю в твоих поступках... Позволь мне сказать Джойс, что мы уезжаем из Стоктона самое позднее через неделю?

— Да, это крайний срок, даю тебе слово.

— Ну, теперь я не сомневаюсь, что она уснет.

Жена ушла. А Мелфорд, усевшись поглубже в кресло, стал задумчиво смотреть туда, где обычно сидела Лилиан, когда они по вечерам играли в карты. Никто из домашних так не любил Лилиан, как любил ее он... Они хотят уехать в Колорадо и оставить ее совсем одну, здесь, на стоктонском кладбище. И они еще называют это любовью? Морин, конечно, позаботится о заброшенной могиле, но это не то же самое. А, впрочем, стоит ли напрасно портить себе кровь? Уж Мелфорд-то знал наверняка, что ему не уехать из Стоктона...

* * *

Весь маленький городок охватило предчувствие беды. Никто не смог бы толком объяснить, в чем дело, но каждый ощущал смутную угрозу. В самом воздухе витало беспокойство. Продажность судьи Хэппингтона ни для кого не составляла секрета, точно так же как и двойная жизнь начальника полиции. И бóльшая часть обывателей, хоть и, с сожалением, склонялась к тому, что старину Теренса Кэмдена придется отправить на покой, раз он не в состоянии сладить с захватившими город бандитами. Даже те, кто относился к мэру с особой симпатией, никак не могли понять, почему он не желает отправить в отставку Теда Мелфорда и не зовет на помощь ФБР. А недоброжелатели намекали, что из всей этой неразберихи Кэмден тоже извлекает для себя кое-какие выгоды. Так или иначе, но весь город понимал, что так больше продолжаться не

может, что рано или поздно нарыв прорвет и что это невеселое время не за горами.

И с особым страхом ждал неминуемой развязки судья Хэппингтон. Он догадывался, что настанет день, когда всеобщее негодование выметет его из суда. Правда, он надеялся, что до этого успеет поставить на ноги детей и обеспечить безбедную старость жене. Тогда вдвоем с Элизабет они уедут из Стоктона и отправятся в Луизиану, где неподалеку от Батон-Руж Хэппингтон предусмотрительно купил небольшой домик.

Однако едва судья выходил в столовую, где за завтраком собиралась вся его семья, как угрызения совести мигом улетучивались. Стоило поглядеть на сына-джентльмена, на изящную куколку-дочь и на счастливую жену, и Герберт больше ни о чем не жалел. Итак, еще несколько месяцев — и все его планы придут к счастливому завершению. Что бы там ни утверждали всякие идиоты, непорядочность — далеко не смертный грех.

Хэппингтон никогда не задумывался, любят ли его домашние. Внешне все они неизменно проявляли глубокую привязанность к главе семейства. А у Герберта хватало ума не требовать большего. Пустая болтовня детей наполняла его тщеславным блаженством. Сын и дочь судьи говорили об отпрысках самых богатых и древних семейств города, как о близких друзьях, с которыми они привыкли держаться на равной ноге. А жена пользовалась услугами поставщиков, выполнявших заказы только немногих избранных.

Вернувшись в кабинет, Хэппингтон собрал бумаги. С портфелем в руке он чувствовал себя совершенно другим человеком. Все страхи и опасения тут же исчезали. Ни дать ни взять король со скипетром в руке. Забывая о том, кто он есть на самом деле, Хэппингтон превращался в СУДЬЮ. Слуга проводил хозяина до крыльца и почтительно затворил за ним дверь. Увидев у самой решетки сада чужой автомобиль, Герберт раздраженно махнул рукой. Такое нарушение приличий казалось ему совершенно недопустимым и злило тем больше, что он видел человека, сидевшего за рулем.

— Эй вы там! — крикнул Хэппингтон.

Мужчина высунул голову:

— Привет, судья!

Хэппингтон узнал нахального водителя и подошел поближе.

— Вам же отлично известно, что приезжать ко мне домой нельзя! — продолжал возмущаться он.

— На сей раз иначе никак невозможно...

Увидев револьвер, Хэппингтон вытаращил глаза:

— Вы... вы что... взбесились?

— Не надо было нас предавать, судья!

— Предавать...

— Наилучшие пожелания от Мэла Войддинга, судья!

Под градом пуль Герберт умер, даже не успев открыть рот. Эл Сирвел рванул с места и на полной скорости выехал на окраину города, где и оставил украденную несколько минут назад машину. Обратно он возвращался пешком, небрежно сунув руки в карманы, пока не поймал такси, а приехав в «Эксцельсиор», сразу же сообщил Мэлу, что поручение выполнено. Войддинг слегка отодвинул ящик с бабочками.

— Браво, Эл... Возьми двести долларов вон там, на столике. Я их заранее приготовил, зная, что уж ты-то не промахнешься. Судья ничего не говорил?

— Нет, только выпучил глаза.

Войддинг беззвучно рассмеялся.

— Еще бы. А теперь хотел бы я поглядеть, какая физиономия будет при этом у Берта!

* * *

Пат никак не ожидал мэра, а Морин страшно смутилась, что первое лицо города застало ее в халате. Однако Теренсу было явно не до церемоний.

— Простите, что побеспокоил вас в такую рань. Как вы, лейтенант?

— Лучше некуда! Не будь этих тюремщиков в халатах, я бы давно удрал отсюда!

— Вы нам нужны, лейтенант.

— Что-нибудь скверное?

— Судью Хэппингтона убили, когда он выходил из дома.

На открытом лице ирландца ясно читалось, что известие его нисколько не огорчило, и Теренс счел нужным добавить:

— Я знаю, о чем вы подумали, О'Мэхори, да и все наверняка скажут то же самое... Однако для нас нравственный облик жертвы не имеет значения. В любом случае мы обязаны найти убийцу.

— Постараемся сделать все возможное, но... как же капитан?

— Я бы предпочел не говорить о нем, лейтенант... Вам известно, что Мелфорд подал в отставку и я назначил на его место вас?

— Он сообщил мне об этом... и... спасибо вам.

— Лучшая благодарность — доказать, что я не ошибся в вас.

— Да... А есть хоть какие-то подозрения, кто убил судью?

— Насколько мне известно, ни намека.

— А вам не кажется странным, что после убийства Росли мрут либо убийцы, либо их друзья? Тонала, мисс Плок, а теперь судья Хэппингтон? Нет ли тут сведения счетов?

— Не исключено. Мелфорд сообщил мне, что к нам прибыл Берт Войддинг, брат Мэла, и прихватил с собой еще парочку закоренелых уголовников — Сэма Мервейна и Тони Альтамиро. Вроде бы Берт задумал сковырнуть Мэла и занять его место. Сейчас капитан пытается выяснить, где они прячутся. Ни в одной гостинице их нет.

— И вы думаете, что гастролеры прикончили судью?

— Возможно. Весь Стоктон знает, что Хэппингтон работал на Войддинга.

После ухода Кэмдена Пат вскочил, не обращая внимания на крики Морин, не желавшей, чтобы он ушел из больницы без разрешения врачей.

Врачи и медсестры сердились и грозили осложнениями, но ирландец, не пожелав ничего слушать, с такой стремительностью вылетел из больницы, что в его боевой форме можно было не сомневаться. Предоставив Морин собирать вещи, лейтенант помчался в управление.

Лицо Лью Мартина расплылось в довольной улыбке:

— А, лейтенант! Я чертовски рад снова вас видеть. Ох и боялись мы за вас...

— Вот и напрасно, старина! Не этим дешевкам со мной справиться!

Лью ткнул пальцем в сторону кабинета, и Пат пошел к Мелфорду.

— Привет, капитан!

— А, Пат! Как я счастлив, что вы снова на ногах! Вас выпустили из больницы?

— По правде говоря, я обошелся без разрешения... Слушайте, Мелфорд, мне бы надо потолковать с вами...

— А что случилось?

— Моя Морин... я не очень-то красиво поступаю с вами... Я понимаю, что трудный вопрос, но скажите честно, если бы на моем месте были вы, вы поступили бы иначе?

— Ни в коем случае.

Ирландец облегченно перевел дух.

— Жаль, что Морин не может вас слышать.

— А теперь, Пат, если вы не против, давайте вернемся ко всем этим убийствам.

— У вас есть какие-нибудь предположения, кто бы это мог...

— Предположений-то много, доказательств нет.

Разговор прервал телефонный звонок. Капитан снял трубку

— Капитан Мелфорд слушает... А, это вы... Нет, пока ничего... А у вас? Вы, конечно, знаете, что случилось с беднягой Хэппингтоном?.. Да, догадываюсь... Меня нисколько не удивит, если окажется, что это дело рук Берта. Не принимайте меня за дурака... Тем не менее тот, кто совершил это преступление, сильно рискует... Мэр не может, да и не станет терпеть, чтобы эта бойня продолжалась... Как что сделает? Да вызовет ФБР, черт возьми!.. Да, согласен, это было бы весьма неприятно.

Тед повесил трубку.

— Мэл Войддинг. Спрашивает, не удалось ли нам отыскать его братца. Он начинает всерьез трусить.

— Ну и прекрасно!

— Я не могу согласиться с вами, Пат. Представляете, что может натворить со страху такой тип, как Мэл?

— Так или этак, а если бы вы только захотели, шеф, мы бы живо справились со всей этой сволочью!

— Вы хотите, чтобы Морин последовала за Лилиан?

— Противно слушать.

— Правда далеко не всегда ласкает слух.

— С такими мыслями нельзя работать в полиции!

— Поэтому-то я и ухожу.

— И чем раньше, тем лучше для вас!

— Насколько я понимаю, вы уже заняли мое место?

— Это вы дезертировали! Прощайте, Мэлфорд.

Слышавший раздраженные голоса Лью Мартин спросил у Пата, как только тот вышел из кабинета шефа:

— Что, не ладится у вас с капитаном?

— А разве можно до чего-нибудь договориться с таким типом?

Всю вторую половину дня Эл Сирвел играл в кости со своим приятелем Брайаном Уингфилдом и, к величайшей досаде последнего, то и дело выигрывал.

— Везуха, старина Брайан... Такой у меня сегодня день. С тех пор как я шлепнул гада судью, прет сплошная удача. Сперва босс подкинул две сотни, теперь я выиграл еще одну... Как, по-твоему, триста хрустяшек — это кое-что?

— Спрашиваешь! А знаешь, что бы я сделал на твоем месте? Пошел бы к Фредди и сыграл на все три сотни. При такой везухе ты запросто огребешь тысчонку.

— Думаешь?

— Еще бы! Я настолько в этом уверен, что готов подкинуть тебе свою последнюю сотню, если ты отдашь мне четверть выигрыша.

Соблазн был велик, но Эл все же колебался:

— А босс? Представляешь, как он раскричится, если я смоюсь?

— А я-то на что?

— Вообще говоря, ты прав...

— Нельзя упускать такую удачу, Эл! Сам подумай, может, она уже больше никогда не подвалит?

— Ладно, давай свою сотню.

— На, и я очень рассчитываю, что ты мне принесешь целую кучу бабок.

После ужина Мэл обычно давал последние распоряжения и запирался у себя. Ничего, кроме бабочек, его в это время не интересовало. Эл просидел с приятелем еще час и отравился в притон Фредди, находившийся всего в трех сотнях метров от «Эксцельсиора». Перед уходом Сирвел переложил револьвер из кобуры в карман плаща — путь недолог, да идти-то надо по темному и совсем безлюдному в это время переулку.

На улице, прижавшись к стене, он внимательно посмотрел налево-направо. Ни души. Но Сирвел был стреляным воробьем и не доверял внешнему спокойствию, а потому выждал еще минут десять. Наконец, убедившись, что пока никакая опасность ему не грозит, Эл быстрым шагом двинулся к Фредди. У входа в переулок он повторил тот же маневр, потом, сжав в кармане рукоять револьвера и чутко прислушиваясь, скользнул в темноту. Пружинистая походка позволяла тренированному телу при малейшем подозрительном шорохе отскочить в сторону. Сирвел без приключений миновал опасный проход и, увидев неброскую вывеску заведения Фредди, облегченно вздохнул.

Решив полностью посвятить себя игре, Эл почти не прикасался к бутылке и решительно отклонял заманчивые предложения красоток, всегда готовых помочь удачливому игроку. Эта мудрая тактика принесла плоды, и в три часа ночи Сирвел с довольной улыбкой встал из-за стола. В кармане у него лежало двенадцать сотен. Вот Брайан обрадуется!

— Сегодня у вас счастливый день, мистер Сирвел! — заметил Фредди, раскланиваясь с ним на пороге.

— Да, похоже на то.

Эл возвращался в «Эксцельсиор» в полной эйфории. Он так радовался удаче, так предвкушал восторг Брайана, когда тот получит свои триста долларов, что забыл переложить револьвер из кобуры в карман

(входя к Фредди, ему волей-неволей пришлось убрать оружие). Сирвел вспомнил о своей неосторожности, лишь дойдя до середины темной пустынной улочки. И в тот же момент его негромко окликнули:

— Эл!

Услышав знакомый голос, Сирвел оглянулся, не помышляя об оружии. Первая же пуля пробила ему грудь.

Глава VI

Теда разбудил звонок телефона. Джо Илкли звонил из управления и сообщал, что какой-то прохожий (к слову сказать, художник, за которым никогда не водилось ничего дурного) наткнулся на труп Эла Сирвела, буквально начиненный свинцом. Мелфорд ответил, что немедленно едет. Перед отъездом он позвонил Мэлу Войддингу и порадовал его известием, что их ряды тают и убийство Сирвела скорее всего, надо расценивать как месть за судью. Стало быть, война началась. И один Бог знает, как ее остановить...

Мэл и не подумал оплакивать человека, преданно служившего ему до сего дня,— тот, кто выбрал ремесло наемного убийцы, заранее знает, на что идет. Зато беспардонный вызов Берта привел его в дикую ярость. Войддинг немедленно собрал остатки банды.

— Это им даром не пройдет! — рявкнул он.

Чак Аллraндэйл ответил, что ничего так не жаждет, как узнать, где прячутся Берт и его дружки. Он, Чак, с удовольствием бы с ними объяснился. Моска проявил куда меньше рвения.

— А ты, Макс? — с удивлением спросил его Мэл.

— Приказывайте, босс, я готов повиноваться.

И снова Войддинг долго разглядывал итало-американца из-под опущенных век.

— Не нравится мне твое поведение, Макс,— наконец тихо заметил он.

— Да? Чем же это?

— Не знаю... Но после смерти ПэПэ ты очень изменился.

— По-моему, было с чего. Разве не так?

— Кретин! Сейчас, когда мы бьемся за место под солнцем, ты думаешь о какой-то гниющей в земле девке!

Моска побледнел, и все заметили, как надулись вены у него на висках.

— На вашем месте я бы выбирал слова, босс,— прошептал он.

— А чего ради, мистер Моска?

— Хотя бы потому, что в нашем положении не стоит ссориться с мертвыми...

Мэл ошарашенно воззрился на Макса, потом, сообразив, что тот и не думал шутить, разразился громовым хохотом.

— Ну, ты даешь! В жизни не слыхал ничего подобного! «Не стоит ссориться»! Нет, право слово, мой бедный Макс, у тебя совсем крыша поехала! Да мертвым так же плевать на нас, как и нам на них,— и заруби себе это на носу!

— Не уверен... Когда несправедливо убивают кого-то из своих, мертвые напускают порчу... Эл Сирвел тому свидетель... Стоило ему ни за

что ни про что кокнуть судью, который был на нашей стороне, и всего через несколько часов парень отправился следом... По-вашему, это не странно?

— Заткнись! Что я об этом думаю — тебя не касается. Судья продал нас Берту... И отвяжись от нас со своими дурацкими суевериями, паршивый итальяшка! Мертвыми ты можешь заняться, когда мы покончим со слишком назойливыми живыми. Ясно?

— Как хотите, босс,— без особой уверенности отозвался Моска.

— И еще не забывай, что мой братец признался Мелфорду в приятельских отношениях с кем-то из вас. Сирвел уже доказал, что речь шла не о нем...

— И что?

— Просто я хочу предупредить тебя, что ты у меня первый на подозрении. И придется тебе чертовски убедительно доказывать свою преданность...

Макс пожал плечами.

— Настоящий предатель сидит здесь и посмеивается, слушая, как вы обвиняете меня. Это только льет воду на его мельницу.

— Не на меня ли ты намекаешь, Макс? — вмешался Алландэйл с перекошенной от злобы физиономией.

— А почему бы и нет?

В мгновение ока оба выхватили револьверы.

— Вы что, совсем очумели? — заорал Мэл.

Гангстеры сверлили друг друга глазами, а наблюдавший эту сцену Брайан Уингфилд прикидывал, кто из них окажется проворнее, если и в самом деле дойдет до пальбы. Опыт подсказал ему, что, пожалуй, Моска успеет выстрелить первым, зато излишняя нервозность может сыграть с ним дурную шутку.

— Уберите пушки, идиоты! — рявкнул Мэл.— Хотите облегчить Берту работенку?

Они угомонились, но и последний дурак сообразил бы, что когда-нибудь взаимная вражда этой парочки закончится очень плохо.

* * *

— Похоже, схватка братьев Войддингов уже началась, капитан?

Лейтенант О'Мэхори холодно взирал на своего шефа.

— Записка, которую мы нашли на теле, не оставляет на сей счет никаких сомнений.

— И как вы намерены поступить?

— Что вы имеете в виду?

— На кого вы поставите? На Мэла или на Берта?

— А какое вам до этого дело, лейтенант?

— Позволю себе напомнить, что через несколько дней сменю вас на посту, а потому мне хотелось бы по возможности прояснить положение.

— Что ж, проясняйте на здоровье! Я вам не мешаю.

— В таком случае, предупредите своего дружка Мэла, что я еду поговорить с ним.

— Будьте осторожны, Пат...

— Я готов выполнять ваши приказы, капитан, но во все остальное просил бы не вмешиваться.
— Как хотите, мое дело — предупредить.
И, не обращая больше внимания на лейтенанта, Мелфорд снова погрузился в изучение бумаг.
Когда О'Мэхори вышел из лифта, Брайан Уингфилд попытался преградить ему дорогу:
— Вы предупредили о своем приходе, лейтенант?
— Еще чего!
— Но вы не имеете права...
— Ты что ж, паршивый наемник, думаешь, полиция должна испрашивать аудиенции у такого жалкого ничтожества, как твой хозяин?
— Подождите, пока я сообщу...
— Живо убирайся с дороги!
— Я на работе и...
— Представь себе, я тоже. И в мои обязанности как раз входит учить вежливости мерзавцев вроде тебя.
Брайан отступил на шаг:
— Осторожно, лейтенант...
— С чем это?
— А вот с этим!
Уингфилд выхватил револьвер и прицелился. Полицейский свистнул от удивления.
— Ну, ты, приятель, силен! И не боишься угрожать полицейскому при исполнении?
— А мне плевать. Приказ есть приказ.
— Что ж, раз так...
Пат прикинулся, будто смирился с бесславным отступлением, но, неожиданно развернувшись, нанес Уингфилду сокрушительный удар в челюсть. Брайан рухнул на пол. Лейтенант забрал у него револьвер и, вытащив из кармана наручники, приковал руку Брайана к решетке лифта.
— Мы еще побеседуем, когда ты проснешься, мой мальчик.
И, не теряя времени даром, О'Мэхори вступил во владения Мэла Войддинга. Дверь кабинета распахнулась так стремительно, что бандит вздрогнул.
— Привет Войддинг!
— Как ты сюда...
Лейтенант уселся в кресло.
— Успокойтесь... Ваш вышибала попытался было помешать мне с вами увидеться... Пришлось его малость проучить. На обратном пути я его прихвачу с собой. Пусть посидит под замком да подумает, как глупо мешать работе полиции.
— Чего вы от меня хотите?
— Просто предупредить, что очень скоро займу место Теда Мелфорда.
— Ну и что?
— А то, что в вашей жизни многое изменится.
— Не понимаю.

— Так давайте уточним положение. Меня вам не купить, как Мелфорда.

— Кто знает?

— Хотите схлопотать по физиономии?

— Вы сторонник силовых методов?

— Скорее да.

— Войддинг вздохнул.

— Вы глубоко не правы, лейтенант.

— Правда?

— Я, конечно, не сомневаюсь, что вы человек мужественный... Но как бы от вашего упрямства не пострадали другие...

Пат О'Мэхори встал и, опираясь обеими руками о стол, нагнулся к самой физиономии Мэла.

— Слушайте внимательно, Войддинг, и постарайтесь сделать выводы. Если хоть волос упадет с головы моей жены, клянусь Богом, я не стану тратить время и силы на поиски виновного, а приду прямо сюда и убью вас.

Мэл ни на секунду не усомнился в искренности лейтенанта, а потому смертельно побледнел, но все же попытался хорохориться:

— Фараон-убийца — это что-то новенькое...

— Только попробуйте — и увидите.

Оставшись один, Мэл Войддинг схватил трубку и стал обзванивать все бары и кегельбаны. Разыскав наконец Моску и Алландэйла, Мэл приказал им немедленно ехать в «Эксцельсиор» и уже гораздо спокойнее вызвал своего адвоката Реда Волка.

* * *

Услышав шум, Тед вышел из кабинета и увидел О'Мэхори, волокущего за собой Брайана Уингфилда.

— Что вы расшумелись, лейтенант?

— Да вот привел Брайана Уингфилда. Он угрожал мне револьвером!

— Это правда, Уингфилд?

— Послушайте, капитан, вы меня слишком хорошо знаете, чтобы поверить, будто я могу выкинуть такую штуку! Я очень уважаю полицию.

— Продолжай в том же духе,— возмущенно зарычал О'Мэхори,— и я тебе устрою самую жестокую трепку, какую ты когда-либо получал за всю свою собачью жизнь!

— Слышите, капитан, как он со мной разговаривает? — жалобно простонал убийца.— Так и жаждет моей крови!

— Попридержите язык, лейтенант, и оставайтесь в рамках закона.

Не обращая внимания на капитана, Пат стукнул Уингфилда под дых, и тот согнулся пополам, хватая ртом воздух.

— Лейтенант, я вас арестую!

— А идите вы... капитан!

— Только грязная ирландская свинья воображает себя мужчиной, избивая парня, который не может защищаться! — отдышавшись, прохныкал Брайан.

Лейтенант собирался еще раз хорошенько врезать Уингфилду, но Тед на лету поймал его руку и заломил за спину.

— Мартин, Зигбург, отведите лейтенанта в камеру. Пусть посидит, пока не успокоится.

Услышав в голосе капитана прежние властные нотки, полицейские не посмели ослушаться и заперли О'Мэхори на ключ. Оказавшись в камере, ирландец придушенным от ярости голосом стал выкладывать весь внушительный запас известных ему ругательств. Брайан оказался в соседней клетушке.

— Лейтенант...— тихонько позвал он, услышав, что его враг затих.

— Чего тебе, подонок?

— Если вы умеете не только орать, приходите между десятью и одиннадцатью в лес Фороэкс. Там мы и объяснимся как мужчина с мужчиной.

— Моли лучше небо, чтоб не столкнуться со мной в ближайшие несколько дней, кретин несчастный...

— Вы придете, лейтенант! Я заставлю вас прийти!

Мелфорд подошел к камерам.

— Угомонились, О'Мэхори?

— Ладно, отоприте. Но я не прощу вам такого унижения, капитан.

— Мне это безразлично, лейтенант. Но имейте в виду: тот, кто со дня на день должен стать капитаном, не имеет права вести себя подобным образом.

— И это вы смеете поучать меня?

— Я полагаю, вы собираетесь занять мое место не для того, чтобы поступать еще хуже? — осадил его Мелфорд.

Выйдя в приемную, полицейские обнаружили там адвоката Реда Волка. Тот улыбался.

— Надеюсь, вы понимаете, зачем я пришел, господин?

— Принесли залог и хотите забрать Уингфилда?

— Вот именно.

— А кто же назначил залог, раз судья умер? — осведомился лейтенант.

— Разумеется, его помощник, мистер Ларри Майер. Сто долларов.

— Сто долларов за то, что он угрожал офицеру полиции при исполнении служебных обязанностей?

— Вот как? Вы были на задании? Может быть, вы собирались арестовать Мэла Войддинга?

— Не понимаю, какое вам дело до моей работы, мэтр.

Адвокат повернулся к Мелфорду:

— Вы можете подтвердить, что лейтенант поехал в отель «Эксцельсиор» по служебным делам, капитан?

— Нет.

— Позволю себе напомнить вам, лейтенант, что вы приносили присягу, а в таких случаях ложь — прямое нарушение закона,— заметил Волк.

— Довольно, мэтр! — оборвал его Мелфорд.— Гоните доллары и забирайте добычу.

Проходя мимо О'Мэхори, гангстер чуть слышно шепнул:

— Я буду ждать вас сегодня вечером, лейтенант.

Как только посторонние ушли, Тед повернулся к своему помощнику:

— Вам надо последить за языком и за поступками, лейтенант. Особенно когда я уйду и некому будет исправлять ваши глупости.

— Без вас, капитан, в этом доме воздух станет гораздо чище и бандитам не удастся так быстро выходить на свободу, как в ваши времена. До свидания!

* * *

Несчастный случай со смертельным исходом и всеобщая свалка в пригородном кабачке задержали лейтенанта на работе до девяти вечера. Написав рапорт, он сел в машину и помчался домой, полагая, что Морин, которую он забыл предупредить, наверняка ужасно волнуется. Тем не менее она ни разу не позвонила в управление, и подобное равнодушие не только удивляло, но и возмущало Пата.

Еще больше лейтенант удивился, обнаружив, что дверь его коттеджа приотворена. Может, жена куда-то вышла? Пат шагнул в дом и сразу понял, что случилось несчастье. Сердце у него отчаянно заколотилось. О'Мэхори вбежал в комнату — там как будто промчался циклон: мебель перевернута, стекло и посуда перебиты.

— Морин! — позвал Пат вдруг охрипшим голосом.

Тишина... Пату показалось, что его внезапно окутало ледяное покрывало. Только бы Морин...

Молодая женщина лежала на кровати. Лейтенант бросился к ней.

— Морин!

О'Мэхори приподнял голову жены и вскрикнул от ужаса. Избитое, распухшее и окровавлённое лицо было неузнаваемым.

— Морин!

Она с трудом подняла одно веко — второй глаз не открывался. Разбитые губы шевельнулись:

— Пат... Наконец-то...

Полицейский осторожно смыл с лица жены кровь и заставил ее немножко выпить. Как только Морин чуть-чуть пришла в себя, он, не тратя времени на долгие расспросы, коротко бросил:

— Кто?

— Я его не знаю.

— За что?

— И это тоже непонятно... В дверь позвонили. Я открыла. Какой-то тип спросил: «Миссис О'Мэхори?» Я ответила: «Да». Тогда он изо всех сил ударил меня по лицу. Я отлетела. Я страшно перепугалась и, главное, не понимала, в чем дело. Вытащить из комода револьвер я не успела — незнакомец снова набросился на меня. Я ударила его ногой, и, видимо, больно, потому что он взвыл. А потом он начал меня избивать. Я упала. Тогда он стал бить меня ногами, пока я не потеряла сознание.

Пат не мог ни думать, ни рассуждать. Он вдруг превратился в сплошной комок ненависти. Все вытеснила одна мысль: найти этого человека и убить.

— Неужто он только спросил, как тебя зовут, и больше не сказал ни единого слова?

— Да... Я припоминаю, что, когда уже теряла сознание, парень прошипел: «Ну, теперь-то, надеюсь, ваш муж встретится со мной в лесу Фороэкс!»

Уингфилд... Брайан Уингфилд... Так вот каким способом он решил вынудить его прийти...

Убегая, Пат даже не поцеловал жену и не вызвал врача. Зато стук хлопнувшей за его спиной двери прояснил мысли Морин. Она поняла, что, если никто не поспешит на помощь, Пат примчится на свидание с самой смертью. Молодая женщина с трудом доползла до телефона и позвонила Мелфорду.

Слушая сбивчивые объяснения и почти неузнаваемый голос собеседницы, Тед почувствовал, что дело плохо.

— Я сейчас приеду, Морин...

Он повесил трубку.

— Тебе придется поехать со мной, Мэри. Боюсь, у Пата большая беда.

Они нашли Морин лежащей у телефона. Тед взял ее на руки и отнес в комнату. По дороге он заметил, какой беспорядок творится в доме.

— Быстро вызови «скорую» и поезжай вместе с ней, Мэри,— приказал он жене, осмотрев лицо ирландки.— И не оставляй Морин, пока я не вернусь... Морин, где Пат?

— В... в лесу Фороэкс...

— В лесу? Но что он там делает?

— Парень, который меня избил, сказал такую фразу: «Надеюсь, теперь ваш муж встретится со мной в лесу Фороэкс».

— Так... Оставляю ее на твое попечение, Мэри.

Тед прыгнул в машину и помчался к небольшому лесу, где обычно встречались стоктонские влюбленные. Кто же назначил там свидание Пату? А этот дурень ирландец сломя голову бросился в явную западню! Наверняка кто-то из банды Мэла Войддинга... Скорее всего Брайан Уингфилд, которого О'Мэхори как раз сегодня поколотил. Алландэйл и Моска не стали бы в открытую бросать лейтенанту вызов. И тот и другой предпочли бы убить его потихоньку. Только такой безмозглый скот, как Уингфилд, презирая элементарную осторожность, мог открыто заявиться к женщине, чьего мужа намеревался прикончить.

В пяти метрах от леса Мелфорд оставил машину, вышел и с пистолетом в руке неслышно отправился на свидание, назначенное бандитом полицейскому, который вот-вот нарушит закон и сам превратится в убийцу.

Уингфилд ждал уже почти час. Поджидая жертву, он тихонько посмеивался над наивностью ирландца. Брайан приехал первым и мог тщательно выбрать место. Прижавшись к стволу огромного дуба, он настороженно прислушивался к шорохам ночи — не треснет ли какая-нибудь сухая ветка под тяжестью врага.

О'Мэхори спасло то, что он вошел в лес Фороэкс с севера. На развилке бульвара Уильмер он свернул не в ту сторону. Поэтому Уингфилд оказался между Патом и Мелфордом, приехавшим с южной стороны.

Брайан заметил Теда. Вполне естественно, он смотрел на юг, откуда и должен был появиться лейтенант. При виде темного силуэта в униформе бандит вскинул оружие и выстрелил, но поторопился — пуля прожужжала мимо уха капитана, и тот укрылся за деревом, соображая, кто в него метил — Уингфилд или Пат.

Услышав выстрел и решив, естественно, что пуля предназначалась ему, лейтенант ускорил шаг. Его трясло от бешенства.

— Вылезай, проклятый трус! — заорал О'Мэхори.

Тут-то Мелфорд и понял, что в него стрелял Брайан. Удивленный Уингфилд никак не мог сообразить, каким образом его противник вдруг оказался сзади. То, что полицейских может быть двое, ему даже в голову не пришло. И Брайан решил, что враг быстро сделал обходный маневр.

— Ну, Уингфилд, вылезешь ты или нет? — рычал лейтенант.

Тед увидел, как от большого дерева впереди отделилась легкая тень, и взял ее на мушку.

— Я здесь, О'Мэхори! — крикнул гангстер.

И снова Пат угодил в ловушку: услышав голос врага, он бросился напролом. Брайан с довольной улыбкой поднял револьвер и тщательно прицелился. Не споткнись ирландец о корень, пуля наверняка пробила бы ему грудь. К счастью, задетым оказалось лишь плечо, и Пат, покатившись на землю, начал стрелять в ту сторону, откуда прогремел выстрел. Уингфилд снова юркнул за дерево, выжидая, пока лейтенант израсходует весь магазин. Как только это произошло, он выскользнул из укрытия и уже собирался хладнокровно прикончить ирландца, как вдруг его окликнули:

— Уингфилд!

Убийца быстро обернулся, но Мелфорд выстрелил первым. Убедившись, что бандит мертв, Мелфорд бросился к потерявшему сознание лейтенанту. Рана оказалась неопасной, и капитан быстро наложил временную повязку, потом взвалил ирландца на спину и не без труда дотащил до машины. По дороге О'Мэхори пришел в себя и с удивлением узнал шефа.

— Что случилось, капитан?

— У вас пуля в плече, а потому советую не шевелиться, иначе потеряете много крови.

В больнице Пата сразу отвезли в операционную, а Мелфорд пошел успокаивать Морин.

* * *

Рано утром Тед отправился к мэру рассказать о ночном приключении. Вместе с Теренсом Кэмденом они стали думать, как спасти ирландца от неминуемой мести Войддинга.

— О'Мэхори вел себя как последний дурак, и я вижу только один способ надежно обезопасить его хоть на несколько дней.

— И какой же?

Тед растолковал Кэмдену свой план, и тот, немного поколебавшись, кивнул.

— Ладно... Делай как считаешь нужным, Тед... Сейчас все это для тебя уже не имеет особого значения.

— Верно... Во всяком случае, я повидаюсь с Мэлом, попробую внушить ему кое-какие опасения и убедить не делать необдуманных шагов... Беда этих ребят в том, что они не умеют толком пораскинуть мозгами. Впрочем, нам это на руку.

* * *

К приходу Мелфорда Войддинг еще ничего не знал о ночной драме и как раз обсуждал с Моской и Аллиндэйлом, куда мог запропаститься Брайан.

— По-моему, парня задела смерть его приятеля Сирвела,— говорил Чак.— Наверняка решил накачаться как следует и залить тоску...Представляю, с какой рожей он вернется...

Войддинг кипел от злости.

— Я его научу уходить с поста! А, капитан... Может, вы пришли сказать нам, что разыскали Уингфилда?

— Да.

— Кроме шуток? И где же он?

— В морге.

— Что?

— Прошлой ночью Уингфилда убили в лесу Фороэкс.

— Дьявольщина! А какого черта его туда занесло?

— Брайан поджидал там лейтенанта О'Мэхори.

— Лейтенанта?.. Это еще зачем?

— Хотел его пристрелить.

Мелфорд рассказал о стычке, происшедшей у Пата с Уингфилдом в управлении, потом о нападении Брайана на миссис О'Мэхори, которое он устроил, чтобы заманить ирландца в лес. Войддинг постучал кулаком по лбу.

— Нет, это просто невозможно, чтобы меня окружали такие идиоты! Что им, мало Берта? Зачем искать еще новых врагов?

— Не понимаю, каким образом Брайан мог влипнуть, если это он ждал ирландца? — скептически заметил Чак.

Мелфорд улыбнулся.

— Видите ли, Чак, на каждого хитреца найдется другой, еще хитрее.

— Постарайтесь запомнить то, что сказал капитан,— буркнул Войддинг.— Нам придется подыскать новых людей, Моска. При таком темпе скоро я останусь один против милейшего братца и его банды.

Моска скрестил пальцы правой руки, отгоняя дурную судьбу, а главарь набросился на полицейского:

— Где лейтенант?

— В больнице. С пулей в плече.

— Разве униформа дает право убивать кого ни попадя, капитан?

— Нет, разве что для самозащиты.

— А кто может доказать, что лейтенант О'Мэхори защищался?

— Никто.

Мэл заговорщически подмигнул.

— Надеюсь, мы поняли друг друга, Тед.

— Я тоже так думаю, Мэл.

— И может быть, мы наконец надолго избавимся от этого проклятого ирландца?

— Возможно.

— В таком случае, Уингфилд умер не зря,— подвел итог Войддинг.

* * *

Во второй половине дня Мелфорд поехал в больницу. Сначала он навестил Морин. Молодая женщина чувствовала себя уже гораздо лучше, а врач уверял, что на лице не останется никаких следов. Довольная Морин проводила Теда в комнату мужа. Но появление того, кто еще некоторое время должен был оставаться его шефом, явно не обрадовало О'Мэхори. Он подчеркнуто обращался только к жене, а та ласково пеняла мужу, что накануне он, не заботясь о ней, помчался искать Брайана Уингфилда.

— Даже не знаю, что бы со мной было без Теда, а уж ты-то точно истек бы кровью там, в лесу...

— Ладно, ладно... Согласен, я хам, а капитан — герой! И что дальше? Ты хочешь, чтобы я встал перед ним на колени и пел осанну?

— Пат! Простите, капитан, но... может, вам лучше сейчас уйти?

— Разумеется, но после того, как я выполню свой долг.

— Долг?

— Я пришел сюда официально, лейтенант. Должен сообщить вам, что вас переправят в тюремную больницу.

— В тюремную... Это еще почему?

— Вы подозреваетесь в преднамеренном убийстве Брайана Уингфилда.

— Но послушайте, это же он...

— Вы поехали в лес Фороэкс в неслужебное время, как частное лицо, и застрелили Уингфилда из личной мести.

— Но ведь после того, что он сделал с Морин...

— Следовало подать иск. Разве вы не знаете, что никто не имеет право вершить правосудие самостоятельно?

— Вы отвратительны, Мелфорд.

— Только потому, что я вам напоминаю о законе?

— Нет, потому, что именно у вас хватает наглости это делать! Что ж, лучше отомстить за честь жены, чем набивать карманы грязной монетой! Пускай меня посадят в тюрьму, но по справедливости это вас следовало бы туда отправить!

— Некогда нам сейчас философствовать, лейтенант. Собирайте вещи. Через два-три часа за вами приедут, а вас, Морин, отвезут домой.

— Нет уж, я сама доберусь — не желаю больше ничем быть вам обязанной, капитан!

* * *

В тот же вечер, около девяти часов, Тед позвонил Войддингу.

— Алло, Мэл? Мы только что разыскали, где прячутся Берт с дружками.

— Не может быть!

— Честное слово. На крошечной заброшенной ферме в двух милях к югу от Стоктона.

— И что вы предлагаете?

— По-моему, нам надо нанести визит.

— Согласен. Едем все вместе?

— Разумеется. В полночь я заеду за вами на своей машине.

— Мы хорошо подготовимся!

В полночь Мэл Войддинг, Макс Моска и Чак Аллландэйл забрались в полицейскую машину, за рулем которой сидел капитан Мелфорд. По спящему Стоктону они ехали в глубоком молчании — каждый ощущал серьезность момента и внутренне готовился к решительной схватке между двумя братьями. Но, приехав на место, Мэл и его подручные узнали, что птички улетели.

— Должно быть, их кто-то предупредил,— заметил капитан.

— Да кто же, черт возьми, мог это сделать? — разозлился Войддинг.

— Вы, кажется, запамятовали, Мэл, что Берт говорил насчет какого-то своего человека среди наших?

Слова Мелфорда подействовали, как ледяной душ, и все инстинктивно отпрянули друг от друга, держа пальцы на курке. Некоторое время стояла мучительная, напряженная тишина.

— Ладно,— проворчал Мэл вдруг изменившимся голосом.— Нам остается только ехать обратно...

Они снова побрели к машине.

— Моим людям очень трудно разузнавать о Берте и его дружках,— внезапно сказал полицейский.— Униформа не очень-то располагает к болтовне. Здесь нужна женщина... Она могла бы проникнуть туда, где нам путь закрыт... Как жаль, что мисс Грефтон уехала, а ПэПэ вы прикончили, Чак!

— Сукин сын! Так это ты, да? Подонок! Убивать женщин — вот все, на что ты годишься, трус несчастный! Тоже мне супермен — гроза беззащитных девчонок! Но от меня ты не уйдешь! Слышишь? Я убью тебя!

Алландэйл взмахнул кулаком, и Макс полетел на траву.

— Да заткнешься ты или нет, грязный итальяшка!

— Вы что, не могли попридержать язык? — в ярости набросился на капитана Войддинг.

— Простите, я как-то не подумал.

— Рекомендую в дальнейшем думать!

Тем временем Чак приподнял Моску с земли и ударил еще раз.

— Хватит, Чак, пошли! — крикнул Войддинг.— Оставь его!

Алландэйл с сожалением бросил жертву и вернулся к хозяину.

— Он мне действует на нервы, этот недоносок!

— Ладно, дома разберемся!

Но карабин Моски положил конец спору в тот же миг. Сплевывая кровь, он с трудом поднялся на колени и почти не целясь навел дуло на широкую спину Алландэйла. А потом выпустил в нее всю обойму.

Глава VII

Не видя иного выхода, Чака там и оставили. Не скоро Мэл позабудет то возвращение в «Эксцельсиор»! У Макса началась нервная реакция, и всю дорогу он плакал. Моска немного жалел, что поддался жажде мести, но в глубине души испытывал и некоторое удовлетворение — все

же он не собирался прощать смерть ПэПэ. Однако будущее ничего хорошего не сулило. Как поступил Войддинг? Утешало только то, что хозяину теперь больше не на кого положиться кроме него, Макса. Насчет Мелфорда Моска не питал никаких иллюзий — в подходящий момент тот как пить дать переметнется.

Когда они наконец снова оказались в кабинете Войддинга, тот пустил по кругу бутылку виски. Все трое чертовски нуждались в таком лекарстве.

— Надо думать, что очень гордишься собой, Макс?

— Не сказал бы...

— Ты убил Чака... Чака, который не имел ни малейшего отношения к смерти ПэПэ... Ее убил Сирвел. Так что ты совершил бессмысленное убийство, а как тебе известно, в нашем деле такие вещи не прощаются. Из-за тебя мне придется искать новых людей — иначе нам с Бертом не совладать. Что мы можем сделать вдвоем против трех убийц, а?

— Простите меня, босс... Если бы он не ударил меня и не оскорбил...

— Но ты же сам обвинил Чака в преступлении, которого он не совершал!

— Это не я, а капитан!

Теперь Войддинг набросился на Теда:

— А какая муха все же укусила вас?

— Я не сомневался, что ПэПэ убил Чак, и это всем известно... Кто мог ждать от Моски такой реакции? Наша неудача меня расстроила, и кроме того я злился на Алландэйла за то, что это он лишил нас очень ценного агента... Ведь ПэПэ нам бы сейчас ой как пригодилась! Потому-то я и ляпнул не подумав... Ну, и теперь раскаиваюсь... чертовски раскаиваюсь... Смерть Чака еще больше осложняет и так не блестящее положение, верно? Два новых трупа всего-навсего за сутки! Страшно подумать, как воспримет это муниципалитет!.. Вероятно, меня уже к вечеру выгонят с работы...

Моска стонал и бил себя кулаком в грудь. Войддинг, которому осточертело это зрелище, отправил его спать. Избавившись от итало-американца, он презрительно сплюнул.

— Терпеть не могу этих олухов с их вечными истериками!

— Зато они чаще всего прирожденные актеры.

Войддинг подозрительно уставился на полицейского:

— Что вы имеете в виду?

— Всего-навсего, что никакой шум не убедит меня в искренности Моски.

— А какого черта ему понадобилось ломать комедию?

— Чтобы мы поверили, будто он застрелил Чака под горячую руку, не думая о последствиях.

— А вы ему не верите?

— Нет, не верю.

— Да объяснитесь же, черт возьми!

— Видите ли, Мэл,— немного поколебавшись, начал капитан,— я не могу отделаться от мысли, что, будь Макс предателем, о котором говорил Берт, он действовал бы точно так же... Можно почти не сомневаться, что это он застрелил Тоналу, оберегая себя от судебных преследований... А если признать, что он просто воспользовался неосторожно

предоставленным мной случаем и убил Чака, то почему бы не предположить, что Сирвела отправил к праотцам тоже Моска?

— Но почему? Зачем?

— Чтобы доказать свои способности и преданность Берту.

— Стервец! Будь я в этом уверен...

— В том-то вся его ловкость! Мы никогда не сможем проверить, так это или не так... По-моему, вы недооценили Макса Моску, Мэл.

— И что же вы мне посоветуете?

— Не знаю... Разве что, оставаясь с ним наедине, держите ухо востро. Будьте осторожны, Войддинг... Следите за каждым движением и, если заметите, что он тянется к кобуре, постарайтесь выстрелить первым.

Войддинг глубоко задумался.

— А вы, часом, не преувеличиваете? — вдруг спросил он.

— Сами подумайте, Мэл: почему Берт до сих пор не перешел к решительным действиям? И если вы сумеете найти лучшее объяснение, чем уверенность, что Моска сделает за него всю черновую работу, я готов заплатить вам пятьсот долларов!

* * *

После того как какой-то водитель нашел на обочине дороги труп Чака Алландэйла, в кабинете мэра все время толпились люди. Советники муниципалитета требовали, чтобы Теренс Кэмден предпринял решительные меры, иначе на ближайших выборах вся нынешняя администрация города потерпит сокрушительное поражение. Один из джентльменов настаивал на необходимости прибегнуть к помощи ФБР, другой громко удивлялся, что единственный толковый полицейский в городе сидит за решеткой.

— Между прочим, Кэмден, кто приказал отправить его в тюрьму?

— Капитан Мелфорд.

— Ну, это уже слишком!

— Он поступил так с моего ведома и одобрения.

— Ну, знаете! Всему городу известно, Теренс, во что превратился Тед Мелфорд, и вы помогаете избавиться от единственного человека, который мешал капитану с дружками обирать город?

— О'Мэхори, конечно, сцепился с бандитом, тут никто не спорит, но действовал он как частное лицо и при этом совершил убийство.

— Мы знаем, чем вызван поступок лейтенанта, и каждый порядочный человек его оправдывает! Ни один судья не вынесет обвинительного приговора.

— А кто говорит, что я этого добиваюсь, Билл?

— Так выпустите парня и велите Мелфорду сегодня же убираться из полиции! Чем скорее этот тип покинет пределы Стоктона, тем быстрее мы покончим с гангстерами.

— Ладно. Я подпишу необходимые распоряжения.

— Мы на это очень рассчитываем, Теренс, иначе нам придется публично заявить о несогласии с вашей политикой.

Не успели муниципальные советники покинуть кабинет, как туда с шумом ворвался судебно-медицинский эксперт Эл Шерри:

— Теренс! Как давно мы знакомы?

— Да, пожалуй, лет сорок.

— А сколько лет дружим?

— Почитай что с первой встречи.

— Теренс... Почему ты наперекор всем и всему защищаешь Теда Мелфорда?

— Сегодня он уйдет из полиции.

— Но почему же вопреки закону и здравому смыслу ты так долго покрывал Теда Мелфорда? Ты ведь не можешь не знать, что он последняя сволочь?

— Причины касаются меня одного.

— Боюсь, как бы в один прекрасный день ими не заинтересовались другие...

— Что ж, тогда я во всем дам отчет. А теперь не мешай мне работать.

Как только Эл Шерри ушел, мэр вызвал первого помощника.

— Отправляйтесь в тюрьму, Билл, и скажите директору, чтобы он немедленно освободил капитана О'Мэхори.

— Капитана?..

Теренс вытащил из папки листок бумаги.

— Вот назначение... Передайте приказ О'Мэхори. Это его немного успокоит...

— Хорошо, Теренс... По-моему, это очень мудрое решение. О'Мэхори не особо умен, но, я думаю, он сумеет внушить всем почтение к закону.

— Не сомневаюсь.

На пороге помощник обернулся:

— Забыл вас предупредить, Теренс,— отставной капитан Мелфорд ждет в приемной.

— Осторожнее, Билл! Пока Мелфорд не вышел из этого кабинета, он все еще капитан. Прошу вас, передайте, что я его жду.

Не прошло и минуты, как к мэру вошел Мелфорд.

— Вы меня вызывали, Теренс?

— Да... садись, Тед. Положение изменилось несколько быстрее, чем я тебе обещал...

— То есть?

— Я только что отправил назначение Пату и просил заменить тебя уже с сегодняшнего дня.

— Плюс-минус сорок восемь часов мало что меняют... Ну что ж, ладно, поеду в управление собирать вещи... Я пришлю вам одно досье и попрошу спрятать его хорошенько. Вы или ваш преемник откроете его в тот день, когда узнаете о моей смерти. Согласны?

— Ладно. Но что это за досье?

— Там я объясняю самым подробным образом, что со мною случилось. Ведь вас это интересует?

— И что ты собираешься делать теперь?

— Мэри хочет, чтобы мы поехали жить к ее родителям.

— По-моему, неплохая мысль.

— Конечно... К несчастью, Теренс, я так долго прослужил в полиции, что, боюсь, ни на что другое не годен. Даже не знаю, смогу ли заработать

семье на кусок хлеба. А впрочем, я застраховал жизнь на немалую сумму. Интересно только, чем буду платить взносы...

— Я навещу вас с Мэри, прежде чем вы уедете из Стоктона.

— Наверняка, кроме вас и Флойда Шерпо, никто не придет... Но мы будем рады вам, и имейте в виду: если захочется съездить куда-нибудь в отпуск, наш дом всегда открыт.

— Я не забуду об этом, Тед... От меня вам так просто не избавиться!

Оба попытались рассмеяться, но ни у того, ни у другого не лежала к этому душа.

Из мэрии капитан поехал в управление и сразу вызвал к себе Лью Мартина.

— Лью, сегодня я ухожу отсюда... точнее говоря, я уже в отставке и не имею права давать вам приказы... А поэтому просто прошу оказать мне услугу. Вот досье. Сейчас я добавлю кое-что, и вы тут же отнесете его мэру. Он ждет. Согласны?

— Можете на меня рассчитывать, кап... мистер Мелфорд.

— Спасибо, Лью.

Лью Мартин вернулся в приемную. Он знал, что капитан Мелфорд вел себя дурно и его уход немало оздоровит климат в полиции Стоктона. И однако он не мог отделаться от смутного сожаления... За долгие годы, что они проработали вместе, Тед стал ему почти другом, а Пату О'Мэхори, при всех его достинствах, никогда не подняться до уровня своего предшественника.

К полудню Мелфорд закончил писать. Он сунул последние листки в большой пергаментный конверт и запечатал его красным воском, потом надписал имя мэра и позвал Лью Мартина. Полицейский ушел выполнять последнее поручение Теда, а бывший капитан стал собирать в небольшой чемоданчик кое-какие личные мелочи. За этим занятием его и застал Пат О'Мэхори. Рука его все еще висела на перевязи. Мелфорд с улыбкой выпрямился.

— Позвольте поздравить вас с вполне заслуженным повышением...

— Незачем.

— ...и простите, что я все еще в форме. У меня просто физически не хватило времени заехать домой переодеться. Через несколько минут я уступлю вам место.

— Вот что, Мелфорд, пока мы тут вдвоем, в последний раз предупреждаю и хочу, чтоб вы меня поняли: как только вы переступите порог управления с этим чемоданом в руке, для меня вы станете самым обычным гражданином Стоктона.

— Не беспокойтесь, я смотрю на это точно так же.

— И впредь каждое ваше движение будет рассматриваться с точки зрения закона... как если бы вы звались, скажем, мистером Смитом... И не стану скрывать: я твердо намерен покончить с Мэлом Войддингом, Максом Моской и с вами, раз уж вы их выбрали себе в приятели.

— Благодарю за предупреждение.

— Вы пытались подстроить, чтобы меня судили за убийство. Этого я вам никогда не прощу.

— Могу я позволить себе в последний раз повторить вам добрый совет? Научитесь хоть немного работать головой.

— Продолжайте в том же тоне — и я арестую вас за оскорбление полицейского.

Мелфорд смерил Пата долгим взглядом, пожал плечами и, подхватив чемоданчик, вышел в приемную. Там собрались Илкли, Зигбург и Мартин, много лет проработавшие с ним бок о бок.

— Прощайте, ребята, и... удачи вам!

— Удачи и вам, капитан! — в один голос ответили все трое.

И каждый счел своим долгом крепко пожать Мелфорду руку. С порога своего нового кабинета О'Мэхори, не скрывая раздражения, наблюдал за этой сценой. Как только Тед ушел, он набросился на Лью:

— Вам не совестно пожимать руку такому типу?

Мартин уже не надеялся на повышение, а потому не стеснялся говорить откровенно.

— Мы слишком маленькие люди, капитан, чтобы позволить себе неблагодарность,— сказал он, глядя начальнику в глаза.

* * *

Как ни парадоксально, в доме человека, только что потерявшего работу, обед прошел гораздо веселее, чем у его более удачливого коллеги, получившего повышение.

Мэри Мелфорд, радуясь, что уезжает из города, где в последнее время не видела и не слышала ничего, кроме унижений и оскорблений, нисколько не беспокоилась о будущем. Им, конечно, станет гораздо труднее материально, зато какое облегчение для души! А миссис Мелфорд очень нуждалась в отдыхе. Джойс тоже была счастлива, что оставляет школу и больше никто не будет над ней издеваться.

Зато у О'Мэхори царило странное напряжение. Пат все никак не мог переварить замечание Лью. Разумеется, он тоже многим обязан Теду Мелфорду — тот здорово помогал ему на первых порах. И это благодаря ему О'Мэхори так быстро стал лейтенантом. Пат тщетно перебирал в уме все причины ненавидеть эту продажную шкуру Мелфорда, но урок, преподанный Лью Мартином, крепко засел в голосе. Что до Морин, то, поскольку повышение мужа сопровождалось отставкой Теда и отъездом Мэри, она испытывала куда меньшее удовольствие, чем при других обстоятельствах. Непонятно почему Морин казалось, что они с мужем совершают что-то очень дурное.

* * *

Ближе к вечеру, когда капитан О'Мэхори сидел за столом в своем новом кабинете, позвонил Мэл Войддинг. Пат сразу же воспринял это как личное оскорбление.

— Капитан О'Мэхори слушает!

— А, значит, вам уже удалось сесть на место Теда?

У ирландца немедленно закипела кровь.

— Что мне удалось или не удалось, не касается такого подлого гангстера, как вы, Войддинг. Я вас уничтожу, слышите, уничтожу!

Пат так швырнул трубку, что чуть не разбил аппарат. Несколько минут он отчаянно ругался, молотил по столу и просил святых Коломба-

на и Патрика помочь ему извести Мэла Войддинга, потом позвонил Мелфорду домой, но Мэри ответила, что ее муж скорее всего у Флойда Шерпо. Даже не попрощавшись с миссис Мелфорд, Пат нахлобучил фуражку и побежал в бар «Среди добрых друзей». Уж он им попортит дружескую пирушку, будьте уверены!

— Ох, намучаемся мы еще с этим ирландцем,— заметил Лью Мартин, глядя ему вслед.

Тед и Флойд спокойно разговаривали в пустынном в такой ранний час баре. Рядом с Мелфордом стояла бутылка, помеченная его именем. О'Мэхори пулей влетел в бар и подскочил к Теду:

— Ваш дружок Войддинг позволил себе звонить в управление! Вероятно, он не знал о переменах и собирался дать вам указания?

Мелфорд окинул ирландца мутным взглядом пьяницы и, не говоря ни слова, нетвердым шагом побрел к двери. Но он не успел уйти достаточно быстро, чтобы не услышать, как новый капитан прокричал вслед:

— Вы только поглядите, Флойд! Ну, не обидно ли, что такая тряпка управляла стоктонской полицией!

Дверь закрылась, а бармен холодно отчеканил:

— Моя фамилия Шерпо, капитан, и прошу вас это запомнить. По имени меня называют только друзья, а вы — не из их числа.

— Вы-то за что меня ненавидите?

— Я не испытываю к дуракам ненависти, капитан, я их жалею.

Пат побагровел. Вне себя от ярости, он схватил бутылку, оставленную Тедом. Флойд, решив, что сейчас получит по голове, отступил. Однако новоявленный капитан лишь хотел промочить горло и избавиться от душившей его ярости. Но почти тут же он с отвращением сплюнул.

— Черт возьми! Да это же вода!

Флойд пристально посмотрел на него.

— Да, капитан, обычная вода,— очень серьезно проговорил он.

— Но я не понимаю...

— Вот новость-то! Да вы никогда ничего не понимали. И сейчас не поймете!

— Вода... Он пил воду... И делал вид, будто мертвецки пьян... Выходит, так? — ошалело бормотал О'Мэхори.

— Совершенно верно.

— Но зачем?

— У Теда есть на то сугубо личные причины, и я не уполномочен объяснять их кому бы то ни было. Советую вам спросить у мэра. Он в курсе... Но могу вам точно сказать, капитан: вы и в подметки не годитесь Теду Мелфорду.

* * *

Мэл с наслаждением разглядывал бабочек. Это занятие всегда успокаивало его и проясняло мысли. Гангстер пытался убедить себя, что Берт немного побаивается. Иначе почему он и носа не кажет? Если только не рассчитывает, что Моска избавит его от старшего брата... Судорога ненависти и страха на мгновение нарушила зыбкий покой Войддинга. На всякий случай он погладил рукоять револьвера, теперь всегда лежавшего на столе. Мэл с восхищением разглядывал «Большой

переменчивый Марс», и пестрые цвета, переливчатые краски, не потускневшие даже после смерти, ласкали его душу. Черная оборка по краю крыльев, два карминных глазка и белые пятна, разбросанные по лиловому фону, так украшали маленькое насекомое, что оно превращалось в произведение искусства. Внезапный шум у двери, торопливый звук шагов нарушили грезы Войддинга. Он инстинктивно схватил револьвер и прицелился. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился Макс.

— Это вам, босс! — крикнул Моска и быстро сунул руку за пазуху.

Войддинг выстрелил первым. Итало-американец широко открыл глаза. Он попытался было что-то сказать, но не смог и ничком рухнул на пол.

Но прежде чем Войддинг успел встать из-за стола, вошел одетый в штатское Тед Мелфорд и склонился над телом. Он перевернул Макса, пощупал пульс и спокойно заметил:

— Вы его прикончили, Мэл.

— Но он хотел меня застрелить!

— Из чего?

— Что значит: из чего?

— Я забрал у него револьвер внизу, где мы только что встретились.

— Зачем же Макс полез за пазуху?

Мелфорд расстегнул пиджак Моски и вытащил из внутреннего кармана газету «Чикаго Трибьюн».

— Я думаю, просто-напросто хотел показать вам газету.

Мэл удивленно взял из рук полицейского протянутый ему номер «Чикаго Трибьюн».

— Откуда ж я мог знать?.. Газета десятидневной давности... С чего он взял, будто мне это интересно?..

— Понятия не имею.

Войддинг быстро просмотрел несколько страниц, пока не наткнулся на заметку, отчеркнутую красным карандашом.

— «Чикаго. Двадцать седьмое мая,— стал он читать вслух.— Неудачная попытка налета. Вчера два гангстера, хорошо известных полицейским службам, Сэм Мервейн из Сент-Луиса и Тони Альтамиро из Пасадены, попытались напасть на фургон, перевозивший зарплату рабочих завода «Крэкет». Но полиция получила предупреждение, и, когда бандиты приказали шоферу остановиться, их ждал неприятный сюрприз — из фургона выскочили полицейские с автоматами. Впрочем, долго удивляться налетчикам не пришлось — оба они были застрелены на месте».

Мэл посмотрел на Теда.

— Что это значит? Вы же ездили за ними в Мелвин Рок тридцатого числа...

— Это значит, Мэл, что я и в глаза не видел ни Сэма, ни Тони.

— Но вы же говорили...

— В ваших кругах обычно не слишком доверяют словам. Так ведь?

— Сволочь! А Берт?

— Его, как мы и договаривались, я забрал в Мелвин Рок.

— Так где же он?

— В Лэкморе... это небольшой лесок на севере от города.

— В лесочке на...— ошарашенно повторил Войддинг.— Но что он там делает, черт возьми?!

— Крепко спит, Мэл.

— Вы хотите сказать, что вы его...

Тед невесело рассмеялся.

— Видели б вы физиономию своего брата, Мэл, когда я сказал ему, что девушка, которую он нарочно задавил год назад, моя дочь. Берт не был настоящим мужчиной, Войддинг... Нет, жалкий трус и убийца. Я заставил его вылезти из машины и копать. Ваш брат послушно вырыл себе могилу, ползал на коленях и умолял. Мне стало так противно, что я застрелил его без всяких угрызений совести.

— Подлец! А потом разыграли комедию, убеждая нас в злобе и тщеславии Берта!

— Отличное прикрытие! Оно помогло мне без хлопот убить Сирвела.

— Так это вы его...

— Ловко задумано, а? Особенно с судьей. Только вы могли поверить в его предательство... И все получилось замечательно: Сирвел прикончил судью, а Берт Сирвела... Безукоризненно. Комар носа не подточит. С остальными было посложнее.

— С остальными?

— Я очень любил старого Джорджа Росли. Тонала избил его до смерти... Пришлось разделаться с Тоналой.

— Вы?

— Ну да, а вам внушил подозрения, будто это сделал Макс. И лишь наивный простачок вроде О'Мэхори может думать, будто это он отправил на тот свет Уингфилда.

— Опять ваша работа?

— Разумеется. Уингфилд омерзительно обошелся с молодой женщиной, которую я бесконечно уважаю,— Морин О'Мэхори.

— Значит, вы нарочно при Максе обвинили Чака в убийстве ПэПэ?

— Естественно. Я достаточно хорошо знал обоих и не сомневался в исходе.

— А у Моски вы отобрали внизу револьвер, рассчитывая, что я не доверяю ему и выстрелю первым?

— Разве я не настроил вас на этот лад?

— Мелфорд, вы последняя сволочь!

— Забавно — по обе стороны баррикад ко мне питают одинаковые чувства. Но как бы то ни было, а ваша банда уничтожена, Войддинг.

— Остается только убить меня.

— Может, это и не понадобится. Но уж Стоктон-то вам придется покинуть немедленно, иначе я позвоню О'Мэхори и он вас арестует. Преднамеренное убийство попахивает электрическим стулом, Мэл.

Войддинг пристально посмотрел на Теда.

— Сколько?

— Десять тысяч долларов.

— Это все, что у меня есть!

— В первую очередь у вас нет выбора, старина. Добавлю еще, что мне нужна ваша коллекция бабочек для стоктонского музея.

Немного поколебавшись, Войддинг кивнул.

— На кой черт мне теперь бабочки...

Он подошел к сейфу, выгреб оттуда все деньги и швырнул Мелфорду.

— А дальше что?

— Напишите записку, что в возмещение ущерба вы дарите свою коллекцию городу.

— Ладно.— Он подписал бумагу и неуверенно проговорил: — Раз уж вы взяли на себя руководство...

— Мы уезжаем из города вместе.

— Куда?

— А куда хотите, Мелвин Рок подойдет?

— Вполне.

* * *

Когда О'Мэхори явился в мэрию требовать объяснений у Кэмдена, ему сообщили, что тот заседает с муниципальным советом. Но такого темпераментного парня, как ирландец, подобная мелочь остановить не могла. Без лишних церемоний он распахнул дверь кабинета мэра и вошел. Все удивленно обернулись.

— Господин мэр, я должен незамедлительно сообщить вам об одной странности, касающейся Теда Мелфорда... Вопреки тому, что мы все думали, он отнюдь не пьяница!

О'Мэхори рассказал о сцене, происшедшей в баре Флойда Шерпо.

— А мэр Стоктона, как мне сказали, обо всем этом знал,— подвел он итог.

Теренс окинул советников взглядом.

— Это правда.

Первый помощник мэра вскочил на ноги.

— Не кажется ли вам, что пришло время объясниться, Кэмден?

— Что ж, сейчас я вам все объясню, а потом подпишу прошение об отставке, поскольку несу всю полноту ответственности за решение, принятое мною без вашего ведома, джентльмены. Однако прежде всего хоч заявить, что даже при огромном уважении к занимаемому мной посту отставка будет для меня не так уж тягостна, ибо я имею честь уйти вместе с таким человеком, как Тед Мелфорд.

Пат О'Мэхори опустился на предложенный ему стул, раздумывая,уж не вел ли он себя как последний болван...

— Все вы знаете, господа, каким человеком был Тед Мелфорд до того, как прикинулся тем, за кого вы его принимали в последнее время.

Советники смущенно переглянулись.

— Тед боролся с Войддингом и его бандой, но наши законы таковы, что с мерзавцами, которых поддеживают судьи и адвокаты, собаку съевшие на юридических тонкостях, практически невозможно ничего поделать. Тед все же ужасно мешал Войддингу, и тот решил его проучить. Он вызвал из Огайо своего брата Берта, и этот последний намеренно (хотя нам и не удалось это доказать) задавил Лилиан Мелфорд, а потом вернулся в свой штат. На следующий день после этого гнусного преступления Тед пришел ко мне и сказал: «Теренс, нам ни за что не справиться с негодяями законным путем. Их можно уничтожить только изнутри. Я готов потерять все: дружбу, уважение, доверие жены и даже

честь, лишь бы вылечить Стоктон от этой проказы... Никто, кроме вас и моего однополчанина Флойда Шерпо, ни о чем не узнает... Прошу вас сохранить тайну». Как вы догадываетесь, я пытался отговорить Теда от этой затеи, но он любил Стоктон больше всего на свете... А в благодарность каждый житель этого города, поверив, будто Мелфорд продался Войддингу, считал его последней дрянью! С помощью Флойда Тед изображал пьяницу, а сам, пока все думали, будто он накачивается виски в отдельной комнате, выходил с черного хода и боролся с гангстерами.

— А что вы подразумеваете под словом «боролся», Теренс? — спросил первый помощник.

— Тед сражался с бандитами их собственным оружием. Джимми Тонала убил Джорджа Росли, а мы ничего не могли доказать. Тед Мелфорд застрелил Джимми Тоналу...

Это заявление глубоко потрясло слушателей.

— Но он же совершил убийство! — воскликнул Билл.

— А как вы назовете способ, которым Тонала избавился от Росли? Тед Мелфорд прикончил также Эла Сирвела, убийцу судьи Хэппингтона, и Брайана Уингфилда, собиравшегося добить лейтенанта О'Мэхори, благо тот сам полез в капкан. Кстати, Пат, я хочу, чтобы вы знали: Тед усадил вас в тюрьму исключительно предосторожности ради. Он знал, что Мэл Войддинг жаждет вашей крови... По-моему, в тот день Мелфорд дважды спас вам жизнь.

Какое-то время все молчали, наконец кто-то из советников возмущенно заметил:

— Все, что вы нам тут рассказываете, Теренс, при большом желании можно понять и даже оправдать... Однако же Мелфорд брал у Войддинга деньги?

Мэр вытащил из кармана небольшой блокнотик.

— С тех пор как Тед вступил в контакт с Войддингом и его бандой, он получил ровно семь тысяч триста пятьдесят долларов.

— Откуда вы знаете?

— Я сам переслал эти деньги в полицейский сиротский приют.

* * *

Мелфорд и Войддинг отъехали уже довольно далеко от города, как вдруг бывший полицейский свернул направо, на еще заметную тропинку.

— Что на вас нашло? — забеспокоился бандит.

— Мэл... вы когда-нибудь думали, что должна была чувствовать моя девочка, увидев, как на нее летит машина вашего братца?

— Я не понимаю, о чем вы...

— Напротив, отлично понимаете, Мэл, поскольку это вы приказали убить ни в чем не повинного ребенка...

— И что дальше? Я ведь вам заплатил, разве нет?

— Недостаточно, Мэл, недостаточно.

— И что это значит?

Тед остановил машину.

— Вылезайте!

— Что?

— Вылезайте!

— Но...

Мелфорд выхватил пистолет.

— Вы так хотите умереть у меня в машине?

Дрожа от злобы и страха, Войддинг выбрался из автомобиля.

— А что теперь?

— Я хочу, чтобы вы на собственной шкуре испытали такой же ужас, как и Лилиан... А ну, встаньте перед машиной!

— Вы с ума сошли?

Однако Войддинг послушался, не веря, что Мелфорд отважится исполнить угрозу. Но Мелфорд отважился.

И началась кошмарная игра. Войддинг в полной панике метался во все стороны, а машина неумолимо следовала за ним — Тед не случайно выбрал очень ровное место. Теперь он мог преследовать истинного убийцу дочери, куда бы тот ни побежал — направо, налево, прямо... Каждый раз, чувствуя, что Войддинг сейчас упадет, Мелфорд тормозил и останавливал машину в нескольких сантиметрах от задыхающегося, сломленного человека.

— Тед... пожалейте... Тед...

— А вы пожалели Лилиан? А ну встать! Не то раздавлю, как мокрицу!

И Войддинг продолжал бесцельный бег, пытаясь убежать от смерти и не веря, что это возможно.

В очередной раз свалившись на землю, Мэл вдруг почувствовал, как в ребра с левой стороны что-то вдавилось. Он сунул мокрую, дрожащую руку под куртку и нащупал маленький револьвер, который незаметно для Мелфорда достал из сейфа. Надежда, прибавила гангстеру сил. Он встал на ноги и сломя голову помчался вперед, думая выиграть немного времени и обернуться. Наконец, решив, что время пришло, он резко повернулся лицом к мчащейся на него машине и выпустил весь магазин в ветровое стекло. Но машина пролетела еще семь-восемь метров. Вцепившись в руль, Мелфорд, которого заставляла жить лишь сила ненависти, покончил с врагом. Перед смертью у бывшего полицейского еще хватило сил вырвать из записной книжки листок бумаги и что-то нацарапать...

* * *

Никто не осмеливался нарушить глубокую тишину, наступившую после рассказа мэра. В конце концов Билл, поскольку он больше других любил поговорить, прервал всеобщее молчание:

— Теренс... Мы все ошиблись в Мелфорде... Он поступил как мужчина. Но вы подумали, что нам с ним делать, когда он выполнит свою страшную задачу?

Звонок телефона сейчас показался всем неуместным, но мэр снял трубку:

— Теренс Кэмден слушает...

Окружающие заметили, как страшно побледнел мэр. По его старым, морщинистым щекам потекли слезы, но Теренс даже не пытался их унять. Повесив трубку, он медленно обвел советников взглядом.

— Вам не придется ломать голову над будущим Теда Мелфорда,— сурово проговорил Кэмден.— Он умер. Теда только что нашли рядом с трупом Мэла Войддинга. Похоже, Мелфорд казнил главаря банды точно так же, как была убита его дочь. В руках моего друга обнаружили записку — он еще нашел в себе силы писать! Правда, всего несколько слов: «Миссия окончена, Тер...»

В наступившем гробовом молчании послышался странный звук. Все обернулись и посмотрели на капитана О'Мэхори: огромный ирландец плакал.

Перевела с французского М. МАЛЬКОВА

РАССКАЗЫ НАЧАЛЬНИКА УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ АЛЕКСАНДРА КОШКО

ДЕЛО ГИЛЕВИЧА

Многолетний служебный опыт заставил меня выработать в себе привычку терпеливо выслушивать каждого, желающего беседовать лично с начальником сыскной полиции. Хотя эти беседы и отнимали у меня немало времени, хотя часто меня беспокоили по пустякам, но я не только выслушивал каждого, но и конспективно заносил на бумагу все, что казалось мне стоящим малейшего внимания. Эти записи я складывал в особый ящик и извлекал их оттуда по мере надобности. Надобность же эта представлялась вовсе не так редко, как может подумать читатель. Как ни необъятен, как ни разнообразен преступный мир, но и он имеет свои законы, приемы, обычаи, навыки и, если хотите, традиции. Преступные элементы человечества связаны более или менее общей психологией, и для успешной борьбы с ними весьма полезно отмечать все яркое, необычное, что поражает внимание. Словом, краткие отметки и записи, собираемые мною, не раз сослуживали мне верную службу.

Это особенно сказалось в деле Гилевича.

Началось это так:

— Господин начальник, там какой-то студент желает вас видеть по делу, но, смею доложить, он сильно выпивши,— докладывал мне дежурный надзиратель в моем служебном кабинете в Москве на Малом Гнездниковском переулке.

— Ладно! Зовите!..

Через минуту в комнату вошел студент. Неуверенным шагом он приблизился к письменному столу и тотчас же схватился руками за спинку кожаного кресла. Это был здоровый малый, в довольно потрепанной студенческой форме, с раскрасневшимся лицом и с всклокоченными волосами. Он уставился на меня помутневшими глазами и улыбался пьяной улыбкой.

— Что вам угодно? — спросил я.

— Извините, господин начальник, я пьян, и в этом не может быть ни малейшего сомнения,— отвечал студент,— позвольте по этому случаю сесть?

И, не ожидая приглашения, он плюхнулся в кресло.

— Что вам от меня нужно? — спросил я.

— И все... и ничего!

— Может быть, вы сначала выспитесь?

— Jamais*! Я к вам по срочному делу.

— Говорите.

— Видите ли, господин начальник, я просто не знаю, как и приступить к рассказу, до того мое дело странно и необычно.

— Ну-ну, раскачивайтесь скорее: мне время дорого.

Студент икнул и принялся полузаплетающимся языком рассказывать:

— Прочел я как-то в газете, что требуется на два месяца молодой человек для исполнения секретарских обязанностей за хорошее вознаграждение. Прекрасно, и даже очень хорошо! Я отправился по указанному адресу. Меня принял господин весьма приличного вида и, поговорив со мной минут десять, нанял меня, предложив сто рублей в месяц. Сначала все шло хорошо, но затем многое в его поведении мне стало казаться странным. Он как-то подолгу всматривался в меня, словно изучал мою внешность. Однажды же, поехав со мной в баню, он особенно внимательно разглядывал мое тело, а затем, самодовольно потерев руки, чуть слышно прошептал: «Прекрасное, чистое тело, никаких родимых пятен и примет»...— Да-с, господин начальник, никаких пятен и примет, т. е. rien*, не правда ли, удивительно? Через несколько дней мы поехали с ним в Киев, остановились в приличной гостинице в одном номере. Весь день мы бегали по городу по разным делам и покупкам, и когда к вечеру вернулись в гостиницу, то я, устав, пожелал отдохнуть. Разделся и лег. Патрон мой сел было писать письмо, а затем говорит мне вдруг:

«Примерьте, пожалуйста, мой пиджак, и если он вам впору, то я охотно его вам презентую».

Я примерил, и, представьте, пиджак оказался сшит как на меня. Мой

* Никогда (фр.)

** Ничего (фр.)

патрон остался очень доволен и тут же подарил его мне. Наконец я заснул. Сколько я спал — не знаю, но вдруг просыпаюсь под тяжестью устремленного на меня взгляда. Приоткрывая глаза, вижу, что патрон мой пристально на меня смотрит. Я снова зажмурился, но настолько, чтобы иметь все же возможность наблюдать за ним. Прошло минут десять, в течение которых он не отрывал от меня взора. Тогда я принялся нарочно похрапывать, и он решил, видимо, что я сплю, тихонько встал, подошел к чемоданчику, стоявшему у его кровати, и вынул из него пару длинных ножей. Понимаете ли, господин начальник, пару длинных ножей, вот таких (он показал размер руками). Все это он проделал тихо, осторожно, по-прежнему не спуская с меня взгляда. Меня объял дикий ужас, и я, раскрыв глаза, приподнялся на постели и спустил ноги на пол. Увидя это, он быстро спрятал ножи, а я, схватив брюки, быстро напялил их на себя, не одев даже кальсон и едва застегнув тужурку, и, под предлогом расстройства желудка, выбежал из номера. Я прямо помчался на вокзал (к счастью, деньги были), да в поезд. И вот сегодня, прибыв в Москву, я отпраздновал свое избавление от несомненной опасности и явился к вам, чтобы рассказать этот более чем странный случай.

— Чего же вы бежали? Чего вы опасались?

— А ножи?

— Какой же расчет ему было вас убивать?

— Да черт его знает! Но он так глядел на меня, так глядел на меня, господин начальник, что мне все казалось, что он хочет, чтобы я был он, а он — я.

— Ну, голубчик, вы, кажется, зарапортовались. Что за чушь... «Я был он, а он — я»? Просто это вам приснилось.

— Какое приснилось, когда я и багаж свой там оставил!

— А какой у вас был багаж?

— Да, например, серебряная мыльница.

— А еще что?

— Опять же полотенце, кальсоны и подаренный пиджак.

Подумав, я спросил:

— Где вы живете здесь?

— Пока нигде, а жил там-то.— И он назвал адрес и свою фамилию.

Я навел справку по телефону, и она подтвердила его слова.

— По какому адресу ходили вы наниматься в секретари?

— Вот этого припомнить я не могу, разве просплюсь и завтра вспомню.

— Хорошо, если вспомните, то приходите. До свиданья!

Студент как-то помялся, а затем проговорил:

— Господин начальник, конечно, мои сообщения малоценны, но а все-таки, может быть, вы одолжите три рубля, а я припомню адрес и сообщу вам.

— Извольте, получите! — И я протянул ему трехрублевку.

Студент схватил ее и рассыпался в благодарностях:

— Вот за это спасибо, ну и выпью же я сейчас за ваше здоровье. Vivat господину начальнику! — Сделав неуверенный поклон, он вышел из кабинета.

Я набросал кратко на бумажке сообщенные им данные и спрятал ее на всякий случай в заведенный для этого ящик.

На следующий день он не явился, и я вскоре забыл об его существовании.

Дней через пять после этого звонит мне по телефону начальник петроградской сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов:

— У нас тут, Аркадий Францевич, на Лештуковом переулке случилось весьма загадочное убийство. В меблированных комнатах найден труп без головы, одетый в новый пиджак, хорошей работы. Голова трупа обнаружена в печке, в сильно обезображенном виде (вырезаны щеки, отрезаны уши, содрана кожа на лбу). Голову пытались, видимо, сжечь, но неудачно. Из осмотра пиджака выяснено, что он работы московского портного Жака. Не откажите, пожалуйста, послать к нему агента с теми данными, которые я вам продиктую сейчас. На всякий случай образчик материи привезет вам сегодня со скорым поездом посланный мною чиновник; он же доложит вам все детали осмотра.

И Филиппов продиктовал мне ряд цифр и терминов, данных ему «экспертизою портных».

Я обещал ему, конечно, полное содействие и откомандировал немедленно агента к портному Жаку. У него выяснилось, что пиджак этого размера, качества и цвета был сшит недавно некоему инженеру Андрею Гилевичу за 95 рублей.

Услышав имя Гилевича, я сразу встрепенулся, так как тип этот мне был хорошо известен по недавнему ловкому мошенничеству с дутым мыльным предприятием, в которое Гилевич успел втравить много лиц и немалые капиталы. Фотография этого крупного афериста, равно как и образец его почерка, имелись у нас, при московской полиции. Гилевич в свое время произвел на меня самое отвратительное впечатление и рисовался в моем воображении типичным «героем» Ломброзо.

Я тотчас же позвонил Филиппову и сообщил полученные от Жака сведения. Вместе с тем я добавил, что имею основания полагать, что убит вовсе не Гилевич и что, как мне кажется, дело пахнет инсценировкой. Принимая во внимание, что у Гилевича было большое родимое пятно на правой щеке, факт обезображения лица усиливал мои подозрения.

В. Г. Филиппову обстоятельства, сопровождавшие убийство, казались тоже странными, и он решил пока тело не хоронить и энергично приняться за расследование.

Человек, приехавший из Петербурга с образчиком материи костюма, был мною расспрошен, и из его рассказа выяснилось, что в комнате убитого при обыске было найдено два длинных ножа и серебряная мыльница с вензелем «А».

Услышав о ножах и мыльнице, я тотчас вспомнил о пьяном студенте. Порылся в ящике и, найдя записку с его показанием и адресом, я полетел к нему. Застав его снова в безнадежно пьяном виде, храпящим в беспробудном сне, я велел привести его в сыскную полицию. Здесь на

диване он проспал несколько часов. Когда он пришел в себя, его накормили и напоили, после чего он предстал предо мною.

— Вот что, опишите-ка вы мне вид вашей мыльницы, забытой вами в Киеве.

— Ах, господин начальник, я так виноват перед вами! Честное слово, я все вспоминал адрес этого типа, но никак не мог припомнить.

— Хорошо, об этом после. Как выглядела ваша мыльница?

— Да самая обыкновенная коробка с крышкой...

— На крышке был какой-нибудь рисунок?

— Нет, имелась лишь буква.

— Какая буква?

— «А».

— Почему же «А»?

— Да это, видите ли, не моя мыльница, а моего приятеля; впрочем, я собирался ее вернуть, да вот не пришлось.

— Теперь извольте припомнить адрес, куда вы ходили наниматься в секретари.

— Да я, ей-Богу, и сам бы рад вспомнить, и, как назло, память отшибло.

— В таком случае, я вас отсюда не выпущу. Извольте припомнить.

Студент стал напряженно соображать, тер себе лоб, закатывал глаза, и вдруг лицо его расплылось в улыбку.

— Да, да, кажется, вспомнил! — сказал он радостно.— Третья Ямская-Тверская, номера дома не знаю, но по виду укажу.

— Ну вот и отлично. Едем сейчас же!

На Третьей Ямской-Тверской студент тотчас же указал на какие-то меблированные комнаты. Их содержала некая Песецкая. Узнав моего спутника и справившись даже об его компаньоне, она рассказала мне подробно, как в ее комнатах проживал некий Павлов, что к нему ходило по объявлениям много молодежи, что, наняв наконец «вот их» (она кивнула на студента), он вместе с секретарем через несколько дней выехал от нас. Через неделю примерно Павлов вернулся, но уже один. Опять к нему стали ходить разные студенты, и, наняв одного из них, он с неделю как уехал с ним вместе в Петербург. «Впрочем, я по книге точно могу вам сообщить все сроки их отъездов и приездов».

— Посмотрите на ту карточку, не господин ли это Павлов? — сказал я, предъявляя ей фотографию Гилевича, захваченную мной из служебного архива.

— Он, он и есть! — убежденно сказали Песецкая и студент.

Теперь для меня не оставалось сомнения, что убийство на Лештуковом переулке — дело рук Гилевича. Однако мотив убийства оставался для меня неясен. Что могло побудить Гилевича пойти на это страшное дело? Казалось, ни корысть, ни месть не руководили им. Какие же стимулы двигали его преступной волей? Половое извращение, садистские наклонности? Но зачем же тогда это переодевание трупа в соб-

ственный пиджак? Для чего же это старательное искажение лица убитого?

В это время мне снова позвонил по телефону В. Г. Филиппов.

— Знаете,— сказал он мне,— ваше предположение относительно Гилевича не оправдалось: я вызвал к трупу мать и брата Гилевича, и они оба признали в убитом сына и брата, Андрея. Мать рыдала над покойным, ни минуты не сомневаясь в личности убитого. Придется, видимо, направить розыск по другому пути.

В ответ на это я сообщил В. Г. Филиппову добытые мною сведения и убеждал его не полагаться на мать и брата Гилевича.

Теперь на очередь стоял вопрос о выяснении личности жертвы. Я обратился ко всем ректорам московских высших учебных заведений, прося дать мне сведения о студентах, которые за последние две недели брали долгосрочные отпуски. Вместе с этой просьбой я сообщил им некоторые приметы убитого студента, т. е. его высокий рост и плотное ширококостное сложение. Вскоре канцелярии учебных заведений прислали мне соответствующие списки, по которым набралось фамилий тридцать. По всем полученным адресам я разослал агентов и лично принялся рассматривать их рапорты.

Из 30 рапортов лишь 2 обратили на себя мое внимание. В первом говорилось, что студент Николай Алексеевич Крылов такого-то числа выехал в Петроград, а во втором, что студент Александр Прилуцкий выехал на два месяца в Петроград, оставив в Москве за собой комнату. Я кинулся по последнему адресу.

Квартирная хозяйка дала о Прилуцком хороший отзыв: смирный, кроткий человек, небогат, но платит аккуратно. Говорил, что нашел место в отъезд на два месяца. Комнату оставил за собой, заплатив за месяц вперед. Вещи свои он запер в комнате, захватив с собой лишь небольшой чемоданчик. Я вызвал агентов и приступил к тщательному обыску. Из хранившейся у Прилуцкого переписки выяснилось, что он сирота и имеет лишь одного близкого, родного человека в лице тетки, живущей в небольшом имении Смоленской губернии.

Я немедленно командировал в это имение агента, снабдив его фотографиями трупа и мертвой головы.

Агент по возвращении доложил, что тетушка Прилуцкого получила от последнего около двух недель тому назад письмо из Москвы, в котором он ей радостно сообщал, что нанялся секретарем к некоему Павлову и уезжает с ним в Петроград. Тетушка была глубоко потрясена и опечалена мыслью о возможности гибели племянника. По предъявленным фотографиям она не могла категорически признать в убитом своего племянника, но по строению и расположению зубов усмотрела в фотографии большое сходство с ним. Тетушка рассказала, что отец покойного, заботясь об образовании сына, положил на его имя 5000 франков в один из парижских банков, надеясь, что сын со временем приедет в Париж для усовершенствования в науках.

По получении этих сведений стало ясным, что убит Прилуцкий.

Но меня продолжал мучить все тот же проклятый вопрос: для чего понадобилось Гилевичу это убийство? Не 5000 франков соблазнили, конечно, его. Прилуцкого он до этого не знал. Очевидно, Прилуцкий стал жертвой благодаря лишь своему сходству с Гилевичем. И все чаще и чаще мне вспоминались слова пьяного студента:

«Он хочет, чтобы я был он, а он — я!»

Сообщив полученные мной дополнительные сведения Филиппову, я узнал, что и у него есть новые интересные данные по этому делу.

Он запросил все страховые общества, и в результате выяснилось, что жизнь Андрея Гилевича была застрахована в 250 000 рублей в страховом обществе «Нью-Йорк», и оказалось, что мать Гилевича предъявила уже полис для получения страховой премии. Филиппов отдал, конечно, приказ арестовать мать и брата Гилевича, но в тюрьме брат повесился, и за решеткой осталась сидеть лишь мать.

Так вот для чего понадобилось это таинственное превращение мертвого Прилуцкого в «убитого Гилевича»!

Теперь оставалось разыскать убийцу. Это являлось, однако, делом нелегким, так как за это время он мог легко скрыться за границу.

Самые тщательные розыски не приводили ни к чему. Я стал уже терять терпение, как вдруг получил из Смоленской губернии от тетки Прилуцкого следующее письмо:

Милостивый Государь

Господин Начальник!

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения нижеследующие обстоятельства, могущие, быть может, помочь Вам разобраться в крайне тревожном для меня деле, исчезновении моего племянника Александра Прилуцкого. Вчера я получила из Парижа письмо, при сем прилагаемое, якобы от Саши, где он просит меня выслать нужные документы в главный парижский почтамт до востребования. Они необходимы ему для получения из банка вклада, положенного на его имя отцом. Хотя почерк в письме и походит на Сашин, но меня берут все же сомнения в его подлинности. Кроме того, я не допускаю мысли, чтобы Саша, всегда державший меня в курсе своих дел и предположений, мог уехать в Париж, не предупредив меня о том заранее. Ведь уезжая из Москвы в Петербург, он тотчас известил меня об этом. Разберитесь, господин начальник, в этом сложном и, может быть, страшном для меня деле, и да поможет Вам в этом Господь!

По моему приказанию была сейчас же произведена экспертиза почерков пересланного мне письма и автографа Гилевича, хранящегося у нас в архиве, и идентичность их была вполне установлена; особенно сходными оказались заглавные буквы А.

Итак, Гилевич в Париже!

Переговорив с В. Г. Филипповым, мы решили командировать в Париж для задержания Гилевича чрезвычайно способного и дельного

чиновника особых поручений М. Н. К., а каковой, получив мои инструкции, отправился в Париж для задержания Гилевича.

Какова была, однако, моя досада, когда на следующий день после его отъезда в «Новом времени» появилась заметка, сообщающая об отъезде М. Н. К. в Париж и о цели его командировки. Я немедленно послал срочную шифрованную телеграмму ему вдогонку, сообщая о заметке и прилагая скупить все парижские номера «Нового времени» за такое-то число.

Получив мою телеграмму, М. Н. К. по приезде в Париж успел скупить все номера газеты на Северном вокзале, и лишь 2 или 3 из них успели проскочить в продажу. Прежде всего М. Н. К. кинулся в Главный почтамт, где узнал, что по соответствующему номеру до востребования вчера еще была получена каким-то господином корреспонденция из России. Оставался, следовательно, банк. Тут, к счастью, деньги, положенные на имя Прилуцкого, еще никем не были взяты. М. Н. К. предупредил кассира, прося тотчас же его известить, как только явятся за ними. На второй день кассир дал ему знать о соответствующем требовании, и К. увидел незнакомого человека, вовсе не похожего на Гилевича. Он дал ему получить деньги и арестовал незнакомца с помощью французской полиции при его выходе из банка. Арестованный был отвезен в полицейский комиссариат, где и оказался искусно перегримированным Гилевичем. Когда с него были сняты приклеенные бородка и парик, когда был смыт с его лица грим, в личности арестованного не оставалось никакого сомнения.

Убийца пытался было уверить французскую полицию, что русские власти преследуют его как преступника политического, но словам его, конечно, не придали значения.

Видя наконец, что игра проиграна, Гилевич признался во всем. Из банка он был препровожден в комиссариат вместе с ручным чемоданчиком, с которым он приехал, очевидно, прямо с вокзала. Теперь, принеся повинную, он попросил разрешения еще раз тщательно помыться, ввиду недавней гримировки. Ему разрешили, и он в сопровождении полицейского отправился в уборную, захватив из своего чемоданчика полотенце и мыло. В уборной он незаметно сунул в рот отколотый кусочек мыла и, набрав в руки воды, быстро запил его. Не успел полицейский его отдернуть, как Гилевич уже пал мертвым.

Оказалось, что в мыле он хранил цианистый калий, который и проглотил в критическую минуту.

По распоряжению Филиппова тело Гилевича было набальзамировано и отправлено в Петербург.

Так покончил земные счеты один из тяжких преступников нашего времени.

Умелый адвокат, защищавший мать Гилевича, добился ее оправдания. Но что значит для этой матери суд людской с его оправданием или карой, когда она, по возмездию Небес, лишилась двух взрослых сыновей, вырванных из жизни петлей и ядом?!

Миллион на монаха

Это несколько странное заглавие ставится мною над моим рассказом лишь потому, что под таким ярлыком числилось в свое время в московской сыскной полиции ловкое и весьма оригинальное мошенничество, о котором я и намерен рассказать.

Является ко мне как-то некий Стрельбицкий, довольно крупный мыльный фабрикант, и заявляет:

— Я, г. начальник, пришел к вам посоветоваться относительно одного, весьма заинтересовавшего меня дела. Я получил крайне выгодное предложение, то есть странное, что просто не знаю, что о нем и думать. Впрочем, извольте посмотреть сами.— И он протянул мне какое-то письмо.

В нем значилось:

«Милостивый Государь,

По всесторонне наведенным справкам, нам удалось выяснить с несомненной точностью как общую картину ваших торговых дел, так и весь ваш нравственный облик. Вы оказались прекрасным, честным человеком, а ваше мыловаренное предприятие — делом солидным и с обещающим будущим. Вместе с тем мы узнали, что в данный момент вы изыскиваете средства для расширения своих дел. Все это взятое вместе побуждает нас обратиться к вам с нижеследующим, но совершенно секретным, предложением. Мы можем ссудить вам один миллион рублей на крайне выгодных для вас и весьма существенных для нас условиях.

Дело в том, что в одном из глухих монастырей провинции проживает некий архимандрит (он же и настоятель обители), у коего имеется в одном из банков вклад на предъявителя в размере 1 миллиона рублей, помещенных в 4% государственной ренте. Несколько лет назад означенный архимандрит, не устояв от греха, сошелся с некоей женщиной, правда, изумительной красоты, и прижил от нее ребенка — мальчика (ему теперь 6 лет). Вы знаете, конечно, что монашествующие, вместе с постригом и отречением от всего мирского, теряют и гражданские права: права семейственные, наследственные и т. д. И вот этот архимандрит, прихварывая последнее время и чуя близкую кончину, крайне озабочен мыслию о сыне. Завещать ему вклада он не может, перевести деньги на мать — по ряду соображений не желает, а потому порешил поручить мне труд к отысканию надежного, честного и не бедного человека, каковой бы взял на свое попечение эту молодую, дорогую для него, жизнь и надежно сберег бы к ее совершеннолетию отцовские деньги. В награду за эту услугу отец архимандрит предлагает исключительно выгодные условия займа. Вам предлагается миллион рублей под вексель сроком на 15 лет и с уплатою всего лишь 1% в год, т. е. 10 000 рублей, кои вы обязуетесь передавать матери на ее жизнь и воспитание ребенка. Вашей доброй совести предоставляется, конечно, возможность приумножить эти деньги ко дню совершеннолетия ребенка, но это обязательство не ставится вам в условии. Платите аккуратно ежегодную ренту матери и погасите вексель через 15 лет,— вот и все, что от вас требуется. Если означенное предложение вы найдете для себя приемлемым, то отвечайте тотчас же в Смоленске, почтовая контора до востребования, по квитанции № 1462».

Лишь только я оторвался от чтения этого любопытного послания, Стрельбицкий поспешно спросил меня:

— Ну, что вы думаете обо всем этом?

— Думаю, что вас пытаются облапошить мошенники.

— Да неужели?!

— Разумеется! Не говоря уже о фантастичности самого предложения, но, насколько помню, до меня доходили уже смутные слухи об аналогичных за последнее время проделках в провинции. Надо думать, что «дельцы» перенесли свою работу в столицы, где и пытаются уловить доверчивые сердца.

Мой посетитель конфузливо улыбнулся и упавшим голосом промолвил:

— Вы знаете, что предложение мне показалось до того заманчивым, что я уже ответил в Смоленске и дал свое принципиальное согласие.

— Ах вот как?! Ну и что же?

— Да пока ничего. Жду ответа.

— В таком случае, почему же вы обращаетесь ко мне?

— Видите ли, я написал было сгоряча, а как поразмыслил хорошенько, меня и взяли сомнения. После ваших же слов мои сомнения перешли в уверенность, и я решился отказаться от этого своеобразного предприятия.

— И хорошо делаете. Однако я прошу вас во имя общественного интереса помочь мне раскрыть эту тайну и этих предприимчивых мошенников.

— Я к вашим услугам. Но чем же могу я помочь?

— Не откажите привезти мне тот ответ, что получите вы из Смоленска.

— Хорошо. Я вам это обещаю.

На этом мы расстались.

Дня через три Стрельбицкий ко мне явился с ответом.

«М. Г.:

Согласно выраженного вами желания, назначаем вам день, час и место нашей будущей встречи. Предлагаем вам прибыть в Смоленск и 7 июля, в 10 часов утра, пожаловать в Лопатинский сад, занять место на пятой скамейке справа по главной аллее считая от ресторана. Я встречу вас, и мною будет вам предъявлено для осмотра сохранное свидетельство банка. Все дело займет не более двух дней, а потому не запасайтесь лишними деньгами. Что касается вексельных бланков, то таковые, конечно, могут быть приобретены и здесь, а потому не хлопочите на этот счет в Москве. Отец архимандрит благодарит Бога за то, что удалось наконец найти человека, доброе имя которого служит верной гарантией в близком его сердцу деле.

До скорого и приятного свидания».

Прочитав этот ответ, я призадумался. Много разнообразных мошенничеств самых причудливых «колеров» было раскрыто мной за последние годы, но в каждом из них так или иначе выпирала душа, смысл, так сказать, предпринятой аферы. Здесь же я именно не улавливал расчета в преступной комбинации. Для чего было вызывать в Смоленск человека и назначать ему свидание среди бела дня, на людном месте? Очевидно, не для насилия и грабежа. Для чего было придумывать сложную процедуру с векселем на 15 лет и не попытаться предложить хотя бы купить по дешевке хорошо подделанное сохранное свидетельство? Ведь не станет же человек подписывать миллионный вексель, не разглядев хорошенько банковского документа и не наведя справок в банке об этом вкладе вообще? На что же могли рассчитывать мошенники, обращаясь к немолодому, опытному и серьезному коммерсанту? Тщетно я ломал голову и не находил ответа. Это дело настолько заинтересовало меня, что я решил не только отправить в Смоленск опытных людей, но и съездить туда лично.

Моя внешность и фигура резко отличались от Стрельбицкого, а посему я счел нужным для пользы дела не лично заменить его, а предоставить эту роль моему способному агенту Швабо, кстати — и без грима,— на него походящего. Эта предосторожность могла быть и излишней, так как Стрельбицкий не вел ни с кем из мошенников личных бесед, ограничиваясь письмами; но представлялось вероятным, что, изучая образ жизни своей будущей жертвы, мошенники могли мельком где-либо его видеть. Итак, к 7 июля Швабо, запасшись паспортом на имя Стрельбицкого и приняв, по возможности, образ последнего, выехал в Смоленск. В том же поезде ехал и я с двумя агентами. В Смоленске Швабо остановился в одной гостинице, мы — в другой.

В 10 часов утра Швабо, запасшись бумажником, набитым «куклами» (т. е. туго спрессованной газетной бумагой, обернутой в сторублевки) и кипою недорогих вексельных бланков, восседал уже в Лопатинском саду на указанной скамейке, а я и мои люди разгуливали непринужденно

поодаль от него. Вскоре появился прилично одетый человек, подошел к Швабо и присел на скамейку. Я видел, как они вскоре раскланялись и пожали друг другу руки, после чего начался у них оживленный разговор. Неизвестный тип достал какую-то бумагу, Швабо внимательно ее разглядел и вытащил свой бумажник, похожий скорее на развернутую гармонию, потом они распрощались, долго тряся друг другу руки, и мой Швабо направился к себе в гостиницу.

Вскоре он мне докладывал:

— Все обошлось гладко; мой набитый бумажник произвел, видимо, впечатление. Однако, когда я заявил ему, что запасся вексельными бланками в Москве, он почему-то, не сдержав досады, укоризненно мне заявил: «Для чего вы, право, это делали? Я же писал вам, что их можно здесь раздобыть, в Смоленске!» Он назначил мне завтра свидание в час дня на той же скамейке и обещал при этом познакомить с матерью младенца, для которой, разумеется, весьма интересно познакомиться с будущим, так сказать, опекуном ее сына. Сохранное свидетельство, показанное им мне, на вид не возбуждает никаких подозрений: обычный банковский лист из толстой пергаментной бумаги, наличие печатей, подписей директоров и кассира, словом, все, как следует. Завтра предполагается познакомить меня с матерью, после чего решено отправиться тут же, в саду, в ресторан позавтракать в отдельном кабинете, где будет мне предоставлена еще раз возможность детально осмотреть сохранное свидетельство. Затем решено ехать в Отделение Государственного Банка, где я, убедившись в наличности вклада, указанного в документе, обязан буду заполнить мои вексельные бланки и тут же обменять их в присутствии привезенного нотариуса и свидетелей на их сохранное свидетельство. Вместе с векселями я подпишу и передам договор, написанный в ресторане, об ежегодной выдаче 10 тысяч рублей матери ребенка.

— В чем тут штука, Швабо, как вы думаете?

— Ума не приложу, господин начальник! Одно время мне думалось, что собака зарыта в том, что жертва, является в сад, должна иметь минимум 8 тысяч рублей в кармане, т. е. сумму, необходимую для покупки вексельной бумаги на 1 миллион. Но для чего же, в таком случае, назначать столь многолюдное место — это во-первых; во-вторых, я сообщил им, что вексельные бланки уже заготовлены и куплены мной в Москве, следовательно, я могу и не иметь крупных при себе денег? С другой стороны, мошенник видел мой туго набитый деньгами бумажник, а потому, быть может, и продолжает игру? Словом, у меня полный хаос в голове, и, право, порой мне начинает даже казаться, что вся эта история вовсе не выдумка, а на самом деле и есть таковой, какой ее расписывают эти люди.

— Полноте, Швабо, у вас ум за разум зашел! Вот подождите до завтра, и, надо думать, в кабинете ресторана все разъяснится.

На завтра мы выработали следующий план действия: лишь только в кабинете дело дойдет до переписывания чернилами набросанного карандашом договора о ежегодной пенсии матери, я с двумя моими агентами ворвусь туда и арестую мужчину и женщину. Сигналом для меня полужит отправка лакея за чернилами.

На следующий день Швабо с одной стороны, а я и мои два агента —

с другой входили ровно в час в Лопатинский сад. Швабо уселся на свою скамейку, а я принялся наблюдать издали. Вскоре появился вчерашний тип под руку с изумительно красивой женщиной-еврейкой. Он дружески приветствовал Швабо, и последний, подскочив с места, галантно приложился к ручке, довольно величественно ему протянутой женщиной. Посидев некоторое время на скамейке, они встали и направились в летний ресторан. Взойдя на веранду, они повернули в коридор и исчезли в кабинете. Я с моими людьми занял столик на веранде. Наша позиция была удобна, так как все кабинеты выходили дверями в коридор и все проносимое в них неслось непременно мимо нас. Ждать пришлось долго — часа два. Наконец появляется лакей, просит за стойкой чернильницу и перо и исчезает в кабинете с ними. Я мигнул моим людям, и мы бросились по пятам лакея. Едва успели мы ворваться в кабинет, как собеседник Швабо в мгновение ока очутился на открытом окне, и едва мой агент успел схватить его за ноги. Женщина же поспешно сунула себе в рот скомканный документ и судорожно принялась жевать. Мы не дали докончить ей «вкусного завтрака» и извлекли изо рта бумагу. Она оказалась все тем же сохранным свидетельством.

С арестованными мы отправились в местное сыскное отделение, у входа в которое разыгралась неожиданная сцена: какой-то господин, выходя из него и увидя нашего арестованного, завопил благим матом: «Вот он, вчерашний негодяй и мошенник, меня ограбивший!.. Ах он подлец! Ведите, ведите его, господа, скорее к начальнику!»

Оказалось, что вопивший господин еще вчера стал жертвой нашего мошенника. Соблазнясь мнимым миллионом того же монаха, он пожаловал в Смоленск из Киева, накупил по указанию все того же жулика в местном казначействе вексельной бумаги на соответствующую сумму и, не желая ходить по ресторанам, пригласил обоих аферистов в гостиницу к себе в номер. Во время завтрака ему был подсыпан в вино какой-то порошок, после чего он крепко заснул, а проснувшись, обнаружил пропажу вексельных бланков и 1800 рублей. Тайна наконец разъяснилась: в заговоре с мошенниками был и один из кассиров местного губернского казначейства, к каковому аферисты и направляли обычно своих доверчивых жертв для покупки вексельной бумаги. По совершении преступления незаполненные вексельные бланки принимались казначеем обратно со скидкой 10% с их стоимости. Эта скидка и была его заработком в деле.

В тех случаях, когда жертвы привозили с собой чистые бланки, то либо они принимались тем же кассиром, либо сплавлялись мошенниками в Варшаву, тоже с некоторой скидкой.

Таким образом, каждая сделка приносила жуликам минимум 8000 рублей; но обычно эта цифра была выше, так как, помимо вексельной бумаги, люди на всякий непредвиденный случай запасались и деньгами.

По их собственному признанию, случай со Швабо был уже седьмым в их практике. Переписав договор чернилами, они предполагали распить за добрый почин бутылку шампанского со Швабо, каковому и намеревались подсыпать в стакан дурманного порошка.

Так раскрылась эта хитроумная мошенническая затея, а с нею проявилась и легкомысленная доверчивость шести русских степенных людей, околпаченных рассказами о легендарном миллионе отца архимандрита.

Двадцать два кубометра фунтов стерлингов

Недавно итальянские власти во взаимодействии со спецслужбами зарубежных стран осуществили международную операцию против торговцев наркотиками. Блестяще организованная и проведенная с молниеносной быстротой в десятках стран, от Италии до США, от Великобритании и Испании до Коста-Рики, акция завершилась арестом более двухсот человек только крупных торговцев наркомафии.

При арестах были изъяты огромные суммы денег, драгоценности, ценные бумаги. В Лондоне, например, в одном из убежищ преступников было найдено в буквальном смысле слова двадцать два кубических метра денежных банкнот. «Нам потребуется уйма времени только для того, чтобы все их пересчитать»,— сказал один из полицейских агентов.

Та акция готовилась долго и тщательно. Итальянская полиция совместно с американскими коллегами в течение девяти месяцев проводила операцию под кодовым названием «Зеленый ледник» («зеленый» — символ доллара) с целью раскрыть всю цепочку торговли кокаином, который из Колумбии через мафиозные группы направлялся в страны Европы и Северной Америки. И когда пришел день нанесения решающего удара, был достигнут блестящий успех. В Риме на площади Навонна был арестован сам Хосе Дюран, занявший место короля Медельинского картеля Пабло Эскобара, преступника № 1. Вместе с Дюраном был схвачен и его помощник Педро Вильямквиран, занимавшийся распространением кокаина в странах Европы, а также еще одна сообщница Дюрана, сорокалетняя голландская гражданка Бетти Мартенс.

Но настоящую сенсацию в, казалось бы, уж ко всему привыкшей Италии вызвал совершенно неожиданный арест другой дамы из разряда тех, кого называют «гражданами вне всяких подозрений».

Газеты в тот день буквально взорвались заголовками: «Арестована Мэри Поппинс!» Именно так звали в городе Мантуя Веру Романьоли, благообразную семидесятилетнюю пенсионерку, бывшую учительницу, к которой все обращались «бабуся». Хотя настоящей бабусей она ни для кого не была, ибо никогда не выходила замуж и детей не имела. Но зато, как теперь выяснилось, она имела племянника, игравшего в ее жизни, оказывается, важнейшую роль.

Но все это стало известно уже после ее ареста. А до него в течение многих лет все в Мантуе знали, любили и звали синьору Романьоли «Мэри Поппинс» за ее удивительное благодушие, доброту и любовь к детям.

Ее племянник, некто Себастиано Сампьери, живший в Латинской Америке, высылал своей тетке в Мантую огромные суммы денег, которые она помещала на различные счета в разных банках. Таким образом с ее помощью «отмывались» деньги наркомафии. Затем уже со счета благопристойной синьоры эти деньги переводились в Соединенные Штаты на счет компании «Ротари корпорейшн», руководимой племянником «бабуси». Компания эта скорее всего была фиктивной, созданной лишь для перекачки денег.

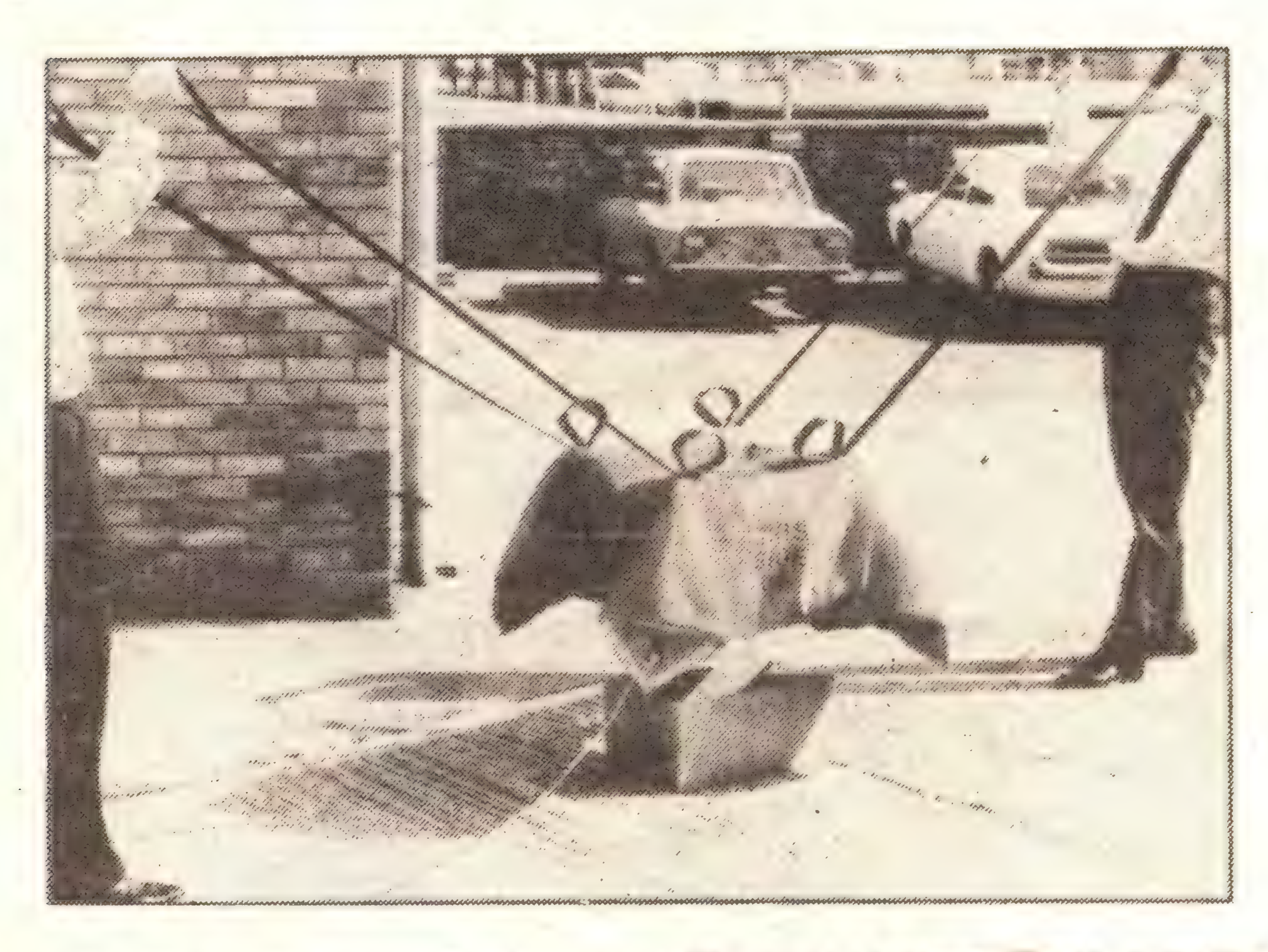
Вера Романьоли — учительница, пенсионерка, мафиозо.

Только за последние шесть месяцев «любящий племянник» перевел на счет старой учительницы сорок миллионов долларов. Вот эти-то огромные переводы старой пенсионерке, которая явно не могла иметь столь высоких доходов, и заставили полицию начать расследование, а затем и арестовать «Мэри Поппинс» из Мантуи.

Племяннику удалось скрыться где-то в Латинской Америке. А тетка сидит, сохраняя в заключении исключительную выдержку и хладнокровие. Она не протестует, не жалуется, не плачет. В тюрьме Неаполя, куда ее перевели из Мантуи, она успела завоевать симпатии других заключенных. Они там тоже зовут ее «бабусей».

Теперь выяснилось, что «милая старая синьора, такая улыбчивая и приветливая», скрывала все эти годы глубокую тайну и жила двойной жизнью. Полиция установила, что на старой учительнице замыкался круг, по которому ходили по миру наркодоллары.

А. ЛОБАШКОВ



На вокзалах и стадионах Соединенных Штатов, в аэропортах, универмагах и прочих местах большого скопления людей в шкафах, где обычно хранятся огнетушители и прочие средства для борьбы с пожаром, скоро появятся еще и... одеяла. Совместно с коллегами из Голландии американские специалисты разработали антиосколочную накидку, которой до прибытия специальных служб можно будет прикрывать предметы, вызывающие подозрение в том, что в них может быть заложена бомба.

Фото из американского журнала «Интерсек»

Полицейский – всегда полицейский

Кейт Левин был молод, красив, здоров и удачлив. Он имел все для счастья. И был счастлив. В 27 лет он имел уже не только семилетний опыт работы в полиции Нью-Йорка, но получил чин сержанта, что редко удается людям, не достигшим тридцати лет. И даже более того,— он был назначен начальником специальной патрульной группы в северном Манхэттене. А это значило, что у него был нормированный рабочий день и свободное время, которое он мог использовать по своему усмотрению для внеслужебных дел. А эти дела, вернее, дело, он имел.

Наряду с блестящей, весьма перспективной карьерой в полиции Кейт делал большие успехи в шоу-бизнесе. Будучи хорошим музыкантом и обладая к тому же еще и прекрасным голосом, он входил в состав музыкальной группы, которая по пятницам и субботам успешно выступала с платными концертами.

Об этой второй его карьере хорошо знали на службе, но ни у кого никогда на этот счет не возникало никаких вопросов и сомнений. Все, кто хорошо знал Кейта, знали и говорили, что Кейт Левин — полицейский до мозга костей и выше поли цейской присяги для него не может быть ничего на свете.

Он не раз доказывал это и на службе, и в свое свободное время. И поэтому, когда в ту субботу уже на рассвете возвращался с друзьями с очередного концерта, он по привычке фиксировал все, что происходило по обеим сторонам улиц, по которым проносился их автомобиль.

— Стой! — вдруг резко выкрикнул Кейт и, распахнув дверцу, не дожидаясь полной остановки, выскочил из автомобиля и побежал к подъезду банка. В группе людей, вроде бы спокойно беседовавших у автомата выдачи наличных денег, опытный взгляд полицейского мгновенно различил грабителей и их жертву.

— Всем оставаться на месте! — крикнул Кейт, выхватив револьвер. Бандиты бросились врассыпную. Двое женщин побежали в сторону 57-й улицы. Темнокожий мужчина рванулся к 9-й авеню. Кейт за ним.

У перекрестка 10-й авеню он уже догнал и готов был схватить беглеца, когда тот обернулся, остановился и резко выбросил вперед правую руку. Одна за другой блеснули вспышки огня и грохнули выстрелы. Пули ударили полицейского в грудь и в живот. Он упал. Из соседнего

В последний путь Кейта провожала вся полиция Нью-Йорка.

ресторана выскочили люди. В эфире полицейской связи раздалось тревожное: «Полицейский нуждается в помощи!»

Не прошло и двух минут, как на месте преступления появилась патрульная полицейская машина. Затем еще одна с агентами в штатском.

Машина «Скорой помощи» помчала раненого в госпиталь, где, предупрежденные по радио, ждали готовые к операции врачи. Но все их усилия были тщетны, Кейт Левин умер.

Полиция назначила награду в 10 тысяч долларов тому, кто поможет обнаружить преступника. А коллеги Кейта Левина заявили, что срочно найти и поймать убийцу — это дело их чести. На похоронах Кейта присутствовали полицейский комиссар и мэр Нью-Йорка. Более пяти тысяч полицейских в скорбном траурном молчании выстроились на пути похоронной процессии вдоль 5-й авеню и 65-й стрит. В небе траурную процессию сопровождала цепь полицейских вертолетов.

Через несколько дней после похорон Кейта Левина преступники были схвачены и отданы под суд.

А. ФИЛАТОВ

Будка — участковый по-японски

Старики вспоминают, что были такие времена, когда, уходя из дома, люди не запирали на замки дверей своих жилищ. Теперь уж и не верится, что могло быть такое. Но старики продолжают утверждать, что так было. А некоторые говорят, что такое случается даже и теперь. Но только далеко от нас — в Японии. И происходит это потому, что там одна из лучших в мире полицейских служб.

Японская полиция прекрасно организована и оснащена. Полицейские там хорошо зарабатывают и пользуются уважением в обществе. Но все же, когда речь заходит о причинах высокой эффективности стражей порядка Страны восходящего солнца, вам прежде всего расскажут о «кобане» — полицейской будке. Так называется там то, что у нас именуют опорным пунктом милиции. Но только в Японии этот пункт располагается не во дворах и темных подъездах, а на перекрестках улиц. Его хорошо видно со всех сторон. И полицейские, несущие там службу круглосуточно, хорошо просматривают вверенный им район.

Это низовое и важнейшее

звено в цепи японской полицейской службы — коллективный участковый — состоит из трех и более полицейских, дежурящих там по очереди днем и ночью. Командует ими офицер, который несет службу только днем. Расчет численности состава будки прост — один полицейский на 400 семей, проживающих в данном микрорайоне.

Полицейские по очереди осуществляют постоянное наблюдение за порядком из будки, производят патрулирование улиц и так называемый «контактный обход» — планомерное обязательное посещение всех домов, квартир, магазинов, мастерских и прочих предприятий и организаций микрорайона. У нас это **называется** «работа с населением». А у них это **делается,** — и при этом очень профессионально, квалифицированно, а главное, эффективно.

Благодаря тому, что «будочники» знают едва ли не всех жителей микрорайона, а те в свою очередь, все знают их, есть местности, где годами не случается никаких серьезных преступлений.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

Из серии «Грабители».
Рисунок из французского журнала «Полис насиональ».

Из предыстории французской полиции...

Герхард ФАЙКС

Казнь сорвал народ

Матюрен Лушар владел кузницей на Рю-де-Монтрей в Версале и был известен роялистскими настроениями. Мастер Лушар любил монархию прежде всего за то, что она помогла ему нажить состояние в 200 000 ливров. Это позволило ему определить сына, Жана Луи, на учебу в колледж Дюплесси.

Однако там молодой сын кузнеца соприкоснулся с революционными идеями своего времени и даже, что весьма испугало отца, всерьез увлекся ими. После учения молодой Лушар по родительскому приказу снова вынужден был надеть кожаный фартук и в фамильной мастерской ковать подковы для королевских скакунов.

К его досаде, Жан Луи и у наковальни сохранил верность революционным убеждениям. Днем он послушно орудовал молотом и мехами, а вечера использовал для учебы и нашел себе даже усердную ученицу в лице бедной девушки Элен Вердье, которая жила вместе со своей матерью в доме Лушаров.

Отец по всякому поводу и вовсе без повода отводил душу, браня на чем свет стоит еретиков революционеров. В конце концов трения между ними стали настолько сильны, что оба едва разговаривали друг с другом.

Жан Луи попытался объясниться с отцом. Мастер Лушар изъявил полную готовность вернуться к прежнему семейному миру, однако не раньше чем сын даст клятву: «Сим отрекаюсь от сатаны, от прелестей его и от деяний его, от учений философических, от веры в свободу и равенство». Жан Луи возразил на это, что не следует смешивать семейные чувства с личными убеждениями, чем привел старика в еще большую ярость. Не успел Жан Луи закончить свою тираду, как был уже лишен наследства и «на веки вечные» изгнан из отчего дома.

Он нашел приют у единомышленников, а с их помощью — и работу. На этом бы делу и кончиться, если бы Жан Луи вдруг не почувствовал, что для полного счастья ему не хватает его прилежной слушательницы Элен Вердье. Жан Луи, молодой и полный оптимизма, отправился к ее матери и попросил у нее руки Элен. Однако мадам Вердье готовила для дочери совсем иное будущее. Жану Луи пришлось вернуться несолоно хлебавши, да к тому же еще вновь выслушать папашины угрозы.

Несколько дней спустя он узнал, что Элен должна стать его мачехой, ибо на ней собрался жениться его вдовствующий отец. Таким образом, молодой и старый Лушары становились теперь не только политическими противниками, но и соперниками в делах сердечных.

И все же, несмотря на все это, молодой Лушар был воспитан в слишком суровых патриархальных традициях, чтобы попытаться отбить у отца невесту. Он примирился с судьбой (хотя при сильной к нему склонности самой Элен это было вовсе не так уж необходимо) и решил покинуть Версаль.

Вечером накануне своего отъезда молодому человеку захотелось все же хоть издали попрощаться с Элен, и он пришел на Рю-де-Монтрей. Не увидев ее, он поплелся обратно на свою квартиру. Там, возле дома, его ждала продрогшая Элен. Она сбежала от матери и была полна решимости разделить с Жаном Луи все жизненные радости и невзгоды. Однако молодой Лушар не только сохранил верность своему решению об отказе от соперничества с отцом, но и сумел уговорить Элен остаться послушной дочерью и выйти за мастера Лушара, хотя тому явно куда больше подошла бы роль дедушки, нежели супруга. А для того, чтобы мера его послушания ощущалась полнее, Жан Луи не только позволил себе и Элен отведать малую долю от тех радостей, щедрый урожай с которых намеревался снять его отец, но и провел с ней всю ночь, полную взаимных заверений в готовности к самопожертвованию.

Едва забрезжил рассвет, Жан Луи пошел провожать Элен и недалеко от порога дома распростился с девушкой. Он уже уходил обратно, когда услышал крики Элен. Мадам Вердье, караулившая дочь возле дома,

набросилась на нее и принялась безжалостно избивать. А в освещенном дверном проеме, скрестив руки на груди, стоял мастер Лушар и с удовлетворением наблюдал, как истязают его будущую жену.

Для Жана Луи это было уж слишком. Он поспешил на помощь Элен, но дорогу ему загородил отец. Жан Луи умолял прекратить это варварское истязание и клялся в полной невиновности Элен. Однако отец в ответ только съязвил: «Чем милее дитя, тем жестче розга!»

Потом он пригрозил трепкой своему мятежному отпрыску и стал всячески поносить девушку и политических кумиров Жана Луи.

А между тем мадам Вердье продолжала избивать Элен. Жан Луи проглотил все оскорбления и пообещал даже отречься от своих философов, лишь бы оставили наконец в покое Элен. Однако это еще больше разъярило старого Лушара.

«А так ты не можешь видеть, как лупят твою любовницу?» — крикнул он, сжал свой пудовый кулак и с силой двинул Жана Луи в лицо.

Мадам Вердье отпустила дочь, бросилась к своему будущему зятю, подстрекая его проучить Жана Луи. Теперь, когда непосредственная угроза Элен миновала, в юноше снова проснулся дух сопротивления. Глядя прямо в глаза свирепой старой мегере, он заявил, что она — скверная мать и для своей дочки хуже мачехи.

При этом он на мгновение оказался к отцу спиной. Крик Элен заставил его обернуться. Позади него стоял мастер Лушар с тяжелым железным шкворнем, занесенным для удара.

Жан Луи едва сумел увернуться и бросился через открытую дверь в дом. Отец ринулся за ним. Юноша попытался выбежать обратно на улицу, но на его пути встала, расставив руки, мадам Вердье. Старый кузнец неистовствовал. К счастью, прихожая была настолько тесной, что он лупил своей длинной железной полкой только по стенам. Жан Луи проскочил через комнату отца в мастерскую и попытался черным ходом выбраться на улицу. Однако дверь оказалась запертой на засов. Не успел он его отодвинуть, как рядом уже был старик, успевший сменить железный шкворень на кузнечную кувалду. Удар пришелся мимо, тяжелый молот рассадил дверной косяк. Жан Луи вцепился отцу в рукав. Они начали бороться и упали на пол. Юноше удалось вырвать у отца молот. Он вскочил на ноги и бросился к двери. Отодвинув засов, он, не оборачиваясь, швырнул через плечо молот обратно в мастерскую, кинулся прочь от родного дома и с ближайшей почтовой каретой уехал из Версаля.

Отцовского крика он не услышал. Не знал, что молот угодил старому кузнецу прямо в правый глаз. Удар оказался смертельным. Мадам Вердье сообщила о случившемся полицейскому комиссару, который тотчас же объявил розыск Жана Луи Лушара. Уже на другой день в Севре он был вытащен из почтовой кареты конными полицейскими и арестован. В то время он еще на знал, что убил своего отца, а узнав, пытался доказать, что произошло это непреднамеренно.

Дело было передано в парижский окружной суд, который отверг утверждение Жана Луи Лушара о том, что он находился в состоянии необходимой обороны. Суд решил, что молодой Лушар действовал обдуманно и разбить отцу череп решил заранее. (Версия, которую, заботливо разукрасив подробностями, преподнесла мадам Вердье.)

31 июля 1788 года окружной суд вынес Жану Луи Лушару приговор: колесовать и в завершение казни сжечь останки преступника на куче хвороста.

Казнь была назначена на 3 августа. Согласно юридическим канонам, она должна была исполняться в том городе, где совершено преступление, то есть в данном случае в Версале. Там уже при постройке эшафота завязалась потасовка между плотниками и возмущенным народом, пытавшимся помешать проведению казни, которую он считал несправедливой. Для наведения порядка были привлечены представители гильдии кузнецов, судейские служащие и полиция.

Однако друзья молодого Лушара тоже не теряли времени даром. Всю ночь они провели возле эшафота. А на следующее утро карета с осужденным была встречена возмущенной толпой, потоком оскорблений, и лишь ценой больших усилий ей удалось пробить себе дорогу.

Кортеж свернул на Рю-де-Сатори. До площади Сен-Луи, где стоял эшафот, оставалось совсем недалеко. Жан Луи покорно сидел в карете и, казалось, был полностью безучастен к тому, что творилось вокруг. И тут вдруг Элен Вердье, находившаяся среди толпы, выкрикнула его имя. Молодой Лушар поднял голову. Не найдя глазами девушку, он крикнул в бушующую толпу: «Прощай, Элен!» В этот момент на дышло повозки вспрыгнул богатырского сложения молотобоец, который шел все время чуть впереди процессии: «Скажи лучше «до свидания», Жан Луи! Разве можно колесовать таких порядочных людей, как ты?»

Толпа пришла в движение, и сопровождающим карету конным полицейским лишь с огромным трудом удалось расчистить путь.

Когда кортеж добрался наконец до площади Сан-Луи и с молодого Лушара сняли цепи, заменив их веревками, через барьер на эшафот вспрыгнул вдруг молодой молотобоец, тот самый, что остановил уже однажды карету. Он растолкал в стороны помощников палача, мигом освободил Жана Луи от пут и под ликующие возгласы толпы унес юношу на руках к ожидавшим его друзьям.

Палач не успел и глазом моргнуть, как его орудия для казней и пыток были уже поломаны, эшафот разобран, и все это полетело в пылающий костер. Осужденный был спасен.

Приговор Жану Луи Лушару был последним, по которому парижский окружной суд назначил казнь через колесование.

Меньше чем через год восставший народ взял штурмом Бастилию. Началась революция. Она разрушила весь старый судебный и полицейский аппарат.

Провал и триумф инспектора Горона

27 июля 1889 года день выдался необычайно теплый, а для полиции — просто жаркий, ибо парижская Всемирная выставка притягивала к себе как магнит не только коммерсантов и туристов, но и всякий сброд.

Старый служака Бриссо, комиссар участка в округе Бон-Невиль, собирался уже уходить, когда в комнату вошел человек, назвавшийся Ландри, и сделал заявление:

— Мой свояк, судебный следователь Гуффе, со вчерашнего дня пропал.

— Со вчерашнего дня? О Господи! — Комиссар покачал головой.— А вдруг он просто решил немного развлечься, этот месье Гуффе. Он ведь вдовец.

Встревожились по-настоящему лишь через три дня, когда выяснилось, что Гуффе домой так и не вернулся. Комиссар Бриссо доложил о происшествии руководителю парижской Сюртэ шеф-инспектору Горону. На пропавшего без вести Гуффе в Сюртэ было заведено специальное дело, к которому подключился также следственный судья Допффер.

Шеф-инспектор Горон был в те времена уже очень известным криминалистом, об успехах которого многократно сообщала пресса внутри и вне страны. Описанием его действительных и выдуманных подвигов

в охоте на преступников кормилась куча журналистов, и истории, описанные ими, были очень увлекательными.

Успехи этого маленького, толстенького человечка, мучимого астмой, с непременным пенсне на очень близоруких глазах и щегольски нафабренными усами, объяснялись в основном тремя обстоятельствами: широко разветвленной сетью осведомителей, работавших специально на отдел уголовного розыска, весьма крутыми методами ведения допросов и выработанными многолетней практикой интуицией и настойчивостью. За свою долгую и многотрудную службу в полиции Горон пробил себе дорогу от простого сержанта до шефа Сюртэ.

О «кухмистерской Горона», как называли его способ обращения с подозреваемыми, шла слава по всей Франции, и многие трепетали от страха при одной мысли угодить в нее. Того, кто попадал туда, «варили» до тех пор, пока не «вываривали» последние остатки всего, что он знал. А если одного психологического нажима оказывалось недостаточно, то в ход пускались более убедительные средства — такие, как доведение до полного физического изнеможения путем непрерывных допросов, содержание в темном карцере, пытки голодом и жаждой, соблазн аппетитными блюдами, изысканными напитками и т. д.

Подходящий случай продемонстрировать все блюда своей «кухни» представился Горону и в деле судебного исполнителя Гуффе.

Начал он с того, что подробно осмотрел бюро пропавшего судебного исполнителя. Сейф оказался запертым. На полу возле него валялось восемнадцать обгорелых спичек. Консьержка дома, где помещалось бюро, сообщила, что вечером 26 июля, аккуратно отперев дверь ключом, в бюро Гуффе вошел какой-то мужчина и находился там некоторое время. Она приняла его сперва за Гуффе, но, когда тот выходил, увидела, что это был другой мужчина, незнакомый ей.

Шеф-инспектор Горон понял, что неизвестный, по-видимому, добыл каким-то образом ключ Гуффе и, вероятно, ограбил несгораемый шкаф в его бюро. Деловая репутация судебного исполнителя была безукоризненной, так что о бегстве слуги правосудия, равно как и о самоубийстве, не могло быть и речи. Следовательно, с ним что-то случилось. На основании показаний родственников Горон составил словесный портрет — описание характерных особенностей внешности Гуффе. Согласно ему рост судебного исполнителя был 175 см, волосы он имел густые, каштановые, носил заботливо ухоженную, подстриженную лопаточкой бороду, одет был всегда по моде.

Вооружив этим словесным портретом своих инспекторов, Горон выслал их на розыски на бульвар Оссман и в кафе «Англез», где торговали своей благосклонностью готовые к услугам наиболее дорогие дочери Евы. Ввел Горон в дело и секретных осведомителей, сам же занялся просмотром газет (всех, включая и самые скромные провинциальные листки) — не появится ли где сведений о найденном трупе.

Однако о Гуффе не было ни слуху ни духу. До 16 августа Сюртэ топталась в потемках. Наконец 17 августа Горон наткнулся на две газетные заметки, которые привлекли его внимание к Миллери, маленькой деревне на берегу Роны близ Лиона. Там был обнаружен мешок с трупом. Горон инстинктивно почувствовал, что это связано с делом Гуффе, и принялся тормошить довольно скептически отнесшегося к этой

идее следственного судью Допффера. В конце концов тот сдался и послал телеграфом запрос своему лионскому коллеге Бастиду, который ответил, что лионская полиция незадолго до публикации заметок тщательно обследовала труп и что покойный ни в коем случае не месье Гуффе. Допффер этим вполне удовлетворился, а Горон — нет.

14 августа доктор Бернар из Лиона произвел вскрытие. По его заключению покойный был ростом 170 см, возраста — от тридцати пяти до сорока лет и имел черную бороду и черные волосы. Горон узнал также, что труп поместили в мешок головой вперед и что на нем не было одежды. По сломанной в двух местах гортани доктор заключил, что смерть человека наступила в результате удавления петлей.

В эти же дни один крестьянин, собиравший на берегу Роны улиток, нашел несколько обломков деревянного чемодана, от которых также шел трупный запах. На дощечках еще сохранились два ярлыка французской государственной железной дороги с надписью: «Станция отправления Париж 1231, Париж, 27.7.188..., экспресс 3 — станция назначения Лион — Перраше I». Последнюю цифру года разобрать не удалось. Однако комиссар Ремонденк из лионской Сюртэ был того мнения, что чемодан находился под открытым небом уже больше года, а потому дату следует читать как 26.7.1888...

Горон почувствовал, что напал на след. И хотя сообщенные доктором Бернаром данные вовсе не совпадали со словесным портретом Гуффе, шеф-инспектор был убежден, что покойник из Миллери не кто иной, как разыскиваемый Гуффе. Следственный судья Допффер считал все его умозаключения лишенными здравого смысла, и все же Горону удалось уговорить его послать свояка Гуффе Ландри с инспектором Сюртэ Судэ в Лион для осмотра трупа.

Горон с нетерпением ждал положительных результатов поездки, однако его постигло горькое разочарование. Ландри, увидев труп, едва не потерял сознание и в опознании участия практически не принимал. Впрочем, это любой, хоть раз посетивший лионский морг, вряд ли поставил бы ему в вину.

Человек из Сюртэ оказался более решительным. Он придирчиво рассмотрел волосы покойника и установил, что они ни в коем случае не каштановые, как растительность на голове и подбородке Гуффе, а черные как смоль. Вдобавок ко всему он еще узнал про кучера, который явился в полицию и сообщил, что 6 июля 1889 года его наняли на лионском вокзале трое мужчин с большим тяжелым чемоданом и он отвез их в окрестности Миллери. Кучер опознал в приведенном к тому времени в приличный вид чемодане тот самый, что имели его седоки. Самих же седоков, которых он вез 6 июля, кучер опознал по показанному ему альбому преступников, уверенно указав на снимки троих мужчин, сидящих еще с 9 июля в тюрьме за убийство с целью ограбления. Таким образом получалось, что покойник из Миллери был не Гуффе.

Судэ телеграфировал Горону о результатах своих розысков; труп закопали в Миллери на общинном кладбище.

Итак, первый раунд в деле Гуффе шеф-инспектор Горон проиграл, но отнюдь не сдался и решил вновь обратиться к поискам в Париже.

В сентябре агенты доложили ему, что за два дня до исчезновения, то есть 25 июля 1889 года, судебного исполнителя видели в пивной Гутен-

берга в компании с неким Мишелем Эйро и Габриэлой Бомпар. Впечатление было такое, будто Гуффе связывают с Эйро какие-то дела. Бомпар, столь же красивая, сколь и распущенная двадцатилетняя девица, сопровождала Эйро.

Этот Эйро был известен Сюртэ уже давно. На его счету числились всякого рода мошенничества, и то, что на встречу с жадным на любовь судебным исполнителем он прихватил с собой девицу Бомпар, показалось Горону заранее продуманной игрой.

Шеф-инспектор с большой охотой заполучил бы теперь парочку Эйро — Бомпар в свою «кухмистерскую», да вот беда — с того же самого 27 июля бесследно исчезла и она. Теперь приходилось искать уже не только Гуффе, но и Эйро с Габриэлой Бомпар!

В октябре пресса принялась потихоньку пощипывать Горона, прокатываясь по его адресу в колких заметках. Он клокотал от ярости, но сделать ничего не мог: розыски зашли в тупик. Казалось, что следствие провалилось.

И тут вдруг Горон снова вернулся к своей прежней гипотезе о том, что покойником из Миллери был Гуффе. После этого следственный судья Допффер заявил, что у Горона не все в порядке с мозгами.

С целью осадить ревнивого к успехам, самоуверенного шеф-инспектора он послал в ноябре запрос своему лионскому коллеге о результатах расследования дела об обнаружении трупа в чемодане.

Лионский следственный судья Виаль, занимавшийся этим делом, сообщил, что трое опознанных кучером мужчин все еще упорно отрицают свою причастность к убийству. Между тем кучера, который навел полицию на их след, самого взяли под арест, ибо он признался, что лично присутствовал при том, как чемодан с трупом забрасывали в ежевичные заросли.

Со своей стороны, следственный судья Виаль также просил парижского коллегу Допффера помочь ему кое в чем разобраться. Речь шла о ярлыках на чемодане, который, по мнению лионской Сюртэ, был отправлен из Парижа еще год назад, в 1888 году. Может быть, есть какая-то возможность навести в Париже справки по этому поводу? Виаль прилагал к своему письму эти ярлыки. Таким образом они и попали в руки Горона.

Шеф-инспектор разыскал по ярлыкам вокзал и камеру хранения. Железнодорожному чиновнику поначалу показалось, что розыск чемодана — просто бредовая идея, возникшая у шеф-инспектора от переутомления заботами, связанными со Всемирной выставкой. Однако инспектор был настойчив, а багажные списки, в которые вносились грузы, отправленные экспрессом, хранились в отчетности, и поэтому в конце концов чинуша снизошел до проверки и лениво принялся их перелистывать.

— Что, 27 июля 1888 года? Исключено, месье. В этот день номера 1231 определенно не было,— пояснил он после кратких поисков.

— Посмотрите тогда среди отправок 27 июля 1889 года,— попросил Горон.

Чиновник порылся в своем журнале.

— О господи, месье,— воскликнул он,— вот они!

Действительно, 27 июля 1889 года, а не 1888 года, как считали в Лио-

не, в 11 часов 45 минут на поезд № 3 был выдан чемодан весом в 105 килограммов. Груз предназначался в Лион — Перашше и был снабжен багажным ярлыком за номером 1231.

Итак, как раз в день, когда исчез судебный исполнитель! Наконец-то у Горона была твердая отправная точка для обоснования правильности своей версии. Однако следственный судья Допффер только скептически пожал плечами: «Но ведь этот врач, доктор Бернар, который производил вскрытие, совершенно определенно заключил, что убитый не мог быть Гуффе!»

Горон пренебрежительно сморщил нос. Что деревенский эскулап понимает в трупах? Нет уж, на этот раз его, шеф-инспектора Горона, со следа сбить не удастся. Следственному судье не оставалось ничего другого, как разрешить Горону самому поехать в Лион и разобраться во всем на месте.

11 ноября Горон уже был в Лионе. В тот же день он взял в оборот кучера, якобы перевозившего чемодан. Времени ему на это потребовалось совсем немного: кучер признался, что все сказанное им ранее — ложь. Он утверждал, что хотел только сделать так, чтобы полиция осталась довольна и чтобы его не лишили патента на профессию.

Еще более неуютно почувствовали себя лионские власти, когда Горон потребовал немедленной эксгумации и производства новой экспертизы трупа.

Следственный судья Виаль всячески упирался, а прокурор Берар просто умолял оставить труп в покое. Но Горон ни с какими аргументами не соглашался.

12 ноября покойника из Миллери вскрыли. На этот раз вскрытие производил руководитель кафедры судебной медицины, основанной при лионском университете в 1880 году, профессор Лакассань, который приходился, между прочим, шурином прокурору Берару.

Лакассань был одним из самых опытных судебных медиков своего времени и постоянно стремился всячески обогатить арсенал этой, тогда ещё очень молодой, науки. Он принялся за работу. Ассистировал ему доктор Ролле.

Доктор Ролле проводил по инициативе Лакассаня специальные исследования с целью определения возраста человека по его скелету и даже опубликовал об этом научный трактат. Теперь они с Лакассанем решили препарировать скелет и измерить каждую отдельную кость с точностью до миллиметра. И тут была обнаружена первая ошибка в заключении доктора Бернара: рост убитого был не 170, а по меньшей мере 178,5 сантиметра.

Однако Гуффе, по описаниям близких, имел рост 175 сантиметров, так что от этого Горон ничего не выигрывал. Гуффе служил в армии, а в армии производят антропометрические измерения. Шеф-инспектор Горон решил связаться с парижской военной администрацией. Ответ оттуда подтвердил выводы Лакассаня и Ролле: в военно-учетной карточке Гуффе значилось, что его рост 178 сантиметров.

Между тем профессор Лакассань внимательнейшим образом изучил кости ног трупа и обнаружил их деформацию в двух местах. Одно место находилось на правой коленной чашечке, вероятно, покойный при жизни страдал костным туберкулезом. Но тогда, как заявил профессор Лакас-

сань, человек должен был хромать. Второе место — это повреждение на пяточной кости, которое можно было объяснить несчастным случаем. Снова полетели в Париж телеграммы Горона. И вот результат: оказалось, что еще в детские годы Гуффе упал и сильно ушиб ногу. В результате этого в области пяточной кости у него возникло воспаление. Кроме того, он неоднократно лечился по поводу скопления жидкости в коленном суставе. Родственники Гуффе, его лечащий врач и сапожник подтвердили также, что судебный исполнитель слегка хромал и старался всячески скрыть этот дефект.

Итак, на руках у Горона оказался теперь козырь № 2.

А профессор Лакассань продолжал свою экспертизу, и скоро этих козырей стало уже четыре.

Доктор Бернар оценил возраст покойного от 35 до 45 лет. Лакассань исследовал у трупа зубы и пришел к заключению, что мужчина старше, ему было около 50 лет. Гуффе же имел возраст как раз 49! Это был уже козырь № 3.

И, наконец, Лакассань занялся волосами трупа. Горон немедленно затребовал из Парижа щетку, которой Гуффе причесывался. Профессор Лакассань хорошенько промыл со щелоком прядь волос, срезанную с головы трупа. И что же: она стала каштановой! Тогда он измерил диаметр волос, сравнил его с волосами, сохранившимися на щетке Гуффе, и установил, что здесь тоже имеется полное соответствие! Это было козырем № 4.

После девятидневной работы, 21 ноября 1889 года, экспертиза была наконец закончена. Профессор Лакассань склонился в вежливом поклоне перед трупом и сказал: «Господа, я передаю вам месье Гуффе!»

Вывод доктора Бернара о том, что Гуффе был удушен с помощью петли, профессор Лакассань также не подтвердил. По его мнению, Гуффе задушили голыми руками. И в этом он тоже оказался прав.

Шеф-инспектор Горон с триумфом возвратился в Париж. Французская пресса снова вознесла его на пьедестал почета. К национальным героям был причислен и профессор Лакассань. Газета «Пти журналь» писала тогда: «Идентификация покойника из Миллери — километровый столб истории криминалистики!»

Итак, Горон знал теперь, что сделали с Гуффе, но кто его убийца — пока нет. Решающее звено в цепи между убийцей и жертвой — мотив преступления. В деле Гуффе этот мотив отчетливо не просматривался. Судя по всему, судебный исполнитель стал жертвой убийства с целью ограбления. Убийцей мог быть Эйро, вместе с которым Гуффе видели в день его исчезновения, но почти с такой же вероятностью им мог быть и кто-либо другой. Даже если Горон, движимый своей интуицией, подозревал в убийстве именно Эйро и его возлюбленную, то доказать это было бы крайне тяжело. Поэтому главной отправной точкой для дальнейших розысков теперь стал чемодан, в котором перевозили труп.

Шеф-инспектор приказал изготовить точную копию этого чемодана и выставить ее в парижском морге. Рядом с экспонатом висела табличка, содержащая вопрос о происхождении чемодана. Кроме того, изображение чемодана появилось в прессе. В этот день, 26 ноября, к Горону явился мастер по чемоданам и объяснил, что оригинал наверняка ан-

глийского изготовления. Во Франции, как уверял мастер, такие определенно не изготовляют.

Несколько дней спустя шеф-инспектор получил письмо из Лондона, в котором проживающий там француз сообщал, что некоему Мишелю, тоже французу, снимавшему одно время у него комнату, где тот жил вместе с дочерью, в июне фирмой «Цванцигер» в Лондоне был изготовлен в точности такой чемодан, как выставленный в Париже.

Горон послал в Лондон чиновника с соответствующими фотоснимками. И след оказался настолько горячим, что шеф Сюртэ сам помчался в Лондон с обломками оригинала. Там он выяснил, что этот Мишель, который заказывал чемодан в фирме «Цванцигер», был в действительности не кем иным, как Эйро, приезжавшим из Парижа. Его же спутница была вовсе не дочерью, как он ее там представил, а любовницей по имени Габриэла Бомпар.

Вернувшись в Париж, Горон снова двинул в поход все свое полицейское войско. Добытая таким образом информация помогла уточнить многие детали, однако никаких намеков на местопребывание Эйро и Габриэлы Бомпар получить не удалось. Должно быть, они все еще находились где-то за границей. Во французских и зарубежных газетах были опубликованы обстоятельные объявления о розыске. И тут у Эйро не выдержали нервы. В январе 1890 года он написал на имя шеф-инспектора Горона письмо на двадцати страницах. Письмо было с нью-йоркским штемпелем и содержало жалобу на то, что розыскные мероприятия Сюртэ порочат его доброе имя. Одновременно Эйро обвинял свою эксвозлюбленную Бомпар в том, что это она вместе со своими многочисленными любовниками убила Гуффе. Позднее он написал еще два письма такого же рода.

Однако Габриэла Бомпар тоже не осталась в долгу и, со своей стороны, предприняла сомнительную попытку уклониться от грозившего ей ножа гильотины. 22 января она рискнула появиться прямо в пасти льва и потребовала проводить ее к Горону. Правда, не одну, а в сопровождении некоего состоятельного американца, которого подцепила где-то мимоходом. Этот преступный тип, как выразилась она об Эйро, прошлым летом гнусно обманул ее и воспользовался ее доверием. Мало того, что Эйро принуждал Бомпар сожительствовать с другими мужчинами, он еще без ее ведома использовал бедняжку в качестве приманки, чтобы заманить Гуффе в западню, устроенную к тому же в ее собственной квартире на Рю Тронсон-Дюкундри. Если бы она только могла тогда представить, что этот Эйро свернет судебному исполнителю шею!

Шеф-инспектор Горон удовлетворенно кивнул и тут же арестовал ее. Час спустя она уже потела в его «кухмистерской». В данном случае это означало голод, непрерывные допросы днем и ночью, «подсадную утку» в качестве общества в камере и изматывающие нервы поездки на место преступления, где ей то устраивали очную ставку с хозяйкой квартиры, то показывали чемодан, в котором нашел последний приют убитый Гуффе.

И Габриэла Бомпар стала понемногу сдаваться. На каждом допросе

она постепенно отступала от своих прежних показаний и в конце концов обрисовала истинную картину убийства: 26 июля по указанию Эйро она пригласила к себе на квартиру Гуффе, где Эйро его задушил.

Затем сообщники завернули труп в клеенку, упрятали его в мешок, перевязали веревкой и засунули в чемодан, железные скобы которого за день до убийства по заказу предусмотрительной Бомпар были сделаны более крепкими приглашенным для этой цели слесарем.

На следующий день чемодан с трупом отправили в Лион, откуда его переправили в Миллери и выбросили на берегу Роны.

19 мая 1890 года Эйро был арестован в Гаване кубинской полицией и в сопровождении двух инспекторов Сюртэ доставлен в Париж.

Семь месяцев спустя, 16 декабря 1890 года, перед судом присяжных департамента Сены начался процесс об убийстве Гуффе. Эйро приговорили к смерти, Бомпар — к двадцати годам каторжных работ.

Во время процесса в Париже можно было приобрести особого рода сувенир: чемоданчик, в котором лежал маленький свинцовый труп. На чемоданчике была надпись: «Дело Гуффе».

Из серии «Грабители».
Рисунок из французского журнала «Полис Насиональ».

«AUSTRALIAN POLICE» — SYDNEY

Адриан МАК-ГРЕГОР

Петля над судейским столом

В пятницу в пятом часу пополудни мать и дочь вместе вышли из булочной и собирались пойти домой. Дочь, взяв оставленный ею у входа велосипед, сказала матери: «Ты иди домой напрямую через парк, а я поеду вокруг».

Подходя к дому, Линда Кинги была уверена, что дочь уже ждет ее у входа. Но Шиан, к удивлению матери, там не было. Не было и ее велосипеда на том месте, где девочка обычно оставляла его, входя в дом.

Немного постояв у входа и не дождавшись дочери, миссис Кинги решила, что девочка встретила по дороге кого-то из друзей и задержалась с ними. Такое случалось. В свои двенадцать лет Шиан была очень самостоятельной и общительной девочкой. Рослая, загорелая, голубоглазая, с густыми длинными золотистыми волосами — ее знали и любили все в округе. Поэтому поначалу мать не встревожилась и спокойно занялась домашними делами.

Если бы только она знала!..

...Барри Джон Уоттс и Велмэ Фей Бек попали в тихий чистенький приморский городок Нузу в общем-то случайно. Путешествуя в своем стареньком белом пикапе по дорогам округа Куинзленд, они остановились там пообедать, и городок им очень понравился. После обеда они долго кружили в автомобиле вдоль пляжа и по улицам, внимательно глядя по сторонам, пока наконец не остановились в тени деревьев на дороге, окружавшей городской парк.

К своим тридцати пяти годам Барри Уоттс прожил довольно бурную жизнь, изрядно помявшую его душу и покрывшую его тело пятнами татуировок. Его подруга Велмэ Фей Бек, лишь год назад ставшая ему законной женой, была на десять лет старше. Эта разница в возрасте и, прямо скажем, малопривлекательная внешность Велмэ заставляли ее с самого начала их отношений ощущать комплекс неполноценности. Во всем потакая Барри, она постепенно дошла до состояния полного ему подчинения. Боясь, что он может ее бросить, она была готова сделать для него все. Ее рабское подчинение наполняло Уоттса чувством гордости и самоуверенности.

Единственное, из-за чего меж ними случались ссоры, была страсть Уоттса к девочкам школьного возраста. Но и в этих размолвках он одерживал верх. Убеждал свою подругу в том, что если она его действительно любит и хочет сохранить их брак, то должна помочь ему дать выход переполнявшей его агрессивности. Он уверил ее в том, что, поимев сексуальный контакт с невинной девочкой, он не будет обращать внимания на посторонних женщин.

Шиан Кинги за три дня до смерти.

Вот и теперь, покинув западную Австралию с собранной Уоттсом коллекцией порнографических видеофильмов с несовершеннолетними героинями, они через Мельбурн отправились на автомобиле в Куинзленд. Там, в пятидесяти километрах от Брисбена, сняли небольшой домик в сельском поселке Лоувуд. Оттуда, задумав прокатиться по побережью, и прибыли в Нузу.

Несмотря на то, что он был за рулем, Уоттс в тот день уже изрядно накачался пивом, пустые банки от которого во множестве валялись на полу автомобиля. И вот, приблизительно в половине третьего, когда по

Арест.
Убийца
и его подруга.

◀ *Полиция ищет свидетелей. Там, где девочку видели в последний раз, установили ее муляж.*

Жители города требуют казни преступников.

Каждый день во время процесса они вешали у двери суда символическую петлю.

улицам городка группами и поодиночке потекла детвора, возвращавшаяся из школы, Уоттс сказал своей спутнице: «Сегодня пришел тот день».

Они долго ездили по улицам, высматривая стройную девочку не старше тринадцати лет. Но каждый раз, когда казалось, что жертва определена, им что-то мешало ею завладеть. То родители были рядом, то друзья, то случайные прохожие. Бек сказала, что она устала от этой напряженной и безуспешной охоты, и предложила остановиться передохнуть.

Уоттс затормозил у парка, и минут пятнадцать они сидели в машине, тихо переругиваясь, до того момента, когда Уоттс вдруг напрягся и почему-то шепотом воскликнул: «Вот она! Девчонка на велосипеде. Выходи! Быстро! Останови ее! Спроси что-нибудь!..»

Стройная, спортивная, не по годам рослая, загорелая, с развевающимися по ветру золотыми волосами — воплощение детской чистоты и невинности, Шиан стремительно приближалась к белому пикапу на своем велосипеде. Она была именно той девочкой, о которой мог только мечтать в своих сексуальных фантазиях Уоттс. Он нетерпеливо подтолкнул Бек, которая, открыв дверцу автомобиля, спросила подъехавшую девочку, не видела ли она убежавшего из их машины белого пуделя в розовом ошейнике.

Шиан остановилась и ответила, что нет, не видела. Бек вышла из машины и продолжила разговор, отвлекая на себя внимание девочки, в то время как Уоттс подкрадывался к ней сзади. Вот он совсем близко. Резкий взмах рук — и рот девочки туго перехвачен заранее приготовленным полотенцем. Две-три секунды, и Уоттс кидает ее на заднее сиденье автомобиля. Вслед за ней туда же, чтобы держать жертву, бросается Бек. Уоттс прыгает на водительское место, и белый пикап уносится прочь, оставляя на дороге брошенный подростковый велосипед.

В каких-то ста пятидесяти метрах от того рокового места, в пределах прямой видимости, была бензоколонка, где мелькали люди. Совсем близко, метрах в пятидесяти, за деревьями, по другой дороге проносились автомобили. Неподалеку в парке прогуливались люди. И надо же было так случиться, что в те роковые секунды никто не бросил взгляда в сторону белого автомобиля, около которого остановилась девочка, ехавшая на велосипеде...

...Солнце склонялось к закату, а Шиан все не появлялась. Линда Кинги, бросив дела, побежала искать дочь по соседям. Уже начало смеркаться, когда к ней присоединился приехавший с работы ее муж, Барри. Безрезультатно обегав известных ему друзей дочери, он в 8 часов 15 минут вечера, уже в темноте, с фонарем решил пройти тем путем, по дороге вокруг парка, которым должна была ехать Шиан. И там, к своему ужасу, вдруг обнаружил валявшийся на обочине под деревьями ее велосипед.

В 8 часов 40 минут супруги Кинги были в полиции и положили на стол фотографию пропавшей девочки...

...Тремя часами раньше, когда ничего не подозревавший Барри Кинги, заканчивая работу, собирался ехать домой, потрепанный белый пикап со связанной девочкой на заднем сиденье свернул с загородного шоссе на узкую дорожку, которая вела в глубь покрывавшего холмы леса. Про-

ехав по ней километра два, Уоттс свернул меж деревьев в чащу и тут же остановился, заглушил мотор и вышел из машины. Он дал Бек ножницы и приказал, чтобы она освободила девочку от веревок. Потом, уже ножом, Бек распорола трусы девочки и отбросила их в сторону.

Страшная мука Шиан началась...

На часах было около шести.

В семь часов, бросив безжизненное тело девочки в лесу, Бек и Уоттс уже оставили окрестности Нузы и мчались в своей машине по шоссе к дому. Бек плакала. Уоттс, стараясь ее отвлечь от случившегося, болтал о каких-то пустяках. По пути он выбросил, предварительно завернув в простыню, окровавленный нож, веревку и ремень, которым вязали Шиан... Проезжая Брисбен, они купили молока и еду для кошки. В 10 часов приехали в Лоувуд. Дома Бек тут же бросила в стирку всю их одежду, перепачканную грязью и кровью...

...В тот вечер в полицейском участке дежурил сорокалетний сержант Боб Эткинсон, старший из двух детективов Нузы. У него была дочь-школьница, и Шиан Кинги он хорошо знал в лицо.

Вместе с супругами Кинги Эткинсон поехал на место, где был найден брошенный велосипед Шиан. По дороге полицейский утешал родителей тем, что, может быть, их дочь, как это иногда бывает в этом возрасте, решила убежать из дома. Он старался говорить уверенно, но с самого начала чувствовал, что дело намного хуже и, судя по всему, нужно готовиться к наихудшему его исходу.

В 11 часов пять минут вечера сержант позвонил в редакцию местной газеты «Саншайн Кост дейли» и попросил задержать выпуск, чтобы обязательно утром в газете было помещено фото пропавшей девочки, сообщение об обстоятельствах ее исчезновения и просьба ко всем гражданам, кто хоть чем-то сможет помочь поискам, срочно обратиться в полицию.

Той же ночью Эткинсон сообщил о случившемся в Саншайн Кост своему начальнику Нейлу Магнуссену.

В пять утра в субботу полиция начала широкомасштабную операцию расследования пропажи Шиан Кинги.

...В Лоувуде Барри Уоттс проснулся в то утро необычно рано и прежде всего тщательнейшим образом вымыл свою машину, особенно изнутри: чтобы там не осталось ни одного волоска с головы несчастной девочки.

Потом он спокойно и медленно прочел сообщение в утренней газете об ее исчезновении. Позже, уже вместе с Бек, вернувшейся с покупками из магазина, они смотрели и слушали то же в программе местных теленовостей.

Бек говорила, что она очень боится последствий случившегося. Уоттс успокаивал ее, убеждал, что уж на ней-то вообще нет никакой вины. Да и сам он за собой особой вины не чувствует. Ночью он был с женой необыкновенно нежен и ласков.

В понедельник в Нузе начала работать специально прибывшая из Брисбена команда детективов во главе со старшим сержантом Бобом Дэллоу. Из пятнадцати тысяч жителей города в полиции побывал каждый двадцатый. Более семисот человек сообщили какие-то сведения, имевшие, как им казалось, отношение к пропаже девочки, и практически все эти сигналы при проверке ничего не дали. За исключением двух фактов. То, как, выйдя из булочной, Шиан поехала на велосипеде по дороге вокруг парка, видели многие. Стоявший на той дороге белый нездешний автомобиль — пикап 73-го года выпуска — мелькал в показаниях многих людей постоянно. Разные люди вспоминали о нем разные детали: кто-то заметил особые колеса, другим бросились в глаза чуть притемненные стекла, занавески или цвет обивки салона. Некоторые утверждали, что на крыше машины был прикреплен багажник. Другие это опровергали. Но все сходились в одном — пикап марки «холден» белого цвета. Десятки полицейских в штатском прочесывали город.

Услышав обо всем этом по радио, Бек срочно перекрасила себе волосы. На следующий день пошел в парикмахерскую и совершенно изменил свою прическу и Уоттс. Тогда они еще не знали, что один из свидетелей запомнил и сообщил старшему констеблю Алану Бурку номер их автомобиля — LLE-429.

Не прошло и получаса, как компьютер выдал имя владельца — Велмэ Фей Бек. Но это еще ни о чем не говорило. Имя Бек полиции было неизвестно, и, кроме того, тот же компьютер сообщил, что только в провинции Куинзленд зарегистрировано 17 тысяч пикапов марки «холден». И десять тысяч из них — белые. Начали проверять всех. Напечатали специальные карточки, которые выдавались водителям на руки, и те во избежание новых проверок постоянно держали их при себе вместе с правами на вождение автомобиля и его страховым полисом.

В официальной регистрационной карточке автомобиля Велмэ Бек местом ее постоянного проживания был указан Мурулбарк, небольшой городок вблизи Кройдена, в 33 километрах от Мельбурна. Тут же запросили местную полицию и получили ответ, что по указанному адресу проживает престарелый Роланд Уоттс, отчим Барри Джон Уоттса, мужа Велмэ Фей Бек. Эта пара, замешанная в ряде преступлений, некоторое время жила в западной Австралии, а теперь, по сведениям местной полиции, отправилась в Куинзленд. Вскоре на столе следователей были уже и их фотографии.

Вечером в среду восемнадцатилетний Нейл Кларк, возвращавшийся домой через лес, ощутил странный запах. Дома у телевизора, когда пошла информация о поисках Шиан, его вдруг осенило: «Там, в лесу, наверное, был ее труп!»

Утром он поспешил в лес — и его догадка подтвердилась. Когда это стало известно в штабе поиска, в шумной только что комнате воцарилась гробовая тишина.

«Я уверен,— прервал молчание Боб Дэллоу,— что каждый из нас

понимал, что девочки наверняка нет в живых. И все же мы старались поддерживать надежду. Теперь и ее нет. Ну что же, поехали на место преступления...»

То, что они там увидели, потрясло даже крутых детективов. «Бедная девочка!» — почти в унисон проговорили Эткинсон, Магнуссен и Дэллоу. Двое следовавших за ними сержантов, отвернувшись от страшной картины истерзанной девочки, вытирали глаза.

Медэксперты обнаружили многочисленные ссадины и порезы на шее девочки и двенадцать глубоких ножевых ран на груди, три из которых прошли через сердце.

Эткинсон и Магнуссен приехали в дом Кинги, чтобы сообщить родителям девочки страшную весть.

...В первые дни после преступления Уоттс испытывал все нараставшую уверенность в том, что его не ищут. Но после того как, в газетах сообщили об обнаружении трупа девочки, он приказал Бек немедленно собираться, чтобы ехать в Мельбурн и там быстро продать машину. Уехав, они надеялись, когда все успокоится, вернуться в Лоувуд, поэтому не отказались от аренды своего жилья.

А в штабе поиска в Нузе детективы искали убийцу девочки, И, как всегда в таких громких делах, время от времени в полицию приходили с повинной не те. Появлялись душевнобольные, готовые сознаться в страшном преступлении только для того, чтобы их имя и фотографии появились на первых полосах газет.

Вслед за фотографиями Уоттса и Бек были получены документы из полицейских архивов. Они свидетельствовали о том, что он был замешан в вооруженном ограблении, а она — в воровстве и мошенничестве.

Каждый раз при взгляде на фотографию Уоттса Боб Дэллоу говорил: «Очень не нравится мне этот тип». Но все это пока были одни лишь смутные подозрения и догадки и никаких, даже косвенных, улик. Поэтому-то и Уоттс, и Бек не выделялись из круга лиц, частично подозреваемых, которых у полиции было тогда очень много.

Шиан похоронили. Над могилой один из ее друзей читал отрывок из ее любимой сказки о Питере Пене: «Когда первый на свете ребенок засмеялся в первый раз, этот смех, разбившись на тысячи кусочков, запрыгал вокруг — это было начало праздника».

А потом оркестр играл песню Джона Леннона «Имэйджин», которую так любила Шиан.

В тот же день Боб Эткинсон узнал, что Уоттс и Бек пытались похитить двух молоденьких сестер милосердия из госпиталя в Ипсвиче. Выйдя из машины, Уоттс настойчиво приставал к одной из них и отстал лишь после того, как рядом появились прохожие. Вторую, чуть позже, пыталась втянуть в разговор Бек, и девушка спаслась тем, что наглухо заперлась в своей машине.

Было еще несколько случаев приставания, и один из свидетелей запомнил номер подозрительного пикапа — LLE-429.

Лишь позже выяснилось, что он перепутал среднюю цифру — не три, а два,— и поэтому следствие в Ипсвиче, которым занимался констебль Грэм Хэлл, пошло по ложному пути. Вышли на совершенно непричастного к делу человека, которого, допросив, тут же отпустили.

Констебль не отступал, понимая, что в номере машины ошибка, и искал другие комбинации цифр при помощи компьютера и объявлений в газетах. Последнее чуть было не привело к цели. Появилась свидетельница, заявившая, что номер разыскиваемого белого пикапа — 429. И это было точно. Но она в то же время упорно уверяла, что в составе букв присутствовало F. И это было новой ошибкой, уведшей следствие в никуда.

Ах, если бы не это! Может быть, тогда не произошло бы трагедии в лесу в окрестностях Нузы.

Официально так и не начатое дело о приставании в Ипсвиче заглохло, но констебль Хэлл его не забыл. И вот однажды, уж месяц спустя, зайдя в управление в свой свободный от работы день и по привычке просматривая ленту оперативных сообщений, он, вчитавшись в информацию из Нузы, вдруг увидел номер LLE-429. «Вот он! — вскрикнул он громко, перепугав находившихся в комнате коллег.— Это она, моя машина!»

Он тут же позвонил в Нузу Бобу Эткинсону, сказав: «Мне кажется, я могу вам помочь».

Это был первый настоящий прорыв в деле поиска убийцы Шиан Кинги. Наконец-то из тысяч белых пикапов к одному из них был обнаружен пусть слабый, но все же первый след.

На следующий же день констебль Хэлл с группой детективов из Ипсвича отправились в Лоувуд, где начали обходить магазины и автомобильные стоянки, показывая людям фотографии Уоттса и Бек. И их узнали. Соседи вспомнили и то, как тщательно мыл Уоттс салон своей машины. И даже более — рассказали о явно нездоровом интересе Уоттса к детям, и особенно к девочкам.

Получив ордер на обыск, констебль Хэлл направился к дому, где жили подозреваемые. Найдя дом закрытым, по газетам, оставленным почтальоном, детектив определил дату отъезда хозяев. Затем по денежному переводу в оплату за аренду домика определили, что Уоттс находится в курортном городе Энтранс, километрах в ста к северу от Сиднея. Через несколько часов там уже работали десять детективов в штатском. И не прошло и двух дней, как один из них засек автомобиль Уоттса, проследовал за ним к мотелю «Тьенда» и установил, что он живет именно там.

Получив сообщение об этом, Эткинсон и Магнуссен тотчас же вылетели из Нузы самолетом в Сидней, а оттуда уже на машине отправились в Энтранс.

Автомобильные эксперты тем временем нашли автомобиль, который Уоттс имел до покупки белого пикапа. Обследовавшие его эксперты

определили, что в кармане водительской двери ранее хранился револьвер. И это сходилось с тем, что в то время, когда хозяином того автомобиля был Уоттс, он разыскивался полицией за вооруженное ограбление. И то дело было еще не закрыто.

Итак, Уоттса можно было брать.

При аресте Уоттс и Бек вели себя почти спокойно. Они знали, что их ищут по старому делу. Когда же в полицейском управлении зашел разговор о преступлении в Нузе, Уоттс замкнулся и начал начисто отрицать все подряд. Не признавал даже своего имени и фотографии.

Бек давала показания явно по версии, придуманной Уоттсом. Позже выяснилось, что он приказал ей никогда ни в чем не признаваться и никогда и никому не верить, что будто бы «раскололся» он. До тех пор, пока она не услышит этого из его собственных уст.

После долгих допросов, первой запутавшись во лжи, начала сдаваться Бек. Потом «поплыл» и Уоттс, ответивший на прямой вопрос об убийстве девочки: «Я был пьян. А когда я пьян, я не помню ничего из того, что делаю».

После первых допросов преступников перевезли в Нузу. Там их поместили вместе в камеру, где с разрешения Верховного суда были скрытно установлены микрофоны звукозаписывающего устройства. Это дало кое-какую информацию. Но больше всего успеху следствия содействовал допрос Бек сержантом Эткинсоном, который очень умно сыграл на женских, материнских струнах ее души. Он уже знал к тому времени, что у Бек было от разных браков шестеро детей. «И как могли вы,— воскликнул детектив,— женщина и мать, не воспротивиться тому, что в вашем присутствии и с вашей помощью делал с Шиан Барри Уоттс!»

И тут она «сломалась». Попросила воды и, обливаясь слезами, начала рассказывать все с самого начала.

Ее исповедь, записывавшаяся на магнитофон, началась в десять вечера и закончилась в 7 часов 33 минуты утром следующего дня.

Во всех подробностях рассказала она и о той самой страшной сцене в лесу. О том, как, кончив свои сексуальные издевательства над девочкой, Уоттс сказал: «Вот и все кончено. Все!»

«Ну, теперь-то мы можем наконец оставить ее и ехать домой?» — спросила Бек, на что Уоттс, матерно выругавшись, ответил: «Дура! Как же я могу оставить ее здесь живой? Для того, чтобы она меня выдала?»

Уоттс заставил Шиан одеться. После этого связал ей веревкой руки и ноги и положил на землю лицом вниз. Взял у Бек ремень и, накинув девочке на шею, стал его затягивать.

«Мне больно!» — сказала она. Уоттс стал коленом ей на спину и затянул ремень изо всех сил.

«Я не смогу забыть этого никогда! — всхлипывала Бек, говоря о последних секундах жизни Шиан.— Этот страшный звук! Он будет преследовать меня до конца дней!..»

Перевернув задушенную девочку лицом вверх, Уоттс взял нож и начал исступленно кромсать им ее уже безжизненное тело.

Устав, встал, отряхнул грязь с коленей, отволок труп Шиан в сторону и бросил в кусты...

Когда протокол этих показаний предъявили Уоттсу, он сказал: «Все это слова. Вам нужно будет еще доказать, что это правда».

Из заслушанных судом отрывков скрытой записи разговоров в камере всех собравшихся в зале суда больше всего поразил следующий:

«Уоттс: И ты действительно считаешь меня сумасшедшим?

Бек: Да. Ну, изнасиловать кого-то — ладно. Но хладнокровно убивать и потом ни чуточки не сожалеть об этом!.. Ты сказал мне, что тебе на это плевать. Но этого не может быть.

Уоттс: Я бы хотел сделать все это снова.

Бек: Что?

Уоттс: Я хотел бы сделать все это снова.

Бек: Вот видишь! И ты не хочешь признать, что ты ненормальный.

Уоттс: Но ты тоже хочешь этого.

Бек: Что?

Уоттс: Ты тоже хочешь этого. Ты хочешь сделать это снова...»

С тайным агентом полиции, которого под видом арестанта-сокамерника подсаживали к Уоттсу, чтобы получить какую-то дополнительную информацию, после окончания его миссии произошел нервный срыв. Он раньше срока подал в отставку по причине полного расстройства здоровья. «Главная причина этого,— сказал он,— это то, что я узнал и пережил в ходе следствия по делу об убийстве Шиан Кинги».

Процесс Уоттса и Бек открылся накануне того дня, когда их жертве должно было бы исполниться тринадцать лет.

Приговор суда гласил: Велмэ Фей Бек — три года тюрьмы за похищение, 10 лет за изнасилование, пожизненное заключение за умышленное убийство.

Барри Джон Уоттс — три года тюрьмы за похищение, 15 лет за изнасилование и пожизненное заключение за умышленное убийство.

На тюремном деле Уоттса, кроме того, поставлен штамп: «Не подлежит освобождению никогда».

На протяжении всех трех дней процесса у двери суда постоянно появлялась грубая веревка с петлей на конце. Так по традиции австралийская публика дает понять судьям, что простые люди требуют от них смертного приговора. Полиция постоянно снимала эти веревки, но они постоянно появлялись вновь. В течение всех трех дней.

Никогда еще нам с инспектором Ж-7 не приходилось участвовать в столь ужасном деле. Оно навсегда осталось для меня душераздирающим кошмаром...

...Эта история приключилась в океане напротив Ла-Рошели, там, где два больших острова — Рэ и Олерон — параллельно лежат вдоль берега, прикрывая собой бухту, которая некогда имела для Франции большое стратегическое значение. Наполеон, в свое время укрепляя оборону этого района, приказал понастроить здесь множество отдельных фортов, которые и поныне высятся средь волн.

Наиболее известный и мрачный из них — это форт Байяр, по сравнению с которым своды самой страшной тюрьмы могут показаться приятной обителью.

В самом центре бухты, на расстоянии приблизительно в милю от Байяра, расположен остров Д'Экс, на котором проживает сотня жителей, зарабатывающих себе на хлеб ловлей рыбы и устриц.

Климат тут жесткий, погода постоянно дурная, даже в самые теплые времена года. В ноябре же она становится просто зловещей: море беспрерывно штормит, и жители острова Д'Экс неделями остаются без какой бы то ни было связи с материком.

Мы высадились на остров в полдень одного туманного дня и увидели, что в окнах домов уже горели керосиновые лампы. Создавалось впечатление, что уже спустились сумерки.

Нам первым делом сообщили, что волнение местных жителей, вызванное делом, которое привело нас на этот остров, еще не утихло, хотя первая его волна уже спала.

Инспектор попросил указать ему, где живет Жорж — единственный рыбак на острове, который владел небольшой одномачтовой рыбацкой шхуной.

Мы застали его сидящим у огня в окружении жены и троих детей. Это был мужчина лет сорока, высокого роста, атлетического телосложения, суровый с виду, но весь облик которого являл в то же время удивительное спокойствие. И казалось странным, что именно этого человека общественное мнение сограждан обвиняло в ужасном преступлении.

Мне показалось, что глаза его жены, как и у него самого, были тоже какими-то потухшими. Даже малыши и те были явно подавлены той атмосферой всеобщей подозрительности, которая нависла над их домом.

Наш разговор был немногословным:

— Не могли бы вы доставить нас в форт?

Поначалу мне показалось, что Жорж не слышал или не понял вопроса. Потом он, не шелохнувшись, негромко спросил:

— Сейчас?

— Да, сейчас.— И инспектор показал ему свой полицейский жетон.

Тогда Жорж встал, снял с гвоздя на стене свою штормовку и накинул ее на плечи. Затем, сбросив деревянные башмаки, он переобулся в сапоги. На какое-то мгновение его критический взгляд задержался на нашей городской одежде, как бы говоря: «Ну что же. Тем хуже для вас!»

Четверть часа спустя мы были уже в море, где нам пришлось крепко вцепиться в ванты его шхуны, так как качало и бросало ее в волнах нещадно. Наши взгляды были прикованы к хмурым стенам форта Байяр, контуры которого едва вырисовывались в тумане.

Стиснув зубы, Жорж, как монолит, крепко стоял за штурвалом, удивляя меня и инспектора необычайным спокойствием как в движениях его мощного тела, так и в выражении его голубых глаз...

Я в который уже раз перебирал в уме все то, что нам было пока известно по приведшему нас сюда делу. Началось с того, что восемь дней назад какая-то яхта, плававшая в прибрежном районе, случайно пришвартовалась к железному трапу, чудом уцелевшему у одной из стен форта Байяр.

Местные рыбаки избегают это крайне опасное место, усеянное остры-

ми скалами, и бывают там только в случаях крайней необходимости. Им хорошо известно, что стены старого форта очень непрочны, и хотя узкая щель в стене позволяет проникнуть внутрь руин, такого желания никогда ни у кого не возникало из боязни, что в любой момент на голову могут обрушиться падающие время от времени камни.

Хозяева же той, чужой в этих местах, яхты, будучи не местными, легкомысленно рискнули высадиться в форте и сделали вдруг там чудовищное для островитян открытие:

— В форте жил человек! И это была женщина!

Нужно было видеть это место, чтобы понять, сколь поразительно это открытие!

Я вспомнил, сколько раз читал и слышал слова сочувствия смотрителям маяков, заброшенным судьбой на безлюдные скалы на просторах океанов и морей. Но на тех маяках все-таки можно жить! И хоть крайне трудно, но живут там люди.

В форте же Байяр жить человеческому существу просто невозможно. Со всех сторон дует ветер, а сверху через крышу, от которой осталось лишь название да несколько балок, хлещет дождь.

...И все же там обнаружили женщину. На ней не было никакой одежды, и первым ее движением при виде незнакомцев была попытка к бегству.

Сейчас, когда мы подплывали к месту ее обитания, это существо находилось в Ла-Рошели, в больнице, в окружении целой армии врачей. Они определили, что это девушка приблизительно восемнадцати лет, не знавшая никакого человеческого языка. Она бросала вокруг себя тревожные взгляды затравленного зверька и с жадностью набрасывалась на пищу.

Я вспомнил, как фотографию этой девушки поместили все газеты с просьбой откликнуться всех, кто ее опознает или сможет хоть что-то прояснить в ее судьбе. Очень долго никто не объявлялся, пока не приехал один голландец, заявивший, что опознал по фотографии таинственную личность. Он сказал, что это Клара ван Гиндерталь, похищенная в Париже тринадцать лет назад в возрасте пяти лет...

— Постарайтесь накинуть веревку на поручень старого трапа,— крикнул Жорж инспектору. Сам же он, вцепившись в штурвал, всеми силами старался как можно аккуратнее подвести наше судно к стене форта, где торчали остатки когда-то бывшего там причала.

Наконец инспектору удалось уцепиться за железную ступеньку трапа, набросив на нее якорную цепь, и мы в конце концов смогли сойти на землю и начать осмотр форта.

Ну что вам о нем сказать?

Четыре ветхие полуразвалившиеся каменные стены, меж ними хаос обрушившихся камней, перемешанных с водорослями и мусором, выброшенными морем.

Я представил себе полуголую, промокшую, промерзшую девушку, свернувшуюся клубочком в одном из углов этих безжизненных руин. Пытался представить себе и того человека, который наверняка привозил ей сюда пищу, и машинально повернулся к Жоржу. Тот стоял молча и, казалось, оставался ко всему происходящему абсолютно безучастным.

Когда прибывшие сюда до нас на прогулочной яхте люди обнаружили меж руин девушку, названную теперь Кларой ван Гиндерталь, у нее там был запас провизии. Откуда? Этот вопрос общественное мнение прежде всего, естественно, обратило к Жоржу: все жители острова хорошо знали, что, несмотря на опасности этих мест, он был единственным рыбаком, кто осмеливался ходить на своей шхуне у стен форта.

Я пристально вглядывался в его лицо и задавал себе один и тот же вопрос: «Возможно ли, чтобы этот отец семейства, которого я видел в окружении его детей, регулярно приплывал сюда в течение тринадцати лет и привозил продукты выраставшей здесь девочке, никому ничего не говоря об этом?»

Тринадцать лет! Раздетая, под открытым небом, одна на необитаемом острове! Кларе было пять-шесть лет, когда кто-то забросил ее сюда, столько же, сколько сейчас детям Жоржа. Знать, что она там, и оставлять ее жить в нечеловеческих условиях! Это было ужасное, гнусное преступление! И признаться, я очень страдал, думая об этом. У меня возникло неудержимое желание поскорее покинуть это отвратительное место.

До нашей встречи с Жоржем рыбака уже неоднократно допрашивали, но его ответы не дали ничего для разгадки этой тайны.

— Я ничего не знаю,— говорил он.— Я никогда не видел ту, о которой вы говорите. Да, я рыбачил в водах около форта, но ноги моей на его руинах никогда не было.

И он закончил свои показания вопросом: «Какое я могу иметь отношение к ребенку, украденному из Парижа, где я никогда не был?»

Инспектор показывал мне старую вырезку из газеты, в которой сообщалось о том похищении:

«Вчера в гостинице на авеню Фридланд произошло таинственное похищение ребенка.»

В этой гостинице в течение нескольких дней проживал некий голландец — месье Питэр Клаэссэнс. Вместе с ним в номере жила его пятилетняя племянница — Клара ван Гиндерталь, опекуном которой он является, так как ребенок был сиротой.

За ребенком ухаживала нянька.

Вчера, когда месье Клаэссэнс отсутствовал, нянька спустилась вниз на кухню, оставив на час ребенка одного в номере. Когда она вернулась, то девочка бесследно исчезла...

Приметы девочки:

Довольно рослая для своего возраста, худощавая, белокурые волосы, глаза голубые. Одета в белое шелковое платье, белые носки и черные лакированные туфельки.

Полиция начала расследование»...

С тех пор прошло тринадцать лет. И вот теперь Питэр Клаэссэнс прочел в газетах сообщение о невероятной находке яхтсменов во Франции, увидел фотографию девушки, которую газеты окрестили как «неизвестную из форта Байяр», и тотчас же прибыл в Ла-Рошель.

Газеты сообщали, что на запястье левой руки у девушки обнаружен старый шрам от ожога. Эта примета помогла бывшему опекуну опознать девушку. Он заявил, что шрам является следствием взрыва у нее в руках спиртовки, когда Кларе было четыре года.

Но на этом дело и остановилось. Ни на один из основных вопросов ответа не было:

— Кто похитил Клару ван Гиндерталь тринадцать лет тому назад?

— Почему ее бросили на произвол судьбы в форте Байяр?

— Кто привозил ей пищу?

— Чьи интересы затрагивались в этой леденящей душу драме?

Главное действующее лицо, то есть сама жертва, вообще не могла ничего сказать. Врачи считали, что потребуется не один год, прежде чем она станет нормальным человеческим существом, научится говорить и сможет сама рассказать о том, что с ней произошло. Некоторые специалисты даже выражали сомнение в том, что это вообще произойдет.

Репортеры вовсю атаковали злополучный форт; его фотографии рядом с фотографией Клары появились практически во всех газетах. Излагая самые невероятные гипотезы, газетчики дали волю своей фантазии.

Но больше всего всех удивлял тот факт, что Жорж преспокойно разгуливал на свободе. Мне же было известно, что его не арестовали по просьбе инспектора Ж-7, который телеграфировал об этом из Парижа в Ла-Рошель, как только узнал о случившемся.

Каков был ход его мыслей? И почему первое, что сделали мы, прибыв на место,— это было посещение форта? Мне казалось, что было куда более логичным прежде всего увидеть жертву преступления, тем более потому, что по дороге к форту Байяр мы все равно должны были проследовать через Ла-Рошель, где она была.

Но этого я так и не узнал...

Инспектор вел себя так же спокойно, как и Жорж.

И тут я заметил, что у двух этих людей были сходные черты. Оба были скупы на слова, у обоих были светлые волосы, голубые глаза и атлетическое телосложение. Не было ли их молчание обоюдным вызовом?

Мне стало не по себе. Я неуклюже перемещался по жуткому квадрату меж полуразвалившихся стен форта. Мои ноги то и дело скользили по водорослям, а разбросанные повсюду доски и ржавые консервные банки выглядели просто зловеще.

Их была целая груда.

Хотя еще не было и трех часов, стали сгущаться сумерки. Волны били нашу шхуну о причал, и мы слышали это.

Инспектор медленно расхаживал взад и вперед с опущенной головой.

— Сколько времени вы уже женаты? — спросил он неожиданно, обращаясь к Жоржу.

Тот вздрогнул, но тут же живо ответил:

— Восемнадцать лет...

— Вы... вы любите свою жену?

Несколько секунд кадык рыбака судорожно дергался, но он так и не мог выдавить из себя ничего членораздельного. Я едва различил в его шепоте: «...и малыши...»

— Пошли,— сказал инспектор, решительно направляясь к бреши в стене, через которую мы могли добраться до шхуны. И он подал мне руку.

Уже на шхуне, воспользовавшись тем, что Жорж поднимал парус, он прошептал мне на ухо:

— Дело только начинается!

Продолжение его речи до меня долетало отрывками, исчезавшими в шуме поднимавшейся бури. Мои глаза были прикованы к Жоржу, неподвижно стоявшему у руля в своей штормовке. Широко расставив ноги, он сосредоточил все свое внимание на том, чтобы не напороться на камни.

* * *

Мы просим извинения у наших читателей за то, что прерываем рассказ, как говорится, на самом интересном месте. Но таковы были воля и замысел его автора.

«Неизвестная из форта Байяр» и целый ряд других коротких детективных новелл, составивших серию «13 тайн», написаны Жоржем Сименоном в 1930 году для французского журнала «Детектив», который публиковал их именно так, с разрывом на две части. Сначала печаталась основная часть новеллы, содержавшая рассказ о каком-то загадочном преступлении и о начале его расследования, в ходе которого опытный сыщик собирал следы, улики и факты, необходимые для разгадки тайны. Сопоставить же все это, проанализировать и вычислить преступника предлагалось самим читателям. И лишь после того, как они присылали свои версии разгадки и определялся победитель, предложивший наиболее интересное решение, журнал «Детектив» публиковал финал, написанный самим Жоржем Сименоном.

Мы предлагаем нашим читателям ту же игру. Придумайте свою собственную разгадку «Тайны неизвестной из форта Байяр». В отличие от редакторов старого французского журнала мы не будем заставлять Вас мучаться в догадках слишком долго. Окончание новеллы, написанное самим великим мастером детектива, Вы прочтете в конце этого же номера журнала InterПОЛИЦИЯ».

А. АЛЬКИНСКАЯ

КОТОРЫЙ ОБИДЕЛ ГОЗНАК

Это было уже после того, как его осудили и отправили в лагерь. Там, на лесоповале, Баранов не мог спокойно видеть то, как на протяжении почти ста километров по обе стороны от узкоколейки, по которой заключенные возили лес, пропадали горы прекрасной древесины. Тысячи бревен, которые сваливались с металлических тележек, когда те случайно переворачивались.

Происходило это часто. Тележки зеки поднимали и вновь ставили на рельсы, а развалившиеся бревна оставляли гнить.

Баранов обратился к начальнику конвоя и сказал, что придумал приспособление для подборки этого ценного леса, чтоб не было такого огромного убытка стране и народу.

Начальник посмотрел на него как на больного: «Тебе что, больше всех надо? Или выслужиться хочешь? Не выйдет! Поэтому не умничай, а давай работай как все».

То же самое Баранов много раз слышал и на воле. С детства увлекшись изобретательством, он радовался, выдумывая разного рода полезные приспособления, и безмерно огорчался безразличию начальников, которым он их предлагал.

Придумал, например, как отделять при уборке картофеля клубни от камней и комков земли. Написал письмо в комитет Совмина СССР по изобретательству, а там, даже не прочитав заявку, вернули ее автору потому, что написана, мол, она была не по официально установленной форме.

Потом, когда уже он был шофером и временно работал на винзаводе, увидел, что при перевозке вина бьется много бутылок, и придумал новый складной тарный ящик. Сам сделал его чертеж и предложил одному из начальников, сказав, что при этом боя бутылок почти не будет и при хранении пустые складные ящики занимают намного меньше места.

Начальник его не дослушал и сказал: «Мне это твое изобретение не нужно. А тебе, я думаю, тем более».

Баранов ушел домой в полном недоумении: «Как же так?» А потом опытные люди ему растолковали: «Им же там на винзаводе бой бутылок даже выгоден».

Еще больше расстроился Баранов и предлагать свои изобретения государственным учреждениям больше не стал. Но выдумывать и мастерить разные хитроумные штуки продолжал. Из любви к искусству, для собственного удовольствия. И смастерил в конце концов в своем сарае небольшую фабрику по производству почти настоящих денег, которые ни по бумаге, ни по красителям, ни по технике изготовления практически ничем не отличались от тех, которые печатают на фабрике Гознак. Об этом тем же Гознаком даже составлен официальный акт, в котором говорилось:

«*В Гознак от Управления эмиссионно-кассовых операций Правления Госбанка СССР поступили на экспертизу четыре денежных билета достоинством 25 рублей на предмет установления их подлинности.*

Исследование производилось путем сравнения их с подлинными билетами по бумаге, способу печати, графическим элементам изображения и другим признакам.

Проведенными исследованиями установлено, что все поступившие на экспертизу денежные билеты — поддельные.

Все поддельные денежные билеты имеют большое сходство с подлинными билетами. Для их изготовления применены способы печати, схожие с теми, что применяются для изготовления подлинных денежных билетов...»

Далее следуют технические детали, а заканчивается этот акт так:

«*В целом данную подделку 25-рублевых билетов следует отнести к разряду опасных подделок, ибо она выполнена квалифицированно и трудно распознаваема в обращении.*

Начальник отдела 17
Государственный эксперт Гознака
А. А. ТИМОФЕЕВ».

Когда высшие чины МВД СССР показали «работу» Баранова приехавшему в Москву генеральному секретарю Международной уголовной по-

лиции Р. Кендаллу, тот искренне изумился криминальному искусству «левши» из Ставрополя. И тут же сказал: «Россия должна немедленно вступить в Интерпол».

Баранов совершил преступление, относимое законом к разряду особо опасных, и назначенное ему судом суровое наказание — 12 лет — вполне заслуженно. Это ни у кого, в том числе и у него самого, не вызывает никаких сомнений. Он — преступник, и в то же время, несомненно, это очень талантливый человек.

Искать его начали с того дня, когда по расслоившейся бумаге совершенно случайно была обнаружена подделка одной 25-рублевой купюры. Затем путем тщательного анализа было обнаружено еще несколько других ей подобных. После этого спецслужбы БХСС по борьбе с фальшивомонетничеством в течение долгих месяцев буквально не смыкали глаз. Это дело, как одно из самых важных, было на постоянном личном контроле министра МВД. Качество обнаруженных поддельных денег было так высоко, что появилась даже версия о том, что они напечатаны за границей и заброшены к нам спецслужбами Запада с целью подрыва экономической мощи СССР путем дестабилизации его финансовой систе-

Процесс пошел...

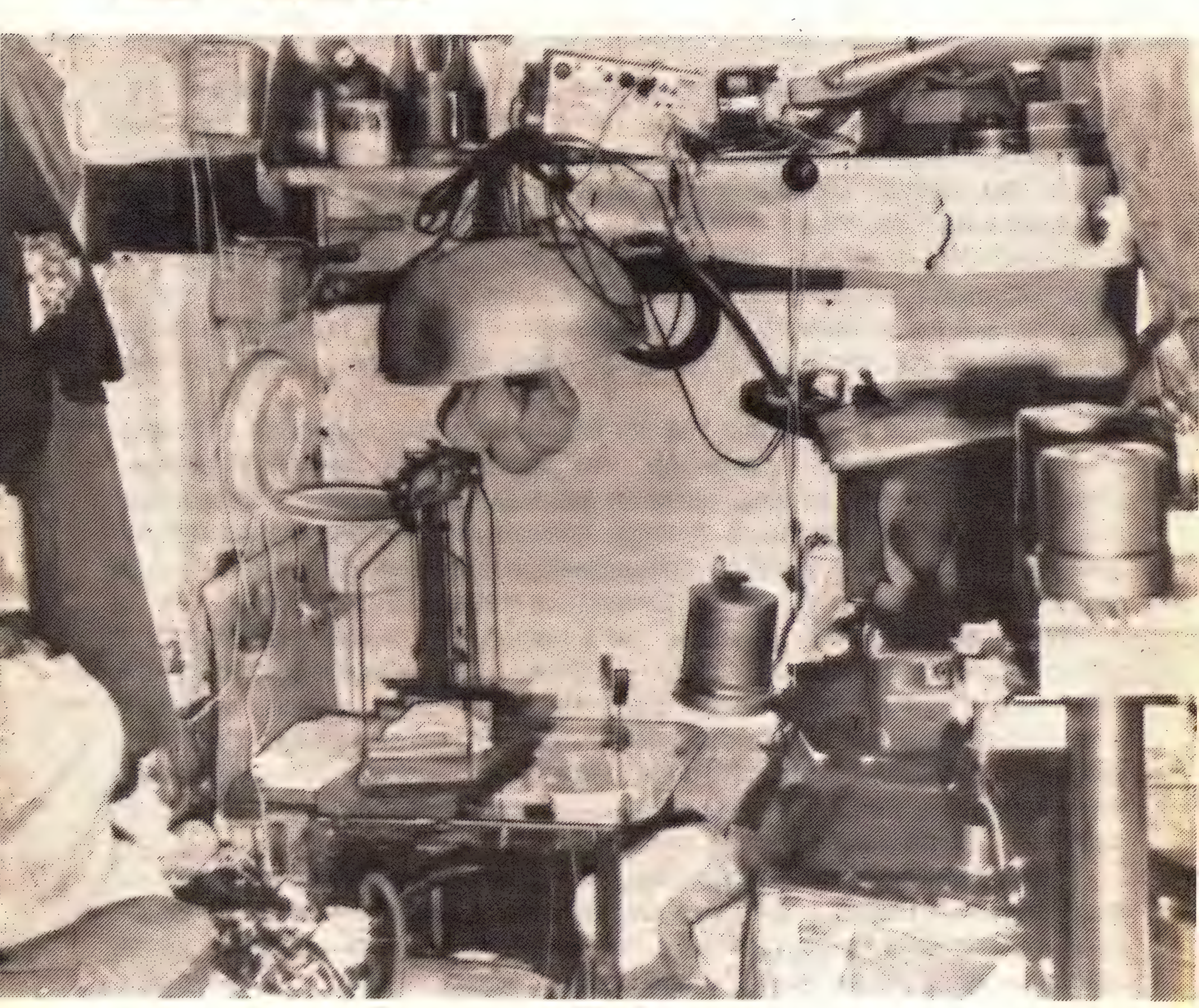
мы. И уж, конечно же, ни у кого не вызывало сомнения, что на территории СССР всем этим делом занимается крупная, хорошо организованная группа профессиональных преступников, в составе которой серьезные специалисты типографского и бумажного дела.

Поиск источника фальшивых денег, впервые обнаруженных на Ставрополье, был организован по всей стране, которая для этого была разбита на квадраты. Установили строгое оперативное наблюдение за множеством сотрудников типографий, за настоящими и бывшими работниками Гознака и за многими другими рабочими и служащими, которые никогда не знали и не узнают об этом.

Были даны соответствующие инструкции служащим сберегательных касс и банков, кассирам и продавцам магазинов и рынков. Повсюду, где появились фальшивые купюры по двадцать пять, реже по пятьдесят рублей,— в Москве и Ленинграде, в Киеве и Риге, в Кишиневе и Ташкенте, в Алма-Ате, Минске, Вильнюсе, Батуми, Ашхабаде, Воркуте, Свердловске, Челябинске и других городах.

«Работали по поиску этого преступника мы очень много и очень трудно,— рассказывал старший оперуполномоченный по особо важным

Гознак — «сделай сам».



делам УБХСС УВД Ставропольского крайисполкома подполковник милиции Юрий Терентьев.— Ведь мы не знали о нем, или о них, ничего».

Началось с того, что из центрального хранилища ветхих денег в Москве пришла купюра достоинством в 25 рублей, принятая из Ставропольского банка. Вроде бы обычная старая купюра. Но в сопроводительном письме было сказано, что она фальшивая. Отличить от настоящей ее там смогли лишь эксперты по отслоению бумаги на сгибе. По всем остальным признакам ни дать ни взять — настоящая: и наличие водяных знаков, и способы печати — глубокая и офсетная, и защитная сетка. Когда уже с этой банкнотой стали работать специалисты, то обнаружили, что она светится в ультрафиолетовых лучах. Это значило, что в бумаге много целлюлозы, чего в настоящих деньгах нет.

Дали информацию по краю и по всей стране — просвечивать деньги и фальшивки изымать из оборота, через Госбанк, куда сдавалась выручка. Госбанк давал нам информацию о географии сбыта поддельных денег.

Помню, я больше месяца просидел в регионе Минвод; очень много было работы. Блокировали все торговые точки, работники которых были оповещены под расписку. Работали в отделениях Госбанка. Обнаружили, что фальшивые деньги нередко сбывают на рынках. Стали блокировать рынки, и вот привезли задержанного. Взяли его на рынке в городе Черкесске...»

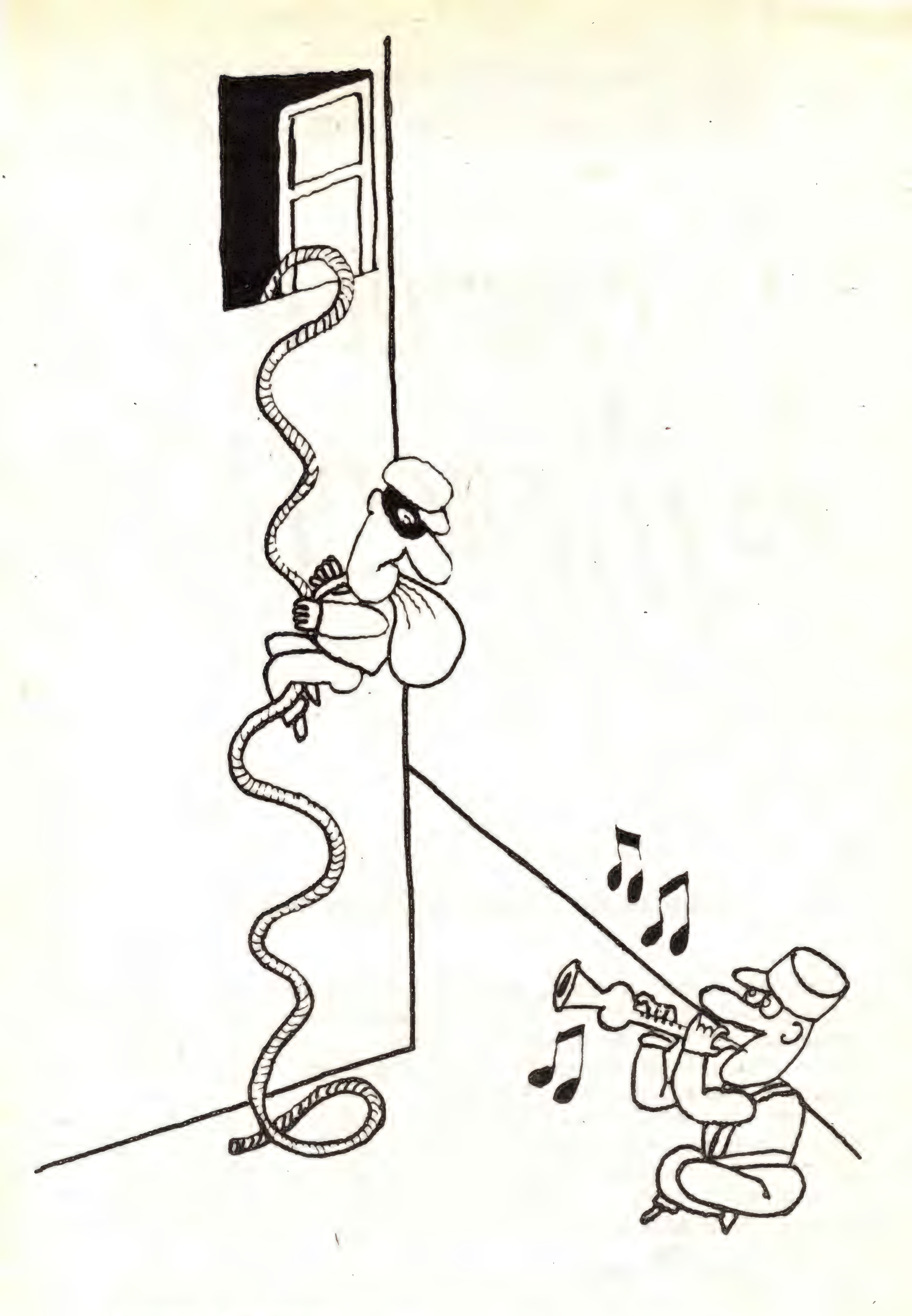
В то время, когда сыщики буквально рыли землю по всей стране, тот, кого они искали, оказывается, и не очень-то скрывался и спокойно разменивал изготавливаемые им деньги неподалеку от собственного дома. Там, откуда милицией был получен первый тревожный сигнал.

Задержали его тихо и спокойно, без каких бы то ни было драк и погонь. Он, казалось, давно ожидал этого и поэтому не только не сопротивлялся, но даже не возмущался и не оправдывался. Тут же во всем признался и, помимо той двадцатипятирублевки, которую пытался разменять, с готовностью отдал еще семьдесят семь других, которые были у него в портфеле.

Доставленный в милицию так же спокойно и уже подробно диктовал составителям первого протокола, что он, Баранов Виктор Иванович, 1941 года рождения, шофер, ныне не работающий, постоянно проживающий в городе Ставрополе, в течение нескольких лет занимался изготовлением фальшивых денег в специально созданной им в своем сарае мастерской, которую он готов показать и передать следствию.

Отправились к нему домой и там в небольшом сарае действительно обнаружили миниатюрный Гознак — специальное прессовое оборудование, типографские заготовки, пластины, красители, клише, шаровую мельницу, негативы, заготовки денег, часть отбракованной готовой продукции — банкноты с разного рода дефектами, подлежавшие уничтожению. Отдельно лежали готовые новенькие двадцатипятирублевые банкноты — 321 штука — и одна пятидесятирублевка.

Показывая все это с гордостью и подробно отвечая на все вопросы следователей, Баранов был меньше всего похож на схваченного с поличным преступника, вынужденного сознаваться в своих деяниях. Начав удивлять милиционеров и следователей с момента ареста, он вел себя так, как ведут дотоле не признанные изобретатели, сделавшие вдруг



Из серии «Грабители».
Рисунок из французского журнала «Полис насиональ».

Исповедь старого разведчика

Автор этой исповеди теперь уже на пенсии. И потому, как и многие другие его коллеги, может сегодня открыто говорить о том, что все те должности, которые он занимал в разных ведомствах и разных странах, были лишь «крышей» для основной его деятельности — кадрового офицера разведки КГБ СССР.

По истечении официально установленного срока давности он может теперь рассказывать о секретных в свое время операциях советской разведки и о тех тайных заданиях, которые ему доводилось выполнять. Но тайну этого, о которой вы узнаете из его безымянной исповеди, он наверняка унесет с собой в могилу, не открыв ее даже собственным детям.

То, что операции подобного рода проводились и проводятся секретными службами разных стран, общеизвестно. Но вот откровенный рассказ ее непосредственного участника в печати появляется, кажется, впервые.

Событие, о котором я хочу рассказать, произошло около двадцати лет назад. О нем знали шесть человек — две супружеские пары и двое покойных ныне высших руководителей КГБ СССР, один из которых похоронен за Мавзолеем у стены Московского Кремля, а другой — на самом престижном столичном кладбище.

Итак, двадцать лет тому назад я, тогда действующий офицер разведки, работал в Америке и занимал если и не очень важный, но, во всяком случае, весьма приличный пост в советском дипломатическом представительстве при Организации Объединенных Наций.

Жарким летом, когда почти все чиновники ООН разъезжаются на каникулы, мы с женой приехали в отпуск в Москву. После недельной беготни по коридорам центра нашего ведомства, после всех отчетов, докладов, получения ценных руководящих указаний и раздачи сувениров я уже было собирался отправиться отдыхать, как вдруг меня вызвал Мортин, бывший тогда начальником Главка всей внешней разведки КГБ. Для работника моего ранга вызов даже к начальнику Управления был уже событием необычайной важности, а тут вдруг сам начальник разведки заинтересовался моей персоной. Вот почему я с немалым трепетом переступал порог его кабинета.

— Здравствуйте,— сказал он мне.— Садитесь. Как отдыхается?

«Странно,— подумал я,— почему он спрашивает не о том, как работается, а как отдыхается».

— Я, собственно, еще и не успел приступить к отдыху,— промямлил я, мучительно думая, что же ему от меня нужно.

— Ну ничего, еще время есть, почти целый месяц впереди.— Он помолчал, внимательно рассматривая меня, и спросил: — Дома все в порядке?

«Какой, к черту, порядок,— подумал я,— отец при смерти, мать тяжело больна, дочь без родительского надзора загуляла, как бы в подоле не принесла».

— В порядке! — бодро ответил я.

— С женой тоже все хорошо?

Тут я мог с чистой совестью сказать, что все хорошо: она здорова, помогает мне, когда нужно, в работе, мы любим друг друга. Чего еще надо?

— Так точно,— по-военному отбил я.

У начальника на столе лежало, как я понял, мое личное дело и еще какие-то бумаги, которые он перебирал, тоже, очевидно, касающиеся меня. Так что он мог бы и не спрашивать ни о чем — те, кто нас проверяют и пишут эти бумаги, знают нас лучше, чем мы сами себя. Что же, думаю, от меня хотят? Я вроде ни в чем не провинился. Хотя, честно говоря, разведчик, работающий за границей, всегда испытывает какое-то чувство вины: не сделал всего, что требовалось, не достиг желаемых результатов и т. д. и т. п. Единственно, в чем я был уверен, это в том, что в личном плане ко мне никаких претензий быть не может — вел я себя, как мне казалось, вполне достойно, лишнего не болтал, казенных денег не перерасходовал, барахольством не занимался, пил в меру, как и все,— на нашей работе без этого нельзя,— на чужих женщин не заглядывался, с женой жил в полном согласии.

Затянувшуюся паузу прервал начальник, причем, как мне показалось,

не командным, а, к моему удивлению, просительным тоном:

— С вами хотел бы поговорить Юрий Владимирович.

Ну, уж этого я никак не ожидал! Причем сказано мне это было в таком тоне, будто бы я могу и отказаться от беседы с Председателем КГБ. Что мне следовало отвечать? Конечно же, по-пионерски: «Всегда готов!»? Или: «Рад стараться!»? Я не нашел ничего другого, как сказать:

— Как прикажете, Федор Константинович!

— Ну и хорошо. Вы сейчас можете ехать?

Смешной вопрос! Неужели сказать: «Нет, товарищ генерал, мне, видите ли, надо еще сметану купить, жена к обеду зеленые щи приготовила. И банка в моем дипломате лежит»?

— Конечно, могу.

Начальник нажал кнопку селектора:

— Машину к подъезду.

Затем снял трубку прямой связи:

— Юрий Владимирович! Мы с товарищем, о котором говорили, сможем минут через тридцать быть у вас. Слушаюсь!

Он положил трубку на рычаг и посмотрел на меня:

— Пошли!

За полчаса мы домчались до центра Москвы. Начальник молчал, я тоже не решался начать разговор. Так молча и доехали. Едва вошли в приемную, дежурный поднялся из-за стола:

— Юрий Владимирович вас ждет.

Если порог кабинета начальника главка я переступал с трепетом, то что же говорить об этом! Может быть, сейчас и смешно это читать, но тогда меня обуревала смесь восхищения, преклонения, готовности умереть по одному слову того человека, который сейчас вышел из-за стола с протянутой для пожатия рукой.

— Федор Константинович,— сказал Андропов, обращаясь к Мортину,— у вас, наверное, много своих дел. Так что вы пока идите, а мы здесь, так сказать, тет-а-тет побеседуем.

«Вот это да! — подумал я,— выставил самого начальника разведки! О чем же таком пойдет речь, что мы можем говорить только вдвоем?»

— Вы будете пить кофе или чай? — спросил хозяин кабинета.

Этого я уж и вовсе не ожидал.

— Кофе, если можно.

Он нажал кнопку, заказал кофе и чай для себя. Через две минуты все было на столе.

— Говорят, вы стихи пишете?

— Да,— кивнул я,— пытаюсь.

— Прочтите что-нибудь.

Я прочел лирическое восьмистишье.

— Что же, я не специалист, но мне нравится. Я ведь,— он понизил голос до шепота,— тоже иногда этим грешу. Вот например...

Андропов прочел милое стихотворение, небольшое, но емкое.

«Создает атмосферу доверия и взаимопонимания,— с цинизмом профессионала подумал я.— Но что же все-таки от меня нужно?»

— Как вам нравится Америка и американский образ жизни?

«Это, пожалуй, единственный кабинет в Москве, где можно смело и откровенно ответить на это вопрос»,— подумал я, а вслух сказал:

— Нравится, Юрий Владимирович, и Америка, и образ жизни. Только полюбить их мы никогда не сможем. Как бедный издольщик, любуясь и даже восхищаясь баронским замком, не сможем любить ни этот замок, ни его хозяев.

— А какие американские обычаи вы знаете?

Чувствовалось, что ему самому мучительно переходить к теме нашего разговора, и я едва сдерживался, чтобы не подтолкнуть его: «Ну, давайте же, давайте! Что вы от меня хотите?» Но надо было отвечать на вопрос. Я рассказал о школьных парадах, колядках (там они называются по-другому), о встрече Нового года на Таймс-сквер в Нью-Йорке, еще что-то.

— А такое понятие — «вайф-суоппинг» — вам знакомо?

Я улыбнулся. Кто же из поживших в Америке не знает этого обычая не обычая, извращения не извращения. В общем, называйте его как хотите, только я где-то прочел, что около трех процентов американских семей, супружеских пар занимаются этим — обмениваются женами на вечер или на ночь безо всяких последствий для благополучного продолжения семейной жизни. Разработан даже своего рода моральный кодекс этого явления (вот, нашел слово), который утверждает, что подобного рода развлечения даже укрепляют семейную жизнь. Поскольку все равно когда-нибудь ваша жена захочет вам изменить, так уж пусть она делает это с вашего разрешения и у вас на глазах.

Я так все прямо и разъяснил Андропову. Похоже, правда, что он знал это не хуже меня и слушал лишь из вежливости. Дав мне выговориться, он тяжело вздохнул, глотнул остывшего чая и сказал:

— Так вот для чего я вас пригласил. Сразу хочу предупредить, что если вы найдете в моих предложениях что-либо, что помешает вам их принять, то сразу скажите об этом, и никаких неприятных последствий это для вас не повлечет. Вы меня поняли?

— Вполне.

— Еще раз повторяю. Вы имеете полное право отказаться, а я не имею никакого права принуждать вас к исполнению моих предложений или, если хотите, моей просьбы.

Он опять вздохнул и замолчал.

— Я слушаю вас, Юрий Владимирович,— подтолкнул я его.

— Значит, так. Есть в Америке один человек, назовем его пока «мистер Икс», который очень близок к президентскому окружению, вхож в самые высокопоставленные круги и располагает уникальной, поистине бесценной информацией. Наши товарищи давно примериваются к нему, однако нет никакой основы для разговора с ним: купить его мы не можем, он — мультимиллионер, никакой идейной базы для сотрудничества у нас с ним не имеется. Он безупречен и в делах, и в семейной жизни, поэтому использовать для давления на него компрометирующие материалы мы не можем. Их попросту нет. Но... — Он помолчал и повторил с ударением, даже подняв при этом указательный палец: — Но есть один интересный момент. Нашим коллегам в одной из стран удалось записать его разговор с женой в гостиничном номере. Они только что вернулись с приема, оба были немного навеселе, и у них вскоре началась интимная сцена, во время которой он сказал, что давно мечтает совершить «вайф-суоппинг», но нет подходящих партнеров.

Жена подключилась к этому разговору, они стали перебирать всех своих знакомых и, между прочим, среди желательных пар упомянули имена ваше и вашей жены. Вы ведь с ними часто встречались на приемах в Нью-Йорке. Знаменательно, что в ходе их интимного разговора, превратившегося в игру с выбором партнеров, то один из них, то другой возражал против одной из кандидатур. И только ваша пара вызвала у них обоюдное согласие. Короче говоря, они хотели бы иметь вас своими партнерами.

Я сидел ошеломленный. Я был готов прыгать с автоматом и парашютом в тыл врага, перерезать глотку какому-нибудь вражескому начальнику или попытаться влезть в сейфы Ленгли. Но это?!

— Я вижу, вас это смущает, и прекрасно понимаю вас. Поэтому я и сказал, что вы можете в любую минуту отказаться. Не спешите с ответом, время у нас есть. Я только еще раз хочу напомнить, что тот американец — это человек, располагающий уникальной информацией и прекрасным политическим будущим.

«Ни за что на свете,— подумал я.— Подложить мою жену под какого-то — пусть сверхнужного американца, а самому ублажать его супругу?! Да провались они все пропадом, я в такие игры не играю:»...

Это подумал. Я вслух автоматически сработало:

— Я готов.

— И вы не будете сожалеть о своем решении?

— Не буду. Но у меня есть три вопроса.

— Пожалуйста.

— Вы знаете мое мнение, но мы не знаем мнения моей жены. Я солдат, я давал присягу. И вообще я мужчина, мне это легче. А как она на это посмотрит?

— Конечно, все зависит от нее. Попытайтесь уговорить ее сами. Если потребуется, можем подключиться к беседе и мы с Федором Константиновичем.

— Ясно. Теперь второй вопрос. Я знаю степень секретности нашей документации, при которой об этом задании будут знать многие, и я, может быть вполне заслуженно, получу славу морально разложившегося субъекта.

— Отвечаю. Ни в каких документах наш разговор отражен не будет. Об этом деле знаем только мы трое. Никаких письменных распоряжений даваться не будет. Ни начальник управления, ни наш резидент в США об этом поставлены в известность не будут. С Федором Константиновичем вы сами договоритесь о своих секретах в переписке. Нашему резиденту в Нью-Йорке сообщим только, что вы выполняете специальное задание и он, не задавая лишних вопросов, должен при необходимости оказывать вам содействие.

И теперь — каков ваш третий вопрос?

— Не может ли все это быть провокацией со стороны противника?

— На девяносто девять процентов нет. «Мистер Икс» слишком высокопоставленная и уважаемая в США особа, чтобы из секретных служб кто-нибудь рискнул там предложить ему участие в столь деликатной операции. Для него это было бы крахом всей его блестящей карьеры. Итак,— Юрий Владимирович встал,— будем считать, что договорились. Все подробности обсудите непосредственно с Федором Константинови-

чем. О согласии сообщите ему завтра утром лично.— Он пожал мне руку и добавил: — Я понимаю, что вам нелегко. Но вы — единственная кандидатура.

С Лубянки я поехал прямо домой и пригласил жену в ресторан «Арагви» для серьезного разговора.

Ох, и чего же при этом только не было! И слезы, и обида, и оскорбления в адрес моего начальства и меня самого. Поставьте себя на мое место, и вы поймете, что может наговорить в подобной ситуации возмущенная и оскорбленная женщина...

И о чем только я не говорил: и примеры из Библии, и из жизни выдающихся разведчиков и разведчиц, и о долге перед Родиной...

Но всему приходит конец. Она выплакалась, выбранилась и в конце концов тихо сказал:

— Ну, если это уж так нужно тебе, я вынуждена согласиться.

Утром я доложил ее ответ начальнику разведки.

В Нью-Йорк мы вернулись в сентябре, когда уже начали съезжаться делегации на очередную сессию Генассамблеи. Вскоре пошла череда традиционных приемов, и на одном из них мы с Ниной оказались рядом с четой «Икс». Если раньше на приемах мы виделись и общались только мельком, то сейчас мне нужно было закрепить знакомство. Умение устанавливать и развивать контакты входит в мою профессию. А тем более (я-то это знал!) и наши партнеры стремились к тому же. Поэтому вскоре мы уже называли друг друга Сидней и Юрий, а женщины — Лилиан и Нина (все имена, естественно, изменены). На одной из встреч я пригласил их в ресторан, чтобы отметить день рождения жены. (Он, правда, был еще в мае, но это пустяки.)

И вот через пару дней мы вчетвером прекрасно провели время в подвальчике «Генрих IV» на 55-й улице, где вдоль стен стояли рыцарские доспехи, а слух услаждал пением русских и цыганских песен некий Георгий из эмигрантов, обладавший потрясающим басом.

— Шел бы петь в церковь,— посоветовал я ему.

— Я с попами разругался и все их племя пахал,— заявил он.

Но это так, к слову. А главное то, что мы договорились с Сиднеем и Лилиан в ближайший уик-энд ехать в их загородное поместье.

В ту субботу день выдался роскошный. Канадские клены уже начали краснеть, жара спала. Дорога гладкая до неправдоподобия. Она не давала возможности почувствовать, что ты едешь. Казалось, мы стоим на месте, а за окнами автомобиля проносятся деревья и здания.

Выбраться из города было трудно, шел сплошной поток машин, но потом на шоссе он поредел, и за какой-нибудь час мой «форд» домчал до загородного дома Сиднея в викторианском стиле. Там нас ожидали. Хозяева показали наши комнаты, мы разместились, освежились под душем и вскоре ударом гонга были приглашены к бассейну, где для начала приняли легкий аперитив. Хозяева предупредили, что «форма одежды» у бассейна — в купальниках. На мне были плавки, шлепанцы и накинутое на плечи полотенце. То же на Нине плюс, естественно, верхняя часть бикини.

Лилиан стояла у бассейна, прикрывшись большим полотенцем. Когда мы подошли, она сбросила его и осталась в одних узеньких плавочках. Я невольно залюбовался ее обнаженной грудью. Краем глаза заметил,

что Сидней перехватил мой взгляд и довольно улыбнулся.

«Начинается»,— подумал я и дал знак Нине, чтобы она привела себя в такой же вид. Вообще я решил, не проявляя инициативы, повторять все действия хозяев. Нина сбросила бюстгальтер, и теперь уже я перехватил восхищенный взгляд Сиднея.

— Мы сегодня топлесс (без верхней части купальника),— пояснила Лилиан то, что и без этого было ясно.

Искупавшись, мы сидели у бассейна, снова попивали аперитив и болтали. На слугу-негра средних лет никто не обращал внимания, вроде бы его и не существовало.

Наступило время ленча, но нас почему-то к столу не приглашали. Очень хотелось есть, и меня уже не прельщали очаровательные груди наших купальщиц. «Смиряй себя молитвой и постом»,— вспомнил я, стараясь все же уловить хотя бы слабые запахи приготовления обеда.

Но никаких запахов пищи из дома не доносилось. «Вот ведь,— подумал я,— какие вытяжки на кухне сделали, ничего и не почуешь». Но я жестоко заблуждался. Никто на их кухне никакой пищи не готовил.

Вместо этого хозяин, несколько оживившись, предложил съездить прокатиться на побережье. Я обрадовался, решив, что там найдем какое-нибудь кафе и перекусим.

Дамы натянули на голое тело легкие платьица, и мы поехали. Около первой же пиццерии я остановил машину, вышел и вскоре вернулся, неся на подносе четыре порции неаполитанской пиццы и четыре стаканчика кока-колы (более крепких напитков там не продают). Мы с Сиднем и Нина принялись за еду, а Лилиан отказалась:

— Я соблюдаю диету. И если начну есть, то уже не смогу остановиться.

«Может быть, поэтому,— подумал я,— нас морили голодом».

Когда, «заморив червячка», мы погуляли по живописной набережной прибрежного поселка, потолкались по сувенирным лавочкам, полюбовались разноцветными яхтами у пирса и великолепным закатом солнца, Сидней пригласил нас в ресторан «Си-фуд» — «Морская пища». Мы заказали себе гигантских кальмаров. Официант нацепил на шею каждого из нас фирменную сувенирную салфетку в виде детского фартучка, и пиршество началось. Домой мы вернулись, когда уже стемнело. Никто ничего не говорил, но чувствовалось, что все напряжены в ожидании чего-то необычайного.

В большой, устланной мягким ковром гостиной уютно пылал камин, в канделябрах горели свечи, на низеньком столике стояли бутылки с разными напитками, в вазочках лежали кубики льда, галеты, орешки.

— Я предлагаю посмотреть фильм,— сказал Сидней.— Он, правда, не для подростков...

— Но, мой дорогой, мы уже давно взрослые люди,— перебила его Лилиан.— Кстати, наши детки наверняка знают о том, что им знать не следует, уже больше, чем мы.

Сидней выбрал и вставил кассету в видеомагнитофон (тогда он только еще входил в моду). Мы сели рядышком на диван — каждая жена со своим мужем, Сидней разлил напитки и произнес по-русски:

— На здоровье! — после этого, явно нарушая американскую традицию, выпил свой стакан до дна. «Для храбрости»,— подумал я и сделал то же самое. Женщины тоже опрокинули свои стаканы, и в головах у всех зашумело.

Сидней нажал кнопку дистанционного управления видеомагнитофона, и фильм начался. Он был, я бы сказал, рекламно-учебным: рекламировал «вайф-суоппинг» и учил, как этим надо заниматься.

Сюжет было крайне неприхотлив. Сначала речь шла об одной симпатичной и благополучной семье, где супруги начали приедаться друг другу. Параллельно показывалась история еще одной семьи, где и у жены, и у мужа намечался, но пока еще не произошел адюльтер на стороне. В общем, дело шло к серьезному семейному конфликту как у тех, так и у других. Супружеские обязанности (их показывали в деталях) в обоих семьях выполнялись лениво, как бы по долгу службы, без взаимного влечения.

Обе пары, не видя другого выхода, отправились к сексопатологу и получили у него совет попробовать «вайф-суоппинг». И вот на какой-то вечеринке они знакомятся с парой, к которой чувствуют обоюдное влечение, и понимают, что нашли достойных партнеров.

Следующая сцена — на яхте, в небольшой уютной каюте. Они слушают музыку, поют, танцуют, постепенно разоблачаются, и вот уже начинаются любовные игры — сначала каждый со своей, а потом с чужой женой.

Наутро они снова со своими женами. И вдруг понимают, что в них произошла разительная перемена. Жены стали для мужей словно обновленными, соблазнительными, привлекательными. Сознание того, что их жены принадлежали другому, вместо возмущения и отчуждения стало вызывать у мужей давно позабытое возбуждение.

И, наконец, хэппи-энд. Обе, теперь уже счастливые, пары снова приходят к сексопатологу, радостно благодарят его и с готовностью выписывают ему чеки в благодарность за его совет, результат которого, судя по физиономиям супругов, намного превзошел их ожидания.

Надо сказать прямо, что красивые артисты этого фильма, великолепные пейзажи, отлично, с чувством меры снятые эротические сцены, мягкий юмор делали свое дело и настраивали зрителей на соответствующий лад.

— Еще один? — спросил Сидней.

— Да! — хором ответили все.

Второй фильм описывать не буду, он возбудил еще больше, чем первый. Отвлекшись от экрана, я увидел, как Сидней, распахнув кофточку Лилиан, целует и ласкает ее обнаженную грудь. Мне ничего не оставалось делать, как поступить так же.

— Давайте танцевать,— предложил Сидней и включил музыку том-

ного аргентинского танго. Сначала мы пригласили своих жен, кофточки которых уже были сброшены.

Танцуя с Лилиан. Сидней расстегнул молнию ее джинсов, они упали на пол, и она осталась в одних узеньких плавочках. То же сделал и я.

Музыка закончилась, мы сели на диван, и Сидней вновь наполнил наши стаканы. Мы выпили, и снова зазвучало танго. На этот раз Сидней пригласил Нину. Я, естественно, танцевал с Лилиан. Сидней любопытным и ревнивым взором следил за нами. Но вот он опустил руки на Ниночкины бедра, подсунул пальцы под резинку плавок и легким, почти незаметным движением сбросил их вниз.

Что делать? Я поступил так же с Лилиан.

— Эй, мальчики, а почему вы одеты? — воскликнула она и, выскользнув из моих объятий, подошла к проигрывателю, сменила пластинку. Зазвучала громкая, резкая современная музыка. Лилиан взяла Нину за руку, и они вдвоем стали отплясывать нечто невообразимое.

— А вы раздевайтесь,— крикнула нам Лилиан.

Быстро полетели прочь пиджаки, брюки, другие детали нашей одежды, и вот мы уже вчетвером танцуем дикарский танец, озаряемые неверным светом гаснущего камина и трепещущих свечей.

Лилиан подскочила ко мне, повалила, и, обняв друг друга, мы покатились по ковру. Я успел заметить, как Сидней подхватил Ниночку на руки и положил на диван. При этом он смотрел не на нее, а на нас, как бы подбадривая: «Ну же, ну же, давайте и вы!» Я последовал его примеру.

Это безумие продолжалось несколько минут.

Вскоре все было кончено.

Женщины убежали в ванные и вернулись оттуда в шикарных индийских сари. Мы с Сиднеем тоже сходили туда и пришли в махровых халатах.

Как будто ничего не произошло. Мы продолжали говорить о пустяках, смотреть фильмы, пить и закусывать — Сидней принес из холодильника сэндвичи.

Громадные старинные часы в гостиной пробили час ночи.

— Пора спать,— сказал Сидней и, взяв Нину за руку, добавил: — только я ее никуда не отпущу. «Господи! Это еще не все!» — молил обращенный ко мне ее взгляд.

«Что делать! Не я придумал правила этой игры. Но уж если начали, надо доводить ее до конца»,— так же взглядом ответил ей я.

— И я не отпущу! — я тоже взял Лилиан за руку.

— Только одно условие,— заявила она.— Ровно в семь утра каждая жена должна быть у своего мужа. И в девять мы встречаемся за завтраком.

Мы разошлись по комнатам.

Утром, когда я проснулся, рядом со мной лежала моя Ниночка.

В девять все чинно явились к завтраку. Разговоры носили самый обычный, почти светский характер. Словно ничего и не произошло.

И лишь когда мы уже собрались уезжать, Сидней отозвал меня в сторону и сказал:

— Юрий, Лилиан и я бесконечно признательны вам за все. Я впервые и, наверное, в последний раз в жизни совершил такое безрассудство. Но получил такое наслаждение! Мы с тобой теперь братья и останемся ими до конца наших дней. Знай, что нет ничего, чего бы я не сделал ради тебя. Это вполне серьезно.

«В его жилах частично немецкая кровь,— подумал я,— это от нее, наверное, такая сентиментальность».

— Спасибо, Сидней,— ответил я.— Мне сейчас ничего не надо. Не знаю, может быть, когда-нибудь в будущем мне и потребуется братская помощь...

— Будь уверен во мне.— Он обнял меня и крепко пожал руку.

Вернувшись в резидентуру, я дал в Москву шифротелеграмму об успешном проведении мероприятия. В известном резиденту шифре я применил и ту незаметную непосвященному условность, которую мог понять только один человек — начальник разведки в Москве.

Сидней, конечно же, не стал нашим агентом. На это мы и не рассчитывали. Но каждый раз, когда у московского Центра возникал сложный вопрос и ему нужно было получить на него гарантированно точный ответ с американской стороны, я встречался с Сиднеем, и Москва получала необходимую информацию.

Он ни разу меня не подвел. И когда после этого в нью-йоркскую резидентуру поступала благодарственная телеграмма за подписью Свиридова (один из псевдонимов Ю. В. Андропова), я знал, что в этом и моя заслуга. А когда в часы бессонницы в голове вдруг стучала мысль — что же мы тогда натворили, я всегда оправдывал себя тем, что так было нужно Родине.

Отслужив в Америке, я уже работая в Москве, еще много лет продолжал встречаться с Сиднеем, выезжая для этого в разные страны. Последний раз это случилось вскоре после смерти Черненко. Тогда начальником разведки уже давно был Владимир Александрович Крючков, который скорее всего и не подозревал, какой ценой была добыта информация, регулярно поступавшая от Сиднея.

Так вот, в тот последний раз теплым весенним вечером мы с Сиднеем сидели в Афинах, на Плаке, в ресторане под открытым небом. И снова, как тогда, ели морскую пищу — на этот раз копченых осьминогов. Ответив на мои вопросы, мой «брат» вдруг поведал мне такое, от чего волосы у меня на голове встали дыбом. Он дал подробный, тогда показавшийся мне страшным прогноз того, что произойдет с нашей страной в течение ближайших нескольких лет. Он называл имена, которые я тогда боялся повторить, и события, в которые я отказывался верить. Все это было настолько чудовищно и неправдоподобно, что на следующий же день я пришел к советскому послу — им был тогда в Афинах сын Андропова — и попросил срочно отправить меня домой,

хотя до конца моей командировки оставалось две недели. Я обязан был срочно передать в Центр то, что узнал. Сообщить устно, ибо доверить бумаге услышанное не мог.

Прибыв в Москву, я немедленно, без обычно необходимого письменного отчета, попросился на прием к начальнику разведки. По мере того как я докладывал, он становился все мрачнее и мрачнее. Видимо, мои данные подтверждали те, что у него уже были.

— Свой доклад отпечатайте лично,— сухо приказал он мне,— в одном экземпляре, обезличенно, без ссылки на источник и без вашей подписи.

«Даже будучи руководителем такого могущественного ведомства, он боится»,— подумал я.

На следующий день я отдал свой доклад.

Некоторое время спустя сверху поступила команда: всякие контакты с Сиднеем прекратить. А меня вскоре вдруг перевели на неоперативную работу.

Спрашивать почему, за что в том ведомстве, которому я отдал практически всю жизнь, не положено.

На память обо всем происшедшем с Сиднеем у меня остались две салфетки из ресторана «Си-фуд» и подписанная Председателем КГБ Андроповым грамота «За успешное выполнение специального мероприятия». Когда меня спрашивали раньше и спрашивают теперь, за что ее дали, я отвечаю: «Да так, пустяки. Стоял в оцеплении, когда Брежнев приезжал в Вену на встречу с Картером...»

Теперь я в отставке. Живем с Ниночкой на даче, копаемся в земле. О той ночи в американском доме не вспоминаем никогда, будто бы ее никогда не было. Никогда не произносим имени Сиднея, словно бы и не слышим его постоянного упоминания в передачах международной информации по радио. Никак не реагируем тогда, когда, сидя перед телевизором, видим в программе новостей, как вместе с постаревшей, но все еще сохранившей былую стройность Лилиан он спускается с трапа самолета во время очередного официального визита в какую-то зарубежную страну...

Но все более частыми ночами мучительной бессонницы я, конечно же, вспоминаю все. И то «специальное мероприятие», и многие другие. И все чаще теперь приходит мысль: действительно ли все это было нужно моей Родине?

Из серии «Грабители».
Рисунок из французского журнала «Полис насиональ».

Автородео — «Смерть полиции»

Такую «забаву» вдруг придумало себе хулиганье одного из микрорайонов английского города Лидса. Об этом рассказала читателям журнала «Полис Ревю» констебль Лесли Томпсон.

Начинается та «забава» с того, что подвыпившие юнцы крадут пару автомобилей, выбирая машины помощнее, а глав-

Тогда мисс Лесли Томпсон было не до смеха

ное, попрочнее, типа «лендровера». После этого они выслеживают одинокую патрульную машину, за рулем которой женщина-полицейский, и начинают гон. Они стремятся догнать и как можно сильнее ударить ее своей машиной. Ударить так, чтобы убить.

Констебль Лесли Томпсон испытывала такое дважды. «Оба раза,— рассказывала она,— я всерьез боялась за свою жизнь, несмотря на то что нас, полицейских, специально тренируют на возможность возникновения подобных ситуаций».

В первом случае бандиты на краденом джипе догнали ее машину и несколько раз ударили сзади. После последнего удара полицейская машина вылетела с дороги, ударилась о столб и перевернулась. Женщина-полицейский получила ранения. К счастью, не тяжелые.

Во второй раз автомобиль юных бандитов дважды ударил в бок патрульной машины Лесли Томпсон. В результате этого столкновения у нее были сломаны ребра.

Двадцатипятилетняя Лесли стала седьмым сотрудником полиции, раненным в подобных ситуациях в течение всего двух недель.

Районный полицейский инспектор Кейт Лоуренс подтвердил, что банда молодых преступников в составе шести человек действительно охотится на полицейских с целью их убийства. Чтобы покончить с этим, в микрорайон Хэлтон Мур было направлено подкрепление из двадцати восьми служащих полиции.

Что делать с проститутками?

Этот вопрос с каждым годом все больше мучает руководство британской полиции. И, судя по всему, ему еще долго не получит однозначного ответа.

Нашествие длинноногих и коротколюбочных жриц любви отравляет жизнь населения целых кварталов многих английских городов. И люди жалуются в полицию, требуя от стражей порядка защитить от крикливых и вульгарных девиц их покой и целомудрие их детей и внуков.

Полиция принимает меры — разгоняет проституток, они переходят на другие улицы, а назавтра возвращаются обратно. Их задерживают, отправляют в суд, который по существующим законом может наказать девиц лишь штрафом, который они пла-

тят смеясь и тут же снова выходят на панель.

Уже который год в полицейских верхах говорят о необходимости «стратегического подхода» к решению этой проблемы. Вариантов предлагается три.

Первый — снять все ограничения и разрешить девицам свободный промысел, включая запрещенное ныне «приставание» к мужчинам на улице, то есть активное предложение им своих сексуальных услуг.

Второй — убрать их с улиц, собрав в официально разрешенные публичные дома.

Третий вариант — выделить, по образцу Голландии, для «работы» проституток специальные улицы или даже зоны. Здесь, правда, сразу же встает вопрос — где найти такие улицы и зоны, жители которых согласятся на этот «стратегический вариант».

В последнее время все чаще говорят и о четвертом варианте, используемом в ряде штатов США. Там подошли к решению проблемы с другого конца — вместе с проститутками наказывают штрафами — и немалыми — их клиентов. А в некоторых местах их вместе отдают под суд. И, судя по статистике, этот метод пока единственный, который приносит заметные результаты.

Новый метод древнейшего промысла

Я всегда считал себя человеком, который не может быть глухим к призывам о помощи. Тем более в тех случаях, когда о помощи просит женщина. Но так было до того вечера, когда я — 38-летний здоровый мужик,— был ограблен, и не бандитами, а девицей, не достигшей и 20-летнего возраста. И похоже, что такое случилось уже не с одним со мной. Полиция считает, что большое количество подобных жертв просто не обращаются к ней с заявлениями. Я оказался совершенно неподготовленным к такому повороту событий.

А дело было так. Прекрасным тихим вечером часов эдак около 8 я ехал с работы домой, предвкушая встречу с женой, приготовившей прекрасный обед. Я остановился буквально на минутку, чтобы заскочить в магазинчик, купить всякую мелочь, о которой просила по телефону жена.

Когда я вернулся к машине, около нее стояла молодая девчушка. Она спросила меня, не знаю ли я, где находится улица, названия которой я никогда в жизни не слышал. Я сдуру предложил ей посмотреть в моем указателе лондонских улиц, который лежал в машине. Пока я лихорадочно листал его страницы, она рассказывала мне жалобным голоском, что «сошла не на той остановке и заблудилась». В ее голосе звучал неподдельный страх, когда она добавила, что совсем недавно подверглась сексуальному нападению и теперь боится ходить одна. Не помог бы я ей найти стоянку такси, чтобы она смогла безопасно добраться до дома. Девушка предложила мне даже за это заплатить.

В трех минутах езды от моего дома была искомая стоянка, поэтому я сказал, чтобы она садилась в машину, решив подвезти несчастное создание, затерявшееся в пустыне огромного города.

Впоследствии я много раз спрашивал себя, почему меня не насторожило то, что испуганная по ее словам девушка вдруг так легко соглашается запрыгнуть в машину совершенно незнакомого мужчины?

Наше путешествие началось довольно дружески. Моя пассажирка начала горячо благодарить меня за мое сердечие и помощь. Она спросила, как меня зовут и чем я зарабатываю на жизнь. А затем — что было довольно неожиданно,— спросила меня, не связан ли я каким-нибудь образом с полицией. Я ответил, что нет, на что она рассмея-

лась и заявила, что работает в массажном салоне где-то в фешенебельном Вест-энде.

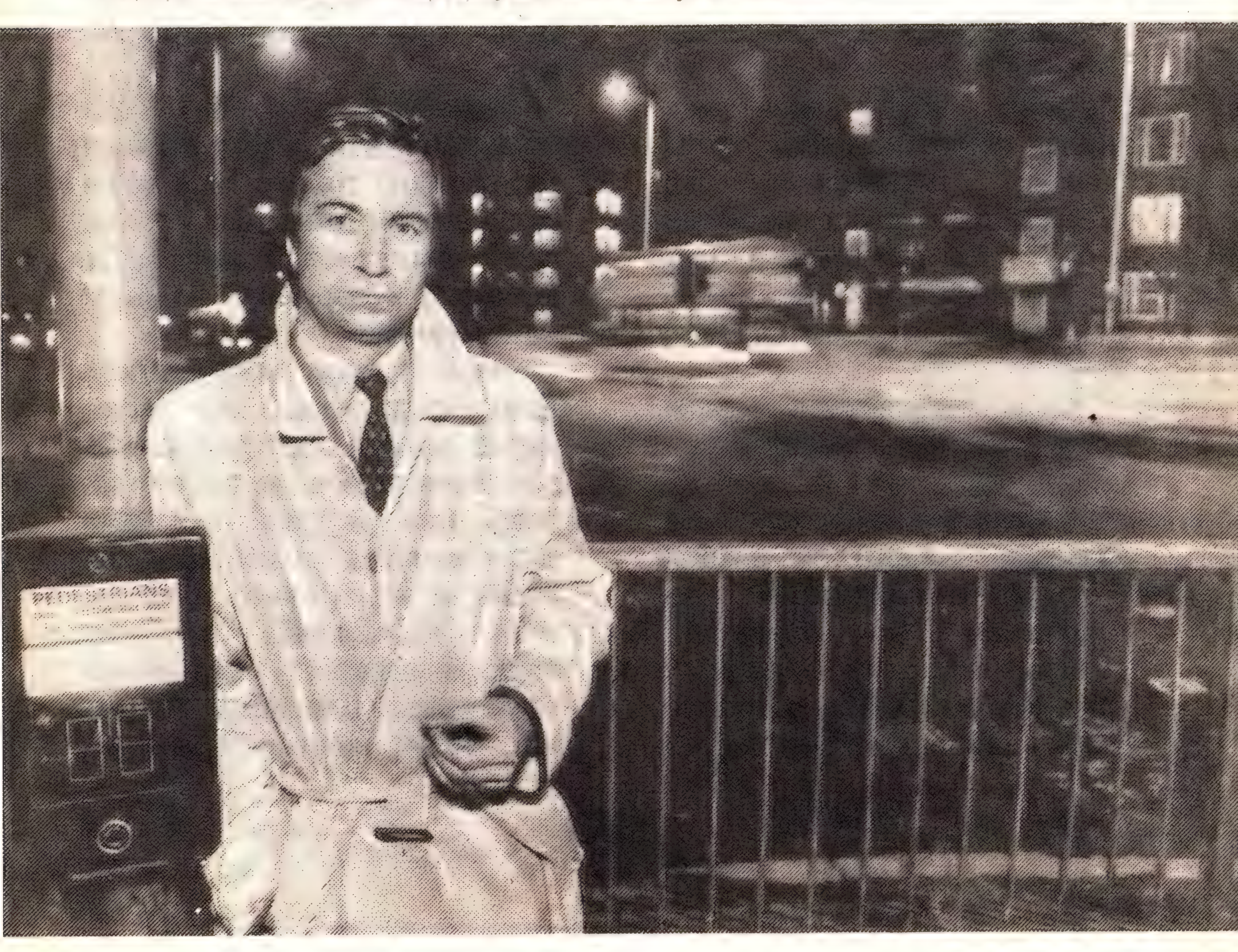
И тут прозвучал первый сигнал тревоги. Она предложила мне покурить «травки». На этот раз голос ее был тверже. Она вытащила тонкую самокрутку и пустила мне дым прямо в лицо. При этом она положила мне руку на пах. Я отказался от курева и мягко вернул ее руку ей на колени.

И тут я увидел, как изменился ее облик: вид «потерявшейся маленькой девочки» исчез, бейсбольная шапочка была надвинута на глаза, которые теперь смотрели на меня угрожающе. На мой вопрос, где ей выходить, она ответила резко, что выйдет там и тогда, когда захочет.

Мы стояли перед красным светом светофора, и я наклонился чтобы открыть дверцу с ее стороны и предложить выйти из машины. Но она резко оттолкнула меня и прошипела весьма агрессивно: «Я же сказала тебе, парень: я выйду тогда, когда я захочу, о'кей?» И при этом грязно выругалась.

Почувствовав беспокойство, я максимально уверенным голосом сказал ей: «Я не хочу проблем, поэтому прошу тебя: выходи из моей машины по-хорошему». В ответ она задрала вверх

«Чтоб я еще раз когда-нибудь кого-нибудь подвез!..»



свои ноги в кроссовках, уперлась ими в ветровое стекло и сказала: «Я выйду тогда, когда буду готова».

Что мне было делать? Мысли лихорадочно бились в моей голове. Сзади раздался нетерпеливый гудок стоявшего за мной автомобиля. Я тем временем проглядел, что на светофоре уже давно загорелся зеленый свет и был вынужден тронуться.

Проехав вперед и чуть успокоившись, я спросил ее, что ей надо. Она потребовала, чтобы я выложил ей ни много ни мало 50 фунтов стерлингов и к тому же еще отвез ее на другой конец Лондона.

Я решительно направил машину к тротуару, чтобы остановиться и высадить ее. Но она вдруг вцепилась в руль двумя оказавшимися весьма сильными руками и не дала мне этого сделать. И тут же заявила мне, что ей всего пятнадцать лет (это было явной неправдой) и что если я ей не заплачу, то она заявит в полиции, будто я пытался ее изнасиловать.

Сумев все же остановить машину у тротуара, я снова наклонился, чтобы открыть дверь с ее стороны. Но тут она сильно ударила меня кулаком в лицо и при этом истерично завизжала: «На помощь: насилуют!»

Я тут же сообразил, что если на ее крик сбегутся люди, мне вряд ли удастся убедить их в том, что подлинный агрессор вовсе не я, а молоденькая девица, которая взывает о помощи. Поэтому, трезво оценив обстановку, я тут же пообещал ей, что отвезу ее, куда она захочет, только пусть перестанет кричать. Не хватало еще, чтобы меня обвинили в попытке изнасилования пятнадцатилетней!

Но она очень твердо сказала, чтобы я немедленно показал ей свой бумажник. А когда я отказался, она снова завизжала будто резаная. При этом она попыталась сунуть руку во внутренний карман моего пиджака. Я пытался задержать ее руку. И тут она снова ударила меня в лицо. Массивное кольцо на ее руке разбило мою верхнюю губу, и потекла кровь.

Лихорадочно соображая, что делать, я огляделся и, заметив магазин на углу, выскочил из машины, оставив дверь открытой, и побежал к нему. Но тут увидел, что рядом у тротуара стояла машина, водитель которой готов был тронуться. Я закричал ему, что на меня напали и попросил доставить меня к ближайшему полицейскому участку. Кровь у меня на лице и разорванная рубашка явно свидетельствовали в мою пользу и тот водитель сказал, чтобы я садился в его машину.

Но тут совершенно для меня неожиданно к нам подскочила та девица, продолжавшая дико кричать, что я пытался ее изнасиловать. Я в ответ закричал, что она все врет. Растерянный и, видимо, испуганный водитель не стал слушать наших взаимных упреков и сказал, чтобы мы оба выметались из его машины, которая тут же рванула с места.

Тогда девица стала звать на помощь группу стоявших непода-

леку парней, и они решительно двинулись в нашу сторону.

Чувство самосохранения подсказало мне единственный выход — бежать. Я рванул, как в юности на стометровке, и успел первым добежать до своей машины и прыгнул в нее, благо дверца оставалась открытой. Тут же захлопнул ее и нажал кнопки всех дверных замков. Лихорадочно включил стартер, но мотор не заводился. По всей видимости подсел аккумулятор. А к машине тем временем бежала банда подростков и молодых людей, предводительствуемая моей агрессивной знакомой. Я понял, что еще минута и они буквально разнесут в клочья мой автомобиль.

Спасло меня лишь то, что я догадался выбросить на тротуар три десятифунтовые бумажки, которые все эти юнцы бросились поднимать, устроив меж собой свалку. Это позволило мне выиграть несколько критических секунд, в течение которых мне наконец-то удалось завести мотор и тронуть с места.

Через несколько минут я окровавленный и растерзанный предстал перед своей перепуганной женой и рассказал ей, что со мной случилось.

В старших классах школы я был чемпионом района по боксу. Затем получил зеленый пояс по дзюдо. Продолжаю тренироваться до сих пор и вот не смог справиться с какой-то девицей, избившей и ограбившей меня при всем чесном народе.

Все это требовало отмщения.

Я позвонил в полицию и к своему удивлению понял, что мой рассказ не явился для полицейских неожиданностью. Они поверили буквально каждому моему слову. И рассказали, что с тех пор, как полиция начала решительно убирать уличных проституток с панели, они стали промышлять таким вот образом. Выбивают деньги шантажом и угрозами заявить в полицию о мнимом изнасиловании. То, что мне показалось происшествием чрезвычайным, оказывается чуть ли не обычное дело. Мне тогда, казалось бы, не составляло никакого труда разделаться с той особой. Но законопослушного гражданина буквально парализует женский крик: «насилуют!»

Если у кого-то имеются действенные практические рекомендации, как справиться с этой новой напастью, то сообщите. Я же со своей стороны пострадавшего хотел бы дать мужчинам-автомобилистам простой совет: не подсаживайте на дорогах «маленьких потерявшихся» девушек и держите двери машины на замке. Ваша любезность и галантность могут обойтись вам очень дорого. Если, конечно, у вас в машине не смонтирована скрытая видеокамера и звукозаписывающая аппаратура, которые помогут вам доказать свою невиновность и разоблачить зарвавшихся проституток, изобретающих новые методы своего древнейшего промысла.

«Санди таймс» — Лондон

РОМАН «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Его кровавое предисловие и эпилог

Чем выше значимость произведения настоящей Большой Литературы, тем настойчивее обычно ищут люди прототипов его героев в окружавшей писателя реальной жизни.

Потому-то вполне естественно, что, когда грянул гром всероссийской, а затем и мировой славы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», так ухватились за громкое в то время «дело Данилова» — двойное убийство, совершенное бедным студентом в квартире ростовщика. Случилось это, правда, не в Петербурге, а в Москве. И погибли не ростовщица, а ростовщик, и, кроме того, убитая вместе с ним служанка не была ему сестрой.

Но все это в общем-то мелочи. В главном все

сходилось. К тому же вспомнили и письмо Достоевского издателю журнала «Русский вестник» М. П. Каткову. В нем Федор Михайлович, сообщая в сентябре 1865 года о скором окончании работы над своим романом «Преступление и наказание», писал, в частности, следующее:
«...Несколько случаев, бывших в самое последнее время, убедили, что сюжет мой вовсе не эксцентрический (именно что убийца развитой, даже хороших наклонностей человек). Мне рассказывали прошлого года в Москве версию об одном студенте, выключенном из университа, что он решился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шаткости понятий, подвигающих на ужасные дела... Я убежден, что сюжет мой отчасти оправдывает современность...»
Чего же более! Многие тут же решили, что московский студент Данилов — это и есть прототип Раскольникова.

Двойник Раскольникова

Наш рассказ о деле Данилова* основывается на строго документальных данных, не допускает ни малейшего вымысла. Это позволит читателям более отчетливо увидеть черты сходства и различия между Раскольниковым, созданным творческим воображением гениального писателя, и Даниловым — героем реальной судебной драмы.

В конце 1865 г. из Финляндии в Москву переехал отставной капитан Попов. Вместе со своей служанкой Марией Нордман он поселился в тихом Средне-Кисловском переулке. Четырехкомнатная квартира помещалась в отдельном флигеле. Родных и близких в Москве приехавшие не имели, жизнь вели уединенную. Располагая капиталом, составлявшим около 30 тыс. руб., Попов решил заняться отдачей денег под залог ручных вещей и в ноябре 1865 г. поместил об этом объявление в «Полицейских ведомостях». Большой клиентуры создать ему не удалось, да и сама ростовщическая деятельность оказалась для Попова не только недолгой, но и роковой. 12 января 1866 г. Попов и Нордман были зверски убиты.

---

* Нижеследующий текст мы с сохранением стиля перепечатываем из книги И. Ф. Крылова «Были и легенды криминалистики» (ЛГУ, 1987 г.).

Прибывшие для осмотра места происшествия полицейские и следственные власти обнаружили труп Нордман на полу входной комнаты, а труп Попова на полу в его кабинете. Около трупов были большие лужи крови. При исследовании на трупе Попова оказалось 24 раны, а на трупе Нордман — 21. По заключению участвовавшего в осмотре врача, раны были нанесены частью тупым оружием, а частью острым оружием. На дверях квартиры, на задвижках, замках и ручках — везде были, как отмечалось в протоколе осмотра, «кровавые знаки». В кабинете Попова, на углу письменного стола, стояла пустая пивная бутылка на подносе с двумя стаканами, один из которых был окровавлен. Под телом убитого Попова в правой руке найдена недокуренная сигара.

Ящики стола и комода в кабинете были выдвинуты или вынуты; вещи из них разбросаны по полу, по столу и под столом. Во всех ящиках стола и двух комодах также были обнаружены кровавые следы, а между ними капли крови, везде преимущественно на левой стороне. В комнате Нордман на окне стоял самовар, а под краном его полоскательная чашка. На кране виднелись следы крови, а в полоскательной чашке оказалась вода с кровью. Постель была в беспорядке; на простыне и на наволочке также найдены следы крови. В первой комнате от входа на столе лежала коробочка с содой на 20 коп. серебром, отпущенная из арбатской аптеки Кронгельма. Сбоку — два рублевых кредитных билета и 72 коп. мелочью. В спальне Нордман на окне находились два пузырька с лекарством, отпущенные 12 января в той же аптеке.

На лестнице, ведущей с верхнего этажа в кухню, по стенам, преимущественно с левой стороны, виднелись кровавые пятна, особенно заметные на карнизе при повороте лестницы. Капли крови были обнаружены и на кухне. В одной из верхних комнат была найдена окровавленная пятирублевая бумажка.

В числе различных бумаг покойного находились две книги: одна для записи принимаемых в залог вещей, а другая — адресов залогодателей. В первой книге, между прочим, значилось, что в залог приняты: во-первых, 17 декабря 1865 г.— большой осыпанный бриллиантами перстень за 800 руб. от некоего г-на Григорьева, которому деньги выданы пятипроцентными билетами, и во-вторых, 11 января 1866 г. от него же — билет внутреннего пятипроцентного займа серии 09 828. Ни перстня, ни билета в имуществе Попова не оказалось, тогда как остальные вещи были в сохранности, кроме серебряной солонки, заложенной вольноотпущенным Волковым, и перстня, заложенного полковником Беловзором.

В бумагах Попова были обнаружены также две записки Семена Федоровича Григорьева: одна об отдаче Попову под залог перстня, осыпанного 3 большими и 22 маленькими бриллиантами, и о получении за это 750 руб. и другая, написанная карандашом, такого содержания: «Весьма сожалею, что не застал вас дома, я вчера только приехал из Тулы. Постараюсь быть в 2 часа у вас. Вам преданный *Григорьев*». Найдена была и еще одна записка, написанная Поповым: о выдаче Григорьеву 60 руб. серебром под залог двух бриллиантовых серег, а также бумаги, в которых покойный записал номера принадлежавших ему пятипроцентных банковских билетов на сумму 23 тыс. Самих же билетов, равно и наличных денег, найдено не было.

На полу виднелись кровавые отпечатки следов ног, но на них внима-

ния не обратили. При первоначальном осмотре оставили без внимания и две пары резиновых калош, находившихся в прихожей. О следах, оставляемых отпечатками пальцев рук, в те годы вообще не имели понятия.

Тем не менее обстановка места происшествия давала следователям ниточку, за которую можно было ухватиться при поиске убийцы,— это были следы крови, обнаруженные в квартире, и главным образом на лестнице. Все они были с левой стороны, а следовательно, оставлены раненой левой рукой преступника.

Пивная бутылка и стаканы, один из которых был окровавлен, говорили о том, что убийца, очевидно, был знаком с убитым, а недокуренная сигара — о том, что убийство совершено во время беседы. Ясным был и мотив убийства. Оно было совершено с целью ограбления.

Легко удалось установить и точное время убийства, его час и день. То, что оно произошло 12 января, было видно по стенному календарю в кабинете Попова, показывавшему это число. Кроме того, водовоз сообщил, что кухарка из флигеля ежедневно брала у него ведро воды и что последний раз она взяла ее 12, а 13 и 14 января за водой не выходила. Точное время убийства (6 ч. 43 мин.) показывали заведенные, но почему-то остановившиеся часы, находившиеся в кабинете Попова. Как свидетельствовали часовые мастера, подобные часы останавливаются при малейшем толчке. Очевидно, сотрясение от падения тела Попова и остановило их ход.

Допросили жильцов дома, в котором произошло убийство, служащих аптеки, отпускавших Марии Нордман в день убийства лекарства, полковника Беловзора и служившего у него мальчика Зубкова, которые первыми обнаружили убийство и сообщили о нем частному приставу. Допросили множество других лиц, но сведений, которые могли бы помочь в розыске убийцы, получить при допросах не удалось.

Решили ухватиться за единственную ниточку — в Москве и за ее пределами усиленно искали лиц, имевших ранения на левой руке. Таких лиц находили, некоторых из них даже подвергали аресту, но при проверке все они оказывались непричастными к расследуемому убийству. Наконец, в газеты было помещено объявление, приглашавшее всех, кто заложил вещи у Попова, явиться за ними. Явились все, за исключением двух — Григорьева и «старого Леонтьева». Теперь можно было предположить, что их неявка не случайна, что один из них или оба могли быть убийцами. Конечно, это было только предположение, неявка могла объясняться разными причинами, тем не менее найти этих лиц было необходимо.

Разыскать их удалось не сразу. Андрес Григорьева, записанный в книге Попова («На Покровке, близ церкви Воскресенья в Барашах, в доме Лукьянова, бывшем Дроздова»), оказался ложным. Справки по адресной книге результатов не дали. Григорьева, у которого была бы ранена рука, не оказалось во всей Москве.

Может быть, как и «старого Леонтьева», Григорьева вообще не удалось бы разыскать и преступление осталось нераскрытым, если бы у следователя не возникла счастливая мысль — выяснить, где могли оцениваться вещи, сдаваемые в залог. В правильной их оценке, естественно, были заинтересованы не только Попов, но и его клиенты.

Помогло следователю письмо Попова. Оно было адресовано некоему Феллеру — владельцу магазина, торговавшего драгоценностями. У Феллера и удалось получить первые сведения о личности мнимого Григорьева. Оказалось, что за несколько дней до убийства к нему неоднократно заходил красивый молодой человек с просьбой оценить перстень. Феллер и его служащие запомнили и описали внешние черты этого молодого человека и его одежду.

Но и после этого розыск двигался медленно, так как молодых людей с красивой внешностью в Москве было немало. Наступили праздничные (пасхальные) дни 1886 г. Учитывая, что в такие дни многие молодые люди выходят или выезжают прогуляться по центральным московским улицам, следователь в трех разных местах попросил «подежурить» служащих магазина Феллера, которые, по их словам, могли опознать разыскиваемого. Один из них действительно опознал «Григорьева» на Кузнецом мосту и проследил, где тот живет.

Прибывший по адресу опознанного молодого человека следователь установил его личность. Это был Алексей Данилов — студент II курса юридического факультета Московского университета и одновременно преподаватель словесности в женском учебном заведении. Жил он вместе с отцом, матерью и сестрой. Отец служил старшим надзирателем 4-й Московской гимназии. От внимания следователя не ускользнуло, что Алексей Данилов старательно прячет левую руку. Когда же его попросили показать ее, то оказалось, что на тыльной поверхности и на ладони этой руки имеются ясно видимые шрамы. Осмотревший раны врач пришел к выводу, что они образовались от прокола руки насквозь острым и плоским орудием. Отрицая это, Данилов пояснил, что шрамы являются следами ран: одна произошла от ожога утюгом, а другая — при падении летом 1865 г. с лошади. В квартире был произведен обыск, но ничего изобличающего в убийстве найдено не было. И все же следователь решился Данилова арестовать.

Началась трудная работа. Вначале Данилов отрицал предъявленное ему обвинение. Он утверждал, что не знал Попова, никаких вещей у него не закладывал, никогда не бывал в магазине у Феллера и Григорьевым не назывался. Говорил, что весь день и вечер 12 января провел безвыходно дома. Присутствовавшему при допросе депутату от университета Должикову Данилов передал записку для матери, в которой просил ее найти свидетелей, которые могли бы подтвердить его алиби. Должиков записку передал следователю.

Опровергнуть утверждение Данилова о том, что он не знал убитого, помогли записки, найденные в квартире Попова. Они были подписаны фамилией Григорьева, но следователь пришел к выводу, что писал их Данилов. Проверить это предположение он решил путем экспертизы. В качестве образцов для сравнительного исследования послужили находившиеся в деле документы, написанные собственноручно Даниловым. Оба эксперта пришли к единогласному выводу, что записки от имени Григорьева написаны рукой Данилова.

Отрицание Даниловым посещений магазина Феллера также было опровергнуто. О них рассказали не только сам Феллер, но и три приказчика, служившие в принадлежавшем ему магазине. Свидетели опровергли также алиби Данилова: его утверждение о том, что в день убийства

12 января он безотлучно находился дома. В их числе были его отец, мать и сестра.

Через шесть дней после ареста Данилов изменил тактику защиты, согласился дать «чистосердечное показание». Событие рокового дня, 12 января, в его «признании» рисовалось в таком виде: приехав вечером к Попову, он обнаружил входную дверь во флигель полуоткрытой. Поднявшись по кривой лестнице вверх, он увидел направо отворенную дверь и топившуюся печь с догоравшими дровами. Войдя в полуосвещенную комнату, он заметил на полу что-то темное — это был труп женщины, которая ранее отворяла ему двери, когда он приходил к Попову. Сразу же открылась дверь из соседней комнаты, и оттуда стремглав выбежали два человека, которых рассмотреть ему не удалось. Первый выскочивший человек с криком «А, это вы!» бросился на него с кинжалом или ножом. Он инстинктивно поднял руки с целью защиты, удар кинжала пришелся в ладонь левой руки. Он бросился вниз по лестнице, чуть-чуть не упал, но удержался левой рукой за стену. В это время настигший его человек произвел еще удар кинжалом по руке, но уже с тыльной ее стороны. Сбежав до поворота лестницы, он почувствовал третий удар, нанесенный по верху шубы. Выскочив во двор, он быстро обернул раненую руку платком, потрясенный и испуганный, нашел извозчика и приехал домой. Никому из домашних о происшедшем он не рассказал.

Следователю была ясна фантастичность этого «признания», но в криминалистике существует правило: объяснение обвиняемого можно отвергнуть только после тщательной и объективной его проверки. Такая проверка была произведена путем повторного осмотра места происшествия с участием обвиняемого. В процессе этого осмотра были осуществлены действия, которые сегодня мы назвали бы следственным экспериментом. При осмотре входной двери, которая, по словам Данилова, была найдена им отворенной, оказалось, что на крючке и на самой двери имеются следы крови, указывающие, что преступник ее открывал. Затем Данилову было предложено взяться левой рукой за ручку двери, на которой был кровяной след как бы от прикосновения руки. След полностью совпал со шрамом на ладони. Далее по предложению следователя Данилов указал место, где лежал труп Нордман. Поставленный после этого на седьмую ступень лестницы, он сам вынужден был убедиться, что при любом освещении он не мог увидеть трупа.

Мы не будем анализировать другие звенья цепи доказательств, фигурировавших в деле Данилова. Отметим лишь, что круг их был замкнут достаточно прочно. Но Данилов ни в ходе предварительного следствия, ни в процессе судебного разбирательства виновным себя не признал, продолжая утверждать, что он лишь случайный свидетель убийства и сам является потерпевшим от рук действительных убийц.

На вопрос, поставленный перед присяжными заседателями, виновен ли Данилов в совершении убийства с корыстной целью, они ответили: «Да, виновен». Данилов был осужден на каторжные работы в рудниках, куда вслед за ним добровольно последовала и вся его семья».

Итак, как же все-таки — был ли Алексей Данилов прототипом Родиона Раскольникова? Простой анализ сроков написания романа и даты

убийства московского ростовщика Попова неопровержимо свидетельствует о том, что нет. Не был и быть не мог. Потому как преступление Данилова свершилось тогда, когда, судя хотя бы по вышеупоминавшемуся письму Достоевского Каткову, роман «Преступление и наказание» был уже практически закончен.

Так что о прототипах речи идти не может. А вот своеобразным кровавым жизненным предисловием к вышедшему вскоре роману Ф. М. Достоевского оно для тогдашней публики действительно стало. Подтвердив уже известную нам из того же письма убежденность автора в том, что сюжет его оправдывает современность.

К сожалению, одним лишь кровавым предисловием к «Преступлению и наказанию» современность не ограничилась.

27 лет спустя, или Дело об убийстве сестры Достоевского

27 лет спустя после выхода романа «Преступление и наказание» жизнь дописала еще одну страницу к роману, которую можно назвать его кровавым эпилогом. О нем рассказывают московские газеты тех лет.

Газета «Московский листок» № 22, 22/1 1893 г.

«Вчера, 21 января, в 8 часов утра дворник вдовы надворного советника В. М. Карепиной, во 2-м Знаменском переулке, Сретенской части, услышав запах гари и дыма, выходящих из запертой квартиры домовладелицы, помещающейся в 3-м этаже дома, позвал стоящего на посту городового, который вместе с ним вошел в квартиру с черного хода в кухню. А так как дверь из кухни в квартиру хозяйки была заперта изнутри, то они взломали ее, вошли в первую комнату а в соседней дверь была заперта на замок, взломали и эту дверь, вошли в большую комнату, которая была наполнена дымом, выходящим из-под двери домовладелицы; в спальне, к ужасу своему, они увидели лежащим на полу в огне труп домовладелицы Карепиной, женщины 68 лет. Городовой приказал дворнику разбить стекла в окнах, чтобы дать выход дыму, и залил пламя, которым был объят труп.

Дали знать о случившемся участковому приставу и начальнику сыскной полиции, которые не замедлили явиться на место. По первому

впечатлению, предполагалось преступление, но при подробном осмотре квартиры оказалось, что несчастие произошло от взрыва лампы...

Домовладелица занимала квартиру из 5 комнат, жила совершенно одна и, кроме дворника, никакой прислуги не имела, никого у себя не принимала и жила весьма скупо. Пищу готовила себе сама в ограниченном количестве на несколько дней и прятала ее в письменный стол, употребляя ее в холодном виде понемногу. Вставала она с постели обыкновенно в 6 часов утра и сама зажигала лампу, стоявшую у нее в спальне на письменном столе. Так было и вчера. Предполагают, что, когда лампа была зажжена, ее разорвало и воспламенившийся керосин брызнул несчастной на лицо и на платье, которое воспламенилось; она упала навзничь и опрокинула на себя тут же стоявшую жестянку с керосином, разлившимся по полу, отчего загорелся пол и письменный стол...

В верхнем ящике письменного стола нашли тряпку и тарелку с остатками жареного мяса. Ни денег, ни иных документов в квартире не оказалось, хотя покойная слыла за женщину зажиточную».

«Московский листок», № 28, 1893 г.

Брат покойной, Андрей Михайлович Достоевский, обратился в газету со следующим заявлением:

«В № 22 вашей газеты за текущий год в отделе «Московская жизнь» сообщен трагический случай ужасной смерти 70-летней старушки В. М. Карепиной, последовавшей 21 января, над этою заметкою помещен заголовок «Жертва скупости».

В. М. Карепина, урожденная Достоевская, выйдя замуж в очень молодых годах, осталась вдовою 28 лет от роду, с тремя детьми и почти без средств к жизни. Покойный муж ее хотя и занимал очень выгодное место правителя канцелярии московского военного генерал-губернатора (при князе Голицыне) и был уважаем в Москве, но после смерти не оставил вдове своей ничего, кроме ничтожной пенсии (чуть ли не менее 200 рублей в год). Дом же, в котором так трагически кончила жизнь свою г-жа Карепина, был ее приданым.

Обладая твердой силой воли и неженсксю энергией, молодая вдова сумела не только воспитать своих детей, но и устроить их, почти не обладая никакими средствами и из гордости не прибегая ни к чьей помощи. Проведя два десятка лет в постоянном сдерживании и ограничивании себя, покойная привыкла к расчетливости и даже, по-видимому, к скупости. Но расчетливость и даже кажущаяся скупость допускались ею только относительно самой себя, ко всем же близким она была — вся доброта, вся щедрость. Так, со времени вдовства своей дочери она постоянно помогала ей и в последние годы даже содержала на свой счет как дочь, так и многочисленную семью ее. Много и других добрых дел устраивала покойная, о чем, конечно, не буду распространяться теперь ввиду еще теплой могилы ее. Все это не похоже на скупость предосудительную.

В заключение не лишним считаю присовокупить, что великий русский писатель и мыслитель Ф. М. Достоевский был родным братом покойной и, несмотря на ее расчетливость, очень любил и уважал ее не только как сестру, но и как женщину редкого ума и твердого характера».

«Московский листок», № 28, 1893 г.

«Хотя покойная действительно вела очень скромный образ жизни, но скупостью не отличалась; по отзывам лиц, близко ее знавших, покойная была крайне добрая женщина и кроме своих родственников часто помогала и посторонним».

«Новое время», № 6073, 24/1 1938 г.

«Несмотря на то, что В. М. Карепина была домовладелицей 7 домов, она испытывала страшную бедность, так как дома были заложены, а квартиранты плохо платили... Если кто-либо приходил к ней, она в большинстве случаев не отворяла дверей и говорила через запертые двери».

«Русские ведомости», № 28, 29/1 1983 г.

«Покойная В. М. Карепина, имея 6 домов в Москве, жила крайне бедно, и, будучи весьма подозрительной и опасаясь воров, постоянно запиралась на несколько замков... Она не имела при себе прислуги, по словам родственников, вследствие боязни и недоверия к ней...»

«Ведомости Московской городской полиции», № 32, 4/II 1893 г.

«21 января домовладелица, вдова надворного советника Варвара Михайловна Карепина, найдена была в своей квартире мертвою с обгорелыми частями тела. Хотя признаков насильственной смерти тогда обнаружено не было и можно было полагать, что смерть Карепиной последовала от ожогов вследствие пролитого керосина и воспламенившегося на ней платья, тем не менее начальником сыскной полиции (Эфенбахом) было произведено дознание, путем которого удалось обнаружить, что Карепина была задушена в кухне дворником ее дома, крестьянином Владимирской губернии Иваном Архиповым и зап. маст. Федором Юргиным, а затем труп Карепиной перенесен был ими в кабинет, где облит керосином и подожжен. Убийство совершено с целью грабежа. Архипов и Юргин задержаны и в преступлении сознались; при этом у последнего найдено % бумаг более чем на 8000 рублей, принадлежащих Карепиной».

(Волоцкой А. М. Хроника рода Достоевского.)

«FRONT PAGE DETECTIVE» — NEW-YORK

Филипп ВЕСТВУД

В этой необычной истории об одном из эпизодов работы органов правосудия вы познакомитесь с человеком, который, хорошо помня одну старинную поговорку о том, что мертвые женщины, равно как и мертвые мужчины, не рассказывают сказок, забыл другую. А она говорит, что порою рука может действовать даже быстрее, чем глаз.

Позвольте дать вам один совет. Вернее сообщить еще об одном жизненном правиле, познание которого стоило мне слишком дорого. Вы, конечно, можете принять его или нет — это ваше личное дело. Но все же я вам об этом расскажу. Вы ведь никогда не знаете, что может случиться в жизни. Может статься, что однажды вам это пригодится. Суть того, что

я хочу вам сказать, очень проста: никогда-никогда безотчетно не верь и не помогай даже своему другу. Я помог, и вот посмотрите, в каком положении оказался.

Говорят, друзья познаются в беде. После того, что со мною случилось, я этому не верю. По мне теперь, если друг в беде, то это его проблемы. Мне вмешиваться в них то же самое, что самому вызывать у себя ненужную зубную боль. Поверьте, я познал это на собственной шкуре. Точнее, познаю в полной мере очень скоро.

А ведь поначалу казалось, что это дело могло бы пройти хорошо. Если бы не миссис Весей. Впрочем, нет, я не могу возложить всю вину только на миссис Весей, потому как был еще и Слоттери. Черт побери этого настырного легавого. И почему он не захотел тогда принять события так, как их приняли все? Это избавило бы его от ненужной писанины. И почему он так копался во всех мелочах? Ненавижу легавых. И больше всего на свете ненавижу легавых с длинными носами, которые они суют везде и во все.

Но если быть откровенными — а сейчас самое время изменить свои прежние привычки,— я не могу во всем винить даже Слоттери. И если действительно быть честным — а вы даже и представить себе не можете, как это мне сейчас трудно,— то я вынужден сообщить, что все, о чем я вам сейчас расскажу, чистая правда. И обо мне. И о той пуговице. Главную, роковую для меня роль во всем этом деле сыграла обыкновенная пуговица.

Все это случилось в мае. Был воскресный полдень. Первое воскресенье месяца. День был чудесным. Стояла теплая погода. Светило солнце. Просто великолепно. Хотя накануне шел дождь и дело шло к тому, что на уик-энд будет плохая погода. Но к воскресенью все переменилось, и погода была великолепной.

Я прогуливался по зеленой лужайке на плато на вершине утеса. Эта лужайка у обрыва над морем — любимое место отдыха жителей нашего города. Воздух там, на вершине утеса, такой упругий, такой свежий. Правда, сейчас я уже по-иному оцениваю даже этот свежий морской воздух.

Но как бы то ни было, в тот воскресный полдень я был там и, прохаживаясь у края обрыва, увидел впереди себя эту пару — мужчину и женщину.

Они шли мне навстречу, и, когда подошли ближе, я заметил, как сильно они отличались друг от друга. Это были люди примерно одного возраста — я думаю, обоим было около пятидесяти. И это единственное, что было меж ними общего. Мужчина выглядел угрюмым, полностью поглощенным своими мыслями. Шел он медленно, его голова была опущена, и вид у него был такой, как будто он взвалил себе на плечи все заботы мира. Людей подобного облика я встречал тысячи раз. Типичный тип давно женатого мужчины. Не то что я. Я никогда не мог себе представить, что можно на всю долгую жизнь связать себя с одной-единственной женщиной. Это противоестественно. Женщин можно и нужно любить, пока есть любовь, а когда она проходит, их нужно оставлять. Такова моя философия. Ведь это так очевидно — зачем жить в тесном аквариуме пусть даже с золотой рыбкой, когда можно свободно плавать в океане?

Но это так, к слову. Итак, как я уже сказал, они были разными. Женщина была полной противоположностью мужчине. Жизнерадостная, подвижная, она что-то щебетала, громко смеялась, когда перепрыгивала через небольшие лужицы, оставшиеся после вчерашнего дождя.

«Мавис, будь осторожна и отойди»,— ворчливо говорил ее спутник, когда женщина, по-детски играя и пренебрегая опасностью, прыгала у неогороженного края обрыва.

Вот она почти поравнялась со мной.

«О, Джордж, не будь таким нытиком,— смеялась она в ответ, не прекращая прыгать через лужи.— Это совершенно не опасно. Я знаю, что...»

Вы, конечно же, догадались. Это было неизбежно. Одна лужица оказалась немного больше, чем другие. Она не обратила на это внимания, не рассчитала прыжок, и ее нога попала на край лужи. Женщина поскользнулась, потеряла равновесие. «Джордж! Джордж!» — испуганно закричала она, беспомощно балансируя на краю обрыва над бездной.

Но от Джорджа было мало толку. Он окаменел от ужаса. Что-то делать должен был я. Я был ближе к женщине. Подскочив к пронзительно кричавшей падавшей женщине, я сумел одной рукой схватить ее. Она, размахивая руками, балансировала на самом краю обрыва. Когда я схватил ее, показалось, что ей удастся сохранить равновесие. Она обратила ко мне свое полное ужаса лицо. Я стал осторожно тащить ее на себя. И когда я ухватился за ее пальто другой рукой, нога, на которой она балансировала, соскользнула. Она рухнула вниз всей тяжестью своего тела так, что я удержать на вытянутых руках ее уже не смог. С душераздирающим воплем она исчезла за краем обрыва. Этот вопль казался бесконечным. И когда он резко оборвался, в наступившей вдруг жуткой тишине были слышны лишь крики чаек, круживших над морем, плескавшимся далеко внизу меж камней у подножия стометрового утеса.

Когда я пришел в себя и, присев на корточки, осторожно заглянул за край обрыва, то увидел там безжизненное тело женщины, которое било волнами о скалы.

Я сделал все, что смог для этой женщины и бедного Джорджа, хотя этого оказалось слишком мало, чтобы предотвратить трагедию. Он, казалось, обезумел от горя. Я усадил его на траву, а сам пошел искать телефон. Вызвав полицейских, я рассказал им о случившемся. Трагический, несчастный случай со смертельным исходом, единственным виновником которого является сама потерпевшая. Все это настолько очевидно. Но почему тогда этот Слоттери смотрит на меня так, как будто он мне не верит?

Полицейский по имени Слоттери мне не понравился сразу, как только я его увидел. Слишком много он улыбался какой-то болезненной, неискренней улыбкой. И к тому же он был уж слишком приторно вежлив. Каждый свой вопрос он задавал подчеркнуто учтиво, источая старательное обаяние, и после каждого моего ответа говорил: «Благодарю вас». При этом все эти галантности никак не вязались с внешним видом полицейского Слоттери, абсолютно лысого, дородного мужчины двухметрового роста. От жары он сильно вспотел. Меня же его бесконечные вопросы заставили потеть еще сильнее. Мне очень хотелось, чтобы он не

замечал этого, но я, к сожалению, чувствовал, что он это видел. Поэтому так и вцепился в меня мертвой хваткой.

— Вы хорошо знаете мистера Адамса? — спросил меня Слоттери уже в полицейском участке, куда меня снова вызвали через два дня после трагедии у обрыва.

— Кого? — переспросил я, подумав про себя: «Нет, Слоттери, на этом вы меня не поймаете».

— Мистера Адамса,— тихо повторил он,— Джорджа Адамса, мужа покойной.— При этом улыбка полицейского была самой очаровательной изо всех, которые я видел на его лице за все время нашего знакомства.

— Никогда с ним не встречался до того рокового дня,— ответил я.

— Благодарю вас,— сказал Слоттери, записывая мой ответ в свою маленькую черную книжечку.

— Я очень сожалею, что мне приходится заставить вас вновь вернуться к тому печальному событию,— продолжал он, источая вежливость, противную мне, как липкая грязь.— Я понимаю, что все это вас травмирует. Но, пожалуйста, будьте терпимы ко мне и возможно точнее расскажите мне снова все то, что тогда произошло.

И я снова повторил ему все то, что говорил ранее.

— Благодарю вас,— сказал Слоттери, когда я закончил.— Итак, вы утверждаете, что ранее никогда не встречались с мистером Адамсом?

И я снова ответил, что нет, не встречался.

— А знали ли вы миссис Весей?

Я ответил, что не знал ее. И тогда он стал рассказывать мне, что за день до гибели миссис Адамс миссис Весей была в баре. И в этом не было ничего необычного. Дело в том, что в тот же день в том же баре был Джордж Адамс. И вот это, считал Слоттери, было уже необычным. По крайней мере для миссис Весей, которая знала Джорджа скромным, выдержанным маленьким человеком, который, насколько это было ей известно, не пил, не курил и не сорил деньгами. А вот в тот раз, когда она впервые увидела его в баре, он много пил виски и был не один. Он там был с мужчиной, миссис Весей видела их.

— Джордж был разговорчив,— продолжал Слоттери.— Он жестикулировал и, казалось, отдавал тому, другому, мужчине какие-то распоряжения. У Джорджа при себе было много денег. Они были в коричневом конверте, и этот конверт он передал другому мужчине. Миссис Весей точно знает, что там были деньги, ибо видела, как тот, другой, мужчина вынул их из конверта и начал считать. Затем он положил конверт с деньгами в карман.

— Какое отношение все это имеет ко мне? — спросил я резко.

— Миссис Весей подробно описала того другого мужчину,— ответил Слоттери.— По описанию — это вы.

— Совпадение! — выпалил я, будучи готовым к такому повороту дела.— Я уверен, что в нашем городе наберется не менее ста человек, которые, как и я, подойдут под это описание, данное вам миссис Весей.

— Согласен,— ответил Слоттери так спокойно, что я стал чувствовать, как моя уверенность стремительно тает. Хотя, повторяю, я был готов к подобному разговору.

— Но есть и другие обстоятельства. Вот, например, скажите, это то самое пальто, которое было на вас в тот воскресный полдень?

— Да, то самое,— ответил я.

Какое-то время мы оба смотрели на мое старое твидовое пальто. Я почувствовал странное беспокойство. Пальто пережило все сроки, когда его следовало бы сдать в химчистку. Я никогда не беспокоюсь по поводу таких пустяков.

— Вы потеряли пуговицу,— сказал Слоттери, показывая на небольшой узелок из ниток на месте оторванной пуговицы.

— Да, действительно, я и не заметил, что ее потерял,— признал я, с удивлением разглядывая то место, на которое указал Слоттери.

— А вы знаете, где эта пуговица?

— Не имею ни малейшего представления,— ответил я.— Но какое это имеет значение?

— Я уверен, что имеет,— сказал Слоттери,— и думаю, что очень большое значение.

— Так где же она? — Я был заинтригован, не понимая, куда клонит этот совершенно невыносимый легавый.

— Теперь она у нас,— сказал дружественным, но деловым тоном Слоттери.— Криминалистам, конечно, придется еще провести экспертизу, чтобы подтвердить, что эта пуговица ваша. Но это, я уверен, не составит им большого труда. Мы нашли ее у миссис Адамс,— продолжал Слоттери.— Она была зажата у нее в руке, когда тело погибшей извлекли из моря.

— Ну и что? — спросил я.— Должно быть, она оторвалась, когда я пытался оттащить миссис Адамс от края утеса...

— Но в своем заявлении,— перебил меня Слоттери,— вы утверждали, что вы держали миссис Адамс, а не она держалась за вас. Вот, пожалуйста.— Слоттери достал какие-то бумаги, пробежал по ним взглядом и начал читать: — «Она размахивала руками, пытаясь восстановить равновесие». Это то, что сказали вы сами. И вы ни разу не говорили, что она держалась за вас.

— Ну, значит, я просто ошибся,— ответил я.— Ведь все произошло так быстро. Не каждый же день я оказываюсь в ситуации, когда мне приходится удерживать людей, падающих с горы в пропасть.

— Вы правы, действительно, не каждый день,— по-прежнему улыбаясь, сказал Слоттери.— А как часто вам приходилось оказываться в ситуациях, когда вы помогали им в этом? — спросил он уже саркастически. Улыбка мгновенно исчезла. Теперь появлялся настоящий Слоттери.

— Что вы имеете в виду? — заикаясь, спросил я. Он застал меня врасплох, и мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

— Ну полно,— резко сказал Слоттери.— Вы же сами и столкнули миссис Адамс с утеса. А мистер Адамс заплатил вам за эту услугу. Я пока не знаю, зачем это ему понадобилось. Страховка? Другая женщина? Но я это выясню. Но то, что он вам заплатил, это факт, миссис Весей видела это. И вы столкнули женщину в пропасть, а теперь пытаетесь представить все дело как несчастный случай.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — сказал я ослабшим голосом.

— В легких миссис Адамс не было воды,— сказал Слоттери.— Это доказывает, что она не утонула. Она умерла от удара. На ее теле были обнаружены следы множества ударов. И я уверен, что один из них,

фатальный, был нанесен вами до того, как она упала с горы.

— И вы можете это доказать? — закричал я.— Она разбилась, упав с высоты на камни.

— Да, так могло быть,— согласился Слоттери.— Но когда мы извлекли ее тело из моря, она все еще продолжала сжимать в кулаке вашу пуговицу. Если бы она действительно потеряла равновесие и стала падать, она старалась бы спасти себя. Конечно, в той ситуации это было бы бесполезно. Но она все равно сделала бы это инстинктивно. При этом она обязательно разжала бы кулак, и пуговица выпала бы. Так почему же этого не произошло?

— Я не знаю,— ответил я. Доводы Слоттери просто ошарашили меня. Я не знал, что делать.

— А я знаю,— сказал Слоттери.— Так произошло потому, что, падая с обрыва, она уже была мертва. Вы сначала разбили ей голову, а уже потом скинули с утеса.

— Я уже сказал, что это глупость! Вы не сможете это доказать! — запротестовал я.

— Думаю, что смогу,— сказал Слоттери.

— Каким образом?

Он перегнулся через стол и, приблизив свое лицо почти вплотную к моему, прошептал: «Предсмертный спазм».

Теперь я окончательно растерялся.

— Я не понимаю,— сказал я наконец.

— Тогда я объясню,— сказал Слоттери.— Если вы войдете в комнату и увидите там человека с дыркой в голове и с дымящимся пистолетом в руке, вы не сможете с полной уверенностью сразу сказать, что это — самоубийство или же убийство, выдаваемое за самоубийство. И лишь осмотрев тело внимательно, можно будет обнаружить, что пистолет зажат в руке погибшего настолько крепко, что потребуется значительное усилие, чтобы разжать его пальцы и взять оружие. Только после этого можно с уверенностью утверждать, что человек убил себя сам.

Слоттери сделал паузу, чтобы убедиться, что я его понимаю.

Я понимал. И он продолжил:

— Когда насильственная смерть настигает человека внезапно, мускулы его тела напрягаются. Вот это и есть так называемый предсмертный спазм. Отдельные мускулы напрягаются сильнее других. При этом сильнее всего спазмируют мускулы рук. Пальцы сжимаются в кулак. И они будут удерживать в кулаке любой предмет, который оказался там в момент смерти.

Вы боролись с миссис Адамс у обрыва. Она оказала сильное сопротивление, оторвав пуговицу от вашего пальто в тот самый момент, когда вы нанесли ей удар по голове, возможно камнем, и убили ее. Вам не повезло. Если бы между тем, как она оторвала у вас пуговицу, и вашим ударом по ее голове прошла хотя бы пара секунд, она бы наверняка выронила пуговицу из руки.

Вот с этого-то момента все в этом деле для меня пошло плохо. И в конце концов я рассказал Слоттери все, как было. Все, что расскажу сейчас и вам.

Да, я действительно был знаком с Джорджем. Я рассказал ему о женщинах, с которыми имел дело, и о том, как с ними развлекался.

Джордж слушал меня спокойно. Затем он признался, что и у него есть другая женщина. Это было для меня неожиданностью. Джордж никогда не производил впечатления гуляки.

Его тайная любовница была единственной женщиной его жизни. Свою жену Мавис он ненавидел. Он ненавидел ее долгие годы. Они были такими разными, и у них не было ничего общего. Поэтому когда он встретил другую женщину, он решил освободиться от жены. Он застраховал ее жизнь. Но не на очень крупную сумму. Ровно на столько, чтобы ему хватило на комфортную жизнь и в то же время не могло вызвать подозрений в том, что он был очень заинтересован в ее смерти.

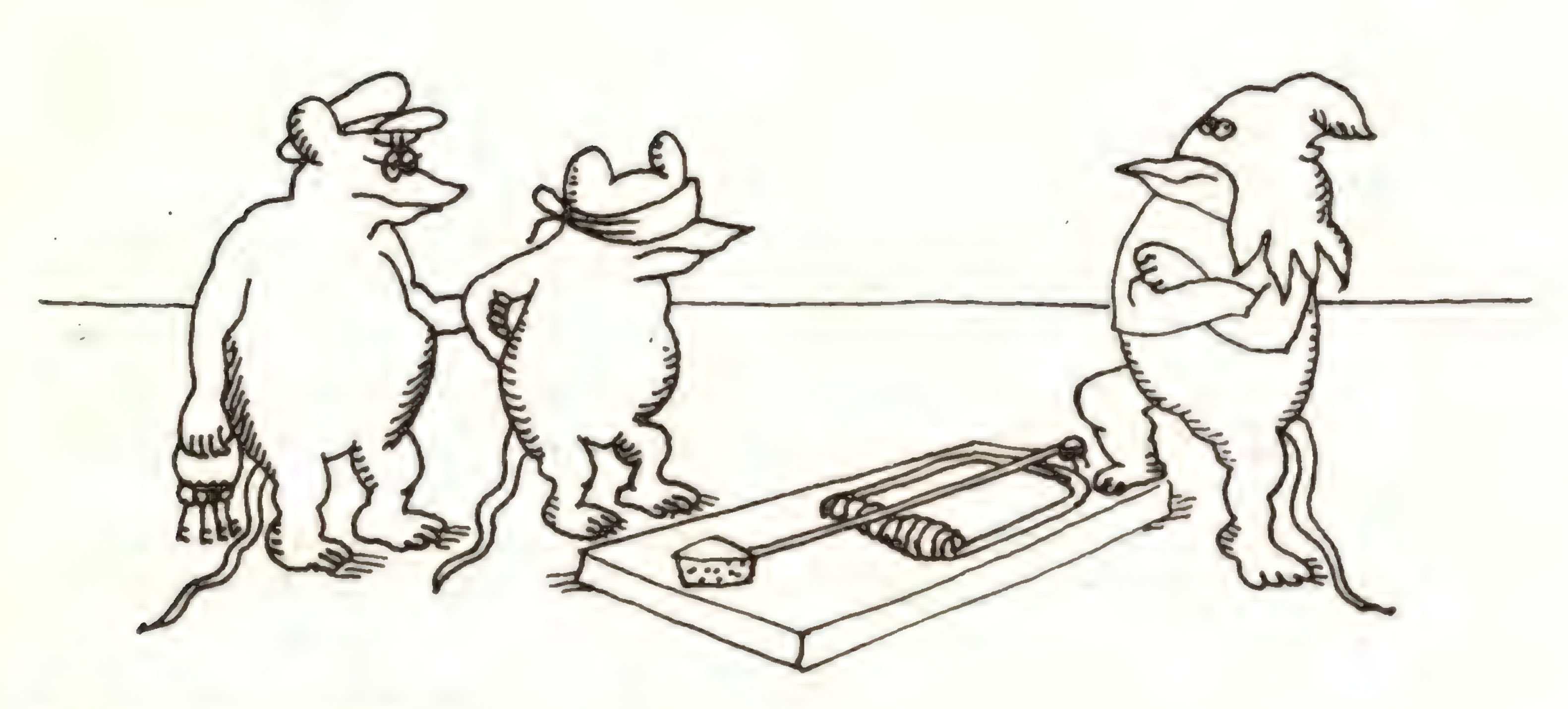
И затем он стал ждать. Он ждал три года. Три года тайных встреч с любовницей. Три года поиска наилучшего варианта, как избавиться от ненавистной жены, и вот тогда-то он и обратился ко мне, потому что знал, что у меня всегда нехватает денег. Веселенькие дела стоят недешево. А что касается заработков, то мне всегда как-то не импонировал образ жизни с работой с 9 до 18. Слишком много ограничений.

Ну вот теперь и вы знаете всю правду. Вот потому-то я теперь и говорю: никогда не помогайте другу. Запомните это, иначе, как и я, можете оказаться здесь.

Мне, конечно, очень бы хотелось побыть с вами подольше, но я не могу. Я слышу, как сюда идут люди. Мне придется совершить с ними непродолжительную прогулку. Это недалеко отсюда, в соседней комнате. Там опускающийся люк в полу и деревянная балка под потолком. Да, еще там пара веревок, свисающих с той балки. А на конце у них петли.

Сейчас я снова увижу Джорджа. Мне кажется, я уже слышу, как он идет по коридору вместе с теми же людьми, которые идут и ко мне.

И вроде бы он плачет? Это забавно. Никогда не думал, что Джордж настолько эмоционален.



А сыр у вас свежий?

Дела давно минувших дней

Алан РОЙ

Гениальные мошенники

Французский журналист Алан Рой долго работал парижским корреспондентом ряда немецких газет и журналов. И все это время он внимательно следил за деятельностью Интерпола. Выбирая наиболее интересные дела, рассказывал о них своим читателям. Впоследствии все эти рассказы он собрал в книгу «Интерпол», отрывки из которой мы предлагаем нашим читателям.

«ЖЕНА» ДВУХ «МУЖЕЙ»

Предвоенное лето 1939 года подарило Европе всю роскошь света и тепла, как будто природа решила дать напоследок людям насладиться сиянием солнца, яркостью красок и всей прелестью мира, прежде чем он погрузился в пучину страданий мировой войны.

Молодая дама, которая безоблачным июльским днем ехала в кремовом автомобиле по парижской улице Мира, безусловно, воплощала в себе частицу прелести этого мира. Она в счастливом возрасте между тридцатью и тридцатью пятью годами. Светловолоса, очень красива, очень элегантна. Слева и справа проносятся перед ее глазами дома моды, парфюмерные и ювелирные магазины, которые превращают улицу Мира в страну мечты для прекрасной половины человечества. На Вандомской площади, похожей на шкатулку для драгоценностей, дама велит шоферу остановить машину у роскошного магазина ювелира Виньо.

— Месье Виньо,— произносит она мелодичным голосом,— я бы хотела взглянуть на вашу коллекцию.— И, одаривая его благосклонным

взглядом, продолжает: — Говорят, ваши бриллиантовые колье самые лучшие в Париже.

Месье делает легкий полупоклон:

— Вы оказываете мне слишком много чести, мадам. Пожалуйста, присядьте в это кресло. Я не заставлю вас долго ждать.

Он достает из сейфа уложенные на черный бархат алмазные колье. Искрящиеся, сверкающие бриллианты — страстная мечта любой женщины.

Месье Виньо всегда отличал настоящих покупателей от ненастоящих. До сих пор интуиция и опыт не подводили его.

Замужем ли красавица? И на этот вопрос он отвечает удовлетворительно. У нее манеры настоящей госпожи, чей муж занимает высокое положение.

Довольный собой и своим диагнозом, ювелир возвращается в салон, он — сама любезность.

— Вуаля, мадам! Это колье достойно, чтобы вы носили его,— галантно говорит он.— Позвольте, я помогу застегнуть замочек.

Он отходит в сторону и наблюдает, как женщина ведет немой, почти благоговейный разговор с драгоценным украшением. Он молчит, потому что для него это момент истины, который не должен быть нарушен.

Но покупательница кладет колье на бархатную подушечку и скользит взглядом по другим украшениям. В ее глазах появляется вдруг особый блеск.

— Разрешите примерить это колье? — спрашивает она, указывая на подушечку слева.

— Прошу вас, мадам.

Виньо берет ожерелье и бережно застегивает его на стройной шейке. Солнечный луч заставляет бриллианты вспыхнуть тысячами искр.

Даже мадам Раймонда, старшая продавщица, замирает, завороженная блеском сияния живой и неживой красоты. На атласной шее красивой покупательницы драгоценные камни обретают новое сияние.

Ювелир подносит ей зеркало. Глаза покупательницы сверкают так же ярко, как и камни, которые она нежно ласкает пальцами.

Внезапно она возвращается из мира грез к действительности:

— Сколько же это стоит, месье?

Месье Виньо чувствует себя неловко. Говорить о деньгах с красивой женщиной кажется ему неприличным. Женщина должна выбирать, мужчина должен платить. Наконец он произносит, понизив голос до шепота:

— Двести тысяч франков.

Она едва заметно вздрагивает, и если бы месье Виньо в это мгновение оказался наблюдательным, то увидел бы улыбку алчной радости, мелькнувшую на ее лице. Это заставило бы его призадуматься. Но ювелир захвачен радостным чувством уверенности, что эта покупательница возьмет колье.

Мадам не разочаровывает его. Нисколько не обескураженная астрономической цифрой, она говорит: «Вы понимаете, конечно, что я должна посоветоваться с мужем. И если он будет восхищен этим произведением искусства не меньше моего, то...»

— Уверен, мадам, что его вкус совпадает с вашим. Могу ли я узнать, с кем имею честь?

— Я — мадам Плесси-Лебретон.

Месье Виньо кланяется. Профессор Плесси-Лебретон — известный ученый, член Медицинской академии, его труды по психиатрии известны всему миру. Известно также, что он очень богат.

— Когда мадам желает, чтобы я привез украшение?

— Когда захотите, дорогой месье. Я уже сказала, что должна получить согласие мужа. Он очень занятой человек, ему нелегко найти свободную минуту, чтобы поговорить с вами. Можно мне позвонить вам?

— Разумеется, мадам. Очень рад. Вот моя визитная карточка. Я в полном вашем распоряжении.

Она берет сумочку из крокодиловой кожи и выходит из ювелирного магазина. Солнце ослепляет ее на секунду. Она останавливается и покупает у разносчика «Пари Суар». Шофер, сняв фуражку, ждет ее у открытой дверцы роскошного автомобиля. Садясь в машину, она демонстрирует ножку изумительной формы.

Автомобиль уезжает по улице Мира в направлении Оперы и растворяется в потоке других машин...

* * *

Солидный частный дом около парка Монсо, построенный в стиле начала века, с аллегорическими каменными фигурами. Фасад внушительный, дощечка с именем владельца, не бросающаяся в глаза, скромная, как у очень известных и очень богатых людей.

Элегантная молодая дама нажимает на кнопку звонка. Через несколько секунд дверь открывает юная служанка:

— Что желает мадам?

— Я к профессору Плесси-Лебретону.

— Вы записаны на прием?

— Да, на четыре часа.

— Пожалуйста, войдите, мадам.

Женщина идет за служанкой в салон, выдержанный в стиле Луи Шестнадцатого. Мимоходом она отмечает изысканный вкус в убранстве комнаты.

— Как доложить?

— Клэр Виньо. Пожалуйста, передайте профессору карточку моего мужа.

Посетительница медленно снимает перчатки и внимательно осматривает салон. Ее глаза задерживаются на застекленной витрине, в которой расставлены фигурки из нефрита. Бешеных денег должно это стоить. При этой мысли ее лицо оживляется.

— Мадам Виньо, профессор просит вас.

Профессор сидит за письменным столом, заваленным бумагами и медицинскими журналами. Он снял очки, протирает стекла и внимательно рассматривает посетительницу. Она положила ногу на ногу; ее выразительное лицо отличается редкой красотой. Профессор не может вспомнить, видел ли он ее раньше. Но о ее муже он, конечно же, слышал, его считают одним из самых богатых ювелиров Парижа.

— Слушаю вас, мадам.

Она медлит, в глазах беспокойство.

— Месье профессор, я в замешательстве... Не знаю, как начать... Я...

На мгновение у него мелькает подозрение, что женщина собирается жаловаться на неудачное замужество и неудовлетворенность в любви. Как многие, которые приходят к нему за утешением и советом и которым он не может помочь, потому что богатство и женское счастье редко идут одним путем.

Однако мадам Виньо, по ее словам, пришла не из-за себя.

— Я пришла... Я обеспокоена душевным состоянием своего мужа.

— Расскажите все спокойно, мадам,— говорит профессор с отеческой теплотой в голосе,— почему вы пришли к такому умозаключению.

— О, профессор,— теперь ее речь полилась потоком,— мы женаты семь лет, брак наш я считаю удачным. Мой муж — известный ювелир, он любит свое дело, и я горжусь им. Подруги завидуют мне, они видят в Пьере идеального супруга. То есть видели раньше. А теперь все иначе.

— Так. И почему же?

— Все началось пять или шесть недель назад. Сначала я не придавала этому никакого значения. Но теперь стало невозможно терпеть. Каждого человека он принимает за покупателя; в ресторане, в театре, в гостях он докучает людям, предлагая им «хорошую сделку», даже удерживает их за лацканы. Он буквально навязывает кольца, брошки или колье. Вы представить себе не можете, в какие ужасные ситуации мы попадаем. Я беспокоюсь о нашей репутации. Это ненормально, мой муж явно болен.

Ее глаза увлажнились. Профессор Плесси-Лебретон тактично опускает взгляд. Услышанное не вызывает у него беспокойства. Очевидно, переутомление, навязчивая идея. С психическими заболеваниями это не связано.

— Мадам,— говорит он наконец,— вы видите все в слишком мрачном свете. Такие навязчивые состояния вылечиваются без труда. Может быть, вы уговорите мужа прийти ко мне?

— Признаюсь, что я об этом заранее подумала. Уверена, что смогу убедить его в необходимости визита к врачу.

— Тем лучше. Какое время мы выберем?

Звонок телефона прерывает профессора. «Да, Плесси-Лебретон слушает. Что вы говорите?»

Женщина пытается угадать по его лицу, о чем идет речь. На ее лице выражение испуга. Она бледнеет.

Профессор смеется кому-то в ответ. Он кладет трубку.

— Извините, нам помешали. Итак, вернемся к делу. Давайте назначим встречу на завтра, на пять часов?

— Превосходно, профессор, и тысяча благодарностей. Еще одно. Нельзя ли устроить так, чтобы я пришла к вам на несколько минут раньше, чтобы нам с мужем встретиться здесь? Ему было бы неприятно ехать к вам как совсем больному, в сопровождении жены. Но в то же время мое участие и присутствие здесь его поддержат.

— Очень хорошо, мадам, ничего нет проще. Вы можете ожидать супруга в салоне. Я попрошу свою ассистентку оставить вас с мужем наедине. Вы поговорите с ним предварительно, а потом я приглашу его в кабинет.

— Крайне вам обязана, профессор. Значит, завтра около пяти часов?

— Договорились. Очень рад был познакомиться с вами, мадам.

Профессор провожает посетительницу до дверей и целует ей руку...

* * *

...Спустя некоторое время у ювелира, месье Виньо, звонит телефон. Это звонок, которого он ждал весь день? Да, именно так.

Он слышит в трубке неповторимый голос интересной женщины, которая накануне примеряла его бриллиантовые колье: «Говорит мадам Плесси-Лебретон. Я только что советовалась с мужем. Он будет рад видеть вас завтра в пять часов».

Ювелир сияет от удовольствия. Сегодня для него большой день — он продаст очень дорогое колье. Самое великолепное его ожерелье будет украшать красивейшую женщину в Париже. Чувства гордости в нем едва ли не больше, чем мысль о полученной прибыли. В душе он все-таки художник, а не коммерсант.

Он не подозревает, что через двадцать четыре часа эта история станет «делом номер такой-то» в Интерполе...

...На следующий день около пяти часов пополудни ювелир Виньо вручает шляпу и перчатки служанке профессора Плесси-Лебретона. Плоский, завернутый в шелковую бумагу футляр он держит в руках.

— Я договорился с господином профессором на пять часов.

— Вы месье Виньо?

— Да, это я. Надеюсь, не опоздал.

— Напротив, месье, профессор просит вас подождать немного. Пройдите, пожалуйста, в салон.

Девушка открывает двери в салон и подает ожидающей там даме условный знак. Затем она впускает ювелира и отступает от дверей. Месье Виньо узнает в даме, которая с книгой в руках отдыхает на диване, свою очаровательную покупательницу, мадам Плесси-Лебретон.

В платье из красного шелкового муслина она кажется ему еще прекраснее. На ней скромное, но выбранное со вкусом украшение — тройная нитка жемчуга.

Месье Виньо останавливается в смущении. Ему кажется, что он помешал ей отдыхать. И от этого у него чувство неловкости. Мадам заметила его смущение, она надевает сброшенные туфельки и поворачивается к нему с благосклонной улыбкой.

— Рада вас видеть, месье. Присядьте, пожалуйста,— говорит мадам и продолжает, понизив голос: — он почти согласился. Но вы должны помочь, чтобы у него не осталось никаких сомнений, хорошо?

— Разумеется, мадам, ведь это моя профессия!

— Пожалуйста, месье,— ее голос становится еще мягче и вкрадчивее,— не покажете ли вы колье еще раз?

Ювелир с осторожностью, почти торжественно разворачивает тонкую бумагу и отпирает шкатулку. В ней покоится божественное украшение во всей его сверкающей красоте.

— Оно еще прекраснее, чем мне показалось вчера,— вырывается у мнимой мадам Плесси-Лебретон. Она подходит к ювелиру, берет колье из его бархатной колыбели и прикладывает к шее.— Позвольте мне еще раз примерить его перед моим туалетным столиком, или нет...— Ей как будто внезапно приходит удачная мысль: — Я знаю, как лучше всего

убедить моего мужа. Я надену вечернее платье и к нему колье. Извините, я недолго...

— Блестящая идея, сударыня, если это вас не затруднит.

Она берет колье и скрывается за дверью. Ювелир провожает ее взглядом. Мысленно он видит, как она с помощью горничной облачается в роскошный туалет. И его глаза блестят ожиданием...

Профессор Плесси-Лебретон смотрит на часы. Четверть шестого. «Ну,— думает он,— пятнадцати минут для мадам Виньо довольно, чтобы придать смелости супругу». Он с интересом ждет встречи с ювелиром, о котором много слышал. «Странные вещи рассказала мадам Виньо о поведении мужа. Вряд ли это признаки развивающейся психической болезни. Скорее всего ей показалось. Сейчас увидим».

Он нажимает кнопку на письменном столе и приказывает вошедшей ассистентке:

— Попросите ко мне месье и мадам Виньо.

— Сейчас, месье профессор. Но должна сообщить, что мадам Виньо только что ушла.

— Вот как? — Профессор секунду недоумевает. Разве мадам Виньо не сказала ему, что во время приема она хочет быть рядом с мужем? Может быть, он неправильно ее понял. Тем лучше, он поговорит с пациентом без свидетелей.

Но месье Виньо, который входит в кабинет, не производит впечатления пациента. Уверенный в себе господин, само воплощение серьезности и деловитости. Какие опасения он мог вызвать у мадам Виньо?

Мужчины здороваются, обмениваются любезностями.

— Сигарету?

— Нет, благодарю.

— Может быть, сигару?

Месье Виньо отказывается и от сигары:

— Месье профессор, я убежденный противник курения. Позвольте перейти к делу. Я знаю, что ваше время дорого.

— Для моих пациентов у меня всегда есть время, месье Виньо. Прошу вас быть откровенным со мной и рассказать, что вас угнетает.

Ювелир ошеломленно смотрит на профессора:

— Что вы сказали? Что я должен сделать?

Но профессора нелегко сбить с толку.

— Да, да,— говорит он успокаивающе,— расслабьтесь, не волнуйтесь, у нас есть время. Я уже слышал, что вы переутомились. Будьте уверены, дорогой, это самый обычный случай. Я часто наблюдал на своих больных, что ежедневное общение с клиентами очень отягощает психику. В один прекрасный день нервы сдают. Не бойтесь, против переутомления есть много разных средств.

Теперь ювелиру становится не по себе. Что профессору от него надо? Он пришел ведь не для того, чтобы беседовать о нагрузках современного делового человека. Может быть, профессор чудаковат и привык со всеми разговаривать как с больными? Такое случается.

Впрочем, это его забота. Для ювелира же дело идет о громадной сумме, вот-вот появится мадам в вечернем платье и бриллиантовом колье. Профессор придет в восторг и выпишет чек.

Посему Виньо говорит примирительным тоном:

— Вы совершенно правы, профессор. Иногда я с облегчением запираю мой магазин вечером. Не все покупатели так приятны, как вы и ваша супруга...

Теперь очередь изумляться за профессором:

— Я не совсем вас понимаю. О чем вы, собственно?

— О чем я? Но вы же знаете, профессор. О бриллиантовом колье, конечно.

— О каком еще колье?

— О бриллиантовом колье, которое купила ваша супруга. Вернее, хочет купить, если вы дадите согласие.

«Да, он не в себе,— думает профессор,— мадам Виньо была права, когда жаловалась, что он всем подряд навязывает украшения и драгоценные камни. Бедная женщина, в какие неприятные ситуации она попадает, если Виньо даже здесь, в кабинете врача, не может противостоять искушению».

— Дорогой господин Виньо,— говорит профессор с мягкой настойчивостью,— совершенно исключено, чтобы моя жена купила у вас колье. Потому что я не женат. Я убежденный, неисправимый холостяк.

«Этого не может быть,— думает Виньо.— Психиатр сам с большим приветом». Вслух же он произносит:

— Извините, профессор, я говорю о вашей супруге, мадам Плесси-Лебретон. Я видел ее две минуты назад. В вашем салоне. Она взяла колье и ушла к себе, чтобы надеть вечернее платье. Она хочет поразить вас. Сейчас она войдет.

Врач серьезно озабочен.

— Дорогой месье Виньо, вы не узнали собственной жены? Та женщина в салоне была ваша супруга, мадам Виньо.

Ювелир вскакивает:

— Месье профессор, вы разыгрываете недостойную комедию! Чтобы все стало ясно: позвоните по телефону Опера, 14-97, спросите служащих в моем магазине, женат я или нет. Спросите!

Вспышка ювелира производит на профессора впечатление. Сумасшедшие так не разговаривают: этот человек отдает себе отчет в происходящем. Тем не менее Плесси-Лебретон набирает номер.

— Нет, нет, месье Виньо не женат и никогда не был женат,— отвечают ему.

— Значит, вы тоже не женаты,— говорит профессор в полной растерянности.— Но скажите мне ради всего святого, что означает весь этот спектакль?

— Я уже сказал вам,— возбужденно отвечает ювелир.— Я принес в ваш дом колье. Очень дорогое колье. Оно стоит двести тысяч франков. И либо я получу от вас чек, либо ваша супруга вернет мне колье.

— Я не же-нат! — При каждом слоге профессор стучит рукой по столу.

— Женаты вы или нет, позовите даму, которая встретила меня у вас в салоне.

— Но она ушла, разве я не сказал вам?

— Ушла? — Голос ювелира похож на стон.— Вы сказали, ушла? Боже! Мои бриллианты!

Врач давит на кнопку звонка. «Сердечные капли!» — приказывает

он. Ювелиру действительно плохо.

— Полицию! — хрипит Виньо.— Сейчас же вызвать полицию! Эта дрянь провела нас, немыслимым образом провела!

Внезапно силы возвращаются к нему, голос его крепнет:

— Она перехитрила нас. Примите мои поздравления, профессор. Вы, со всей вашей премудростью! Психиатр, которого мошенница может обвести вокруг пальца,— это уже предел... А я! Мои драгоценности!

Он кидается к двери, прыгает через ступеньки, бежит к автомобилю. Перчатки и шляпу он забыл...

...На другой день он приходит снова, смущенный и пристыженный, чтобы извиниться перед профессором Плесси-Лебретоном. И профессор прощает ему некорректное поведение. Как можно сердиться на человека, которого так грандиозно одурачили...

* * *

Сотрудники парижской полиции, которым поручили это дело, предположили, что похитительница бриллиантов действовала не в одиночку. Многое говорило за то, что она была членом международной банды мошенников. Были похищены такие редкие бриллианты, сбыть которые можно только за границей. Поэтому к делу решили подключить Интерпол. Из Парижа срочно связались с Веной, где тогда располагалась главная штаб-квартира Международной организации уголовной полиции.

Но прекрасная мошенница и ее сообщники воспользовались обстоятельством, которое не учли в парижской полиции: Интерпол в течение нескольких месяцев не мог действовать в полную силу. Причина заключалась в том, что, по настоянию тогдашнего начальника немецкой полиции Гейдриха, штаб-квартира Интерпола перемещалась из Вены в Берлин.

Когда ювелир Виньо сообщил о краже, важнейшие материалы и картотеки Интерпола как раз находились на пути в Берлин.

Именно картотека преступников является главным инструментом Интерпола, его острейшим оружием в борьбе против международной преступности. А ее-то, на беду несчастного Виньо, и не было. И очень долго. Потому-то розыск прожженной мошенницы, разыгравшей столь хитроумный спектакль с ювелиром и профессором, не имел успеха. А разразившаяся вскоре война и вовсе положила ему конец.

Остается сказать, что фирма того ювелира, чье имя в рассказе изменено, существует и сегодня и по-прежнему имеет свой роскошный магазин на Вандомской площади в Париже.

И СУД ЕГО ПОДДЕРЖАЛ

В картотеке штаб-квартиры Интерпола те его «клиенты», на которых нет персональных данных, классифицируются по «модус операнди». В переводе — «по образу действий». Иначе говоря: «по почерку». Ибо почти все преступники подчиняются одной роковой для них закономерности: они придерживаются одних и тех же изобретенных ими приемов. По этим приемам их можно «вычислить».

«Почерк» мошенницы с Вандомской площади не имел аналогов,

в архивах Интерпола он причислен к редчайшим способам мошенничества. Но по уровню изощренности он не уникален. Интерполу известны и другие случаи столь же хитроумных комбинаций.

Один английский джентльмен, назовем его Джорджем Карстером, придумал способ выманивания денег не только не нарушая закон, но, наоборот, используя в своих преступных целях полицию и суд. Местом действия он выбрал Париж. Его воображение тоже волновали ювелиры с улицы Мира.

Мистер Карстер предусмотрел все. Приехав из Лондона в Париж и намереваясь провернуть дерзкую операцию, он остановился в лучшем отеле «Ритц» на Вандомской площади. Где же еще — ключом к успеху были дерзость и отвага.

Проведя спокойно несколько дней в «Ритце», он приступил к делу. В субботу, в половине одиннадцатого, Карстер отправился к одному из известных ювелиров на улице Мира. В магазине он вел себя очень уверенно, заявив, что собирается приобрести «кое-какие мелочи» для жены — кольцо или брошь, может быть, и то и другое.

Однако предлагаемые ювелиром вещи ему не особенно нравились. Он с сомнением разглядывал драгоценности, отдавал предпочтение то одной, то другой, потом отказывался от своего выбора.

Ювелир постепенно терял терпение. «Либо этот человек не знает, чего хочет,— говорил он себе,— либо это разбогатевший хам, который заставляет всех плясать вокруг себя».

Оба предположения не соответствовали истине. Мистер Карстер хорошо знал, чего хочет. Он хотел затянуть время. Это входило в план.

Когда часы пробили двенадцать, мистер Карстер сделал выбор. Два очень дорогих украшения. Он заплатил чеком одного из парижских банков.

Это ювелиру не понравилось. Каждый знал, что в Париже банки закрываются по субботам в полдень. Тот, кто платил чеком после закрытия банков, не будучи лично знаком владельцу магазина, вызывал подозрения. А мистер Карстер не только не был знаком ювелиру, он был иностранец.

Карстер заметил колебания ювелира и почувствовал удовлетворение. Все шло по плану.

Теперь следовало разыграть возмущение. «Я не для того пришел в ваш магазин, чтобы меня оскорбляли! — твердым голосом заявил он.— Если вы сомневаетесь в моей платежеспособности, позвоните в отель «Ритц». Скажите служащим, что я прошу их дать обо мне сведения».

Сведения из дирекции отеля оказались положительными. Мистер Карстер был не только человеком с большим чувством собственного достоинства, но и состоятельным бизнесменом.

Ювелир принес свои извинения. Разумеется, он примет чек к оплате. «Понимаете ли...» — попытался он объяснить свои колебания, но мистер Карстер добродушно махнул рукой: «Ладно, ладно, вина моя, а не ваша. Мне следовало помнить, что банки закрываются в двенадцать».

Не успело недоверие ювелира рассеяться, как дальнейшее вновь пробудило его. Джордж Карстер, покинув магазин, повел себя очень странно. Остановившись в нескольких метрах от салона ювелира, он рассматривал дома на противоположной стороне улицы. Время от време-

ни озирался, как будто боялся, что за ним следят. Потом он быстро пересек улицу и вошел в другой ювелирный магазин.

Наш ювелир № 1 забеспокоился. Как быть, позвонить ли владельцу того магазина? Но, возможно, его подозрения — плод фантазии и он только поставит себя в смешное положение? Что делать с чеком, в котором указана невероятно большая сумма? Имеет ли чек покрытие? Можно ли доверять служащим из отеля «Ритц»? В конце концов эти господа могли судить только по внешнему виду мистера Карстера, банковского счета своего клиента они не видели. А все решает именно банковский счет.

Ювелир решил рискнуть. Он позвонил коллеге. И не пожалел об этом. То, что он услышал по телефону, подтвердило самые худшие его ожидания.

Мистер Карстер пришел ко второму ювелиру не для того, чтобы купить что-то, а чтобы продать. Он сообщил, что приобрел в магазине напротив дорогие украшения, но теперь жалеет об этом. Однако он стесняется вернуть их хозяину. Не купят ли у него здесь эти ювелирные изделия.

Ювелиру № 2 предлагаемая сделка показалась подозрительной. Поэтому он сказал, что не советовал бы мистеру Карстеру продавать только что купленные вещи. Тем более потому, что он не сможет дать за них настоящую цену.

Но даже мысль о финансовых потерях не остановила мистера Карстера. «Пусть лучше я потеряю деньги, чем буду видеть эти драгоценности и постоянно раздражаться»,— ответил он.

В этот момент ювелира позвали к телефону. Это был его коллега из магазина напротив, который рассказал ему о странном покупателе. Обменявшись мнениями, оба ювелира пришли к выводу, что мистер Карстер мошенник. «Мы должны вызвать полицию,— сказал первый ювелир.— Задержите этого субъекта подольше. Изобразите дело так, будто вы согласны заключить сделку».

Когда появились сотрудники уголовной полиции и вежливо, но настойчиво предложили мистеру Карстеру последовать за ними в участок, тот энергично запротестовал. «Посягательство на права личности! — возмущался он.— Вы будете раскаиваться в этом!»

Полицейским было не привыкать к таким протестам. Каждый мошенник громко кричит о своей невиновности.

Итак, приступ ярости не помог мистеру Карстеру. Его увели. Когда оба ювелира изложили суть подозрительного поведения «покупателя», сотрудники полиции обрели уверенность в том, что перед ними международный мошенник высокого класса. Поэтому, вероятно, потребуется время, пока он признается. Спешить некуда, в тюрьме сколько угодно свободных камер.

Но мистер Карстер как раз спешил. Все нетерпеливее посматривал он на свои золотые часы-браслет. «Господа, вы делаете большую ошибку. В чем моя вина? Я захотел продать эти украшения. Разве это преступление? Мне кажется, вы хватили через край. Кроме того, сегодня вечером мне нужно вернуться в Лондон. У меня важная деловая встреча. Речь идет о миллионах, господа. О миллионах! Вот, кстати, мой билет на самолет».

«Птичка хочет упорхнуть»,— решили полицейские, и их подозрения усилились. Нет уж, они его из рук не выпустят. В камеру его, в камеру! Там он одумается!

Мистер Карстер не одумался. Он бушевал в своей камере, колотил в дверь:

— Выпустите меня, я невиновен!

Полицейские не обращали на него внимания. В понедельник они собирались отправить его к судебному следователю. Пусть там попробует втирать очки, вряд ли ему это удастся.

Однако в понедельник и полиция и ювелир, подавший жалобу на мистера Карстера, оказались в неприятном положении.

Ювелир подал к оплате в банк чек мистера Карстера. Он ожидал, что кассир пожмет плечами и с сочувствием скажет: «Очень жаль, но чек не имеет покрытия». Это было бы уликой против Карстера. Но получилось по-другому. Банковский служащий проверил счета и вежливо спросил: «Вы хотите получить наличными или переведете сумму на другой счет?»

Таким образом, с чеком все было в порядке.

А мистер Карстер мог себя поздравить. Его план полностью удался. Его, как он и рассчитывал, без оснований заподозрили в мошенничестве и без вины бросили в камеру. Теперь осталась самая простая часть операции.

Карстер обратился в суд с жалобой на ювелира и потребовал возмещения ему материального и морального ущерба за незаслуженное пребывание в тюрьме. Суд признал его правоту и присудил ювелира к выплате 100 000 франков. Все в строгом соответствии с законом.

Перевод с немецкого Ю. ЯКИМОВИЧ.

Из записок первого начальника Российского национального центрального бюро «Интерпол — Москва»

К. РОДИОНОВ

Неугомонный Спартак

В октябре 1992 года наша страна вступила в Международную организацию уголовной полиции. И через две недели, как этого требует устав Интерпола, было создано наше Национальное центральное бюро (НЦБ) — особая служба для поддержания постоянных связей со штаб-

квартирой Интерпола в Лионе (Франция), а так же и с другими такими же НЦБ в разных странах.

По установившейся в Интерполе традиции все НЦБ имеют для официальной переписки стандартные сокращенные наименования с указанием места их расположения: «Интерпол — Париж», «Интерпол — Лондон», «Интерпол — Токио» и т. д.

Наше, естественно, назвали «Интерпол — Москва». Штат ему поначалу определили в двадцать с небольшим человек. Каждый из них помимо практического опыта оперативной работы в уголовном розыске БХСС или следственных органах, должен был иметь если не опыт, то хотя бы какие-то данные для общения с зарубежными партнерами. И обязательно хорошо знать один из официальных языков Интерпола — английский или французский.

Готовых людей для работы в столь необычном подразделении у прежнего МВД СССР не было. Их предстояло еще отобрать и обучить. Запросы же, как только было объявлено о создании «Интерпол — Москва», тут же посыпались отовсюду. А у меня, назначенного тогда первым начальником нашего НЦБ, в штате пока было лишь два сотрудника.

Крутились как могли. Чаще других приходили запросы из Польши, Венгрии и Югославии с просьбой удостоверить личность задержанных за границей советских граждан, подозреваемых в кражах в магазинах самообслуживания, в мошенничестве или подделке документов. Потом из Германии пошли запросы подтвердить подлинность водительских удостоверений или дипломов бывших советских немцев.

Много запросов поступало из Австрии. Потом пошли запросы и из США, Англии, Финляндии, Израиля и даже из далекой Австралии. Отовсюду, куда судьба стала забрасывать наших соотечественников, решивших заняться там неправедной добычей денег для «красивой жизни».

Слава богу, все эти запросы были пока несложными, и мы с ними справлялись без проблем и каких бы то ни было последующих осложнений. Так же, нам казалось, прошел и запрос, полученный из НЦБ США. В нем американские коллеги просили срочно проверить и сообщить им данные, если таковые у нас есть, о криминальном прошлом советского гражданина Вартуни Спартака Аршаковича, 1931 года рождения, проживавшего ранее в Ереване.

Мы проверили по общесоюзной картотеке МВД СССР в Москве, а потом запросили МВД Армении. Полученные данные совпадали. Оказалось, что С. Вартуни был пять раз судим за кражи, а последний приговор ему был вынесен за хулиганство и причинение в драке телесных повреждений. Сведения эти мы по телексу направили в Вашингтон и были довольны тем, что просьбу американцев, несмотря на трудности нашей связи с Арменией, исполнили точно в срок, определенный в Интерполе для запросов с грифом «срочно».

В последующей суете мы уж и забыли об этом деле, и вдруг через три дня из НЦБ США к нам поступает официальное уведомление о том, что завтра рейсом американской авиакомпании будет депортирован в СССР советский гражданин Вартуни Спартак Аршакович. Встречайте.

Легко сказать «встречайте». А как?

Соединенным Штатам часто приходится выдворять из своей страны

всяких нежелательных иностранцев. Туда всегда, помимо честных иммигрантов, стремились многие темные личности. И для американцев их просеивание и выдворение нежелательных стало обычным делом. Нам же эта процедура была известна в основном теоретически. Если не считать той практики, которую мы имели с работниками дипломатических представительств и прочих иностранных организаций, «засветившихся» при выполнении заданий разведывательных служб и попавших в черный список нежелательных лиц — «персона нон грата».

Но тут скорее всего был иной случай. Но какой? И чем провинился в США этот наш соотечественник столь солидного возраста? И что нам делать с этим Вартуни после получения его от американского конвоя? Где его содержать и куда направить? И как — под конвоем или без? Сразу же переправлять в Армению или же можно передать его в армянское представительство в Москве?

Словом, вопросов было много, а времени на их решение — одни сутки. Но, в общем, приготовились, поехали, встретили.

Вартуни сопровождал конвой из двух американских полицейских. Мы познакомились с привезенными американцами документами. Они были в порядке. Оказалось, что Спартак Вартуни жил несколько лет в США с советским паспортом, в котором не было американской визы. То есть въехал в страну без разрешения ее властей. Правомерность его высылки американцами обратно в Советский Союз не вызывала никаких сомнений.

Мы составили акт приема-передачи депортируемого на английском и русском языках, под документами поставлены подписи. Депортация состоялась. Американцы улетели домой. А мы получили возможность из уст самого Вартуни узнать подробности его приключений, о которых нам уже было известно немало, как из его дела в армянском МВД, так и из документов, полученных из США.

Прежде всего, естественно, интересовало, как этому жителю солнечной Армении удалось без разрешения уехать ни куда-нибудь, а в США, в 1983 году, когда все границы у нас были на очень большом замке. И как ему удалось пройти все фильтры очень жесткого американского пограничного контроля. И как он затем восемь лет жил в этой стране, не имея не только документа на въезд, но и на проживание или даже на пребывание в США. Он не имел совершенно необходимой так называемой «зеленой карточки», которую, приехав в Америку, срочно стремится получить каждый чужеземец, чтобы найти там работу и добывать средства к существованию. Ничего этого у Вартуни не было. Целых семь лет.

И что же выяснилось: когда-то у себя на родине юный Спартак Вартуни много и успешно занимался спортом. Потом стал тренером по вольной борьбе. Но работал нерегулярно, часто и шумно конфликтовал с коллегами и начальством. Был большим любителем долгих кавказских застолий. Несколько раз женился. Последней его женой была Лейла, женщина моложе его на целых 25 лет.

В 1982 году Спартак с Лейлой подали документы на выезд в США. Туда уже раньше на постоянное жительство уехала с мужем сестра Лейлы — Нина. Теперь она звала в Америку и Лейлу. Но только одну, без мужа. Удивительного в этом ничего не было: Нина знала о буйном нраве и дерзких выходках Вартуни и боялась его. Тем не менее супруги вместе

передали свои документы в ОВИР, но разрешение на выезд получила только Лейла. Причем отказ был не от ОВИР МВД Армении, а от американского посольства в Москве.

В итоге в Соединенные Штаты Лейла отправилась одна и поселилась у своей сестры в Калифорнии, в Лос-Анджелесе. Перед расставанием Вартуни сказал жене, что избавиться от него ей не удастся и вскоре он все равно приедет к ней в Америку. Тогда он еще не знал, как и когда это произойдет. Но обещал, что долго на родине не задержится.

Получив отказ американского посольства в визе на въезд в США, Вартуни понял, что официальным законным путем ему туда не попасть. Он решил добраться до Америки иным путем. Поначалу задумал превратиться на время в матроса-такелажника на каком-нибудь торговом судне, отправляющемся к берегам США. Затем возникла идея отправиться в Новый Свет туристом. Причем не в США, куда опять могут отказать в визе, а в одну из соседних стран, в Канаду, скажем, или в Мексику. Практичный человек, Вартуни выбрал, естественно, Мексику. Из нее до Калифорнии, где живет его Лейла, рукой подать.

И вот в декабре 1983 года турист Вартуни прибыл на самолете в Мехико. Там, он знал, есть многочисленная армянская колония, на помощь которой он рассчитывал.

Но и здесь его ожидала неприятность. Оказалось, что и из Мексики легально перебраться в США с имеющимися у него документами Вартуни не удастся. Пограничный контроль американцев на границе с Мексикой очень строг. Но, как все мы знаем из газет, на американо-мексиканской границе есть множество троп, которыми местные контрабандисты переправляют в США наркотики. Мексиканские армяне транспортировкой наркотиков не занимаются. Но они помогли свести Вартуни с промышляющими тем бизнесом «чиканос».

Из Мексики в Калифорнию можно нелегально проникнуть и морским путем. Но водный путь, по общему мнению всех контрабандистов, намного опасней, так как американская морская гвардия несет свою службу особенно зорко. И Вартуни остановился на сухопутном варианте. Глубокой ночью в группе мексиканских контрабандистов Спартак Вартуни совершил свой первый не столь романтический, сколь опасный рейд через мексикано-американскую границу, во время которого ему пришлось вплавь пересекать широкую реку. Но все прошло удачно, и утром следующего дня Спартак уже шагал по земле Соединенных Штатов...

В отделении милиции аэропорта Шереметьево-II, где проходила наша первая беседа с Вартуни, из его корявого рассказа было трудно понять, как он добрался до своей жены в Лос-Анджелес, не зная английского языка. Он и сейчас, после семи лет жизни в США, по-английски говорил еле-еле. Но, в общем, Лейлу свою он нашел, кое-как устроился, потом было много трудностей с работой, приходилось соглашаться на любые заработки, сменить несколько мест жительства. Кем он только не работал: и грузчиком, и сторожем, и вышибалой — было все. И как это ни странно, откуда-то у него завелись деньги. И больших проблем из-за отсутствия документов почему-то не возникало.

В новой заокеанской жизни Вартуни чувствовал себя настолько уверенно, что в 1989 году, когда в Ереване умерла его мать, он спокойненько поехал на ее похороны. Но остаться на родине не захотел, хотя

там у него жил отец. Он собрался обратно в США. Но легальный путь для него по-прежнему был закрыт. Поэтому он решил воспользоваться тем же способом переселения в США, который уже испробовал пять лет назад, исключая туризм. Он устроил себе приглашение приехать в Мексику как бы в гости к родственникам. А дальше все повторилось по первому варианту с контрабандистами.

Вероятно, так бы и жил Вартуни в США долго с советским паспортом, на неясные доходы, не привлекая к себе внимания американской полиции, если бы однажды вдруг не исчезла его жена Лейла. Сам Вартуни не заявил властям о ее исчезновении, это сделала сестра жены Нина. В полиции она рассказала о том, что в последние два года отношения у Лейлы со Спартаком были очень плохи. Ко всем «достоинствам» необузданного нрава, Спартак был очень ревнив и постоянно подозревал жену в измене. Лейла часто говорила Нине о своем желании расстаться с ним навсегда. Она на 25 лет была моложе мужа, и ей хотелось жить по современным американским стандартам, а он, по восточным обычаям прошлого, постоянно требовал смирения и покорности.

Лейла быстро вошла во вкус американской жизни, американского быта. У нее была постоянная и хорошая работа, постоянный заработок, хорошее жилье. А Спартаку были милы обычаи его предков. Нина рассказывала также полиции, что Спартак угрожал убить мятежную Лейлу, если она не изменит своего отношения к мужу.

Ссоры случались все чаще, угрозы расправы повторялись. И вот однажды Лейла исчезла. В США был объявлен ее розыск. Прошло более полугода, и никаких следов. Первое подозрение было на то, что она убита Спартаком. Но тела найти не удалось. Полиция долго работала со Спартаком. Но допросы и доверительные беседы с ним не дали никаких результатов. Как выразился один из американских полицейских, «этот Спартак, как камень — твердый и молчаливый». Сказал: «Ничего не знаю» — и все. Большего от него добиться не удалось. Если трупа нет, то и преступления нет. Дело о пропаже Лейлы «зависло» и было закрыто. Преступление так и осталось не раскрытым. А в том, что это было убийство, в полиции Лос-Анджелеса не сомневался никто. Просто убийца смог надежно спрятать труп.

И вот тогда-то власти США и решили избавиться от такого нежелательного иностранца. Американская юстиция прибегла к самому простому и законному способу избавления — депортации Спартака Вартуни из страны. Вот так он с эскортом, который обошелся американской казне очень недешево, появился в Москве. Кстати, появился с деньгами — только при нем наличными было около десяти тысяч долларов. Присутствовавшему на аэродроме работнику постоянного представительства Армении в Москве Вартуни сказал: «Отец сейчас очень плох. Мне надо съездить к нему в Армению. Помочь в делах, побыть с ним перед смертью».

Но оставаться на родине Спартак не хотел, он прямо заявил: «Когда отца не станет, я снова улечу за океан». Именно так и сказал: «улечу».

Недавно мы поинтересовались, как он там сейчас, в Армении. Нам ответили, что отец Спартака Вартуни умер. А сам он исчез в неизвестном направлении. Судя по всему, снова перебрался в США.

Э. КОТЛЯР

«Русская медведица» — первый бой

Она сидела в дорогой «упаковке», на лбу озорная челка, лицо по-детски пухлое. Но в углах ярко накрашенных губ, под толстым косметическим слоем, угадывалась складка. Карие глаза смотрели вызывающе твердо — я не выдержал и отвернулся.

— «Так вот, фамилию и имя не называть. Фотографироваться тем более не буду! Отвечать согласилась только потому, что думаю, другим девушкам полезно узнать, что было со мной. Кто не испугается — поедет, а кто-то еще и подумает.»

— А ты-то сама туда вернешься?

— Я — да! Но мой случай особый!

— Чем же он отличается?

— Понимаете, у меня все не как у других! Я это поняла еще в ПТУ. Приехала в Москву, когда набирали в строительные ПТУ с общежитием. Подруга уговорила скрыть десятилетку: тогда многие так делали. На втором году обучения поступали в вечерний строительный институт. Потом стройка — за три года работы лимит на комнату с пропиской, а там, глядишь, и диплом подоспеет... У некоторых это получалось, но не у многих. Жизнь в общежитии ПТУ — это как в зоне! Азербайджанские парни девчонок к травке приучают, а потом к заработкам у турецких рабочих. Пять — десять долларов за раз. Но турки требовали анальных контактов. У нас через это сколько девчонок с испорченным здоровьем в больницу попадало. Я враз заявила подруге — не пойду и тебя не

отпущу! Тогда эти ребята решили со мной рассчитаться — ножом грозили. Я — ни в какую, и все! И однажды они разыграли меня «на кону».

— Что это такое?

— Когда девушку вместе употребляют: один, кто выиграл, первый. Вхожу я в комнату, что-то тесно,— и вдруг раз! Накинули мне одеяло на голову, за руки, за ноги схватили и поволокли... Но не тут-то было! Меня дома, в Вышнем Волочке, вся улица боялась. И в футбол с малых лет с мальчишками играла. Никого они признавать не хотели, а меня считали своей. Изловчилась я и двумя ногами в темноту ударила; чувствую — попала! Охнули и отпустили меня, тут я вывернулась и давай молотить руками и ногами не глядя. Сначала они растерялись, а потом рассвирепели, и вот видите...

Она приподняла волосы — на шее пролегал красный рубец.

— Ножом ударили. Тут я заорала. Дверь в коридор отворилась, и вбежали люди. Много — чуть ли не все общежитие. Месяц я на перевязки в амбулаторию ходила. Ну, думаю, дудки! Так уж вы со мной и разделаетесь! Тогда в моду входило каратэ. И фильмы японские стали появляться о женщинах-боксерах. То, что мне тогда было надо. Стала покупать всякие книжки по женской борьбе, а потом начала ходить в спортзал «Трудовые резервы».

— Ну и что — рассчиталась с тем парнем или готовилась к выступлениям?

— Ни то, ни другое. Все это держала про запас. Как чувствовала — потом пригодится. И ведь не ошиблась! На стройке работала... Видали стройку в кино? Актрисы в заляпанных комбинезонах, а под стройкаской, прическа из салона, ресницы как у Монро и польская помада на губах. Украшение города — все мужики, проходя под лесами, головы задирают, только ведь снизу, кроме ватных штанов, ничего не увидишь! Вот и я так же, при полном фасоне, ведрами с известкой ворочала. Но если других девушек наш прораб в бытовке нахально хватал, на мне он обжегся! Я ему так пальцы отогнула, что он присел, весь белый. Потом расправился и сквозь зубы прошипел: «Ладно, сочтемся...» Сочтемся так сочтемся. Но в то время у меня уже уверенность в себе появилась. Он мне процентовки стал ужимать. Тогда, ненароком как-то, сверху я мастерок на него уронила. А после одной получки подошла и говорю ему в упор: «Если и дальше так будет — обещаю, в семью инвалидом вернешься — друзья помогут». Понял, что не шучу. Притих. Но работать там уже смысла не было.

— И куда ты подалась?

— А по объявлению. Набирали за границу одних девушек для работы в видеосалонах. Пошла по адресу: «Купальник,— спрашивают,— с вами?» — «Нет». Одолжили мне — он мал, еле натянула. Вышла совсем как голая. Посмотрели.

— Эта,— говорят,— подойдет.

Один даже похлопать захотел. Я оскалилась.

— Эй, полегче,— осадила его,— а то у меня рука тяжелая!

Засмеялись.

— Ладно, обкатается. Ты знаешь, какая работа там будет? Сниматься в фильмах, как киноактриса. За это платят здорово. Но требования на студии надо выполнять и подчиняться дисциплине.

— Посмотрим,— говорю,— какие это требования.

Опять смеются. Отобрали нас, пятнадцать девушек, и стали оформлять. А у меня лимитная стройка. Не отпускают — нет рабочих. Год еще известку ворочать надо.

Под чужим именем меня оформили, и уехала я в Италию... Только страну я не увидела. Нас прямо в Риме усадили в какой-то автобус с темными стеклами и везли почти целый день. Потом, оказалось, у них на севере старая ферма под киностудию оборудована — и они там вовсю порновидики снимают. Забор, охрана. Выходить нельзя. Поняли мы — обман все это. Залетели черт знает куда! Что дальше? В первый день раздали нам книжки с китайскими картинками. Один подонок, из наших, за переводчика:

— Знаете, что это такое? Это называется Дао-любовь. Внимательно рассмотрите все позы на картинках, потому что все это вам придется изображать на съемках.

Я как эту мерзость посмотрела — сразу поняла: надо делать ноги! Такие китайские игры не для меня! А девчонки — те по-разному! Одни, как и я, заскучали, другие смеются, похоже ничего... их не удивишь... Два дня дали нам от дороги отдышаться, на третий приехала машина с какими-то людьми... Что там они говорили — непонятно. Вроде как ругались. Потом стали нас, как лошадей на ярмарке, рассматривать.

— Встань,— переводчик мне говорит,— пройдись к окну и обратно. Юбку выше, покажи ноги!

— Иди ты,— отвечаю,— знаешь куда?

Итальянцы всполошились, обращаются к переводчику.

Тот оправдывается, все жестикулируют, лица злые.

— Знаешь, если ты будешь так себя вести, на тебя наложат штраф за нелегальный въезд в страну под чужим именем. Денег у тебя нет — и прямехонько в тюрьму! Да еще в посольство сообщат через полицию о нелегалке. В России тоже будешь срок мотать. Усекла?

Молчу. Тогда он подходит, хватает юбку и хочет задрать. И тут я, уже себя не помня, ребром ладони бью его по шее. Он охнул, схватился за уши и опустился на пол. Шум поднялся, паника началась. Кто-то к телефону рванулся. Ну, думаю, все! Сейчас полицию вызовут! И вдруг один из них кладет руку на рычаг и что-то быстро говорит. Остальные затихают, слушают... Подходит, кладет руку переводчику на плечо и коротко ему приказывает. Переводчик злобно смотрит на меня, шею трет (видно, здорово я врезала!) и шипит:

— Ладно, сочтемся.

— Сочтемся,— отвечаю.— В России один уже расчет получил!

— Тебя синьор спрашивает, как зовут, занималась ли ты кикбоксингом?

— Немного знаю, что это такое.

— А тайским боксом?

— Тут дело хуже — никогда не видела.

— Тебя отсюда забрать хотят. Заключат с тобой контракт на женский бокс. Твое счастье — я бы тебя со свету сжил!

Усмехнулась я и промолчала. Согласие дала — картинки Дао изображать в живом виде не в моем характере. Вечером меня увезли; на этот раз под Рим, в особняк со спортивным залом и бассейном. И началась

жизнь — во сне такое не увидишь! С первого дня запрягли в тренировки. Тренер — шкаф, в дверь не пролезет. Вывел на ковер, схватил ручищами и показал — вырывайся! Я попробовала — как в оковах! Не пошевельнуться... Он кивнул: «Ка-ра-шо». На следующий день переводчик пришел — малахольный, со скукой на лице. И началась работа с утра до позднего вечера. Было трудно, но я увлеклась.

— Домой не потянуло?

— Нет, понравилось тогда. Правда, я еще не все знала. Прикрепили негритянку — спарринг-партнера. Первый раз, когда вышли на тренировку, она сразу засадила мне в скулу ногой и тут же в живот. Вот сюда. Потемнело в глазах, слезы брызнули. Но я собралась, пересилила боль, прыгнула вперед двумя ногами — всю себя в удар вложила. Вместе мы упали. Встала я на четвереньки, тяну за собой, хочу помочь, а она вдруг как замком из рук меня по голове ударит! И я сразу отключилась. Потом поняла — жалеть нельзя: за эту ошибку сурово наказывают. Через месяц я эту негритянку швыряла на канаты, как мячик. Другую мне подобрали — толстую, неповоротливую макаронницу. Она была как мешок, набитый камнями, боли не чувствовала — бьешь как не в живое. У нее удар молотом, не успеешь увернуться — прямая дорога на тот свет. Два месяца ходила вся в синяках и кровоподтеках. Однажды даже челюсть вправляли. Ничего — выдюжила! И вот как-то тренер говорит, чтобы готовилась — завтра уезжаем. В Куала-Лумпур.

— А где это?

— Далеко,— смеется.— Завтра узнаешь. Там сейчас сезон курочек. На бои все знаменитости съезжаются. Если победишь — на твой счет двадцать пять процентов от прибыли.

Соперницу мне подобрали с опытом. Прозвище — «Красотка Суматры»! Вы бы посмотрели на эту «красотку»: не женщина — дракон! Меня объявили «Русской медведицей».

— Скажи, а на руки за все эти ужасы тебе ничего не платили?

— Нет. Содержали хорошо. Относились нормально. Но деньги — нет. Правила такие: прилетели — и через два часа на ринг. Тренер в самолете говорит: «Имей в виду, на тебя большие деньги поставлены — не вздумай проиграть!» А меня за живое задело — что я, не смогу драться, как они? Твердо решила — за себя постою.

...Ринг полит чем-то скользким. Режет ослепительно желтый свет, под потолком клубы табачного дыма. Вышла я в освещенный круг — слышу, меня объявляют: «Рашин беар». Тренер последние указания дает — бей ногой в живот. Как нагнется — сразу ребром ладони по почкам, если выдержит, обрабатывай поясничный отдел все время, лучше ногами. В зале гул перешел в рев. Это про меня все сказали — рекламировать они умеют. Соперница появилась. Широкоскулая, как монголка, вместо носа лепешка, коренастая, как краб, женщины там никогда и не было, чудище какое-то. Мой переводчик с тем же скучающим видом спрашивает: не сдрейфишь? Помотала головой, а сама чувствую — холодок в груди шевелится. Вместо гонга у них петух кукарекает — вызов. На скользком полу не устоишь. «Красотка» сразу на меня пошла, я увернулась, и мы упали одновременно, подняться уже нельзя — схватились с ней в партере. В зале вой, визг. В тайском боксе все можно — вижу, она оскалилась и зарычала — думаю, все, сейчас

горло прокусит! Ну нет — во мне злоба пробудилась: ах ты, думаю, тварь! Схватила ее двумя руками за уши и с силой ударила головой в лицо. Обе мы кровью умылись. Но она закаленная — лицо защищено, а зубы сверкают, в глазах ярость и ненависть. Крикнула как-то по-звериному и головой меня в корпус: целила в живот — я еле успела увернуться; от удара упала на канаты, отпружинила, и опять мы оказались на полу. Тут петух прокричал — раунд! Тренер шепчет: «Добивай, хорошо работаешь! По переносице старайся...» Я думаю, господи, там и переносицы-то нет! Но во втором раунде мне досталось. Она очухалась и попала дважды ногой. Один раз я не удержалась — сильный был удар — и вылетела теперь уже за канаты. Что в зале делалось! Публика повскакала с мест, крики, свист. Тренер нагнулся, лицо перекошенное: «Вставай! Слышишь, вставай сейчас же!» Поднялась я, шатаясь, и снова на ринг. Опять мы схватились. Только смотрю — теперь и она качается. Сгруппировалась и бросилась ей в ноги! Она, падая, успела рубленым ударом задеть мне позвоночник. Хорошо, зацепилась во время падения за канаты — ладонь вскользь по мне проехала, а то ведь могла остаться калекой на всю жизнь! Ну уж тут и я ее достала — вилкой из пальцев в глаза и вскидом левой ноги в челюсть — не щадила, за свою жизнь боролась. Почуяла — она бы до смерти меня забила, не остановилась бы ни за что... Выхода у меня не было. Или она, или... Все! Моя победа! Потом много было разных поединков, но отчетливо запомнила этот, первый.

— Не проигрывала?

— Случалось. Все прошла — и увечья, и травмы... Но лечат там хорошо и, главное, быстро. Время дороже всего — надо зарабатывать, а деньги действительно большие.

— Ну и до сих пор тебе наличными не платят?

— Теперь уже платят, на меня ведь спрос большой.

— А личная жизнь у тебя там сложилась?

— Семья — помеха! Но дружки попадались, конечно. Один вроде бы то самое. Так что все еще впереди.

— А как с анаболиками?

— Приходится. Ну, это все, кто тайбоксом занимается, должны принимать. Иначе — не выдержишь и проиграешь...

— Не думаешь, что потомства лишишься?

Вопрос показался ей неприятным, и она пожала плечами.

— Ну, а в Россию-то что тебя привело?

— У меня в Вышнем Волочке мать с братишкой остались. Я шефам условие поставила — съезжу домой, с матерью повидаться. Они по туристической визе со мной сюда прибыли.

— И что — присматриваются к новым претенденткам?

— Возможно. А вообще, как и все, кто сюда первый раз попал,— интересуются и не перестают удивляться. Россию ведь знать надо.

— А ты-то не скучаешь по России?

— Там времени не особенно много, чтобы задумываться. Все в напряжении: схватки — тренировки. Но когда свободная минута выпадает — о своих думаю: как они там?

«Мама! Вот уже пять минут, как я вдова!»

Генри СЛЕСАР

Перед бюро маклера Аарона Хакера остановилась машина с нью-йоркским номером. Даже не взглянув на желтый номерной знак, маклер мог поспорить, что хозяин машины не бывал в Айви-Корнерс. У него был красный лимузин, ничего похожего здесь не появлялось.

Мужчина вышел из машины.

Это был покупатель. Он подошел к стеклянной двери, держа в руке сложенную газету. Позднее Хакер говорил, что он показался ему мощ-

ным, на самом деле он был просто толст. На нем был костюм из тонкого сукна, и пот настолько пропитал материал, что под мышками образовались большие темные круги. Лет пятидесяти на вид, он сохранял еще пышную черную шевелюру. Лицо его было красным, обветренным, сквозь узкие щелочки глядели серые внимательные глаза.

Войдя, он взглянул в ту сторону, откуда доносился стук машинки, потом кивнул маклеру:

— Мистер Хакер?

— Да, сэр,— улыбнулся тот.— Чем могу служить?

Толстяк помахал газетой.

— Я нашел вашу фамилию в рубрике «Земельные участки и дома».

— Верно: я даю объявления каждую неделю. Время от времени даже в «Таймсе». Люди из больших городов часто интересуются городками вроде нашего, мистер...

— Уотербэри,— сказал толстяк. Достал белый носовой платок и утер лицо.— Жарко сегодня, а?

— Просто на редкость,— кивнул маклер.— Не хотите ли сесть, мистер Уотербэри?

— Благодарю.— Толстяк опустился на стул, глубоко вздохнув.— Я тут уже порядком поездил. Хотел сначала осмотреть все как следует. Милый городок.

— Ваша правда, нам он тоже нравится. Вас заинтересовал какой-нибудь определенный участок?

— Если говорить начистоту — да! Речь идет о доме на самой окраине города, напротив старого здания. Что это за здание — не знаю. Оно пустует.

— Старое здание...— проговорил маклер.— А... тот дом, он такой... с колоннами?..

— Да. Это он. Как насчет него? Насколько я понимаю, я видел табличку «Продается». Я в этом уверен не на сто процентов, но...

Маклер покачал головой и сухо улыбнулся:

— Нет, нет, вы правы.— Полистав бумаги, достал один из ордеров.— Я думаю, ваш интерес быстро угаснет.

— Почему?

Хакер протянул ордер Уотербэри:

— Прочтите сами.

Тот так и сделал.

«Колониальный стиль, восемь комнат, две ванных, центральное отопление, просторные веранды, деревья, кусты. Рядом школа и магазины. 75 000 долларов».

— Ну как?

Уотербэри неспокойно заерзал на стуле.

— В чем дело? Тут какая-то ловушка?

— М-да.— Хакер пригладил волосы на висках.— Если вам и впрямь

понравилось у нас, мистер Уотербэри, я мог бы предложить вам целый ряд более подходящих домов.

— Один момент,— с недовольным видом прервал его толстяк.— Что все это значит? Я спросил вас об этом доме в колониальном стиле. Продается он или нет?

— Друг мой, этот участок висит на моей шее уже более пяти лет,— ухмыльнулся маклер.— Я бы с удовольствием получил свои комиссионные и забыл бы и думать о нем. Но у меня это никак не получается...

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы тоже не купите его. Я взялся за это дело только ради старухи Грайм.

— Я все еще не понимаю...

— Придется объяснить. Старая коробка не стоит такой суммы. Вы уж мне поверьте! Дом и десяти тысяч не стоит!

Лицо толстяка побагровело:

— Десяти? А она просит семьдесят пять?

— Вот именно. Не спрашивайте меня почему. Дом старый. Но есть дома и постарше, о которых не скажешь ничего, кроме хорошего. А это — просто старый дом, изъеденный термитами. Через год-другой там наверняка упадет пара балок. В подвалах — по колено воды. Сад не ухожен, он заброшен давным-давно...

— Почему же она поставила такую сумму?

Маклер пожал плечами.

— Не спрашивайте меня. Возможно, из сентиментальности. Дом принадлежит семье уже более ста лет. Может быть, причина в этом...

— Да, плохо дело,— проворчал толстяк.— Очень плохо.— И вдруг глуповато улыбнулся: — А ведь он так мне понравился! Это... это... не знаю даже, как объяснить. Это самый подходящий дом для меня.

— Понимаю, понимаю. Добрые старые времена... И за десять тысяч... Да, вы не ошиблись бы... Но семьдесят пять? — Он рассмеялся.— Мне кажется, я знаю, почему Сэнди Грайм поставила такую цену. У нее маловато денег. Раньше ей помогал сын, он прилично зарабатывал в большом городе. А потом он умер, и она поняла, что дом надо продавать. Но никак не могла расстаться со старым домом. И поэтому заломила такую цену, что никому и в голову не придет купить его. Но совесть у нее спокойна — она же продает дом! — Он покачал головой.— В странном мире мы живем, не правда ли?

— Да,— сдержанно ответил Уотербэри. Потом поднялся.— Вот что, мистер Хакер. Предположим, я поеду и поговорю с миссис Грайм. Предположим, я попытаюсь уговорить ее?

— Великолепно. Позвольте мне прежде позвонить Сэнди Грайм и предупредить ее о вашем визите.

Уотербэри не торопясь ехал по тихим улицам городка.

К дому Сэнди Грайм он подъехал, не встретив по дороге ни одного

автомобиля. Остановился перед покосившимся забором, доски которого походили на уставших до смерти часовых: некоторые из них уже ушли с поста.

Двор перед домом густо зарос травой, а на колоннах, поддерживавших веранду, был мох.

На двери висел молоток. Уотербэри два раза постучал.

Дверь открыла старушка маленького роста. Ее седые волосы отливали синевой, лицо покрывали бесчисленные морщинки. Несмотря на жару, она была в шерстяной кофте.

— Вы мистер Уотербэри? — сказала она.— Аарон Хакер предупредил меня, что вы приедете.

— Да, я самый,— улыбнулся толстяк.— Как поживаете, миссис Грайм?

— Не жалуюсь. Вы, наверное, хотите войти?

— Очень жарко на улице,— кивнул он.

— Ладно уж, проходите. Я как раз поставила лимонад в холодильник. Только не рассчитывайте, пожалуйста, что мы с вами сговоримся, мистер Уотербэри. Я не из таких!

— Это сразу видно,— улыбнулся Уотербэри и следом за ней прошел в дом.

— Аарон — дурачина. Хотя бы потому, что послал вас ко мне. Надеется, что я изменю решение. Для таких вещей я слишком стара, мистер Уотербэри!

— Я... э-э... я даже не знаю, входило ли это в мои планы, миссис Грайм. Я просто хотел... э-э-э... хотел с вами побеседовать.

Она откинулась на спинку, и качалка жалобно скрипнула.

— Валяйте выкладывайте. Не стесняйтесь.

— Да-да...— Он снова утер лицо платком и сунул его в карман.— Да, вот что я хочу сказать, миссис Грайм. Я деловой человек. Холост. Я долго работал и сумел-таки сколотить себе недурный капиталец. А сейчас я хочу уйти на покой и мечтаю поселиться в маленьком тихом городке. Айви-Корнерс мне по душе. Несколько лет назад я проезжал его по дороге в... э-э... Олбани. Тогда-то я и подумал, что хорошо бы поселиться здесь.

— И что?

— А сегодня я попал в ваш город, увидел ваш дом — и пришел в восторг! Для меня это — самый подходящий дом.

— Мне он тоже нравится, мистер Уотербэри. Поэтому я запросила за него сравнительно умеренную цену.

Уотербэри часто заморгал глазами.

— Умеренную? Согласитесь, миссис Грайм, что такие дома в наше время стоят не больше...

— Ну хватит! — воскликнула старушка.— Я ведь уже говорила, что у меня нет охоты целый день спорить с вами. Если вам моя цена не по карману, не о чем и говорить...

— Но, миссис Грайм...

— До свидания, мистер Уотербэри...

Она поднялась, давая понять, что ожидает от него того же.

Но он не последовал ее примеру.

— Еще секунду, миссис Грайм,— проговорил он.— Я вас не задержу. Я понимаю, что это безумие, но — по рукам. Плачу, сколько вы назначили.

Она внимательно посмотрела на него.

— Вы все хорошо обдумали, мистер Уотербэри?

— Да, обдумал. Денег у меня хватит. Если вы настаиваете на своем, что ж, я согласен.

Она едва заметно улыбнулась.

— Лимонад наверняка уже охладился. Принесу вам стакан, а потом расскажу кое-что о доме...

Уотербэри жадно проглотил ледяную сладкую жидкость.

— Этот дом,— начала она, снова удобно устроившись в качалке,— принадлежит нашей семье с тысяча восемьсот второго года. А построили его за пятнадцать лет до того. Здесь, на втором этаже, в спальне, родились все члены нашей семьи. Кроме моего сына Митчела. Я одна сделала исключение,— подчеркнула она.— Увлекалась тогда новомодными идеями насчет больниц и тому подобное.— Она подмигнула ему.— Я прекрасно понимаю, что мой дом не из самых прочных в Айви-Корнерс. Когда мы с Митчелом вернулись домой, подвал был наполовину залит водой. С тех пор нам так и не удалось откачать всю воду. Хакер говорит еще, что тут поработали термиты. Я, правда, этих негодников в глаза не видала. И вообще я люблю мой старый дом — вы меня понимаете?

— Еще бы.

— Отец Митчела умер, когда ему сравнялось девять. Дела у нас тогда шли неважно. Правда, отец оставил мне небольшую ренту, очень небольшую, но жить можно. Митчел очень горевал об отце, он прямо убивался. Может, даже больше, чем я. Он учился и стал... боже мой, вечно забываешь самое простое слово!

Толстяк сочувственно пощелкал языком.

— Когда он сдал экзамены в университет, он уехал из Айви-Корнерс в большой город. Вопреки моей воле, не сомневайтесь! Но его, как и всех молодых, переполняло честолюбие, он хотел чего-нибудь добиться. Чем он занимался в городе, не знаю. Но, видно, дела у него шли неплохо. Ведь он каждый месяц присылал мне деньги.— Глаза ее затуманились.— Я не видела его девять лет.

— Ах,— посочувствовал толстяк.

— Да, мне было очень трудно. Но стало еще труднее, когда он вернулся,— у него самого были какие-то неприятности.

— Неужели?

— Я даже представить себе не могла, что это за неприятности

и откуда они взялись. Появился он среди ночи, похудевший и постаревший. Я совсем не ожидала, что увижу его таким. Без багажа, только с маленьким черным чемоданчиком в руке. Когда я хотела помочь ему взять чемоданчик, он чуть не ударил меня. Родную мать! Я уложила его спать, как маленького мальчика. Всю ночь — я слышала — он проплакал. На другой день он велел мне уйти из дома. На несколько часов. Так надо, сказал он. А почему, объяснять не стал. Когда я к вечеру вернулась домой, я заметила, что маленький чемодан исчез.

Глаза толстяка, глядевшие поверх лимонадной бутылки, расширились.

— Как так? — спросил он.

— Тогда я еще ничего не знала. Но вскоре я узнала все. Очень скоро! В ту же ночь к нам во двор пришел мужчина. Ума не приложу, как он это сделал. Я заметила это, только когда услышала голоса в комнате Митчела. Я подкралась к двери, чтобы подслушать, чтобы узнать, отчего у моего мальчика тяжело на душе. Но оттуда доносились только крики, угрозы и...

Она умолкла, плечи ее поникли.

— И выстрел,— закончила она.— Выстрел из револьвера. Когда я рванула дверь на себя, окно было распахнуто настежь, незнакомец исчез. А Митчел лежал на полу. Убитый.

Стул затрещал.

— Тому уже пять лет,— продолжала она.— Пять долгих лет. Прошло много времени, пока я узнала, что произошло. Меня вызывали в полицию. Митчел и его напарник совершили преступление. Украли тысячи долларов. Много тысяч, очень много.

Митчел взял деньги и удрал. Он не хотел делиться с напарником. Он спрятал их где-то в доме. А где, я не знаю. По сей день. Потом к сыну приехал напарник. Он требовал свою долю. Узнав, что деньги исчезли, он убил Митчела.

Сэнди Грайм подняла глаза.

— Поэтому я решила продать дом. За семьдесят пять тысяч. Я знала, что убийца моего сына рано или поздно придет сюда. Рано или поздно он захочет любой ценой приобрести дом. Мне оставалось лишь ждать, пока не явится некий мужчина и не предложит пожилой даме немыслимую сумму за ее старый дом.

Стул мягко покачивался. Туда-сюда.

Уотербэри поставил пустой стакан на стол, облизнул губы: в глазах его потемнело, все виделось как в тумане. Голова его завалилась набок.

— М-да-а,— прохрипел он.— У лимонада горький привкус.

Росс МАКДОНАЛЬД

ДАМСКИЙ УЗЕЛ

Ночью в каньоне прошел дождь. Мир сверкал свежими, яркими красками бабочки, только что появившейся из кокона, крылышки которой трепещут в прозрачном солнечном воздухе. Настоящие бабочки танцевали меж ветвями деревьев, будто играя в пятнашки.

Я припарковал свою машину как обычно, в тени заброшенного каменного здания у ворот старой усадьбы. Как раз между столбами, сами ворота давно упали с проржавевших петель. Владелец дома умер в Европе, и с самой войны здесь никто не жил. Именно поэтому я иногда приезжаю сюда по вокресеньям, когда мне надоедает голливудская свистопляска. А здесь в радиусе двух миль нет ни единой живой души.

Вернее, до сих пор не было. В прошлый раз, когда я был здесь, я заметил, что окно сторожки, выходившее на подъездную аллею, разбито. Теперь же оно было забито фанерой, и через отверстие, проделанное в середине листа, на меня явно кто-то смотрел.

— Привет! — крикнул я.

— Привет,— неохотно ответил мне голос.

Дверь сторожки заскрипев, отворилась, и оттуда вышел седовласый человек. Улыбка странно выглядела на его опустошенном лице. Двигался он как-то механически, загребая ногами. Казалось, что его тело плохо ему повинуется. На нем была одежда из грубой выцветшей бумазеи, и его неуклюжие мышцы двигались в ней, как животное, посаженное в мешок. Он был босиком.

Когда он подошел ко мне, я увидел, что это был исполинского роста старик, на голову выше меня и немного шире в плечах. Улыбка на его лице была странной. Это была какая-то гримаса, застывшая на лице человека, погруженного в свой внутренний мир, в мир, где для меня не было места.

— Убирайтесь отсюда! — сказал он.— Я не хочу неприятностей. Я не хочу, чтобы кто-то здесь шатался.

— Никаких неприятностей,— ответил я.— Я приехал сюда немного потренироваться в стрельбе. И я думаю, что у меня не меньше прав находиться здесь, чем у вас.

Его глаза широко раскрылись. Они были голубыми, лишенными всякого выражения и казались отверстиями в его черепе, через которые я вижу небо.

— Ни у кого здесь нет таких прав, как у меня. Я поднял свои очи горе, и голос сказал мне, что я найду здесь убежище. Никто не изгонит меня из этого убежища.

Я почувствовал, как у меня по спине побежали мурашки. Возможно, он был просто безобидным психом, но кто знает? Я постарался, чтобы голос мой звучал ровно и спокойно.

— Я не буду мешать вам, вы — мне. Думаю, так будет справедливо.

— Ты мешаешь мне уже самим своим присутствием. Я не выношу людей, не выношу автомобили. И уже дважды за эти два дня ты приезжаешь сюда и тревожишь меня.

— Я не был здесь целый месяц.

— Ты подлый лжец! — Голос его взревел, как внезапно налетевший ветер. Он сжал свои огромные кулаки и затрясся от гнева.

— Успокойся, старик,— сказал я.— Мир достаточно велик, чтобы нашлось место для нас обоих.

Он повернулся, окинув взглядом огромный зеленый мир, расстилавшийся вокруг. Мои слова будто вырвали его из сна, в котором он находился.

— Ты прав,— произнес он уже совсем другим голосом.— На мне лежит благословение божие, и я должен всегда помнить об этом и пребывать в благорасположении. Мироздание принадлежит всем нам, бедным божьим тварям.— Его зубы, обнажившиеся в улыбке, были большие и желтые, как у старой лошади. Его блуждавший по сторонам взгляд упал на мой автомобиль.

— Да, это не ты приезжал сюда прошлой ночью. То был другой автомобиль. Я помню.

Он отвернулся и, бормоча что-то о стирке носков, поплелся в свою сторожку. Я вытащил из багажника свои мишени, пистолет и обоймы, потом закрыл багажник. Старик следил за мной через свой смотровой глазок, но больше не выходил.

Ниже по дороге в каньон простиралась луговина, окаймленная насы-

пью, по верху которой шла ветхая стена, огораживавшая усадьбу. Это был мой тир. Я соскользнул с насыпи по мокрой траве и стал прибивать мишень к дубу, используя в качестве молотка рукоятку моего тяжелого пистолета двадцать второго калибра.

Занимаясь этим делом, я заметил невдалеке что-то красное, сверкавшее, как рубин. Я нагнулся и увидел, что это не что иное, как покрытый красным лаком ноготь пальца на торчавшей из земли белой руке. Сама рука была жесткой и холодной.

Я издал звук, который в этой тишине прозвучал, наверное, очень громко. Испуганная сойка вспорхнула с верхушки куста, уселась на ветке дуба и принялась выкрикивать ругательства в мой адрес.

Тяжело дыша, я начал разгребать мокрую листву и землю, которыми было присыпано тело. Это была девушка в темно-синем свитере и юбке. Блондинка лет семнадцати. Кровь засохла на ее лице, делая его страшным. Белая веревка, которой она была задушена, так глубоко врезалась в шею, что ее почти не было видно. Веревка была завязана самым простым узлом.

Я оставил труп там, где его нашел, и вновь поднялся на дорогу. Колени у меня дрожали. На траве виднелись следы от того, как тело волокли вниз по насыпи. Я попытался найти на дороге отпечатки автомобильных шин, но если они там и были, то теперь их смыло дождем.

Я дошел до сторожки и постучал в дверь. Легкого толчка оказалось достаточно, и она со скрипом отворилась внутрь. Из живых существ внутри были лишь пауки, которые оплели своей паутиной низкие черные потолочные балки. Перед камином на полу выделялся очищенный от пыли прямоугольник — здесь, наверное, старик спал на одеялах. Рядом валялось несколько почерневших от огня консервных банок, которые, судя по всему, использовались в качестве кухонной посуды. На растрескавшемся очаге высилась кучка серой золы. Над очагом на выступе камина висела пара грубых белых бумажных носок. Они были еще влажные. Их владелец покинул сторожку в явной спешке.

Я решил, что пытаться преследовать его бесполезно. Сев в машину, я выехал к шоссе и вскоре добрался до окраины ближайшего города. В непритязательном зеленоватом здании, перед которым развевался флаг, помещалось отделение полиции. Через шоссе напротив располагался пустынный в воскресенье склад стройматериалов.

— Бедняжка Джинни,— признесла Анита Брокко — диспетчер, которая передала радиограмму о случившемся местному шерифу.

Она была брюнеткой лет тридцати с небольшим, с очень красивыми черными глазами и неухоженными ногтями, под которыми набилась грязь. На ней была белая тесно облегающая блузка.

— Вы знали Джинни?

— Моя младшая сестра знала ее. Они вместе ходили в школу. Ужасно, когда такое происходит с молоденькой девчонкой. Я знала, что она исчезла. Получила сообщение об этом, когда заступила на дежурство в восемь, но надеялась, что она просто где-то задержалась и вскоре вернется домой. Увы, надежда оказалась напрасной.— На глаза ее навернулись слезы.— Бедная Джинни. И бедный мистер Грин.

— Это ее отец?

— Да. Он был здесь, в отделении, вместе с классным наставником

Джинни примерно с час назад. Ищет ее повсюду. Надеюсь, он не придет снова. Я не хотела бы первой сообщить ему страшную весть.

— Сколько времени ее уже ищут?

— С прошлой ночи. Мы получили сообщение об ее исчезновении примерно в три часа ночи. Она, должно быть, отбилась от компании, которая устроила вечеринку в Каверн Бич. Это там, за Черным кряжем.— Она указала на юг в направлении горловины каньона.

— Что это была за вечеринка?

— Собрались ребята из местной школы. Разожгли костер, жарили мясо. Отмечали окончание школы. Я знаю об этом потому, что моя младшая сестра Элис тоже была там. Я не хотела ее пускать, хотя они были там с учителем. На том пляже ночью довольно опасно. Там шляются всякие бродяги и попрошайки. Некоторые из них живут там в пещерах. Однажды ночью, я тогда была еще девчонкой, я видела там в лунном свете голого мужчину. И никого рядом с ним не было...

Тут она, вероятно, поняла, что говорить этого не следовало, залилась краской и замолчала. Я облокотился на фанерную конторку между нами.

— Что за девушка была эта Джинни Грин?

— Не знаю. Я никогда с ней не общалась.

— Но ведь ваша сестра была с ней дружна.

— Я не разрешала своей сестре дружить с такими девушками, как Джинни Грин. Такой ответ вас устраивает?

— Не очень.

— Мне кажется, вы задаете очень много вопросов.

— Это естественно, ведь это я обнаружил ее труп. А кроме того, я еще и частный детектив.

— Ищете себе работу?

— Вообще-то она у меня есть.

— У меня тоже. Так что извините, я должна ею заняться.— Свои слова она сопроводила улыбкой, чтобы я не обиделся.

Потом повернулась к своему коротковолновому передатчику и сообщила полицейским патрульным машинам, что тело Вирджинии Грин найдено. И это услышал ее отец, который как раз в это время вошел в комнату диспетчера. Мистер Грин был полным мужчиной с одутловатым лицом и воспаленными красными глазами. Из-под его брюк виднелись полосатые пижамные штаны. Ботинки его были заляпаны грязью. Двигался он так тяжело, будто провел на ногах не одну ночь.

Он оперся о край конторки, открывая и закрывая рот, как рыба, вынутая из воды.

— Я слышал, Анита, вы сказали, что она мертва,— с трудом проговорил он.

Женщина подняла на него глаза.

— Да. И я просто не могу выразить того, как мне больно говорить вам это, мистер Грин.

Он уткнулся лицом в конторку и застыл в позе кающегося грешника. Где-то тикали часы, отмеряя секунды, а из глубины комнаты, словно с какой-то другой планеты, доносились сигналы рации лос-анджелесской полиции.

— Это моя вина,— произнес Грин, не поднимая головы.— Я не смог воспитать ее как надо. Я не был ей хорошим отцом.

Анита глядела на него своими темными блестящими глазами, готовая расплакаться. Она невольно протянула руку, чтобы дотронуться до его плеча, но тут же в замешательстве отдернула ее — в комнату вошел загорелый, спортивного вида молодой человек с коротко постриженными каштановыми волосами, одетый в гавайскую рубашку. Вид у него был довольно замотанный, он явно провел бессонную ночь.

— Ну, что слышно, мисс Брокко? Какие новости?

— Плохие новости,— сердитым голосом ответила она.— Кто-то убил Джинни Грин. А этот человек — детектив, он только что обнаружил ее тело в каньоне Трамболла.

Молодой человек провел рукой по своим коротким волосам.

— О боже! Какой ужас!

— Еще бы,— ответила женщина.— Ведь, кажется, именно вы должны были присматривать за школьниками в ту ночь, разве не так?

Они злобно посмотрели друг на друга. Молодой человек первым отвел глаза. Сразу как-то сникнув, он взглянул на меня.

— Меня зовут Коннор, Фрэнклин Коннор. Боюсь, я несу значительную долю ответственности за то, что произошло. Я классный наставник в местной школе и должен был приглядывать за ребятами на этой вечеринке, как верно заметила мисс Брокко. Должен был оставаться с ними до самого конца...

— Почему же вы этого не сделали?

— Я не считал, что это так уж необходимо. Я полагал, что все у них в порядке и они в полной безопасности. Мальчики и девочки разделились на парочки и расселись вокруг костра. Откровенно говоря, я чувствовал себя там лишним. Ведь они уже не дети. Поэтому я попрощался и пошел домой через пляж. Кроме того, я в тот вечер ждал телефонного звонка от моей жены.

— В каком часу вы ушли с той вечеринки?

— Думаю, было около одиннадцати. Все, у кого там не было пары, уже ушли домой.

— А с кем осталась Джинни?

— Не знаю. Боюсь, я уделял ребятам недостаточно внимания. Это была последняя неделя перед выпуском, и у меня было очень много дел...

Отец Джинни слушал его с изменившимся лицом. Его горе и чувство вины неожиданно гневно прорвались наружу.

— А вам бы полагалось это знать! Богом клянусь, я добьюсь, чтобы вас выгнали с работы! Все сделаю для того, чтобы вас вышвырнули из города!

Низко нагнув голову, Коннор рассматривал кафельный пол. В его коротких каштановых волосах намечалась небольшая плешь. Похоже, всех нас ожидал дурной день. Я ощущал вокруг себя беду, как ноющую зубную боль, от которой нельзя избавиться.

Прибыл шериф в сопровождении нескольких помощников и сержанта дорожно-транспортной полиции. На нем были стетсон, кожаный галстук и синий деловой габардиновый костюм. Фамилия его была Пирсолл.

Мы направились в каньон. Я сидел справа от Пирсолла в его черном «бьюике». За нами следовали «форд» его помощников и машина дорож-

но-транспортной полиции. Наш кортеж замыкал новый с откидывающимся верхом «олдсмобил» Грина.

— Мне кажется, что тот старик в сторожке заброшенного дома — явный псих,— сказал шериф.

— Во всяком случае, он человек одинокий.

— Этих бродяг не поймешь. Но, на мой взгляд, дело это ясное.

— Может быть, и так, но давайте не будем делать преждевременных выводов, шериф.

— Да, конечно, но ведь старик дал деру. Это свидетельствует о том, что совесть у него не чиста. Но не волнуйтесь, мы его поймаем. Мои люди знают эти холмы там же, как вы — заповедные места у своей жены.

— Я не женат.

— Ну тогда у своей девушки.— Он ухмыльнулся.— А если его не найдет наземная полиция, мы используем авиацию.

— В вашем распоряжении есть самолеты?

— Добровольцы. В основном владельцы самолетов с окрестных ранчо. Мы поймаем его.— На повороте резко взвизгнули шины.

— Девушка была изнасилована?

— Я не пытался это выяснить. Я не врач. Оставил все как было.

— И правильно сделали,— хмыкнул шериф.

На горной луговине ничего не изменилось. Девушка лежала все в том же положении. Ее сфотографировали много раз с разных точек. Все птицы разлетелись. Отец Джинни прислонился к дереву, глядя на улетающих птиц. Потом он сел на землю.

Я предложил ему отвезти его домой. Это не был альтруизм.

Я на такое неспособен. Трогая с места его «олдсмобил», я спросил:

— А почему вы сказали, что это ваша вина, мистер Грин?

Он не слушал меня. Четверо мужчин в полицейской форме пытались подняться вместе с тяжелыми носилками по крутой насыпи. Грин смотрел на них так же, как прежде он следил за полетом птиц, до тех пор, пока они не скрылись из виду за поворотом.

— Она была так молода,— произнес он, ни к кому не обращаясь.

Я подождал, потом попробовал еще раз:

— Почему вы винили себя в ее смерти?

Он очнулся от своих раздумий.

— Разве я это говорил?

— Что-то в этом роде. В отделении полиции.

Он коснулся моего плеча.

— Я не хотел сказать, что убил ее.

— Я этого и не думал. Я хочу найти того, кто это сделал.

— Вы полицейский?

— Когда-то был.

— Вы не из местных?

— Нет. Я частный детектив из Лос-Анджелеса. Моя фамилия Арчер.

Он сел, обдумывая полученную информацию. Внизу и впереди сверкало море.

— Вы не думаете, что ее убил тот старый бродяга? — спросил Грин.

— Не могу себе представить, как бы он мог это сделать. Он, конечно, здоровенный мужик, но вряд ли дотащил бы ее сюда с побережья.

А сама она сюда с ним вряд ли пришла бы.

Последняя фраза была чем-то вроде вопроса.

— Не знаю,— ответил он.— Джинни была довольно взбалмошная девочка. Она могла сделать что-то лишь потому, что это было необычно или опасно. Она терпеть не могла пасовать перед кем-то, особенно перед мужчинами.

— В ее жизни были мужчины?

— Она нравилась мужчинам. Вы же видели ее, хотя уже и...

Он сглотнул.

— Не поймите меня превратно. Джинни никогда не была дурной девушкой. Но она была немного упряма и своевольна, а я не всегда бывал прав и порою совершал ошибки. Поэтому я и винил себя.

— Что за ошибки, мистер Грин?

— Обычные, и в них я могу винить лишь самого себя.— В голосе его чувствовалась горечь.— Видите ли, у Джинни не было матери. Она давно ушла от меня и вина, за это лежит не только на ней, но и на мне. Я пытался воспитать Джинни сам, но не мог как следует за ней присматривать. Дело в том, что в городе у меня ресторан, и я возвращаюсь домой поздно, уже после полуночи. Джинни уже с младших класов большей частью была предоставлена самой себе. Когда я бывал дома, мы с ней хорошо ладили, да только дома я бывал не часто.

Самая большая моя ошибка состояла в том, что я разрешил ей работать в ресторане по выходным. Это началось примерно год назад. Ей нужны были деньги на одежду, и я думал, что работа ее как-то дисциплинирует. Кроме того, я полагал, что мне будет легче приглядывать за ней. Но все получилось не так, как я думал. Работа мешала ее занятиям, и в школе стали на нее жаловаться. Пару месяцев назад я уволил ее, но, думаю, было уже слишком поздно. С тех пор мы плохо ладили друг с другом. Мистер Коннор передавал, что она недовольна моей непоследовательностью,— сначала я предоставил ей чересчур много самостоятельности, а потом сам же ее и отнял.

— Вы обсуждали проблемы ее воспитания с Коннором?

— Довольно часто. Он ведь был ее классным наставником, и его беспокоила ее успеваемость. Нас обоих беспокоила. В конце концов благодаря его усилиям она выкарабкалась и должна была получить аттестат. Теперь это уже, конечно, не имеет никакого значения.

Грин замолчал. Под нами все шире голубела гладь моря. Все явственнее доносился рев машин с шоссе. Грин снова коснулся моего локтя, он явно нуждался в каком-то человеческом контакте.

— Мне не следовало срывать свой гнев на Конноре. Он приличный молодой человек и желал Джинни добра. Он бесплатно занимался с нею весь последний месяц. А у него и своих неприятностей хватает.

— Какие неприятности?

— Я слышал, что от него ушла жена. Так же, как от меня когда-то. Не следовало мне на него кричать. У меня вообще вспыльчивый характер. С молодости такой.— Он поколебался немного, а потом, будто неожиданно проникнувшись ко мне доверием, выпалил:

— Прошлым вечером за ужином я сказал Джинни ужасную вещь. Она всегда ужинала со мной в ресторане. Я сказал ей, что если приду домой и ее еще не будет, то я сверну ей шею.

— И дома ее не было,— произнес я. То, что ей свернул шею кто-то другой, я, разумеется, не сказал.

На светофоре при выезде на шоссе загорелся красный свет. Я взглянул на Грина. По его щекам текли слезы.

— Расскажите мне, что было этой ночью.

— Рассказывать особенно нечего,— произнес он.— Я приехал домой примерно в половине первого, и, как я уже говорил, ее дома не было. Я позвонил домой Элу Брокко.— Эл — мой повар. Он всегда работает в вечернюю смену. Я знал, что его младшая дочь Элис тоже была на той вечеринке на пляже. Но Элис была уже дома.

— Вы говорили с Элис?

— Она была уже в постели, спала. Эл разбудил ее, но я с ней не разговаривал. Она сказала отцу, что не знает, где Джинни. Я лег в постель, но уснуть не мог. В конце концов я встал и позвонил мистеру Коннору. Было около половины третьего. Я собирался позвонить в полицию, но он отсоветовал мне. У Джинни и так в школе была не очень хорошая репутация. Он пришел ко мне, мы подождали еще немного, а потом пошли на Каверн Бич. Но там и следов ее не было. Я сказал ему, что необходимо сообщить о происшедшем в полицию, и он согласился. Мы пошли к нему, потому что его дом находится недалеко от пляжа, и оттуда позвонили в офис шерифа. Мы взяли фонари, вернулись на пляж и осмотрели пещеры. Он провел со мной всю ночь, а я его так отблагодарил.

— Где эти пещеры?

— Мы будем проезжать мимо, через минуту. Если хотите, я вам покажу. Но только ничего мы ни в одной из трех пещер не обнаружили.

Я тоже не обнаружил там ничего, кроме пустых банок из-под пива, выброшенных презервативов и запаха гниющих водорослей. Я вспотел, набрал песка в ботинки. С трудом почти выполз из последней пещеры на солнечный свет, который ослепил меня.

Грин ждал меня около кучи золы.

— Здесь они жарили мясо,— сказал он.

Я пнул ногой кучу золы, оттуда выкатилась обуглившаяся сосиска. На солнце сверкали песчинки. Грин и я стояли друг перед другом у потухшего костра. Он смотрел на море. За волнорезами то появлялась, то исчезала голова дельфина. По морской глади, оставляя за собой шлейф брызг, скользил водный лыжник.

Вдалеке я увидел две фигуры, двигавшиеся вдоль пляжа в нашем направлении. Они казались маленькими, но четко вырисовывались на светлом фоне.

Грин прищурился. Солнечные лучи били ему в лицо. Но, судя по всему, бессонная ночь ничуть не сказалась на остроте его зрения.

— Мне кажется, это мистер Коннор. Но что это за женщина с ним?

Те шли, тесно прижавшись друг к другу, как любовники. Их фигуры четко выделялись на фоне белого пенного прибоя. Когда они увидели нас, то слегка отодвинулись друг от друга, но за руки держаться продолжали.

— Это миссис Коннор,— тихо произнес Грин.

— По-моему, вы сказали, что она ушла от него.

— Он сам мне так сказал прошлой ночью. Она ушла от него недели

две назад, никак не могла примириться с тем, что он так много времени проводит на работе. Должно быть, она передумала.

Миссис Коннор производила впечатление женщины, которая могла решиться на серьезный шаг. Это была блондинка с твердым лицом и решительной, почти мужской походкой. Тем не менее был в ней какой-то шик, искупавший эту ее угловатость. На ней была белая рубашка мужского покроя и туго облегающие ее стройные ноги черные вельветовые брюки.

Коннор смущенно смотрел на нас.

— То-то мне еще издали показалось, что это вы, мистер Грин. Думаю, вы не знакомы с моей женой?

— Мне приходилось видеть ее в своем заведении. Я хозяин ресторана «Дорожный» в городе,— пояснил он миссис Коннор.

— Как поживаете? — равнодушно спросила она, но внезапно в ее голосе зазвучали совсем другие нотки.— Вы ведь отец Вирджинии? Мне так ее жаль.

Слова эти, сказанные здесь, на морском берегу, у потухшего костра, перед пещерами, под бездонным куполом неба прозвучали как-то странно. Грин торжественно ответил:

— Благодарю вас, мэм. Должен сказать, что в прошлую ночь мистер Коннор оказал мне большую поддержку. Он явно извинялся перед Коннором, и тот любезно ответил.

— Почему бы вам не зайти к нам выпить чего-нибудь? Это совсем близко отсюда. Думаю, вам это совсем не помешает, мистер Грин. Вам тоже,— обратился он ко мне.— К сожалению, не знаю вашего имени.

— Арчер, Лью Арчер.

Он протянул мне жесткую руку. Но тут вмешалась его жена.

— Думаю, мистер Грин и его приятель не захотят тратить на нас время в такой день. Кроме того, ведь еще даже не полдень, Фрэнк.

Она явно не хотела нас принимать. Мы постояли с минуту, обмениваясь ничего не значащими комментариями по поводу красот дня. Потом она повела Коннора обратно, туда, откуда они пришли. Весь ее внешний вид говорил: «Частное владение. Посторонних просим удалиться».

Я отвез Грина к зданию полиции. Он сказал, что чувствует себя лучше и сможет добраться до дома сам. Он многословно поблагодарил меня за то, что я оказал ему поддержку в трудную для него минуту и проводил до самых дверей отделения.

Диспетчер чистила ногти пилочкой с ручкой из слоновой кости. Она нетерпеливо взглянула на меня.

— Ну, поймали они его?

— Хотел задать вам этот же вопрос, мисс Брокко.

— Пока нет. Но они обязательно поймают его,— с чисто женской мстительностью сказала она.— Шериф вызвал авиацию и послал в Вентуру за собаками-ищейками.

— Глупости все это.

Она едва сдерживалась.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я не думаю, что ее убил тот старик. Если он это сделал, зачем ему понадобилось ждать до утра, чтобы смазать себе пятки. Он бы сразу смотался.

— Тогда почему же он вообще смазал пятки? — выражение это странно прозвучало с ее чопорных уст.

— Думаю, он увидел, как я обнаружил тело, и решил, что в убийстве могут обвинить его.

Она обдумывала мои слова, вертя между пальцами длинную палочку.

— Если это не сделал старый бродяга, то кто же это сделал?

— Может быть, вы сможете мне помочь ответить на это вопрос.

— Я? Помочь вам? Но каким образом?

— Ведь вы знаете Фрэнка Коннора?

— Знаю. Я несколько раз встречалась с ним по поводу успеваемости моей сестры.

— По-моему, он вам не очень симпатичен?

— Не могу сказать, симпатичен он мне или нет. Он для меня просто не существует.

— Почему? В чем дело?

Ее поджатые губы слегка искривились, когда она произнесла.

— Дело в том, что он заводит шашни с молоденькими девчонками.

— Откуда вам это известно?

— Слышала.

— От своей сестры Элис?

— Да. Она говорила, что слухи об этом давно гуляют по школе.

Она кивнула. Глаза у нее были черные, как тушь.

— Именно поэтому жена Коннора ушла от него?

— Об этом я не знаю. Я вообще никогда не видела миссис Коннор.

— Вы немного потеряли.

Снаружи до нас донесся крик. Какой-то сдавленный вой. Такие звуки могли изорвать и животное, и человек. Это был Грин. Когда я добежал до дверей, то увидел, как он вылезает из своей машины, держа в руке тяжелый вороненный револьвер.

— Я видел убийцу,— возбужденно крикнул он.

— Где?

Он махнул револьвером в сторону склада, расположенного через дорогу.

— Он высунул голову вон из-за того штабеля бревен. Когда увидел меня, бросился бежать, как олень. Я догоню его!

— Нет. Отдайте мне револьвер.

— У меня есть разрешение носить и использовать оружие.

Он бросился через дорогу, ловко лавируя между машинами, двигавшимися по шоссе в четыре ряда. Послышался резкий скрип тормозов и ругань водителей. Грин перелез через ограду до того, как я добрался до нее. Я последовал за ним.

Грин исчез за грудой бревен. Я завернул за угол и увидел, как он бежит по длинной, хорошо утоптанной аллее. Старик бежал впереди. Его длинные седые волосы развевались по ветру. Мешок из грубой дерюги подпрыгивал у него за плечами, как ноша скорби и позора.

— Стой или стрелять буду! — кричал Грин.

Старик бежал так, будто за ним гнался сам дьявол. Он добежал до изгороди, бросил свой мешок и пытался взобраться на нее. Он уже почти

перелез через изгородь, но зацепился за три ряда колючей проволоки, натянутой сверху.

Я услышал треск рвущейся ткани, а потом звук выстрела. Огромное тело старика задергалось в судорогах, на секунду замерло и тяжело рухнуло вниз.

Грин стоял над ним, дыша сквозь стиснутые зубы.

Я оттолкнул его. Старик был жив, хотя изо рта у него шла кровь. Я приподнял ему голову.

— Вам не следовало этого делать. Я пришел сюда, чтобы дать показания полиции. Потом я испугался.

— Почему вы убежали утром?

— Я видел, как вы нашли в листве убитую девочку. Я знал, что вину возложат на меня. Я — один из избранных. Винят всегда избранных. У меня и прежде бывали неприятности.

— Неприятности из-за девочек? — стоя рядом со мной, Грин обнажил зубы в жуткой усмешке.

— Неприятности с полицией.

— Из-за убийств? — спросил Грин.

— Из-за того, что я проповедовал на улицах, не имея на это разрешения. Голос повелел мне проповедовать и нести слово истины людям, закосневшим в грехе. И этот голос сегодня велел мне прийти сюда и дать свои показания.

— Какой голос?

— Великий голос,— старика было еле слышно. Он закашлял кровью.

— Да он совсем спятил,— произнес Грин.

— Замолчите! — Я опять повернулся к умирающему.— Какие показания вы хотели дать?

— О машине, которую я видел. Она разбудила меня в середине ночи, остановившись на дороге около моей обители.

— Какая машина?

— Я ничего не понимаю. Думаю, какая-то иностранная. Ее мотор так ревел, что разбудил бы и мертвого.

— Водителя вы видели?

— Нет, я не подходил. Я испугался.

— Когда появилась эта машина?

— Я не слежу за течением времени. Луна уже опустилась за деревья...

Это были его последние слова. Он взглянул на солнце своими глазами цвета неба. Потом они изменили свой цвет.

— Не сообщайте полиции,— попросил меня Грин,— если вы им расскажете, я обвиню вас в лжесвидетельстве. Я здесь уважаемый гражданин. Я же могу потерять свой бизнес. И поверят они мне, а не вам, мистер.

— Замолчите!

Но он не мог замолчать.

— Старик ведь врал. Вы сами это знаете. Он же при вас сочинял, будто слышит какие-то голоса. Это доказывает, что он — псих. Псих-убийца. Я пристрелил его так же, как вы бы пристрелили бешеную собаку, и я правильно поступил.

Он взмахнул револьвером.

— Нет, вы поступили неправильно, Грин. И вы знаете это. Дайте-ка мне револьвер, пока вы еще каких-нибудь бед не натворили.

Он сунул мне его в ладонь. Разряжая оружие, я сломал ноготь, потом вернул ему. Грин вплотную придвинулся ко мне.

— Послушайте, может быть, я действительно поступил неправильно. Но он меня сам спровоцировал. Не нужно сообщать полиции об этом. Я могу потерять свой бизнес.

Он порылся в кармане брюк и достал оттуда толстый бумажник из акульей кожи.

— Вот. Я хорошо заплачу. Вы же частный детектив и умеете держать язык за зубами.

Я оставил его бормотать что-то у трупа человека, которого он убил, и направился в отделение. В определенном смысле они оба были жертвами, но кровью были обагрены руки лишь одного.

Мисс Брокко вышла на стоянку перед зданием полиции. Грудь ее волновалась.

— Я слышала выстрел.

— Грин застрелил старика. Тот мертв, вызовите машину и передайте, что ищейки не понадобятся.

Эти слова подействовали на нее, как оплеуха. Словно защищаясь, она поднесла руки к лицу.

— Вы злитесь на меня? Почему?

— Я на всех злюсь.

— Вы все еще считаете, что старик этого не делал.

— Уверен, что нет. Мне нужно поговорить с вашей сестрой.

— Элис? Зачем?

— Нужна кое-какая информация. Она была вместе с Джинни Грин на пляже прошлой ночью и может мне кое-что рассказать.

— Оставьте Элис в покое.

— Я не обижу ее. Где вы живете?

— Я не хочу, чтобы моя младшая сестра оказалась втянутой в это грязное дело.

— Я хочу лишь узнать, с кем из ребят осталась Джинни.

— Я сама спрошу ее и передам вам.

— Бросьте, мисс Брокко, мы просто теряем время. Я вовсе не нуждаюсь в вашем разрешении, чтобы переговорить с вашей сестрой. А адрес, если понадобится, я могу найти и в телефонной книге.

Она злобно взглянула на меня. Потом отвела глаза.

— Хорошо, ваша взяла. Мы живем на Орланд-стрит, 224. Это на противоположной стороне города. Вы ведь не обидите Элис? Она и так очень переживает из-за смерти Джинни.

— Значит, они были близкими подругами?

— Да. Я пыталась запретить Элис дружить с Джин. Но вы же знаете девчонок в этом возрасте? Кроме того, обе они росли без матерей, ну и, конечно же, тянулись друг к другу. Я пыталась заменить Элис мать.

— А что случилось с вашей матерью?

— Отец... Я хотела сказать, что она умерла. Лицо у нее внезапно побледнело.

— Пожалуйста, я не хочу об этом говорить. Я была совсем маленькой, когда она умерла.

Она вернулась к своему что-то бормотавшему передатчику. «Женщина в самом соку»,— подумал я, отъезжая. Ей давно уже пора замуж, а она живет одна, да еще со своим средиземноморским темпераментом... Если ее дежурство длится восемь часов и она начала в восемь, то через час она закончит работу.

Город был невелик и чтобы пересечь его, много времени не требовалось. Шоссе переходило в главную улицу. Я проехал мимо школы, затем миновал ресторан Грина. На стоянке было припарковано с десяток автомобилей. За зеркальными стеклами суетилась пара официанток в белых передничках.

На Орланд-стрит располагались коттеджи более или менее зажиточных обитателей города. Лужайка перед домом Брокко была усыпана пурпурными лепестками крупных тропических цветов, растущих во дворе.

Худощавый, смуглый и жилистый мужчина в майке мыл маленький красный «фиат», стоящий у крыльца. Ему было, должно быть, уже под пятьдесят, но его длинные волосы были черны, как у индейца. Его социлийский нос был когда-то перебит.

— Мистер Брокко?

— Это я.

— Ваша дочь Элис дома?

— Дома.

— Я хотел бы поговорить с нею.

Он отключил шланг, направив на меня, как пистолет, его наконечник, с которого на землю падали капли воды.

— Вроде бы вы староваты для нее?

— Я детектив и расследую обстоятельства смерти Джинни Грин.

— Элис ничего об этом неизвестно.

— Я только что беседовал с вашей старшей дочерью в отделении полиции, и она полагает, что Элис, возможно, что-то известно.

— Ну, если Анита так говорит, тогда ладно,— сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Не волнуйся, папа, все в порядке,— сказала девушка, появившаяся в дверях коттеджа.— Анита только что звонила по телефону. Входите, мистер... Арчер, по-моему?

— Да, Арчер.

Она открыла передо мной дверь. Мы оказались в небольшой квадратной гостиной, обставленной видавшей виды мебелью с зеленой обивкой. Здесь же стоял телевизор, который девушка выключила. Она была красива, с серьезным лицом, очень похожая на свою сестру, но десятью годами ее моложе и несколько субтильнее. Она присела на краешек стула, указав мне рукой на диван. Движения у нее были вялые и апатичные. Под глазами синяки. Лицо болезненно-бледно.

— О чем вы хотите меня спросить? Сестра мне ничего не сказала.

— С кем была Джинни прошлой ночью?

— Ни с кем. То есть я хочу сказать, она была со мной. Она ни с кем из наших ребят не уединялась.— Элис перевела взгляд на выключенный телевизор. Было видно, что ее что-то мучило.— По телевизору сказали,

что она была с каким-то мужчиной, это установили медицинские эксперты. Но я не видела ее ни с каким мужчиной. Не было никакого мужчины.

— Джинни вообще не встречалась с мужчинами?

Девушка покачала головой. Она была близка к тому, чтобы разрыдаться.

— Но сестре вы говорили, что встречалась.

— Не говорила!

— Ваша сестра не стала бы лгать. Вы рассказали ей о слухах, которые ходили о Джинни в школе. О том, что она встречалась с одним конкретным мужчиной.

Девушка испуганно смотрела на меня. Глаза у нее были, как у птицы,— большие и тревожные.

— Эти слухи правдивы?

Она пожала своими худенькими плечами.

— Откуда мне это знать?

— Вы же были лучшей подругой Джинни?

— Да, была.— Ее голос дрогнул при этом употреблении прошедшего времени.— Джинни была отличной девчонкой, хотя и чересчур помешанной на парнях.

— Она была помешана на парнях, но прошлым вечером ни с кем из ваших ребят не уединялась?

— При мне — нет.

— Может быть, она уходила с мистером Коннором?

— Нет, его там не было. Он ушел. Сказал, что идет домой. Он живет неподалеку от пляжа.

— Что делала Джинни?

— Не знаю, я не следила за нею.

— Но вы сказали, что она была с вами. Она весь вечер была с вами?

— Да.— Ее лицо было искажено мукой.— То есть я хочу сказать — нет.

— Джинни тоже ушла?

Она кивнула.

— В том же направлении, что и мистер Коннор? В направлении его дома?

Голова ее чуть заметно утвердительно опустилась.

— Когда это было, Элис?

— Примерно в одиннадцать часов.

— Джинни так и не вернулась из дома мистера Коннора?

— Я не знаю. Я не знаю точно, была ли она там.

— Но Джинни и мистер Коннор были друзьями?

— Думаю, да.

— Между ними были отношения, как обычно между парнем и девушкой?

Она сидела молча, глядя перед собой немигающими глазами.

— Скажи мне, Элис.

— Я боюсь.

— Боишься мистера Коннора?

— Нет, не его.

— Кто-то угрожал тебе? Не велел об этом говорить?

Она снова чуть заметно кивнула головой.

— Кто угрожал тебе, Элис? В твоих же интересах рассказать мне об этом. Я сумею защитить тебя. Ведь человек, который угрожал тебе, возможно, и есть убийца.

Она истерично разрыдалась. В дверях появился Брокко.

— Что здесь происходит?

— Ваша дочь расстроена. Мне очень жаль.

— Да, и я знаю, кто ее расстроил. Если вы сейчас же не уйдете, у вас будут основания пожалеть об этом.— Он открыл дверь и угрожающе нагнул голову. Я вышел из комнаты. Он плюнул мне вслед. Эти Брокко были очень эмоциональной семьей.

Я направился к дому Коннора, расположенному на побережье в южной части города, но неожиданно увидел машину Грина, припаркованную у его ресторана. Я вошел внутрь.

В помещении пахло жиром. В заведении было полно посетителей. Сам Грин сидел на табурете перед кассовым аппаратом и пересчитывал наличность. Вид у него был такой, будто от этих цветных бумажек зависела его жизнь.

Он поднял голову, улыбаясь и рассеянно глядя на меня.

— Да, сэр?

Потом он узнал меня. На его лице одно выражение быстро сменилось другим. Наконец на нем застыло выражение стыда.

— Я знаю, что мне не следовало приходить сюда в такой день,— сказал он.— Но работа помогает мне отвлечься от моего горя. Кроме того, если за моими служащими не присматривать, они меня оберут до нитки. А деньги мне еще понадобятся.

— Зачем, мистер Грин?

— На адвоката. Здесь будет суд.— Он произнес это слово так, будто оно доставляло ему какое-то горькое удовлетворение.

— Над кем суд?

— Надо мной. Я передал шерифу все, что нам сказал старик. Я застрелил его, как собаку, хотя у меня не было никакого права на это. Я просто обезумел от горя.

— Я рад, что вы сказали шерифу правду, мистер Грин.

— Я тоже рад. Старику это не поможет, да и Джинни назад не вернешь, но по крайней мере я смогу жить в ладу с собственной совестью.

— Раз уж вы заговорили о Джинни,— произнес я,— скажите, она часто виделась с Фрэнком Коннором?

— Да, думаю, часто. Он занимался с ней. Дома и в библиотеке. Но денег у меня за это не брал.

— Очень любезно с его стороны. Джинни хорошо относилась к Коннору?

— Конечно. Она к нему очень хорошо относилась.

— А может быть, она была в него влюблена?

— Влюблена? Черт возьми! Я об этом как-то не подумал. А что вы хотите сказать?

— То, что она могла ходить на свидания с Коннором.

— Мне об этом неизвестно. Если она это и делала, то тайком от меня.— Его покрасневшие глаза сузились, превратившись в две узкие щелки.

— Вы считаете, Фрэнк Коннор имел какое-то отношение к ее смерти?

— Это не исключено. Но не теряйте разум. Вы же знаете, куда это вас может завести.

— Не волнуйтесь. Но при чем здесь этот Коннор? У вас имеются против него какие-то улики? Правда, в прошлую ночь он, прямо скажем, вел себя как-то странно.

— В каком смысле?

— Когда он пришел ко мне домой, он был здорово пьян и возбужден. Я его слегка приструнил, и он немного успокоился. Но потом на пляже на него опять какая-то истерия нашла. Он бегал по пляжу, как петух с отрубленной головой.

— Он сильно пьет?

— Не знаю. До этой ночи я никогда не видел его пьяным.— Глаза Грина сузились.— Но он хватил стакан с тройным бурбоном как будто там была вода. И помните, утром на пляже он предлагал нам выпить. Спиртное утром, да еще для школьного учителя, ведь это явно необычно.

— Да, я заметил.

— Что еще вы заметили?

— Не будем сейчас это обсуждать,— ответил я.— Незачем портить жизнь человеку, пока точно не доказано, что он преступник.

Грин сидел на табурете, опустив голову. Взгляд его упал на деньги, которые лежали на столе. Он считал десятидолларовые купюры.

— Послушайте, мистер Арчер. Вы расследуете это дело по собственному почину, верно? И никто вам не платит?

— Пока так.

— Давайте договоримся, что вы будете работать на меня. Прищучьте этого Коннора, и я заплачу вам столько, сколько вы запросите.

— Не торопитесь,— сказал я,— мы же не знаем, виновен ли Коннор. Есть и другие версии.

— Например?

— А если я вам скажу, где у меня гарантия, что вы снова не начнете пальбу?

— Не беспокойтесь,— ответил он,— это больше не повторится.

— Где ваш револьвер?

— Я отдал его шерифу Пирсолу. Он потребовал у меня сдать его.

Наш разговор прервался, так как к нам подошла семья, закончившая свою трапезу. Они расплатились с Грином и поблагодарили его. Когда они отошли, я спросил Грина:

— В разговоре со мной вы упомянули, что ваша дочь какое-то время работала у вас в ресторане. Эл Брокко в то время тоже работал здесь?

— Да. Он уже семь лет работает у меня поваром в вечернюю смену. Эл — отличный повар. Специалист по итальянской кухне.— И тут до его неповоротливого мозга, отупевшего от свалившегося на него несчастья, наконец, дошел мой намек.

— Вы что, хотите сказать, что он мог завести шашни с Джинни?

— Это я у вас спрашиваю.

— Да нет, черт побери, не может быть. Эл ей по возрасту в отцы годится. Да и вообще для него только его девчонки и существуют. Особенно Анита. Он в ней просто души не чает. У них в семье все на ней держится.

— Как Брокко ладил с Джинни?

— Отлично ладил. Они все время перебрасывались шуточками. Джинни была единственным человеком, который мог заставить его улыбнуться. Ведь Эл, знаете ли, довольно угрюмый человек. Он пережил трагедию.

— Смерть жены?

— Хуже. Эл Брокко убил свою жену собственными руками. Он застал ее с другим мужчиной и всадил в нее нож.

— Почему же он на свободе?

— Тот мужчина был мексиканец. Поденщик. Он даже английского не знал. Жители нашего городка в общем-то сочувственно отнеслись к Элу, присяжные вынесли приговор — непредумышленное убийство. Но, когда он вышел из заключениял, хозяин «Розового Фламинго», где он до того работал шеф-поваром, отказался принять его. Вот я и взял его. Пожалел его девочек, да и сам Эл — работник отменный. А кроме того, человек ведь такое дважды в жизни не совершает.

Тут он опять вспомнил мой намек. Нижняя челюсть у него отвалилась. Я увидел золотые коронки на его коренных зубах.

— Будем надеяться.

— Послушайте,— произнес он,— соглашайтесь работать на меня, а? Найдите убийцу, кто бы он ни был! Я прямо сейчас вам заплачу. Сколько вы хотите?

Я взял у него сто долларов и оставил его утешаться оставшимся богатством. Запах жира продолжал щекотать мои ноздри.

Дом Коннора прилепился к краю невысокого утеса, располагавшегося на полпути между отделением полиции и входом в каньон. Это был коттедж, построенный из бревен секвойи, с гаражом на две машины с выездом на шоссе. Из небольшого внутреннего дворика, изгородь которого была обвита виноградными лозами и расположенного между гаражом и входной дверью, с десяток деревянных ступенек вели на плоскую деревянную крышу, оборудованную как небольшой солярий и обнесенную перилами. Другая деревянная лестница, высотой примерно в пятнадцать—двадцать футов, спускалась на пляж.

Направляясь к гаражу, я споткнулся о садовые ножницы, валявшиеся на земле. Прильнув к окну гаража, я вглядывался в царивший внутри сумрак. Внимание мое привлекли два предмета — небольшая яхта без мачты, установленная на трейлере, и автомобиль. Яхта заинтересовала меня потому, что в ее оснастке была веревка, очень похожая на ту, которой была удавлена Джинни. Машина возбудила мое любопытство, так как это была иномарка — приземистый двухместный «Триумф».

Я размышлял о том, как бы мне получше рассмотреть заинтересовавшие меня предметы, и тут сверху услышал резкий и скрипучий, как крик чайки, женский голос.

— Что вы тут делаете?

На крыше, перегнувшись через перила, стояла миссис Коннор. В волосах ее были бигуди. Она была похожа на светловолосую медузу Горгону. Я улыбнулся ей так, как, должно быть, улыбался Горгоне тот грек, имя которого вылетело у меня из головы.

— Ваш муж пригласил меня выпить с ним стаканчик, разве вы не помните? Вот я и хочу узнать, остается ли его приглашение в силе или нет?

— Нет! Уходите отсюда! Мой муж спит!

— Ш-ш. Вы же разбудите его. И во всей округе людей разбудите.

Она исчезла, а затем появилась на лестнице и стала спускаться вниз. На ней был лишь белый атласный купальный костюм, резко оттенявший ее темный загар. На бигуди она набросила шелковый цветастый шарф.

— Убирайтесь отсюда,— произнесла она,— иначе я вызову полицию.

— Прекрасно. Вызывайте. Мне скрывать нечего.

— Вы хотите сказать, что нам есть, что скрывать?

— Посмотрим. Почему вы ушли от мужа?

— Это не ваше дело.

— Это мое дело, миссис Коннор. Я — детектив и расследую дело об убийстве Джинни Грин. Вы оставили Фрэнка из-за его связи с Джинни Грин?

— Нет! Нет! Я даже не подозревала...— Она прижала руку ко рту и стала кусать ногти.

— И вы даже не подозревали, что ваш муж состоит в любовной связи с Джинни Грин?

— Между ними ничего не было.

— Это вы так считаете. Другие думают иначе.

— Кто это другие? Анита Брокко? Нельзя верить тому, что говорит эта женщина. У нее самой отец — убийца. Весь город это знает.

— Ваш муж тоже вполне может оказаться убийцей. Поэтому, я думаю, вам следует рассказать мне все, что вы знаете.

— Но мне нечего вам рассказать.

— Расскажите мне, почему вы ушли от него.

— Это наше личное дело, Фрэнка и мое. Оно касается только нас двоих.— Она уже немного успокоилась и приготовилась к упорной борьбе.

— Обычно главная причина все-таки бывает одна.

— У меня на это свои причины, и вас они, повторяю, не касаются. Я решила провести месяц у своих родителей в Лонг Бич.

— Когда вы вернулись?

— Сегодня утром.

— Почему сегодня утром?

— Фрэнк позвонил мне. Он сказал, что я нужна ему.— Она рассеянно коснулась рукой своей худой груди, голос ее прозвучал как-то жалко. Вероятно, в прошлом Фрэнк не очень-то часто нуждался в ней.

— Почему вы вдруг ему понадобились?

— Я ведь его жена. Он сказал, что у него могут быть н-н...— рука ее снова прижалась ко рту,— неприятности.

— Он сказал вам, какого рода неприятности?

— Нет.

— В котором часу он вам позвонил?

— Очень рано. Около семи утра.

— Это было примерно за час до того, как я нашел тело Джинни.

— Он знал, что она пропала. Он сам всю ночь напролет разыскивал ее.

— Почему он это делал, как вы думаете, миссис Коннор?

— Она была его ученицей. Он симпатизировал ей. Кроме того, в какой-то мере нес за нее ответственность.

— Ответственность за ее смерть?

— Как вы смеете говорить такое?

— Если он осмелился это сделать, я осмеливаюсь это говорить.

— Он не делал этого! — закричала она.— Фрэнк хороший. У него есть свои недостатки, но он не мог убить человека. Я знаю его.

— Какие у него недостатки?

— Я не собираюсь обсуждать их с вами.

— Тогда, может быть, вы разрешите мне заглянуть в ваш гараж.

— Зачем? Что вы там будете искать?

— Скажу, когда найду.— Я направился к двери гаража.

— Вы сюда не войдете! — вскричала она.— Не войдете без его разрешения.

— Тогда разбудите его, и я получу это разрешение.

— Не буду. Он не спал всю ночь.

— Тогда я войду туда без разрешения.

— Я убью вас, если вы посмеете это сделать.

Она подняла валявшиеся на земле садовые ножницы, взмахнув ими в мою сторону — разъяренная львица, защищающая своего великовозрастного детеныша. Но тут дверь отворилась и на пороге появился сам «детеныш». Он стоял в дверях, ссутулившись, и сонно щурился. На нем ничего не было, кроме белых шортов.

— Что тут происходит, Стелла?

— Этот человек высказал в твой адрес ужасные обвинения.

Его бессмысленный взгляд наконец остановился на ней.

— Что он сказал?

— Я не буду повторять.

— Я повторю, мистер Коннор. Я считаю, что вы были любовником Джинни Грин, если в данном случае это слово подходит. Я полагаю, что она последовала за вами сюда этой ночью, примерно около полуночи, и покинула этот дом с веревкой на шее.

Голова Коннора дернулась. Он сделал было движение в мою сторону. Но что-то, будто невидимая цепь, удержало его. Тело его, наклонившись в мою сторону, замерло, мышцы были напряжены. Он напоминал анатомический муляж. Зубы его были обнажены.

Я надеялся, что он попытается ударить меня, и тогда я сам смогу ему врезать. Но он не попытался. Стелла Коннор уронила садовые ножницы, и они упали на землю с глухим стуком — словно удар самой судьбы.

— Ты не отрицаешь этого, Фрэнк?

— Я не убивал ее! Клянусь, не убивал! Признаю, что мы... мы были вместе этой ночью, Джинни и я.

— Джинни и я? — повторила женщина, не веря своим ушам.

Он опустил голову.

— Прости меня, Стелла. Я не хотел причинять тебе новую боль, я уже и так сделал тебе достаточно зла. Но это все равно обнаружилось бы. Я связался с этой девушкой после того, как ты уехала. Я чувствовал себя одиноким и никому не нужным, а Джинни все время вилась вокруг меня. Однажды вечером я выпил лишнего и позволил этому случиться.

Потом это повторилось еще несколько раз. Мне льстило, что молоденькая хорошенькая девушка...

— Ты — кретин! — громко резким голосом произнесла она.

— Да, я кретин в вопросах морали. Это же для тебя не новость.

— Я думала, что ты по крайней мере не трогаешь своих учениц. А теперь ты хочешь сказать, что привел ее сюда, в наш дом, положил в нашу постель?

— Ты же уехала. Тебя больше не было. А потом она пришла сюда сама. Она хотела сюда прийти. Она любила меня.

С невыразимым презрением женщина произнесла:

— Ах ты, жалкий, ничтожный дурак. Подумать только, что ты набрался наглости и попросил меня вернуться, чтобы выглядеть добропорядочным и респектабельным...

Я перебил ее.

— Итак, она была здесь прошлой ночью, Коннор?

— Да, была. Я не звал ее. Я хотел, чтобы она пришла, и одновременно боялся этого. Я знал, что сильно рискую. Я много выпил, чтобы заглушить свою совесть...

— Какую совесть? — подала голос Стелла Коннор.

— У меня есть совесть,— ответил он, не глядя на нее.— Ты не знаешь, через какой ад я прошел. После того, как она пришла, после того, как это случилось ночью, я напился до бесчувствия.

— Вы хотите сказать, что напились после того, как вы ее убили?

— Я не убивал ее! Когда я отключился, она была в полном порядке. Она сидела и пила кофе. Потом, через несколько часов, когда я пришел в себя, позвонил ее отец. Джинни к этому времени у меня уже не было.

— И вы надеетесь использовать старый избитый трюк с отключением сознания? Хотите обеспечить себе таким способом алиби? Вам бы лучше придумать что-нибудь другое.

— Я не хочу придумывать и говорю правду.

— Дайте мне осмотреть ваш гараж.

Казалось, он был рад, что ему наконец что-то приказали сделать и он может проявить хоть какую-то активность. Дверь гаража не была заперта. Он поднял ее. Внутри пахло краской. На верстаке рядом с яхтой лежали пустые банки. Корпус блистал девственной белизной.

— На прошлой неделе покрасил,— вне всякой связи с нашим разговором прознес он.

— Вы много плаваете?

— Да, было раньше. Но в последнее время мало.

— Да,— сказала жена,— хобби у Фрэнка изменилось. Теперь это женщины. Вино и женщины.

— Не цепляйся ко мне! — Голос его звучал умоляюще.

Она посмотрела на него с каменным выражением лица, как на совершенно чужого человека.

Я обошел яхту, разглядывая такелаж. Кусок линя кливера с правого борта был отрезан. Сравнивая его с линем кливера с левого борта, я обнаружил, что срезан кусок примерно в ярд длиной. Веревка именно такой длины меня и интересовала.

— Эй, послушайте! — Коннор схватился за обрезанный конец линя. Пальцы его ощупывали веревку так, будто это была его собственная

рана.— Куда девался мой линь? Это ты срезала, Стелла?

— Я никогда даже близко не подходила к твоей обожаемой яхте,— ответила она.

— Я могу сообщить вам, где находится конец этого линя, Коннор,— медленно произнес я.— Кусок веревки точно такой длины, цвета и толщины был затянут на шее Джинни Грин, когда я нашел ее труп.

— Неужели вы верите в то, что это сделал я?

Я не ответил, про себя подумав, что владелец яхты никогда не обрежет линь своего судна для того, чтобы совершить убийство. И хотя Коннор явно не был гением, он все же был достаточно сообразительным человеком, чтобы осознавать, что кусок собственного линя на шее жертвы — стопроцентная улика. Впрочем, возможно, что столь же сообразительным мог оказаться и кто-то другой.

Я повернулся к миссис Коннор. Она стояла в дверях, слегка расставив ноги. На фоне дневного света фигура ее казалась почти черной. Шарф спускался ей на лицо, и глаз ее не было видно.

— Когда вы приехали домой, миссис Коннор?

— Примерно в десять утра. Я села в автобус почти сразу же после того, как позвонил муж. Но я не могу подтвердить его алиби.

— Я не это имел в виду. Не исключено, что вы приезжали сюда дважды. Вы неожиданно приехали домой прошлой ночью, увидели девушку в доме вместе с вашим мужем и, затаившись, стали ждать, пока она выйдет. Вы ждали ее, имея при себе кусок веревки, который срезали со снастей яхты вашего мужа, чтобы навести полицию на его след. Вы хотели отомстить ему за измену. Я сильно сомневаюсь в том, что ваш муж сам срезал веревку со своей собственной яхты. Кроме того, даже находясь в сильном возбуждении, он вряд ли завязал бы веревку самым простеньким детским или даже, скажем, каким-то дамским узлом. Его пальцы яхтсмена должны были автоматически завязать морской узел. А вот женщина как раз завязала бы веревку именно так, как я видел на шее трупа убитой девушки.

Миссис Коннор выпрямилась, упершись своей длинной худой рукой о косяк двери.

— Я не делала этого. Я никогда не смогла бы сделать это, чтобы отомстить Фрэнку.

— Произойди все это при свете дня, может быть, вы бы и не смогли, но ночью люди порой делают неожиданные вещи.

— Нет существа опасней, чем оскорбленная женщина? Вы это хотите сказать? Но вы ошибаетесь. Меня не было здесь прошлой ночью. Я ночевала в доме моего отца в Лонг Бич. Я ничего не знала об этой девушке и Фрэнке.

— Почему же тогда вы оставили его?

— Он любил другую женщину. Хотел развестись со мной и жениться на ней. Но он боялся, боялся, что это повредит его положению в городе. Сегодня утром он сказал мне по телефону, что с той женщиной у него все кончено. Поэтому я и согласилась вернуться.— Ее рука упала вниз.

— Он сказал, что с Джинни у него все кончено?

— Это была не Джинни,— ответила жена.— Это была Анита Брокко. Он встретил ее прошлой весной и влюбился. Во всяком случае, он называет это любовью. Мой муж — глупец, непостоянный глупец.

— Пожалуйста. Я же сказал тебе, что между мной и Анитой все кончено.

Она повернулась к нему и тихо с яростью произнесла:

— Какая теперь разница? Не эта, так другая. Любая женщина способна взбудоражить и тешить твое мелкое самолюбие.

Эти жестокие слова, произнесенные вслух, ранили и ее саму. Она протянула к нему руку. Внезапно на ее глазах появились слезы.

— Любая женщина, но не я, Фрэнк,— прерывающимся от волнения голосом произнесла она.

Коннор не обратил никакого внимания на слова жены. Повернувшись ко мне, он произнес сдавленным голосом:

— Боже мой! Мне только сейчас это в голову пришло. Я же заметил ее автомобиль прошлой ночью, когда возвращался домой по пляжу. Красный фиат Аниты. Он был припаркован примерно в сотне ярдов отсюда.— Он указал куда-то в сторону города.— Позднее, когда Джинни была уже у меня, мне показалось, что я слышал какие-то звуки в гараже. Но я был слишком пьян, чтобы пойти и посмотреть, кто там,— Его глаза впились в мои.— Итак, вы утверждаете, что похоже на то, что тот роковой узел на шее Джинни завязала женщина?

— Думаю, что лучше всего нам задать этот вопрос ей самой.

Мы направились к моей машине. Жена Коннора окликнула его:

— Не нужно тебе туда ездить, Фрэнк. Он и один с этим справится.

Коннор замялся, слабый человек, раздираемый противоречивыми чувствами.

— Ты мне нужен,— сказала она.— Мы нуждаемся друг в друге.

Я подтолкнул его к ней.

Было почти четыре часа, когда я добрался до отделения полиции. У здания собралось несколько патрульных машин. Был пересменок. Водители в форме смеялись и разговаривали внутри здания.

Аниты Брокко среди них не было. Ее место за конторкой занял мужчина-диспетчер с полным прыщавым лицом.

— Где мисс Брокко? — спросил я его.

— В туалете. За ней сейчас должен заехать ее отец.

Она вышла ко мне. На ней был светло-бежевый плащ. Губы ее были накрашены. Она страшно побледнела, увидев выражение моего лица. Медленно направившись ко мне, она положила обе свои ладони на конторку. Губная помада выделялась на ее мертвенно-бледном лице, как свежая кровь.

— Вы красивая женщина, Анита. И руки у вас красивые.

Она быстро взглянула на свои руки.

— Да,— продолжил я.— Теперь ногти у вас чистые, не то, что было утром. Тогда под ними была грязь. Ведь прошлой ночью в темноте вы в каньоне копали землю руками, верно?

— Нет!

— Тем не менее это так.— Ночью вы приехали к Коннору и застали их вместе, и это было свыше ваших сил. Вы затаились в засаде с веревкой, срезанной с яхты Фрэнка, и накинули ее девушке на шею. И тем самым вы затянули петлю на собственной шее.

Она дотронулась рукой до шеи. Разговор и смех вокруг нас стихли. Я опять слышал тиканье часов и бормотание голосов из полицейской рации.

— Чем вы срезали веревку, Анита? Садовыми ножницами?

Она хотела что-то произнести, наконец губы ее зашевелились.

— Я была без ума от него. Она его у меня отняла. Я не знала, что мне делать. Я хотела заставить его страдать.

— Он уже страдает. И будет страдать еще долго.

— Он заслужил это. Он был единственным человеком...— Она как-то болезненно повела плечами и посмотрела на свою грудь.— Я не хотела ее убивать, но когда увидела их вместе... Я увидела их в освещенном окне, как она сначала раздевалась, а потом одевалась... Тогда я вспомнила ту мою первую ночь с ним, когда мой отец... когда он... Тогда вся мамина постель была в крови. Мне пришлось стирать простыни.

Полицейские вокруг нас перешептывались. Один из них, сержант, спросил:

— Выходит, это ты убила Джинни Грин?

— Да.

— Итак, вы готовы сделать официальное признание? — спросил я.

— Да. Я готова это сделать при шерифе Персолле. Но я не хочу делать это здесь в присутствии моих друзей.— Она огляделась.

— Я отвезу вас в центр.

— Подождите минуту.— Она поискала что-то глазами.— Я забыла свою сумочку там, в задней комнате. Я только захвачу ее.— Механически переставляя ноги, она пересекла кабинет, открыла дощатую дверь и захлопнула ее за собой. Обратно она не вернулась.

Когда мы, устав ждать, взломали дверь, то увидели на полу ее скорчившееся тело. У правой руки ее валялась пилочка с ручкой из слоновой кости. В ее груди зияли глубокие кровавые раны. Один удар достиг сердца.

Через несколько минут к зданию полиции подъехал красный «фиат» Аниты. Из него вышел Эл Брокко.

— Я немного задержался,— объяснил он присутствующим.— Анита просила как следует помыть машину. А где она, кстати?

Сержант прочистил горло, прежде чем что-то ответить отцу.

...Все мы бедные Божьи твари. Так сказал утром тот старик в каньоне...

Перевод А. ЗУБКОВА

Неизвестная из форта Байяр

(Начало см. на стр. 176.)

— Виновный сам себя выдал, понимаете? — продолжал инспектор.— Прочтите-ка еще раз газетную вырезку с описанием примет девочки, якобы пропавшей тринадцать лет назад, и вы сразу все поймете. В тот момент опекуну следовало бы дать следствию как можно более полное описание ее внешности и примет, чтобы ее смогли найти. Не так ли? А там писали о туфельках и о носках. И ничего, заметьте — ни слова, не говорится о шраме на запястье — о главной примете.

Почему? Да потому, что тогда этот шрам еще попросту не существовал! Благодаря этому я и узнал правду еще до прибытия сюда, в этот форт.

Ход моих рассуждений очень прост. Питэр Клаэссэнс являлся дядей и опекуном Клары, наследницы огромного состояния. Сам же он был беден. Что из этого следует? Что в случае гибели девочки он...? Совершенно верно — наследует все.

Но сам он, вероятно, либо не мог совершить ее убийства или понимал, что в случае ее насильственной смерти он станет подозреваемым номер один. И тогда он, разыграв мнимое похищение, решает оставить девочку в форте Байяр, где вроде бы ее и не убивает, вверяя в руки провидения, и в то же время вполне обоснованно надеется на то, что там она неизбежно умрет своей смертью.

Совершив все это, он по прошествии установленного законом срока завладевает ее наследством, возвращается в Голландию и уже больше не вспоминает о несчастном ребенке...

Почему же по прошествии тринадцати лет какие-то туристы решили высадиться в страшном форте Байяр, который не посещал никто и никогда?

Я могу держать пари, что неожиданно появилось еще какое-то наследство, которое могла получить, будь она жива, только сама Клара. Она нужна ему живой. И тогда Клаэссэнс подумал, что девочка, в принципе, могла оказаться живой, если ее подобрали там какие-нибудь люди. Потому-то он возвращается на то страшное место и находит ее в форте Байяр...

Но ему самому об этом объявить нельзя. Необходимо, чтобы официально ее нашли другие. Кроме того, нужно еще и что-то придумать, чтобы поверили его опознанию вдруг найденной подопечной.

Одного отдаленного сходства по прошествии стольких лет юристам будет недостаточно... Нужна какая-то стопроцентная отличительная примета. Шрам, например, и он прижигает девушке запястье.

Вернувшись в Голландию, Клаэссэнс выжидает, чтобы тот шрам

огрубел, и после этого его сообщники разыгрывают фарс с прогулочной яхтой и невероятной находкой.

Газеты полны сообщений.

Он мгновенно прибывает в Ла-Рошель и, еще не увидев девушку, прежде всего говорит о шраме...

Вот тут-то он и просчитался!

Я повторяю свою мысль: если он, тот шрам, действительно существовал еще во время пропажи девочки, то он просто не мог не быть отражен в документах как особая примета...

Теперь вы понимаете, что наше дело только начинается? Ведь сейчас Клаэссэнс совершенно спокоен, считает себя вне всяких подозрений, а официальное подозрение падает на совершенно другого человека...

— На Жоржа? — спросил я.

Инспектор посмотрел на рыбака и, понизив голос, задумчиво сказал:

— А этот, я уверен, не скажет ничего... Почему?.. Да потому, что никогда и никому не сможет объяснить, почему тогда, когда он совершенно случайно нашел ребенка, он сознательно умолчал о своей находке. Мотивы этого трудно поддаются объяснению... У этих простых людей душа иногда бывает чертовски сложна. Может быть, он боялся, что его самого могут обвинить в том, что он ее туда забросил, и никто не поверит его оправданиям? Может быть, что-то другое, судить не берусь...

Короче, он начал тайно кормить брошенного ребенка, ставшего впоследствии женщиной... И тогда... Я полагаю, вы догадываетесь?..

— Это чудовищно! — воскликнул я.

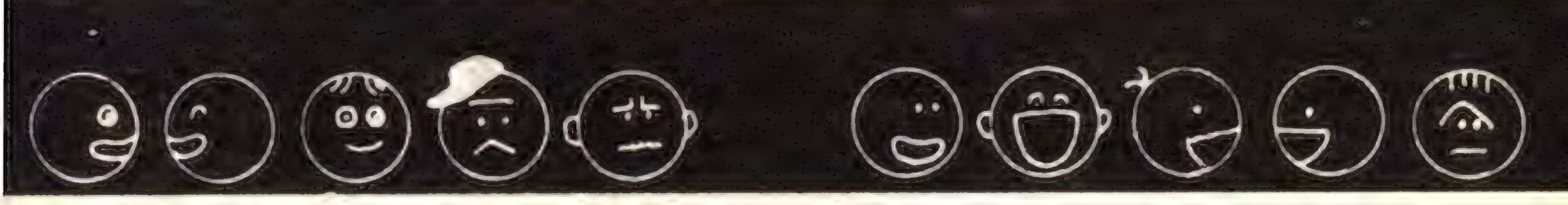
— И все же, судя по всему, это произошло. Мы сегодня увидим ее. Но я уже слышал, что, несмотря на всю свою дикость, Клара очень красива.

И вот он приезжал сюда каждый месяц, может быть, даже каждую неделю и...

А она, живое существо, поддалась соблазну.

Как давно?.. Он этого не скажет... Может быть, когда-нибудь, если научится говорить и рассудок ее не помрачен, об этом расскажет Клара...

Все это время я не сводил глаз с Жоржа. Потом резко повернулся лицом к волнам и почувствовал какое-то облегчение, словно вырвался из душераздирающего кошмара...



И ГРЕХ, И СМЕХ

Эти анекдоты прозвучали на последнем, XIII Московском конкурсе анекдотов «ДЕСЯТОЧКА».

В конкурсах, регулярно проводимых их устроителем-театром-студией «Игра», может принять участие любой желающий, предварительно записавшийся по телефонам: 455-37-36 и 116-22-85.

Тем остроумцам, которые хотят, чтобы имеющиеся в их запасе анекдоты на полцейскую, милицейскую, судебную, тюремную и прочую криминально-детективно-правоохранительную тему были напечатаны в журнале «InterПОЛИЦИЯ», предлагается присылать их в редакцию по адресу: 119121, Москва, Ростовская набережная, дом 5-2,

В 12 часов ночи — звонок в дверь.

— Рэкет вызывали?

— Нет.

— Тогда платите за ложный вызов!

* * *

В машине едет супружеская пара. Их останавливает полицейский. Причина — превышение скорости.

— Я не превышал!

— Превысил!

— Не превышал!

— Превысил!

Желая помочь мужу, в разговор вмешивается жена водителя:

— Господин инспектор! Вы с ним не спорьте. Когда он пьян, его не переспоришь!

* * *

Полицейский поссорился со своей женой. Не разговаривают. Он ей пишет записку: «Разбуди меня завтра на дежурство в шесть».

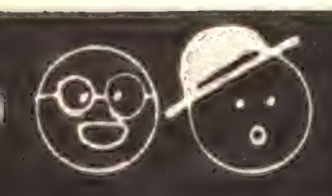
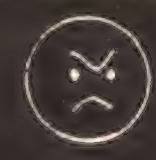
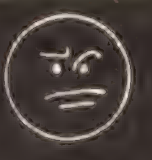
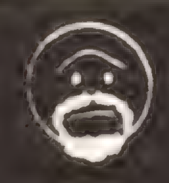
Утром просыпается. Время — 10 часов, а на столе записка: «Вставай, уже 6».

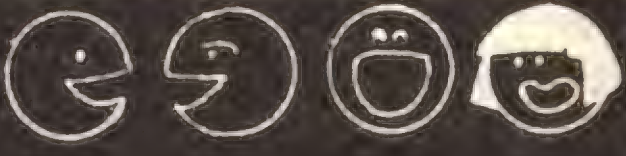
* * *

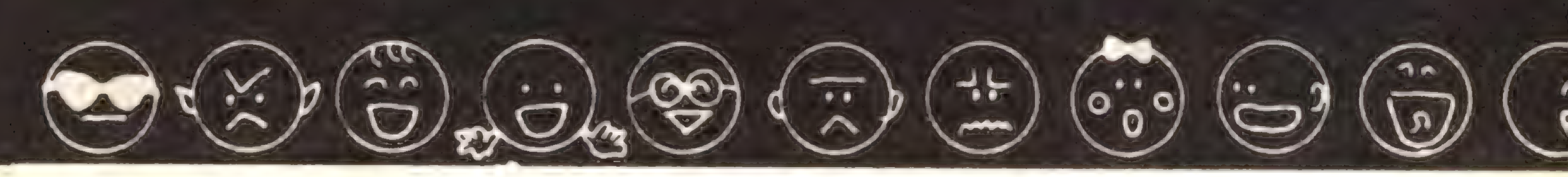
Полицейский спрашивает:

— Признаете ли вы, что в пьяном виде пытались войти в театр?

— Признаю. В трезвом мне это и в голову не пришло бы.





* * *

— Товарищ милиционер, скажите, по этой улице ходить не опасно?

— Было бы опасно, я бы здесь не ходил.

* * *

Звонок в милицию:

— У меня из машины украли руль и все приборы!

— Сейчас выезжаем.

Через две минуты снова звонок:

— Все нормально, ничего страшного. Я просто сел на заднее сиденье.

* * *

Встречаются два полицейских:

— Я вчера женщину от изнасилования спас.

— Как же тебе это удалось?

— ...Уговорил.

* * *

Идет похоронная процессия. Проходит мимо подъезда, а на лавочке бабулька сидит:

— Милки, кого хороните?

— Милиционера.

— А... Ну царствие ему небесное, отсвистался, значит.

* * *

Отец заставляет Вовочку есть манную кашу:

— Не будешь есть — в милицию пожалуюсь!

Возвращаясь из школы, Вовочка зашел в милицию:

— Простите, мой папа приходил жаловаться?

Милиционер, у которого тоже были дети, сообразил, в чем дело:

— Да, приходил, жаловался.

— Тогда я тоже пожалуюсь: у него в подвале самогонный аппарат стоит.

* * *

Мотоциклист сбил прохожего и уехал. К пострадавшему подъезжает полицейский и узнает в нем карманника-рецидивиста.

— Вы запомнили номер мотоцикла?

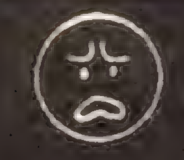
— Нет, сэр, но у меня теперь есть бумажник водителя, в котором, наверное, есть его документы.

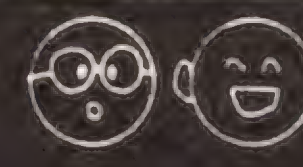
* * *

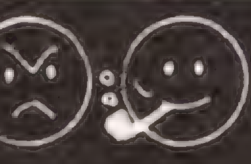
Судья, обращаясь к водителю, доставленому в суд, говорит:

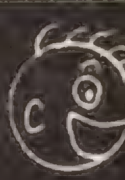
— Мистер Корд, инспектор заявляет, что, нарушив правила, вы еще позволили себе непочтительное отношение к представителям закона.

— Я не хотел этого. Просто инспектор долго и нудно читал мне мораль, как моя жена. Я на мгновенье забылся и по привычке сказал: «Заткнись!»









ЗИГЗАГОМ ПО ТРОТУАРУ...

Из заявлений, докладных и объяснительных записок:

«Он догнал меня и стал бить. Я спросл: «За что?» Он ответил: «Нужно». Я не стал сопротивляться».

* * *

«...Пчелкин гонит самогонку. Это может подтвердить его соседка — свидетельница Петелькина. Она всегда стоит у него в шифоньере, запечатанная сургучом, или с самодельной беленькой головкой...»

* * *

«Ходатайствую о предоставлении мне отпуска без содержания, так как я выхожу замуж на три дня...»

* * *

«...Он назвал меня дураком. Тогда я развернулся и нанес ему опровержение...»

* * *

«...Кастрюля разбилась не из-за головы гражданина Федюнина, а из-за ее плохого качества...»

* * *

«...Крючков проник ночью в столовую. Съел одну банку огурцов на 3 рубля 75 копеек, одну банку компота на 1 рубль 80 копеек и разменной монеты на 11 рублей 80 копеек...»

* * *

«...Я разбил стекла в общежитии. Виновным себя признаю, со стеклами я договорился...»

* * *

«...После этого я вступил с ним в разговор, в связи с чем было разбито одно окно и два носа...»

* * *

«Я был в тот день пьяный вместе с лошадью...»

* * *

«...Я шел по улице. Вдруг откуда ни возьмись у меня появился друг, который отнес меня в кусты и потом там бросил...»

Сдано в набор 04.05.93. Подписано в печать 03.06.93.
Формат 84×108/32. Бумага газетная, Печать офсетная. Усп. печ. л. 15,12.
Усл. кр.-отт. 17,18 Тираж 100 000 экз. Заказ 407.
Цена договорная.
Типография издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.
Адрес редакции: 103806, Москва,
Малый Путинковский пер., д. 1/2.
Тел.: 229-03-85.

БЕРМОС -

ОБЕСПЕЧИТ ВАС НАДЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ СВЯЗИ СВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ VHF И UHF ДИАПАЗОНОВ.

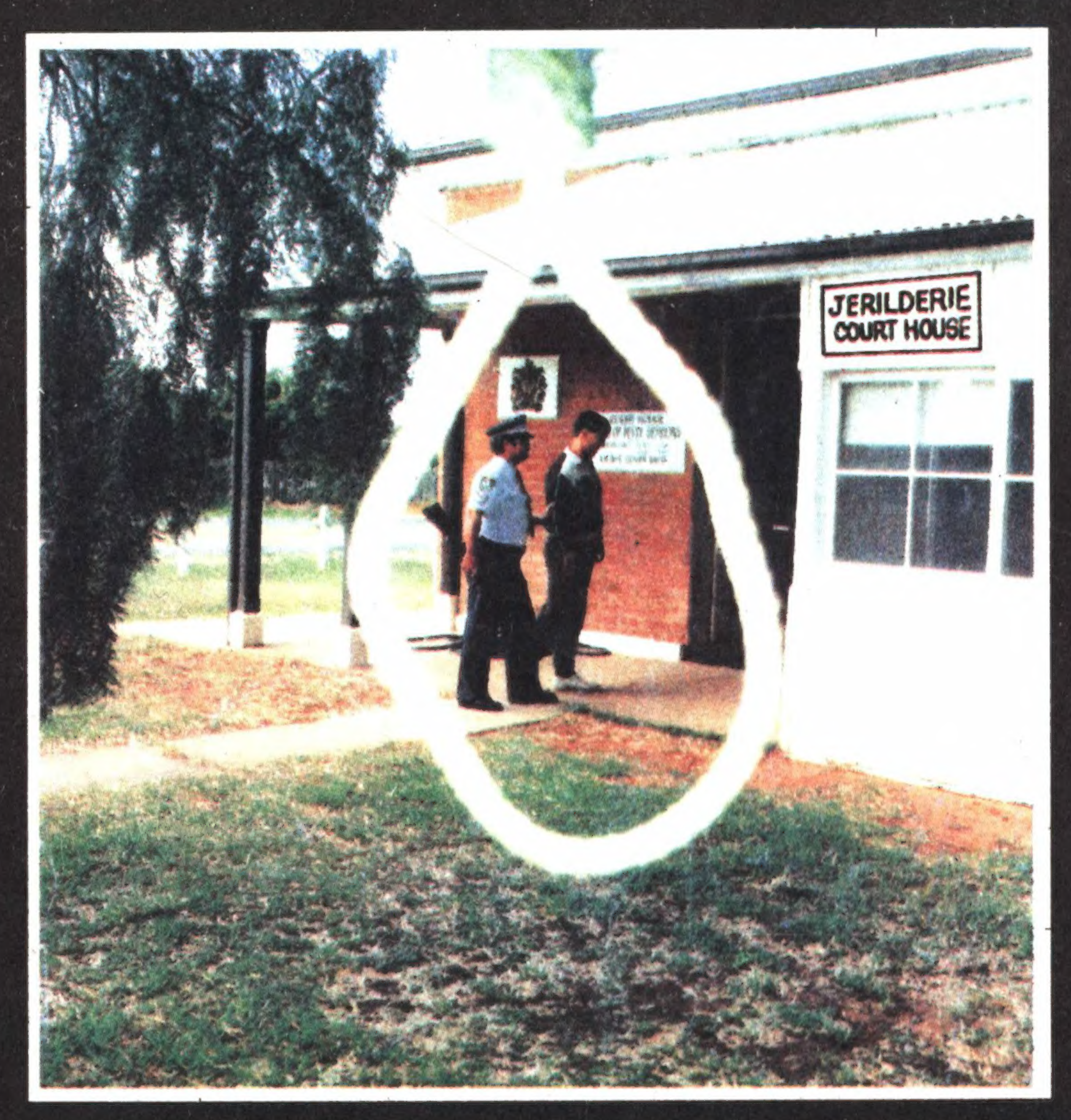
СВ–связь доступна всем. 40 каналов для ваших коммуникаций в диапазоне 27 МГц позволят Вам установить связь с бюро, автомобилем, дачей, фермой, катером или яхтой. Современная схемотехника СВ–станций фирмы PRESIDENT обеспечивает повышенную чувствительность и избирательность, позволяя увеличить дальность связи без повышения мощности передатчика, что приходится делать при использовании станций MEGAJET, MAXON, MIDLAND.

PRESIDENT — не только для любителей, но и для профессионалов — организация работы транспорта, складских помещений, сельскохозяйственных подразделений и ферм, монтаж протяженных промышленных объектов, обслуживание карьеров.

Профессиональная техника фирм KENWOOD, YAESU, TELEMOBIL — это дополнительная надежность и удобство связи:
* 5–ти тональный селективный вызов * автоматическое опознавание корреспондента * групповой и направленный вызов * автоматическая тональная посылка для работы с ретранслятором * синтезатор частоты, позволяющий получить сдвиг в канале до 24 МГц * сканирование по каналам * система экономии энергии * питание от солнечных батарей и прикуривателя автомобиля * DTMF–кодировщик для радиотелефонии с выходом на общественную АТС * телефонные интерфейсы для любых радиостанций * выносные гарнитуры VOX/PTT * защитные чехлы * внешние антенны.

НАДЕЖНАЯ СВЯЗЬ —
ЭТО ГАРАНТИЯ ВАШЕЙ МОБИЛЬНОСТИ И НЕЗАВИСИМОСТИ! ЭТО УСПЕХ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ И В ЛЮБОМ МЕСТЕ!
KENWOOD
TK-708/TK-708H (VHF)
TK-808/TK-808H (UHF)
TK-248 (VHF)/TK-348 (UHF)
СИСТЕМА INMARSAT — ТЕЛЕФОН, ТЕЛЕФАКС, ТЕЛЕКС — ЭТО СПУТНИКОВАЯ СВЯЗЬ В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ.
ТК-248, ТК-348, ТК-708, ТК-808 КОМПАКТНЫЕ И ЛЕГКИЕ 16-ТИ КАНАЛЬНЫЕ СТАНЦИИ ФИРМЫ KENWOOD С ВЫХОДНОЙ МОЩНОСТЬЮ 5-45 ВТ, ОБЕСПЕЧАТ НАДЕЖНУЮ СВЯЗЬ В ДИАПАЗОНЕ ОТ 100 ДО 520 МГЦ С ЗАКРЫТИЕМ КАНАЛА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ.
МОНТАЖ И ПОСТАВКА: ПРЕДПРИЯТИЕ
БЕРМОС -
107078, Москва, Садово–Спасская 19, а/я 122,
тел. 975–50–45, 975–57–35
факс 975–49–78.
KENWOOD

australian police
JOURNAL



PUBLIC OUTRAGE

В каждом выпуске журнала «InterПОЛИЦИЯ» Лучшие материалы полицейских и детективных журналов мира

INTERПОЛИЦИЯ